ДЕТЕКТИВНАЯ ФАНТАСТИКА

ЗАВЕЩАНИЕ БЕГЛЕЦА

Завещание беглеца

Андрей Геннадьевич Лазарчук, Валерий Исаакович Генкин, Александр Васильевич Кацура, Валерий Владимирович Митрохин, Виталий Тимофеевич Бабенко

Аннотация
ЗАВЕЩАНИЕ БЕГЛЕЦА
Андрей Лазарчук. ЗЕРКАЛА
МАТЕРИАЛЫ ДЕЛА И КОЕ-ЧТО СВЕРХ ТОГО
ЛОВЛЯ ХАРИУСА НА ОБМАНКУ
ТАНЯ
НОЧЬ
ЗЕРКАЛА
ОСКОЛКИ
Александр Кацура, Валерий Генкин. ЗАВЕЩАНИЕ БЕГЛЕЦА
Валерий Митрохин. ЙОТА
Виталий Бабенко. ВСТРЕЧА
Виталий Бабенко. ЧИКЧАРНИ

Аннотация

ЗАВЕЩАНИЕ БЕГЛЕЦА
Детективная фантастика
Симферополь: Текст, 1992. – 392 с.

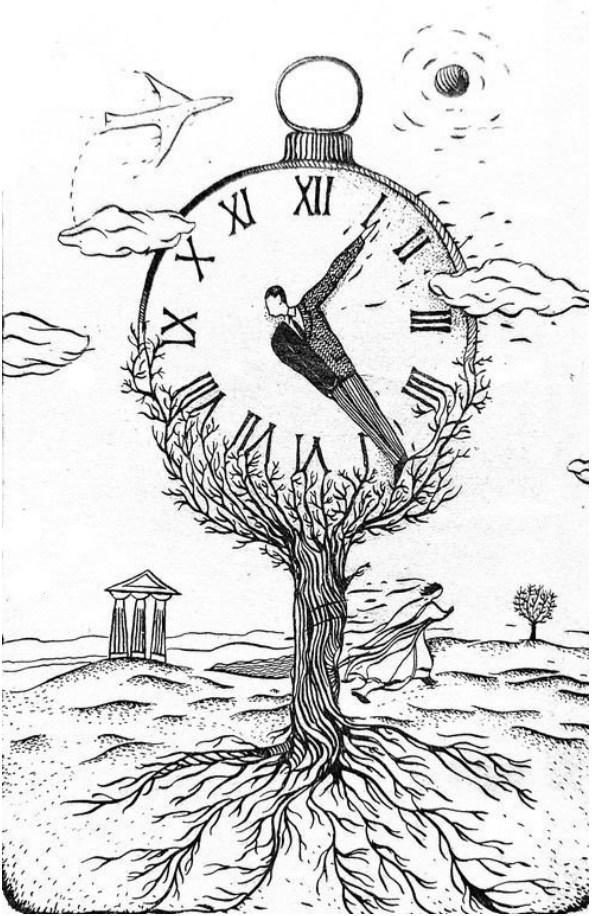
Содержание

Андрей Лазарчук. Зеркала: [Повесть] – с.5-57
Валерий Генкин, Александр Кацура. Завещание беглеца: [Повесть] – с.58-199
Валерий Митрохин. Йота: [Повесть] – с.200-261
Виталий Бабенко. Встреча: [Повесть] – с.262-319
Виталий Бабенко. Чикчарни: [Повесть] – с.320-390

Повести Виталия Бабенко "Чикчарни" и "Встреча" и Валерия Митрохина "Йота" опубликованы в более полном варианте, в отличие от журнальных публикаций.

ДЕТЕКТИВНАЯ ФАНТАСТИКА
ЗАВЕЩАНИЕ БЕГЛЕЦА

ЗАВЕЩАНИЕ БЕГЛЕЦА

XII
XI
X
IX

АНДРЕЙ ЛАЗАРЧУК

ЗЕРКАЛА

•

ВАЛЕРИЙ ГЕНКИН
АЛЕКСАНДР КАЦУРА

ЗАВЕЩАНИЕ БЕГЛЕЦА

•

ВАЛЕРИЙ МИТРОХИН

ЙОТА

•

ВИТАЛИЙ БАБЕНКО

ВСТРЕЧА

•

ЧИКЧАРНИ

СИМФЕРОПОЛЬ
«ТЕКСТ»
1992

Андрей Лазарчук
ЗЕРКАЛА

...Неприятно в этом сознаваться, но один раз я уже описывал события лета восемьдесят второго года. Я накатал по горячим следам детективную повесть и отправил ее в один журнал, который, как мне казалось тогда, с вниманием относится к молодым авторам. Вскоре пришел ответ, что

повесть прочитали и готовы рассмотреть вопрос публикации ее, если автор переделает все так, чтобы действие происходило не у нас, а в Америке. Это было в середине октября (оцените мою оперативность и оперативность журнала!), а второго ноября Боб сделал то, что сделал), — то, что вытравило из этой истории дух приключения и оставило только трагедию. С тех пор на меня накатывают приступы понимания — будто бы это я вместо Боба точно знаю и понимаю все, и нет больше возможности прятаться за догадки и толкования, и сделать ничего нельзя, и нельзя оставлять все как есть… Потом это проходит.

Но вот эту половину месяца, вторую половину октября, я не прощу себе никогда — потому что я совершенно серьезно подумывал над тем, как бы половчее выполнить задание редакции.

Стыдно. До сих пор стыдно. Ведь из того, что произошло, я не знал только каких-то деталей, в частности фрагментов. Но я нафантазировал, наврал с три короба, выстроил насквозь лживую версию событий, а те события, которые в эту версию не вписывались, я отбросил. И что самое смешное, я готов был вообще плюнуть на приличия и врать до конца.

Понимаете, если бы я не оказался тогда в эпи-

центре всех этих дел, и если бы Боб не был моим настоящим другом — единственным и последним настоящим другом, и если бы не чувство стыда за принадлежность к тому же биологическому виду, что и Осипов, Старохацкий и Буйков, наконец, если бы не Таня Шмелева, с которой я редко, но встречаюсь… но главное, конечно, Боб… так вот, если бы не все это, то я мог бы состряпать детектив — и какой детектив!

Но детектив я писать не буду. Хотя события позволяют. И Боб, будь он жив, не обиделся бы на меня, а только посмеялся бы и выдал бы какой-нибудь афоризм. Я жалею, что не записывал за ним — запомнилось очень мало. Кто мог ожидать, что все так неожиданно оборвется… Просто для того, чтобы написать детектив, опять придется много выдумывать, сочинять всякие там диалоги: Боб в столовой, Боб допрашивает. Боб у прокурора — то есть то, чего я не видел и не слышал; заставлять этого придуманного Боба картинно размышлять над делом — так, чтобы читателю был понятен ход его мыслей (Боб говорил как-то, что сам почти не понимает хода своих мыслей, не улавливает его, и поэтому временами глядит в зеркало, а там — дурак дураком…) — ну, и прочее в том же духе. Он не обиделся бы, но мне было бы неловко

давать ему это читать. А я так не хочу.

Я так не хочу. Все происходило рядом со мной и даже чуть-чуть с моим участием, и Боб был моим настоящим другом, и второй раз таких друзей не бывает, и стыд временами усиливается до того, что хоть в петлю — а лучше бежать куда-нибудь от людей, бежать, и там, в пустыне, молить о прощении — бежать, плакать, просить за себя и за остальных, не причастных к тем, кто навсегда, на все времена, запятнал род людской… и вдруг понимаешь, что по меркам людского рода это и не преступление даже — то, что они совершали, — а так, проступок, за который даже морду бить не принято… а ведь Боб знал все наверняка, знал все до последней точки и ничего не сказал ни мне, ни на суде — он считал, что так будет правильно; я до сих пор помню выражение его лица: совершенно запредельное недоумение… Боб все знал наверняка — он видел это своими глазами. Я видел не все, мне приходится додумывать, и иногда я начинаю мучительно сомневаться в правильности того, что додумываю. Поэтому я просто расскажу все так, как оно происходило.

Поэтому — и еще потому, что слишком хорошо помню звук пули, пролетающей рядом. И характерный короткий, спрессованный хруст,

с которым она врезается в стену. С таким же, наверное, хрустом она врезается, входит, погружается в тело. И чувство, с которым стреляешь в человека, торопясь успеть попасть в него раньше, чем он в тебя, — страх, подавляющий почти все остальное, как это сказать правильно: зверящий? озверяющий? Как легко и как хочется убить того, кто вызывает в тебе этот страх, — и как гнусно после…

Я не напишу ни единой буквы, из-за которой не смог бы посмотреть Бобу в глаза.

Я помню, как он встретил приговор: покивал головой, вздохнул и будто бы чуть обмяк; друзья и родственники Осипова, Старохацкого и Буйкова аплодировали суду, адвокатесса Софья Моисеевна страшно побледнела и, стоя, перебирала бумаги в своей папке — Боб не хотел, чтобы его защищали, она билась об него как рыба об лед… И мне показалось, что был момент, когда Боб сдержал улыбку — когда глядел на аплодирующих друзей и родственников; и я не удивился бы, если бы он улыбнулся и вместе с ними поаплодировал бы суду — в конце концов, суд только подтвердил тот приговор, который он сам себе вынес.

Таня выдержала все это. Она стояла рядом со мной, неотрывно смотрела на Боба, и лицо ее

было скучным и плоским, как картонная маска. Мы встречаемся с ней изредка и даже иногда разговариваем. Я ничем не могу ей помочь — просто потому, что в том мире, откуда ей можно было бы протянуть руку, меня нет. Там одиночество, ветер, дождь — и разбитые зеркала…

Разбитые зеркала… У меня сохранились два осколка тех зеркал, оба с тетрадку размером. Если их закрепить одно напротив другого, четко выверив расстояние, — должно быть точно два метра шестьдесят шесть сантиметров, — то через несколько минут грани осколков начинают светиться: одного — багровым, другого — густо-фиолетовым, почти черным; невозможно представить это черное свечение, пока сам его не увидишь. Поверхность зеркал тогда как-то размывается, затуманивается, и туда можно, просунуть, скажем, руку…

Я никогда не делал этого. Я просто представил себе, как возле той дороги из ничего высовывается рука. Символ Земли — рука, запущенная в другой мир. В карман другого мира. За пазуху другого мира. Символ Земли в том мире — ныне и присно и во веки веков.

Позор, от которого нам никогда не отмыться.

Не знаю, прав ли я, рассказывая обо всем этом.

Или прав был Боб, когда приказывал, просил, умолял молчать, молчать во что бы то ни стало, и я не могу не соглашаться с его доводами и признаю его — наверное — правоту; но, соглашаясь и признавая, я почему-то все равно поступаю по-своему. Зачем? Не имею ни малейшего представления. Практического смысла в этом нет никакого.

МАТЕРИАЛЫ ДЕЛА И КОЕ-ЧТО СВЕРХ ТОГО

Из четырех восьмых классов у нас сделали три девятых, и таким образом мы с Бобом оказались за одной партой. В те времена Боб был вежливо-хамоват с учителями, и особенно от него доставалось историчке и литераторше — Боб слишком много знал. С программой по литературе, помню, у меня тоже были сложные и запутанные отношения, вероятно, это вообще моя склонность — все запутывать и усложнять, — и на этом поприще мы с Бобом очень поладили. Был еще такой забавнейший предмет: обществоведение. Там мы тоже порезвились. На педсовете я молчал и изображал покорность, Боб ворчал и огрызался. А когда мы заканчивали девятый, родители Боба уехали в Нигерию на два года, и Боб остался один в шикарной трехкомнатной квартире; я до сих пор с удовольствием вспоминаю кое-что из той поры. Но несмотря на такой, я бы сказал, спорадически-аморальный образ жизни, доучились мы нормально и, получив аттестаты, расстались — на целых десять лет.

Смешно — но вот сейчас, вспоминая наш де-

вятый — десятый, я никак не могу восстановить полностью атрибутику тех лет. То есть кое-что вспоминается — по отдельности: клеши, например, произведенные из обычных брюк путем ушивания в бедрах и вставки клиньев; стремление как можно дольше продержаться без стрижки — ну, тут Боб был вне конкуренции; танцы шейк и танго — замечательные танцы, которые не надо было уметь танцевать; музыка «Битлз» и «Лед Зеппелин» (или я путаю, и «Лед Зеппелин» появились позже?); в десятом классе Витька Бардин спаял светомузыку — именно не цвето-, а свето-, потому что лампочки на щите в такт музыке то накалялись, то меркли; про джинсы ходили какие-то странные слухи, многие их видели, но никто не имел, и, когда Бобов отец, Бронислав Вацлавич, привез — он приезжал изредка на неделю, на две по делам — две пары джинсов и Боб сходу подарил одни мне, мы произвели в классе определенный фурор. Вообще вокруг нас тогда — вокруг Боба главным образом — создалась этакая порочно-притягательная, богемная атмосфера; девочки смотрели на нас совершенно особыми глазами. Так мы и жили, а потом неожиданно для себя оказались в разных университетах и, естественно, в разных городах

— долго рассказывать, почему так получилось. Изредка переписывались, несколько раз встречались — первые годы. Потом и переписка иссякла, и встреч не было — до самого десятилетия выпуска.

Двое наших — Тамарка Кравченко и Саша Ляпунов, поженившись, купили дом в Слободке, и там собрались две трети класса. Пили за новую семью, за новоселье, за встречу, — пили много, но было как-то странно невесело. То ли действовало известие, что Игорь Прилепский погиб в Афганистане, но говорить об этом почему-то нельзя, а Юрик Ройтман уехал в Америку, и непонятно, как к этому относиться, потому что Юрку все знали, и знали, какой он отличный парень… или казалось тогда, что невесело всем, а на самом деле невесело было мне одному — по чисто личным причинам? Или просто не прошла еще вполне понятная неловкость позднего узнавания друг друга и возвращения в старые роли: жмет, тянет, не по сезону пошито? В общем, не знаю. Было что-то такое… расплывчатое. И тут пришел Боб.

Пришел Боб — и все разрядилось в Боба, как в громоотвод, ушло атмосферное электричество, все вдруг запорхали как бабочки, хотя он никого не трогал и не тормошил, просто его тут не хва-

тало до сих пор — бывает так; мы с ним потузили друг друга в животы — он меня бережно, я его с уважением — живот у Боба был тверд и неровен, как стиральная доска, будто ребра у него, как у крокодила, продолжались до этого самого… и с тех пор мы виделись если не каждый день, то все равно часто.

Теперь и не вспомнить, как именно родилась идея написать детектив: то ли Боб рассказал что-то интересное, то ли просто мне приспичило прославиться, и я решил растащить Боба на материал — да и какая теперь разница? Главное — то, что я достаточно полно познакомился (в изложении Боба, конечно) с делом, которое он сам на себя повесил.

Итак, Боб — Роберт Брониславович Браницкий, старший следователь городской прокуратуры, молодой и энергичный работник, разбираясь в порядке прокурорского надзора с делами в различных ведомствах, наткнулся на несколько чрезвычайно интересных моментов. Он доложил о заинтересовавших его делах прокурору, дела объединили в одно, сформировали так называемую следственную группу — чисто формально, однако дело вел Боб самолично, — и с этого момента, наверное, и можно вести хронологию

событий.

Вот как все это изложено в том моем паскудном детективчике (правда, Боб у меня там именуется Вячеславом Борисовичем — оставляю как есть): "На столе перед Вячеславом Борисовичем лежали три папки — с разными номерами и разной степени захватанности. То, что было в папках, он помнил почти наизусть.

Дело о наезде на гражданку Цветкову Феклу Степановну, тысяча девятьсот одиннадцатого года рождения. Наезд произошел тридцать первого января тысяча девятьсот восемьдесят второго года на улице без названия — на узкой отсыпной дороге, проходящей между старым городским кладбищем и оградой шинного завода и соединяющей улицу Новороссийскую и Московский тракт. Глухая, безлюдная окраина. Ширина дороги не превышает четырех метров и, главное, есть два крутых поворота: где угол кладбища — направо, и через сто восемьдесят метров — налево. Самый опытный водитель на таком повороте — узкая дорога и полное отсутствие видимости — должен сбросить скорость до десяти — пятнадцати километров в час. Но старушка была сбита около часа ночи автомобилем, движущимся со стороны улицы Новороссийская, именно на

этом сто восьмидесяти метровом участке дороги; судя по следам краски на теле погибшей, наезд произвел автобус «Икарус-250» красного цвета, шедший со скоростью семьдесят километров в час. Все автобусы этого типа принадлежали ГАТП-2 и обслуживали междугородные линии. Возникали вопросы: почему автобус, имевший на повороте скорость не больше пятнадцати километров в час, разогнался на таком коротком отрезке пути до семидесяти? Водитель рисковал страшно: тормозной путь едва уложился в те метры, которые оставались до бетонного забора завода. Далее: что вообще понадобилось междугородному автобусу на этой богом забытой дороге, где он едва вписывался в поворот, если всего в полутора километрах отсюда улица Новороссийская пересекалась с проспектом Октябрьским, непосредственно переходящим в Московский тракт? Наконец, где сам «Икарус-250» красного цвета, совершивший наезд, если все они до единого были подвергнуты тщательному осмотру и ни на одном не найдено ни следов соударения с человеческим телом на скорости семьдесят километров в час, ни следов недавнего ремонта?

С другой стороны, бабушка Цветкова Фекла Степановна, до сих пор не привлекавшая внимания

органов, оказалась та еще бабушка. Проживала она одиноко, и одинокое ее жилище было осмотрено в присутствии понятых дежурным следователем Ждановского райотдела. Среди вещей обычных обнаружены были две аккуратные пачки пятидесятирублевых банкнот на общую сумму десять тысяч рублей, четыреста шесть долларов США в купюрах и монетах различного достоинства, девятьсот девяносто два рубля Внешпосылторга и незначительное количество валюты стран — членов СЭВ; золотое блюдо со сложным рисунком весом тысяча восемьсот девяносто один грамм, представляющее, помимо всего, большую художественную ценность; и лабораторная электропечь ПЭДЛ-212 м; на стенках плавильной камеры обнаружены следы золота и серебра.

По словам соседей, бабушка Цветкова знавалась с нечистой силой и потому-то и шлялась ночами на этом кладбище, где давно уже никого не хоронят. Как известно, именно старые, неиспользуемые по прямому назначению кладбища и становятся прибежищем нечистой силы. Выявить какие-либо контакты бабушки Цветковой не удалось — нечистая сила на кладбище вела себя тихо; наблюдение за домом тоже ничего не

дало: по словам тех же соседей, к покойнице никто никогда не ходил. Никто и никогда. Включая соседей.

Вячеслав Борисович вынул душу из того дежурного следователя, который и осмотра-то не смог как следует провести: натоптал, разбросал, захватал. Тайник, где все интересное и хранилось, обнаружил понятой, совершенно случайно, когда осмотр окончился и все собрались, уходить. При повторном осмотре нашли фрагменты следов мужских ботинок, фрагменты же неустановленных отпечатков пальцев, табачный пепел… Но попробуй судить по этим фрагментам — черта лысого!

Таким было первое дело. Второе вел Чкаловский райотдел — вернее, не вел, а дело мертво висело на нем. На задах городской свалки нашли засыпанные снегом тела двух женщин. Смерть наступила от удушья — об этом свидетельствовал выход эритроцитов в ткани. Эксперт не мог с уверенностью установить точную дату смерти — так примерно двадцатого января — пятого февраля. Странен был вид погибших: очень короткая стрижка, одежда из грубошерстного толстого сукна: длинная трехслойная юбка, трехслойная же куртка, надетые поверх льняной рубахи, и

плащ-накидка с капюшоном. На ногах сапоги из толстой кожи, сшитые кустарно. У обеих во рту — острые обломки зубов. Возраст обеих, предположительно, тридцать — тридцать пять лет. Ни денег, ни документов, ни вещей — ничего абсолютно. Личности не установлены.

При обследовании обуви у одной из погибших на стельке обнаружен отпечаток дискообразного предмета с выступающим рантом, предположительно — монеты диаметром 49,2 мм.

Объединяло эти два совершенно непересекающихся дела третье. Третье дело вел КГБ. Гражданин Синещеков Александр Фомич, 1934 года рождения, был задержан в момент продажи им гражданину Рамишвили Григорию Ревазовичу десяти монет из желтого металла с надписью: «Decem dinarecem» и изображением орла с распростертыми крыльями и мечом и молнией в когтях на аверсе, с надписью: «Ou healicos se Imperater» и изображением венценосного профиля на реверсе и обеими этими надписями на ранте.

Поскольку речь, очевидно, шла о каких-то валютных делах, дело было заведено соответствующим отделом КГБ. Но там сразу же выяснили несколько не вполне обычных обстоятельств.

Ну, во-первых, гражданин Синещеков категорически отрицал свою причастность к любого рода контрабанде. С его слов, монеты эти, количеством двадцать пять штук, он нашел на дороге, соединяющей улицу Новороссийскую с Московским трактом, утром второго февраля; по этой дороге он ходил на работу; деньги были сложены столбиком и зашиты в полотняный чехол, о который он споткнулся, у ограды кладбища, куда отошел, пропуская встречную машину. Таким образом, монеты эти не являлись ни кладом, ни контрабандой, а только находкой, то есть предметом, с точки зрения закона, весьма неопределенным, и то, как поступать с этой находкой в отсутствии законных ее владельцев, гражданину Синещекову должна была подсказать его совесть. Не дождавшись с ее стороны подсказки, гражданин Синещеков обратился за советом к некоему Рамишвили, а Рамишвили исключительно по своей инициативе обратился в КГБ, и сомнительная сделка была пресечена.

Во-вторых, надписи на монете, такие простые и такие понятные, были сделаны на языке, не принадлежащем ни одному из населяющих планету народов, а также ни на одном из известных науке мертвых языков.

В-третьих, такого вида монеты не выпускались никогда ни одним государством.

В-четвертых, сплав, из которого были сделаны монеты, состоял из 81% золота, 12% серебра, 4,7% меди, 1,0% цинка, 0,7% никеля, 0,1% палладия, 0,1% прочих металлов; зафиксированы следы радиоактивного кобальта и технеция, что вообще не лезло уже ни в какие ворота.

Вес монеты 37,637 г, диаметр 49,195 мм.

Вячеслав Борисович вынул из стола новую папку-скоросшиватель, сложил в нее листы из всех трех папок, вывел порядковый номер дела — 169, и тут до него дошло, что 169 — это 13 на 13. Он бросил ручку на стол и уставился на номер..."

Это я сам придумал. У реального дела был совершенно заурядный номер, Боб в приметы не верил — точнее, верил, но по-своему. Все остальное — правда.

Надо знать Боба, чтобы не усомниться: он вцепился в это дело по-бульдожьи. Его не останавливало и прекрасное знание проверенного принципа: «Не высовывайся! Ты придумаешь, тебя же и делать заставят, тебя же и накажут, что плохо сделал». Его не останавливала очевиднейшая бесперспективность дела. В каком-то смысле Боб был фанатиком, в каком-то романтиком

(хотя сейчас это понятие истаскали до полной потери позитивности), а главное, как он сам потом признавался, — это то, что мерещилось ему за непроходимой путаницей золотых монет несуществующих стран, наездом на старушку, знающуюся с нечистой силой, убийством женщин в странной одежде, автобусом-призраком и прочим, прочим, прочим, — померещилось ему что-то большое и страшное…

Итак, Боб без труда убедил прокурора объединить эти дела в одно, и занялся раскруткой. Так, он установил, что печь электродуговая лабораторная с данным заводским номером была четыре года назад списана кафедрой сплавов института цветных металлов. По установленному порядку, списанные предметы приводились в полную негодность посредством кувалды и сдавались в металлолом. Как именно уцелела данная конкретная печь, установить не удалось: работавший тогда проректор по хозчасти в позапрошлом году скончался при весьма прозаических обстоятельствах: утонул в пьяном виде на мелком месте. Его достали из воды тут же, но откачать не смогли, поскольку откачавшие были весьма подшофе. Прорва свидетелей. Дело закрыто за отсутствием состава преступления.

И эта ниточка, как и автобусная, дальше не тянулась.

Кстати сказать, поиски таинственного автобуса лишили Боба последних иллюзий относительно порядка в автохозяйствах, Госснабе и ГАИ. То есть я, конечно, понимал, что бардак есть бардак, говорил потом Боб, но чтобы такое!... Уникально. Совершенно уникально...

А на первомайские праздники тот самый следователь, из которого Боб вынимал душу, нашел свидетеля наезда на гражданку Цветкову Феклу Степановну. Свидетелем оказался один из рабочих шинного завода, перелезавший через забор на ту самую безымянную улочку. Дело в том, что в технологическом процессе производства шин как-то замешан этиловый спирт, поэтому выходы с территории завода, минуя проходную, практикуются. Итак, свидетель показал следующее: перелезая через забор, он задержался, потому что напротив, у ограды кладбища, скандалили, и довольно громко, двое, причем один из скандаливших — мужчина, а другая старуха, что было ясно из тембра голосов и употреблявшегося лексикона. Потом слева вдруг взревел мотор, и огромный автобус с темными окнами рванулся по улочке, и в тот миг, когда автобус приблизил-

ся, мужчина толкнул под него старуху. Раздался удар, визг тормозов, и автобус остановился у самой стены завода на повороте. Он остановился так близко у стены, что ему потом пришлось дать задний ход, чтобы вписаться в поворот. А пока он остановился, открылась дверь, и кто-то что-то крикнул — свидетель не разобрал, что именно, так он был испуган. Вообще все было непонятно и страшно, так страшно, как никогда еще не было. А мужчина, толкнувший старуху, подошел к ней, пошевелил ногой ее голову, наклонился, а потом быстро пошел, почти побежал к автобусу, забрался в него, дверь закрылась, и автобус, отпятившись немного, повернул налево и скрылся за поворотом. А свидетель, раздумав перелезать через забор и вообще раздумав заниматься преступной деятельностью, пусть и меньших масштабов, но все равно преступной, вернулся на свое рабочее место и до самого тридцатого апреля хранил молчание; а тридцатого апреля, будучи задержанным с бутылкой из-под венгерского вермута, замененного на технический, но пригодный для внутреннего употребления этиловый спирт, расплакался в кабинете следователя и все ему рассказал. Следователь же, поняв что к чему, мстительно поднял Боба с постели в половине

третьего ночи.

По этой причине и по некоторым другим, не менее важным, первый выход на рыбалку мы с Бобом перенесли со второго мая на девятое.

ЛОВЛЯ ХАРИУСА НА ОБМАНКУ

Именно в эту неделю, со второго по девятое, бурно разыгралась весна, все, что еще не дотаяло, — дотаяло и высохло, полопались почки, из лесу несли подснежники-прострелы; а еще первого шел дождь со снегом, и демонстрантам было мокро и холодно. Мои девочки пытались шевелиться, потом выдохлись и сбились в кучку под тремя зонтиками, и так, кучкой, мы продемонстрировали мимо трибуны, прокричали «ура» в ответ на мегафонные призывы, потом побросали портреты в кузов поджидавшего нас институтского грузовичка и разошлись, пожелав друг другу хорошего праздничного настроения. И уже вечером задул ветер с юга, и назавтра было тепло и ясно. Всю неделю у девочек шумело в голове от гормональных бурь, и они не учились абсолютно — сидели, смотрели перед собой и грезили. Весна есть весна, даже если и наступает только в мае.

Все это время Боб приходил домой к полуночи, ужинал и тут же ложился спать; я, кажется, забыл сказать, что дома наши стояли напротив и окна смотрели друг на друга — правда, между домами

было метров двести пятьдесят пустыря, полоса отчуждения высоковольтной линии; там стояли сарайчики, гаражи, открыты были подвалы, и в хорошую погоду сбегать к Бобу было просто, а вот после дождя приходилось давать крюк километра в два — такие парадоксы в нашем микрорайоне. Когда-то мы хотели протянуть из окна в окно телефонной провод, но так и не собрались. Зато идти в гости можно было в полной уверенности, что Боб дома: у него была привычка зажигать сразу все лампочки в квартире, чуть только начинало темнеть. И всю первую неделю мая я уже из постели смотрел, как в правом верхнем углу двенадцатиэтажки, которая черным знаменем — такая у нее была характерная уступчивая форма — вырисовывалась на фоне всенощного зарева над хитрым номерным заводом, — так вот, в правом верхнем углу, у древка, ярко вспыхивали три окна: возвращался домой Боб и устраивал свою иллюминацию. Минут через двадцать окна гасли: Боб проглатывал банку скумбрии в масле, запивал ее бутылкой пива и ложился спать.

Но вечером восьмого он пришел ко мне сам, чем-то довольный, и стал выкладывать из карманов поролоновые подушечки, утыканные обманками. Мы тут же разложили все на полу,

проверили удочки — как они перенесли зиму на балконе, посетовали хором, что из магазинов все нужное куда-то пропало и приходится ломать голову над каждым пустяком…

Идти домой ему не захотелось, он выволок раскладушку на середину комнаты и лег, не раздеваясь, почему-то ему нравилось иногда спать в одежде — особенно если утром надо было рано вставать. Это для меня ранние подъемы не проблема. Боб поспать любил — и не любил себя за это. Он вообще мало любил себя, потому что считал, что человек должен быть свободен от слабостей и привычек — сам же имел привычек и слабостей достаточное количество. Так, например, потрепаться перед сном.

Сначала это был просто треп, а потом рассказал, как за неделю до отъезда к нему пришел Юрка Ройтман, принес две бутылки коньяка, да у Боба тоже кое-что стояло в баре, и они проговорили почти сутки — не поверишь, старик, сказал Боб, пьем — и все как на землю льем, ни в одном глазу ни у него, ни у меня; билет у Юрки был куплен, родители сидели в Москве на чемоданах, сестра ушла из дома и только вчера, узнав, наверное, что Юрка ищет ее повсюду, позвонила, сказала, что у нее все в порядке, и бросила трубку, с работы его

выгнали, оказывается, еще четыре месяца назад… Почему, почему, почему? — бился Юрка в Боба, а что мог сказать Боб? Оставайся? Он так и сказал. Мать жалко, сказал Юрка и стал смотреть в угол. Сил нет, как жалко… а они говорят, что едут ради меня… Вот ведь, он схватил себя руками за горло, вот, вот, понимаешь — вот! Ты что думаешь, я за колбасой туда еду? Я работать хочу! Работать, вкалывать — не руками, не горбом — вот этим местом! — он бил себя кулаком в лоб. Я же умею, я же могу в сто раз больше, чем от меня здесь требуется! А там? — спросил Боб. Черт его знает, сказал Юрка, а вдруг? Неизвестно. А здесь все уже навсегда известно — от сих до сих, шаг вправо, шаг влево — побег, стреляю без предупреждения! Э-эх! — он выматерился и отхлебнул коньяку прямо из бутылки — за разговором все никак не мог налить в стакан, тогда Боб откупорил еще одну бутылку и тоже стал пить из горлышка — за компанию. И еще, говорил потом Юрка, ты же помнишь наш класс, у нас же все равно было, кто ты: еврей, поляк, немец, татарин — кому какая разница, правда? А вот после того, как я всю эту процедуру оформления прошел… я теперь будто желтую звезду вот тут ношу. Хоть ты-то веришь, что я не предатель? Верю, сказал Боб. А меня так

долго убеждали, что я предатель, сказал Юрка, что я уже ничего не понимаю… я иногда боюсь, что все мои мысли просто от озлобленности… но у нашей страны характер постаревшей красавицы, знающей, кстати, что она постарела: ей можно говорить только комплименты, а правды, разумеется… — в ее присутствии нельзя хвалить других женщин, ну а тем, кто надумает от нее уйти, она будет мстить беспощадно… по-женски. Страшно глупо. Боже, до чего все глупо! Зачем это надо: рвать с корнем, по живому, со страстями, с истерикой? Зачем и кому? Главное — кому? Ничего не понимаю… ничего… И как получилось, что страна, созданная великими вольнодумцами, была превращена вот в это? — Юрка обвел руками вокруг себя, рисуя то ли ящик, то ли клетку. Ты — ты понимаешь или нет? Или не думаешь об этом? Превратности метода, сказал Боб. А может быть, превращения метода. Юрка потряс свою бутылку — бутылка была пуста. Боб достал из бара еще одну. Может быть, сказал Юрка. Но не только. Должно быть еще что-то… можешь считать меня озлобленным дураком, но это какой-то национальный рок, это упирается-в традиции, в характер, в черта, в дьявола, в бога, в душу… какое-то общенациональное биополе, и всплески

его напряженности — и вот теперь тоже такой же всплеск, и евреев выдавливает, как инородное тело… Дурак ты, сказал Боб. Ну пусть дурак, сказал Юрка, ну и что? Я ведь чувствую, как давит, душит, шевелиться не дает — а что давит? Что? Вот — ничего нет! — он протянул Бобу пустую ладонь. Поезжай, сказал Боб. Правда, хоть мир посмотришь. А ты? — спросил Юрка. У меня работа, сказал Боб. Надеешься разгрести эту помойку? — с тоской спросил Юрка. Да нет, конечно, сказал Боб, это же разве в человеческих силах? Это же только Геракл смог: запрудил реку, и вымыла вода из конюшен все дерьмо, а заодно лошадей, конюхов и телеги… эти… квадриги. Ясно, сказал Юрка. Ты хоть пиши, сказал Боб. Ну что ты, сказал Юрка, зачем тебе лишние неприятности?…

Так и не написал? — спросил я. Боб покачал головой. А ты? — снова спросил я. Куда писать-то? — усмехнулся Боб. Земля, до востребования? Где он хоть, ты знаешь? — продолжал наседать я. В Новом Орлеане, — сказал Боб. Занимается ландшафтной архитектурой, ландшафтным дизайном. Полмира уже объездил…

Ничего не понимаю, — сказал я, — зачем учить человека тому, что потом не нужно? Зачем я своим красоткам начитываю античную литера-

туру, если они и русскую классику-то не читают, а читают «Вечный зов»? Для них это — идеал литературы. Или, скажем…

Знаешь, — перебил Боб, — меня тот разговор с Юркой натолкнул на одну мысль… не только, конечно, тот разговор, но и вообще жизнь, и вот то, что ты сейчас говоришь… впрочем, нет, потом. Потом я тебе эту мысль изложу — сперва сам додумаю до конца…

Он действительно рассказал мне это потом, через несколько месяцев — в конце июля, на берегу Бабьего озера, ночью, у костра, раздуваемого ветром, под плеск волн и раскаты сухого грома — была странная, насыщенная электричеством ночь, ночь накануне событий, но об этом позже… А сейчас мы уснули, и я проснулся в пять утра, распинал Боба, мы умылись, проглотили бутерброды с чаем, солнце еще не взошло, на улице было холодно. Боб зябко зевал, меня передергивало от стылости. Мы выкатили «Ковровец» из гаража, Боб сложил в коляску рюкзак, удочки, канистру с бензином — можно было ехать. Город был совершенно пуст, раза два нам попались служебные автобусы, да на выезде из города стояли у тротуара пээмгэшка и две «скорых» — что-то случилось. На тракте стали попадаться грузо-

вики, навстречу и по ходу — догоняли, сердито взревывали и обгоняли, обдав бензиновым перегаром. На «Ковровце» особенно не разгонишься, я держал километров семьдесят, и больше он просто не мог дать, не впадая в истерику; зато на всяких там грунтовых и прочих дорогах, а также в отсутствии оных равных ему не было. На нем можно было даже пахать.

На шестьдесят втором километре тракта за остановкой междугородного автобуса направо отходила дорога, до Погорелки — асфальтовая, а дальше — страшно измочаленная лесовозами, почти непроезжая — до заброшенной деревни. Этой дороги было километров двадцать, и бултыхался я в ней полтора часа — это притом, что были и вполне приличные участки. Деревня оставалась, как и раньше — никому не нужная, вся в стеблях прошлогодней крапивы. Жутковатое местечко — эта деревня. Пруд еще не растаял полностью, посередине была полынья, а по берегам — лед. В этом пруду водились великолепные караси, но их черед еще не пришел. Мы проехали по плотине, дальше дороги вообще не было, но ехать было легко: до самого Севгуна лежал сосновый бор, и я не торопясь ехал между соснами, давя с хрустом шишки и сухие ветки. Это был самый

красивый бор, который я когда-либо видел, и самый чистый.

В девять с минутами мы были на месте. Мотоцикл мы оставили на пологом лысом гребне, отсюда можно было спускаться и направо и налево: Севгун делает широкую петлю, часа на два ходьбы, и возвращается почти в то же самое место — перешеек, тот самый гребень, на котором мы остановились, шириной метров сто, не больше. От реки тянуло холодом, в тени берегов у воды лежал снег. Паводок пока не начался, вода почти не поднялась, только помутнела. Мы собрали удочки и спустились к реке. Боб пошел вверх по течению, а я вниз. Минут через пятнадцать мне попался небольшой перекатик, за которым вода лениво закручивалась воронкой. Туда, за перекат, я и забросил. Клюнуло почти сразу. Хариус берет уверенно, поклевка похожа на удар. Я вытащил его, снял и бросил в мешок. Повесил мешок на пояс и забросил еще раз туда же. Всего из этой ямы я вытащил двенадцать штук, все, как один, светлые, не очень большие — верховички. Потом пошел дальше. Таких ям больше не попадалось, но по одному, по два, по три я вытаскивал постоянно. Попалось несколько низовых — раза в два больше, темно-серого цвета. Несколько обманок

я потерял. Рыбу постоянно приходилось перекладывать из поясного мешочка в рюкзак. Наконец захотелось есть. Шел уже третий час дня. Потихоньку, продолжая забрасывать, я вернулся. Боб уже разводил костер.

— Ну, как? — спросил я его. Боб кивнул в сторону мотоцикла. Там, приваленная к колесу коляски, стояла его брезентовая сумка, наподобие санитарной. Сумка была набита доверху, клапан топорщился. Я поставил рядом свой рюкзак. Рюкзак тоже неплохо выглядел. — Хо, — сказал я, — теперь жить можно!

Мы поели. Боб посолил несколько хариусов экспресс-методом: бросил их, только что пойманных, в крепкий рассол. Вообще-то это не наш метод. Мы с Бобом люди терпеливые, мы можем и подождать, пока рыба в бочоночке, переложенная лавровым листом, гвоздикой, смородиновыми почками, горошковым перцем — и тонко посоленная серой солью, обязательно серой! — полежит три-четыре дня, и вот тогда ее можно брать, разделывать руками и есть — есть это нежнейшее розовое мясо, растирать его языком по небу и помирать от удовольствия. Тут же, конечно, и пиво, и вареная картошечка, присыпанная зеленым, а если нет зеленого — репчатым

лучком… черный хлеб…

Короче говоря, мы поели и засобирались домой, и не сделали того, что должны были сделать обязательно: не осмотрелись. В смысле — не осмотрели друг друга на предмет клещей. Мы вернулись, посидели у меня, поговорили еще о чем-то, потом Бобу захотелось под душ, и только под душем он обнаружил, что за ухом у него что-то такое… Клещ еще не насосался, но впился уже глубоко. Я накинул на него нитку, завязал узелок и осторожно выкрутил, не оборвав хоботка. Второй клещ сидел у Боба под мышкой. Я вытащил и его. Боб осмотрел меня, на мне клещей не было. На следующий день Боб сходил в поликлинику, и ему вогнали под лопатку очень болезненный укол. Через три дня Боб заболел.

Ромка Филозов, наш одноклассник, а ныне — очень хороший невропатолог, говорил потом, что у Боба скорее всего был не клещевой энцефалит, не настоящий, а сывороточный — то есть вызванный тем самым уколом. Кстати, в том же году сыворотку эту вводить перестали. Так что, вероятно, если бы Боб не пошел колоться, а, как большинство граждан, плюнул бы и растер, то ничего бы и не было. Но Боб страдал мнительностью.

Заболел он сразу — на работе, на совещании у прокурора: схватился за голову, глаза стали безумными… Это мне потом рассказывали: безумный взгляд, весь белый, в мелких каплях пота, руки трясутся, но еще пытается держаться, что-то говорить: «Сейчас прой… пройдет… спал плохо… плохо… ох, как болит, вот тут, вот тут…» Потом его стало рвать, тогда, наконец, догадались вызвать «скорую». «Скорая» приехала через час, Боб уже временами терял сознание, а временами начинал нести чушь. Рвало его беспрерывно, уже нечем было, а его все выворачивало. Я узнал, что он в больнице, только на следующий день.

Три дня Боб был очень тяжелым, ему постоянно что-то лили в вену, делали пункции — после них он ненадолго приходил в себя, потом опять начинал бредить. У нас вовсю шли занятия, сессия была на носу, я рвался на части между институтом и больницей, но не все успевал и имел неприятный разговор на кафедральном. Почему-то довод: «Мой лучший друг в больнице, он без сознания, за ним некому ухаживать», — почему-то такой довод, даже после многократного повторения, впечатления не производил. Как это — некому? Так не бывает, чтобы некому. А жена? Холост. А родители? Во Вьетнаме. Что, совсем

во Вьетнаме? Совсем. Итак далее. Короче, шеф никак не мог поверить, что человек — в вашей стране! — может быть одиноким. И был не прав. Боб действительно был совершенно одинок.

Боб говорил как-то, что одиночество — это самое возвышенное состояние души. Вряд ли он особо рисовался, когда так говорил. Притом ведь самое возвышенное не есть самое желаемое. Иногда прорывалось, и он начинал жаловаться, что неприкаянность ему осточертела и на следующей он обязательно женится, но — только жаловался. Общий ход его рассуждении — а в рассуждениях этих он становился чрезвычайно многословен — сводился к тому, что если уж жениться, то раз и навсегда, следовательно — на любимой.

Но какая дура сможет выносить его годами, изо дня в день? — никакая; значит, связывать с собой любимую женщину безнравственно, поскольку тем самым обрекаешь ее на несчастность… Думаю, в чем-то Боб был прав. Природа создавала его для автономного плавания.

Через три дня Бобу стало чуть легче. Он пришел в себя, но был слаб, жаловался на головную боль и изматывающую тошноту. Он почти не мог есть, я чуть не силой вливал в него бульон и тюрю из сырых яиц. Он страшно злился на меня — и на

себя тоже — за свою беспомощность, бессилие, за бессильную свою злобность. Временами он меня ненавидел. Наверное, он бы убил меня, если бы мог.

Таня работала в этом же отделении дежурной сестрой. Днем там, сменяя друг дружку, работали две матроны предпенсионного возраста, а на ночные смены заступала молодежь. Я не помню начала нашего знакомства. Все эти девочки отличались одна от другой весьма незначительно, за исключением хакасочки Кати, выпадавшей из общего единообразия по этническим причинам. Потом, неделю спустя, я начал их различать, этих Наташ, Марин, Ир — и Таню. Таня среди них была одна. Она говорила потом, что сразу, с самого начала обратила на нас внимание, потому что это редкость, когда мужчина ухаживает за мужчиной. Это вообще уникальный случай. Сначала она думала, что мы братья, а потом узнала, что нет. Просто одноклассники. Друзья. А жена? А родители? Жены нет, а родители далеко. И никого больше? Никого больше. С ума можно сойти! А у тебя? Да так… ерунда…

Родом из Усть-Каменки, там окончила десятилетку, приехала поступать в медицинский, не поступила, взяли санитаркой сюда, проработала

год, пошла в медучилище, училась и работала, доучилась и осталась работать тут же — привыкла, все свое, знакомое, и врачи хорошие… комната в общежитии, одноместка, редко у кого из сестер одноместки… нет, все хорошо, все хорошо…

Больничные ночи особые, после двенадцати, когда гасят свет, становится жутко: полутемный коридор, темные провалы дверей, двери не закрывают, чтобы можно было позвать, если надо. И звуки. Звуки разносятся беспрепятственно, и поэтому в воздухе все время что-то есть: покашливание, скрип кроватных пружин, шорох, позвякивание стекла, вздохи, шаги, храп, вода льется, вдруг начинают гудеть трубы, хлопает форточка… пахнет хлоркой, остро пахнет озоном — от кварца. Свет кварцевой лампы, пробиваясь из-под двери процедурной, придает лицам мертвецкий оттенок. Бобу вводят на ночь тизерцин, но он все равно по нескольку раз просыпается в страхе и начинает беспорядочно собираться куда-то. Потом он ничего не помнит, говорит, что спал как убитый.

Дежурят трое: две сестры и санитарка. Положено две санитарки, но где их взять — где взять достаточно дур, согласных торчать тут за семьдесят рублей? Все-таки дуры находятся, как

правило, в том же училище. После двенадцати ночи две девчонки ложатся спать, одна сидит на посту. Через два часа ее меняют. В шесть все опять на ногах, начинаются утренние процедуры. В восемь приходят старухи — и начинается! Я не помню ни единого случая, чтобы они приняли смену без скандала. Это исключительно вредные старухи — важные, как профессорши, и крикливые, как торговки. Но — опытные, умелые, неутомимые. В восемь я ухожу.

Странно, я начисто забыл, сколько ночей отдежурил. Вскоре ведь Бобу полегчало, и из палаты интенсивной терапии — не путать с реанимацией, это этажом ниже! — его перевели в обычную, где помощникам, то есть друзьям и родственникам, остающимся на ночь при больном, быть не полагалось. То есть я продежурил ночей десять. Может быть, двенадцать. Но мне почему-то кажется, что за это время мы успели познакомиться с Таней так, как если бы прожили бок о бок год-другой. Это притом, что дежурила она не каждую ночь, а через одну-две-три. Кстати, она говорила потом то же самое. Итак, Боба вывели из пике. Он лежал теперь в палате с тремя стариками, которых «посетил Кондратий» — то есть инсульт. Компания эта была исключительно теплая и

жизнерадостная — как будто им повыбивало критические центры; не исключено, кстати, что так оно и было. И все бы прекрасно, но один из них, Павел Лукич, отставной майор-пожарник, страдал метеоризмом и регулярно пукал так звучно и едко, что хоть святых выноси. Сам он страшно смущался такого неожиданного свойства своего организма, но ничего не мог поделать, а компания дружно создавала проекты контрмер, из которых самым популярным был проект противогаза, надеваемого не на лицо. Дело упиралось только в отсутствие тонкой листовой резины… Благодаря такой обстановке Боб встал на ноги на девятнадцатый день.

ТАНЯ

Потом, уже осенью, когда Боб стал исчезать на несколько дней, на неделю, не сказав и не предупредив, Таня приходила ко мне, и мы коротали эти проклятые тоскливые вечера за разговорами, пили пиво и доедали злосчастных хариусов. Тогда она и сказала, что обратила внимание на Боба сразу, с первой минуты, как увидела его, и сразу, поняла, что это судьба. Ты мне веришь? Верю. С первой минуты… сразу… никогда бы не подумала, что так бывает… Может быть, так оно и есть. А может быть, она придумала это. А может быть, воспринимает как постфактум. Не знаю. Всякое бывает.

День рождения Боба был десятого июня, но праздновали мы его одиннадцатого, в два часа ночи. В отделении, помимо палат и прочих больничных помещений, была еще и аудитория кафедры мединститута — то есть та же палата, только приспособленная для занятий со студентами: столы, стулья, плакаты, таблицы… По правилам противопожарной безопасности, ключ от этого помещения должен был находиться на посту; в то же время вход персоналу в эту

комнату был категорически запрещен. Поэтому курить, скажем, там было нельзя, а уборку производить надо было очень тщательно. Помещение в обиходе называлось «вертепчиком»; иногда же использовали очень милое и точное, но совершенно непристойное название.

Наше ликование по поводу дня рождения Боба с самого начала включало в себя элементы детектива: так, например, торт и шампанское Боб поднимал на свой третий этаж на веревочке через окно, а меня самого Таня провела через морг — не через сам холодильник, разумеется, но мимо него: хорошо помню массивную зеленую дверь, запертую на огромный висячий замок. Мы прошли по подвальному коридору и поднялись на этаж на кухонном лифте. Потом я час сидел в «вертепчике», запертый снаружи, наедине с множеством плакатов, изображающих человека в разной степени ошкуренности. Я до сих пор считаю себя кое-что смыслящим в анатомии.

Потом, когда мы пили шампанское и ели торт (две другие девочки тоже поздравили Боба и съели по кусочку торта — кстати, торт был выше всяких похвал), я вдруг уловил, как они с Таней друг на друга смотрят — то ли шампанское мне придало проницательности, то ли им — откро-

венности, — так или иначе, я понял, что нужно сматываться, и смотался. Таня говорила мне потом, что в ту ночь у них еще ничего не было, только целовались, но уже в следующее дежурство было все.

Двадцать шестого июня Боба выписали на долечивание, до десятого июля он был на больничном, а с одиннадцатого ушел в отпуск. Отпуск ему полагался сразу за два года.

Виделись мы урывками. Как-то раз Боб с Таней завалились ко мне в первом часу ночи, шумные, пьяные друг от друга, а потом, посидев, притихли, замолчали и сидели долго, молча слушая Окуджаву — «Римская империя времени упадка сохраняла видимость стройного порядка. Цезарь был на месте, соратники рядом, жизнь была прекрасна — судя по докладам…» — и Боб кусал пальцы, уставясь взглядом куда-то в темный угол, а Таня крутила перед глазами последний из оставшихся у меня самодельных бокалов темного стекла с посеребренной окантовкой, серебро стерлось местами, выпирала латунь, когда-то я наделал их много, но все раздарил, — «…Давайте жить, во всем друг другу потакая…» — по-моему, им обоим просто не верилось, что все так хорошо, и они страшно боялись, что это вот-вот

кончится, кто-то там, наверху, спохватится, и тогда все — поэтому они и были так напряжены и взвинчены, каждый из них буквально искал тот костер, на который мог бы взойти за другого, — «Простите пехоте, что так неразумна бывает она. Всегда мы уходим, когда над землею бушует весна. И шагом неверным по лестничке шаткой — спасения нет…».

Таня и сейчас остается одной из самых красивых женщин, которых я когда-либо видел, хотя и красится, и курит чрезвычайно много, и выглядит, пожалуй, старше своих двадцати восьми. Она дважды сходила замуж, второй раз особенно неудачно, и теперь избегает постоянных привязанностей. А тогда она — ее красота — еще как-то не до раскрылась, что ли, не бросалась в глаза, ничем не подчеркивалась, и нужно им было посмотреть раз, и два, и только потом доходило. Не высокая и не низенькая, не худая, но и без склонности к полноте, короткие темные волосы, тонкие брови, глаза серые, большие, спокойно-насмешливые, чуть курносый нос с тремя веснушками, губы с насмешливой складочкой в уголке рта… и какая-то неописуемая грациозность всех движений, грация молодого зверя, у рук и ног слишком много свободы, слишком

много возможностей и желания эту свободу и возможности использовать... как она танцевала тогда под фонарем в парке! И ноги — братцы, это же с ума можно сойти, какие ноги! Она очень легко относилась к своей красоте — вероятно, долгое время она вообще не имела о ней представления, а потом то ли не могла, то ли не хотела поверить; она носила ее спокойно, как безделушку, до тех пор, пока не узнала ее истинную цену — сравнительно недавно.

Я тормошил Боба, как продвигается расследование того дела, и Боб неохотно рассказал, что Макаров намерен все свернуть, и Бобу пришлось уговаривать его, чтобы он просил прокурора о продлении сроков — хотя бы до выхода Боба из отпуска.

Чувствовал Боб себя неважно, я это видел. Так, например, он очень утомлялся, читая, у него часто болела голова, и часто же он становился несдержан, раздражителен в разговорах, не мог стоять в очередях, не мог ждать чего-нибудь ил" кого-нибудь. Иногда на него наваливался страх: он говорил, что, когда он идет по улице и солнце светит позади, то есть когда он видит свою тень, ему кажется, что вот сейчас, сию секунду, сзади, за спиной, вспыхнет — и последнее, что

он увидит, это свою немыслимо черную тень… пугаюсь собственной тени, пытался смеяться, но невооруженным глазом видно было, что ему не так уж и смешно. Боялся он всерьез. На кой хрен мы бьемся тут как рыбы об лед, говорил он, если завтра-послезавтра упадет с неба дура — и все. На случай, если не упадет, говорил я. А по-моему, просто по привычке, говорил он. Чтобы не думать об этом. Работа и водка — два наилучших средства от думанья. А женщины? — спрашивал я. Не помогает, говорил он и смеялся.

Отпуск у меня два месяца, и это одно из немногих достоинств нашей профессии. Уже второй год я никуда не ездил — и, надо признаться, не так уж и тянуло. Не ездил, правда, по вполне прозаической причине: не было денег. Все сбережения, и имевшиеся, и планировавшиеся лет этак на пять вперед, я вбухал в квартиру. Вы так никуда и не ездили? — с ужасом будут спрашивать меня осенью. Я же, не особенно кривя душой, буду объяснять, что в наших широтах отдых не хуже, чем в Ялте, и только по лености душевной мы устремляемся туда, где отдыхать принято, а не туда, где приятно. Аэропорты, давка на пляжах, конвейерная жратва… Да-да, будут говорить мне, вы совершенно правы, ну совершенно, на будущий

год и мы не поедем, — поедут как миленькие.

Итак, Бобу было не до меня. Честно говоря, я загрустил. И от грусти я стал придумывать будущий свой детектив, и ни черта у меня не получалось в рамках тех фактов, которые Боб мне изложил. Не стыковались нигде золотые монеты неизвестных стран, ночное убийство на пустой дороге, неопознанные и невостребованные трупы… и я стал придумывать. Я придумал преступную группу, которая занималась тем, что из золотого лома штамповала антикварные монеты и сбывала за сумасшедшие деньги иностранным туристам, которые, как известно, люди доверчивые. Я даже название придумал: «Наследники атлантов». Все было до того натянуто, что даже мне стало противно, и я бросил на половине. Дописывал я осенью, когда Боб немного вправил мне мозги. Но, видимо, с пеленок вколоченный в нас принцип экономии мыслей (и повторного использования оных) заставил писать хоть и про другое, но точно так же — с натужным сюжетом, безупречным героем-следователем и всякими словесными красивостями — это уж закон такой, что раз начал писать лажу, так лажу и напишешь, ничем не вытянешь (хотя, надо сказать, получилось в результате ничуть не хуже, чем в среднем по

стране, и если бы переделал на Америку, так и напечатали бы).

Тому, выдуманному мною Бобу — точнее, Вячеславу Борисовичу, — я написал словарик: характерные выражения, фразочки, поговорочки… Дурацкий словарик, как раз для картонного следователя. За Бобом я не записывал, хотя собирался это делать. Кое-что осталось в памяти, но не все.

"Кроме государственного Гимна, Герба и Флага надо ввести еще государственный девиз. Предлагаю на выбор: «Вся жизнь — подвиг!» или «Могло быть хуже!».

«Наши редакторы очень хорошо знают, чего не должно быть в советской литературе. Именно поэтому в ней почти ничего и нет».

«Все население этой страны заслуживает того, чтобы его пропускали без очереди и уступали места в общественном транспорте».

«Министерство Обратной Связи» — прекрасная идея, не правда ли?

«Мальчик в интересном положении».

Это все, что мне удалось вспомнить.

Где-то в первых числах августа Боб с Таней пришли и заявили, что они все продумали и теперь точно знают, как именно нам надо отдыхать.

Надо ехать на Бабье озеро. Там мы будем жить в палатках и готовить пищу на костре. И ехать надо именно сейчас, потому что, да будет мне известно, середина августа в наших широтах — это уже начало осени. Ага, сказал я и задумался. До сего момента я и не подозревал, что соберусь куда-нибудь ехать. Бабье озеро — это километров триста отсюда. Но с другой стороны — а почему бы и нет? Ладно, сказал я, только вам-то, хорошо будет в палатке, тепло… Ерунда, сказала Таня, что у меня — подруг нет? Так его, сказал Боб, хватит ему свободного гражданина изображать, только ты, Таня, постарайся, ты ему кого получше выбери. Будь спокоен, сказала Таня, ты же знаешь, у меня есть вкус. Есть, сказал Боб, вот меня ты выбрала со вкусом. Тебя я не выбирала, ты на меня с неба свалился. Все равно со вкусом, упорствовал Боб.

Уже вечером они приволокли откуда-то две палатки, надувные матрацы, одеяла. Все это было свалено посреди комнаты. Запахло дорожной пылью. Нормально, сказал я, а как повезем? Оказалось, они знают и это. Я должен буду нагрузить все это на бедного «Ковровца» и отвезти к месту нашего будущего проживания, а они налегке поедут на автобусе. И тут вдруг я понял, что давно и сильно хочу именно этого: махнуть куда-нибудь

далеко и надолго. И мы решили ехать послезавтра утром. Но назавтра похолодало, пошел дождь, и мы задержались еще на два дня.

Я долго думал потом: а какова вероятность того, что все, что произошло, — произошло? Если бы мы уехали не в тот день, если бы мы расположились в другом месте, а не в этом первом же попавшемся прибрежном лесочке, если бы Таня из своих многочисленных подруг выбрала бы не Инночку, а другую…

Будто бы был кто-то, специально подталкивающий события так, чтобы они выстроились коридорчиком, желобом, по которому мы с Бобом пронеслись — он до конца, а меня он вытолкнул в последний момент. А может быть, Боб был так заряжен на это дело, что притягивал к себе нужные события, и не случись этой комбинации, была бы иная — с тем же исходом… или с другим? Не знаю.

Если Танина красота не бросалась в глаза и проявлялась постепенно, просачиваясь из-под неяркости, — при Таниной красоте надо присутствовать, говорил Боб, — то Инночка была ярка, симпатична, разговорчива… и только. Впрочем, может быть, я несправедлив к ней. Может быть, я просто не успел ни рассмотреть ее, ни узнать как

следует — после того, что там с нами случилось (а Инночка явно ничего не поняла, но перепугалась страшно, к тому же у нее возникли насчет нас с Бобом сомнения самого криминального толка), Инночка избегала даже Тани. Хотя в момент нашего знакомства, а Таня привела ее накануне отъезда, Инночка вела себя очень живо и от предложения познакомиться поближе отказываться не стала.

В восьмом часу жестокий Боб совершил побудку, взял под мышки дам, на плечо взвалил рюкзак с пивом и отправился на автостанцию. Я навьючил мотоцикл, навьючился сам и, не слишком торопясь, покатил по шоссе. «Икарус», идущий на Юрлов, обогнал меня примерно через час, и потом я долго видел впереди его красную корму.

Не доезжая Юрлова километров двадцать, пришлось перейти с рыси на шаг: по обе стороны шоссе раскинулась комсомольская ударная стройка, поэтому дорожное покрытие временно прекратило свое существование. На объездной же дороге сидел по самые уши гордый «Икарус», и его собирались тащить трактором. Я развернулся и потихоньку степью объехал все это безобразие. На автостанции в Юрлове я подождал немного, а потом мы устроили челночный рейс: я забросил

Боба и прочее имущество на берег озера («Вот тут сойдет», — сказал Боб и ткнул пальцем туда, где лес подступал к самой воде, там мы и остановились) и вернулся за дамами. Они сидели на скамеечке и, как от мух, отмахивались от двух пьяненьких бичей. Дорога вдоль берега была, мягко говоря, неровной, катил я с ветерком, Инночка изо всех сил прижималась ко мне и взвизгивала, а Таня сидела в коляске и стоически сохраняла спокойствие.

Боб уже поставил палатки и даже притащил немного дров. Был уже четвертый час дня, солнце пекло, решено было бросить все и немедленно лезть в воду, смывать усталость, городскую и дорожную пыль, старые и новые грехи и заботы. Дамы забрались в палатку переоблачаться и, переоблачаясь, свернули палатку набок. Было много шума. Мы с Бобом принялись надувать матрацы, но Боб вдруг бросил свой и полез в рюкзак. Голова? — спросил я. Тес, сказал Боб, молчок! Он вытащил какие-то таблетки, бросил несколько штук в рот и запил пивом. Потом забрал надутый мной матрац, отнес его к воде и плюхнулся ничком. Пришлось мне надувать и второй, и к концу этой работы у меня самого голова пошла кругом и в ушах зазвенело. Дамы, наконец, выбрались из

палатки — в одинаковых и одинаково минимальных купальниках, внезапно белотелые и как-то сморщенные. Вероятно, так и бывает всегда с человеком, если его вдруг вынимают из одежды и помещают под яркое солнце. Впрочем, уже через пару часов дамы наши расправились и заиграли.

Вода была парная, плавали все неплохо, выбираться на берег никому не хотелось, и выгнал нас из воды лишь голод. Боб бесился в воде, как юный тюлень, и, наверное, лишь страшным усилием воли смог воздержаться от своего коронного номера: всплывания со дна голой задницей кверху. Прочее он вытворял все. Но выбравшись на берег, он внезапно помрачнел и погнал меня за дровами, а сам остался разводить костер. С сухостоем в этом лесу все было в порядке, я срубил штук пять сухих сосенок и шел уже обратно, когда услышал шум мотора и увидел, что с дороги к берегу, метрах в трехстах отсюда, сворачивает большой красный автобус. Не скажу, чтобы это привело меня в бурный восторг — мы уже по предвкушали, какие ночные заплывы будем устраивать. Впрочем, от палаток наших остановившегося автобуса видно не было, он скрывался за изгибом берега. Но вскоре оттуда раздалось дружное ржание и громкая магнитофонная му-

зыка. Абзац интиму, пробормотал Боб и стал, выпятив губу, оглядываться по сторонам. Давай переедем, предложил я. Боб засопел и стал снова оглядывать наши палатки, полу выпотрошенные рюкзаки, разложенные на просушку одеяла и матрацы, костер, над которым уже закипала вода в котелках, порубленные и сложенные кучкой дрова, и подвел итог: а ну их всех к лешему. И мы остались.

Тушенку Боб брал в кооптorге по пять пятьдесят за банку, поэтому ужин наш: рожки по-флотски и чай с печеньем — был почти как ресторанный. К этому добавлялись и усиливали впечатление громкая музыка за леском и пьяные крики. Надо полагать, они там начали бурно принимать внутрь еще в дороге, потому что набраться до такой кондиции за такой срок просто физически невозможно.

А мы тянули потихоньку пиво и вели треп настолько легкомысленный и, так сказать, игривый, что начинали потихоньку шалеть, и Инночка уже не полезла в палатку переодеваться, а прямо тут, у костра, сняла лифчик и повесила сушить, а потом нарочито медленно натянула нейлоновую маечку с цветным изображением японской девушки, поймавшей на удочку

приличных размеров рыбку. Боб залихватски подмигнул мне, а я вдруг отчаянно смутился и припал к пиву. Хотя мы уже провели с Инночкой ночь и остались ею вполне довольны, я почему-то не рвался повторять этот номер. И тут я наткнулся на Танин взгляд. Она сидела, накинув на плечи штормовку, обхватив колени руками, и спокойно смотрела на меня своими серыми насмешливыми глазами, и будто говорила, пожимая плечами: а что делать? Ты же видишь — не судьба.

НОЧЬ

В сумерках те, из автобуса, принялись ломать в лесу деревья и жечь огромный костер — видно было зарево над лесом и летящие искры. Кто-то хрустел кустами неподалеку от нас, но из-за того что мы смотрели в костер, увидеть хрустевшего не удалось. Да мы особенно и не вглядывались. Было тепло и душновато, и с наступлением темноты свежее не стало — наоборот. Над озером взошла огромная кирпичного цвета луна с чуть отгрызенным левым боком. Вода была гладкая как стекло. Купаемся — и по норам, сказала Таня. По нарам, поправил Боб. Таня подошла к воде, не оглядываясь на нас, сняла и бросила на песок купальник и стала беззвучно погружаться в дробящуюся лунную дорожку. Она была немыслимо красивой сейчас и отчаянно далекой, она была отдельно от всего — от людей, от вожделений, от отношений и связей, — встала и легко сбросила с себя — погрузилась и поплыла тихо, без всплеска, и мы тихо, молча смотрели на нее, как она входит в воду и как плывет, смотрели все трое, даже Инночка что-то поняла и не побежала следом, и молчала. И тут снова кто-то стал ломиться через

кусты, теперь уж точно — к нам.

Они выломились и стали перед нами, два парня лет двадцати пяти, запомнилось: у одного — острые усики, у второго — вывороченные слюнявые губы. Инночка судорожно вздохнула и подалась назад, буквально вдавившись в меня.

— Картина Репина «Не ждали», — пьяно пришепетывая, сказал тот, что с усиками. Он стоял немного впереди. — Че, Инуля? Че молчишь-то? Молчать-то все умеют поди, скажи-ка, Миха.

— Г-гы! — сказал Миха.

— Ты скажи че-нибудь, Инуля, не томя мое сердце, — продолжал усатый. — Инуля ты, красотуля, знамя ты красное, переходящее, ты мне че обещала-то, а? Ты скажи, скажи!

— Ребята, — сказал я, — а не пойти ли вам?... — И я объяснил, куда именно им надо пойти.

Этого они и добивались. Усатый тут же радостно ощерился и выволок из-под полы обрез. Тираду его трудно передать на бумаге, но суть состояла в том, что таких лишних людей, как я, он уже истребил немало и намерен продолжать делать это и далее. Мне страшно мешала Инночка — она вцепилась в меня, причем именно в правую руку. Против обреза трудно подыскать подходящее возражение, и вообще мне по всем законам сле-

довало испугаться — да я и испугался, конечно, только своеобразно: я заклинился на том, что где-то совсем рядом со мной среди поленьев лежит топор, и мне казалось самым важным этот топор нащупать и схватить…

Я так и не понял, как именно Боб уделал усатого. Он полулежал на спине, опираясь на локти, метрах в полутора — и вдруг голые ноги Боба мелькнули в воздухе, сомкнувшись, как ножницы, на руке усатого, обрез полетел в темноту, и Боб с усатым, сцепившись, покатились от костра; второй парень, Миха, с ножом в руке, навис над ними, выбирая, куда именно колоть; я перелетел через костер и поленом — успел схватить полено, хорошо, что не топор, — поленом ударил его по руке, выбил нож, он сунул руку под мышку и попятился, и я, не удержавшись, отоварил его поленом по морде. Он упал, тут же вскочил на четвереньки и на четвереньках, вопя, удрал в кусты. Боб сидел на усатом и выкручивал ему руку, я подскочил и помог, в руке усатого было длинное шило. Боб перевернул усатого лицом вниз и ударил его кулаком по затылку — усатый затих. Боб встал на ноги, отошел в сторону, пошарил в траве, нашел обрез, отнес его к костру. Меня вдруг бросило в дрожь, ноги подогнулись, и я сел

на землю. Боб отошел к воде, стал умываться. Я не мог и этого — сидел и дрожал. Усатый зашевелился, застонал, приподнялся, сел. Пошел, сказал я ему. Он встал и пошел, натыкаясь на деревья. У меня как будто отложило уши, и я услышал множество самых разных звуков, и среди них — как рвется из воды Таня. Что там, что там? — кричала она. Все в порядке, сказал Боб, задыхаясь. Уже все в порядке.

Инночка скорчилась за палаткой, натянула на голову одеяло и рыдала. Я подошел к ней, присел — она зарыдала еще громче. Наконец она более-менее успокоилась и сказала, что второго она не знает, а который с усами — это ее бывший парень, живет здесь, в Юрлове, а работает шофером на стройке, то есть не на самой стройке, а на автобусе, это, наверное, он привез сюда всех… Оставаться, конечно, было опасно, мы быстренько посадили обеих дам в коляску, я завел мотор и прогрел его, Боб проверил обрез — в магазине было три патрона. Потом мы в полной готовности сидели и ждали — с полчаса или больше, но карательной экспедиции так и не последовало: то ли битые и не пытались организовывать ее, то ли все там были в стельку пьяны, то ли слышали наш мотор и решили, что мы смылись.

Слушай, спросил меня Боб, а какой там у них автобус? Я задумался. Я видел его издалека, сквозь лес. Красный, это точно. И угловатый, не львовский. Кажется, «Икарус». Та-ак, сказал Боб и надолго замолчал. Может, сходить и посмотреть? — предложил я. Нет, сказал Боб. Нельзя разделяться. Девочки, отбой тревоги. Спать. Спать, спать.

Девочки, которые молча просидели вдвоем в тесной коляске — Таня мокрая, только из воды, в одной штормовке на голое тело, а Инночка испуганная до икоты, — вдруг развыступались, что никаких «спать», они будут нести вахту наравне с мужчинами… И вообще… Боб подошел к Тане, обнял ее, поцеловал, сказал: ну, будь же умницей, — и Таня послушно-послушно двинулась к палатке. Точно так же и теми же словами я уговорил Инночку. Ты придешь? — спросила Инночка. Нет, сказал я, мы будем караулить, ложитесь в одной. Они забрались в одну палатку, долго там шушукались, потом уснули.

Смешные, сказал Боб. И хорошие, добавил он, подумав. Костер почти погас, но от луны было много света. Боб, приподняв полог, заглянул в палатку, поманил меня. Девчонки спали, сбросив одеяла, уткнувшись друг в дружку лбами и

коленками. В палатке было страшно жарко. Боб оставил полог приподнятым — комары здесь не водились. Часа в два ночи подул ветер, и луну закрыло сначала рваными, а потом плотными облаками. Я думал, что похолодает, но ветер по-прежнему был теплый, как от печки. Вдали тихо, шепотом прошелестел гром. Потом гроза стала приближаться.

Мы снова разожгли костер — вскипятить чай. Ветер пригибал пламя к земле, заставлял стелиться, поэтому пришлось поставить котелок прямо на угли — потому и чай получился с угольками. Потом началась гроза.

Молнии сверкали поминутно, грохотало звонко и коротко, тучи озарялись вспышками изнутри и на миг становились прозрачны и ярки, как чистое пламя, волны лихо вылетали на берег, и ветер доносил до нас теплые брызги. Дождя не было. Гроза пролетала над головой и удалялась, и на смену ей приходила следующая. Так продолжалось несколько часов. Шумели деревья, и Боб говорил, говорил, говорил…

Его прорвало, ему надо было выговориться, и не собеседник, а покорный слушатель был ему нужен. Если он и спрашивал меня о чем-то, то в моих словах искал лишь подтверждение своим

мыслям — и находил. Я не могу воспроизвести тот многочасовой монолог Боба, это невозможно, но кое-что я все-таки запомнил. У нас у всех под шкурой по бронежилету, но в эту ночь Боб пробил меня. Это была жуткая ночь. Все тут наслоилось: и поездка, и драка, и стиснутый между землей и тучами, перенасыщенный электричеством воздух — все. И Боб со своими разговорами. Не помню, как именно он вырулил на то, надо или не надо знать всю правду — то есть *вообще всю*. Он говорил, что вера — в бога, справедливость, разум, во что угодно — это просто интуитивная защита от правды, от ужаса познания, что каждый раз, узнавая краешек истины — какой-то новой истины, — человек испытывает одновременно и восторг, и ужас, — а потом он перешел к конкретным примерам: скажем, ведь существует информация, которую просто лучше не знать, потому что психика не выдерживает, потому что жить после этого не хочется… скажем, тюрьмы в блокадном Ленинграде — где основной контингент был кто? — липовые шпионы и прогульщики, которые на работу не выходили, а не выходили почему?… Не может быть, сказал я. Вот видишь, сказал Боб, тебе не верится, сознание отталкивает это, и ты, наверное, никогда

по-настоящему в это не поверишь… чем можно убедить? Документами? Документы сегодня лгут чаще, чем люди. И что ты будешь делать, когда воспримешь эту правду? Что? Как это повлияет на твое поведение? Не знаю, сказал я. Никто не знает, согласился Боб. Но такая правда еще в порядке вещей… нет-нет, в контексте того времени — в порядке вещей. А вот как бы ты воспринял такую информацию о том, что одна из первых наших атомных бомб была испытана на заключенных? Что? — спросил я. Ты правду говоришь? Это правда? Нет, ты скажи — это правда? Я до сих пор помню тот ужас, который испытал тогда. Ты мне ответь: что бы ты стал делать, если бы узнал, что это правда? — настаивал Боб. Он повторил это несколько раз. Не знаю, бормотал я, это немыслимо, это совершенно немыслимо… Так надо знать такое или нет? — спрашивал он. Надо, вдруг сказал я. Зачем? — не отпускал он меня. Затем, чтобы знать цену всему, сказал я, не назначенную продавцом, а истинную цену. Какая тебе разница? — спросил Боб, не понимаю. Так это правда, насчет бомбы? — спросил я. Не знаю, сказал Боб, никто не знает… Никто ничего не знает… слушай, сказал Боб, а вот такой вариант: ты живешь в то время, и тебе попадает в руки

вот этот самый материал, и у тебя есть возможность передать его за границу — ты передашь? Я подумал. Я думал довольно долго, а он молчал и ждал. Передам, сказал я наконец. Тебя расстреляют, напомнил Боб. Все равно передам, сказал я. Зачем? — настаивал он. Ведь все равно же ничего нельзя сделать. Ничего. Понимаешь — ничего! Передам, сказал я. Ты за справедливость, сказал Боб, понимаю. Ты хочешь, чтобы всем сестрам было по серьгам — любой ценой… А ты? — спросил я. А я вот мучаюсь сомнениями, сказал Боб. Так у тебя есть эти материалы? — с ужасом спросил я. Нет, сказал Боб, таких материалов в природе не существует…

Но почему, почему? — спрашивал я тогда Боба, почему вдруг получилось так, что есть столько вещей, о которых хочется ничего не знать, — почему государство, созданное величайшими вольнодумцами, превратилось вот в это?… *Ты хочешь знать*? — спросил меня Боб каким-то странным голосом. Да, сказал я. Ну что же, сказал Боб, раз хочешь — знай. И он стал излагать свою чудовищную теорию, которой вот уже шесть лет я ищу опровержения, а нахожу только подтверждения. Иногда мне кажется, что это моя идефикс, что правота этой теории существует лишь в моем

воображении — наподобие того, как во сне возникают чудесные строки, стихи, которые после пробуждения оказываются бессмысленным набором слов — но во сне перед ними испытываешь восторг, неподдельный восторг… Не знаю. Все, с кем я пытался объясняться на эту тему, вначале говорят: «О!» — и поднимают палец кверху, потом говорят: «Да нет, ерунда!» — но говорят это чересчур уверенно и бодро и больше к этой теме никогда не возвращаются.

Говорил Боб примерно следующее: с того момента, как появились общественные отношения, появилась необходимость в их регулировании, то есть в управлении, то есть в подаче команд и контроле их исполнения, то есть во вполне конкретных операциях с информацией. На первом этапе передача информации осуществлялась непосредственно от генератора идей к среде реализации, то есть от вождя, от старейшины — к племени. Но племена росли, жизнь становилась сложнее, и на каком-то этапе, выдаваемый и получаемый генератором, превышен тот предел, который способен осилить человеческий мозг. С этого момента появляются помощники вождя, с этого момента зарождается бюрократия. То есть бюрократия — это не зло, это просто

механизм обработки информации в условиях централизованного управления. И все было бы ничего, если бы в одной отдельно взятой стране не принялись строить новое общество, при этом перепрыгивая через несколько этапов развития; история страшно мстит за такие скачки, говорил Боб, но как она отомстила нам!... в результате получилось, что идеи, спускаемые сверху, были слишком сложны для общества, поэтому их приходилось упрощать, адаптировать, информация же, поступающая наверх, часто не совпадала с тем, что ожидалось; в этих условиях аппарат очень быстро устанавливает свою монополию на информацию, тем более что есть множество благовидных предлогов, чтобы это сделать: внутренняя и внешняя контрреволюция, всяческие заговоры и восстания — еще настоящие, не мнимые... И постепенно аппарат обретает несколько интереснейших свойств: во-первых, контроль над всей решительно информацией; во-вторых, возможность преобразовывать ее, исходя из своих интересов; в-третьих, обретение этих самых интересов; наконец, в-четвертых, безграничные практически возможности насильственно внедрять в среду реализации те или иные идеи. Аппарат этот создан так, говорил Боб, что про-

пускная способность его сравнительно низка, а объем перерабатываемой информации растет из года в год — это объективный процесс, отменить его нельзя (хотя и хотелось бы!), но вот притормозить можно, — поэтому аппарат вынужден расти, расти и расти. Вот это-то — безудержный рост — и является основной функцией аппарата. Ну и, кроме того, естественно, питание, самосохранение. Как видишь, все функции почти сразу подразделились на номинальные и витальные. Понятно? Номинальные — это те, ради которых аппарат создавался, витальные — это те, которые обеспечивают его существование. Ясно, что последним аппарат отдает предпочтение. И вот посмотри, как интересно все получается: информационная система, способная распоряжаться информацией, обрабатывать ее, преследуя свои интересы… Боб пристально смотрел на меня, думал, что я догадаюсь. Ну? — так и не догадавшись, спросил я. Это же интеллект, сказал Боб. То есть? — не понял я. То и есть, сказал Боб.

Короче, по Бобу, получалось, что каждый служащий, все равно кто: член Политбюро, почтальон, милиционер, директор банка, секретарь парткома, нормировщик на заводе, бухгалтер, преподаватель института, старший следова-

тель прокуратуры — все, кто каким-нибудь боком прислоняется к процессу циркулирования информации, — все они, выходя на работу, включаются в мыслительный процесс некоего гигантского нечеловеческого интеллекта. Каждая операция по обработке и дальнейшей передаче информации, проводящаяся ими, помимо своего основного предназначения (скажем, назначить бабушке пенсию — «да», «нет»), имеет и некую теневую сторону и в виде отчетов, цифр, сводок и так далее начинает циркулировать по информационной сети, так или иначе влияя на прочую информацию, приводя, возможно, к каким-то решениям — скажем, ввести войска в Афганистан. Это я упрощаю, конечно, сказал Боб, не так все примитивно, но из миллиардов таких вот элементарных информационных операций и складывается этот самый мыслительный процесс.

Становление и развитие этого интеллекта было для общества чрезвычайно болезненно, поскольку задачи перед аппаратом становились большие, масштабные, а существенных ограничений не вводилось. Так, по Бобу, получалось, что задачу «Индустриализация СССР» аппарат выполнил, соблюдая те условия, которые были

введены: форсированные сроки, минимальные затраты, ограниченное привлечение иностранных капиталов, — и все это, разумеется, за счет того, что нарушались общечеловеческие нормы, заповеди и все такое прочее… поэтому уничтожалось крестьянство: нужны были дешевые рабочие руки, а самые дешевые они у преступников, работающих под конвоем, поэтому надо создать такие законы и такую обстановку, чтобы преступников было побольше… чтобы хватило для самых грандиозных проектов… Понимаешь, поначалу это была просто машина, примитивная кибернетическая машина, с которой к тому же не умели обращаться, но очень скоро она начала преследовать собственные интересы — она распоряжалась всей без исключения информацией в стране, поэтому могла вести — и вела — информационную игру с генератором идей, поставляя ему такую информацию, которая заставляла его генерировать именно те идеи, которые шли на пользу аппарату. Это уже проявление интеллекта, и достаточно мощного. Он очень умело поиграл на маленьких слабостях дядюшки Джо… Не все получалось гладко в этой игре, потому что иногда в информационных узлах оказывались люди, способные принимать самостоятельные

решения, а интеллект аппарата воспринимал это как сбои в своей работе — и тогда начался тридцать седьмой год, после которого главным и ценнейшим качеством любого чиновника стала исполнительность…

Хрущев, почувствовав, интуитивно поняв роль аппарата в тех событиях, ощутив его сопротивление, попытался было бороться с ним, но проиграл темп, а потом и всю партию — собственно, проиграл ту самую информационную игру. Аппарат методом селекции информации блокировал одни его идеи и неумеренно подавал, доводя до абсурда, другие, вынуждал делать неверные ходы там, где уже созданы были предпосылки к успеху, — скажем, в истории с Пауэрсом, ясно же, что это была провокация тех, кто хотел сорвать переговоры, и ясно, что действовать надо было иначе… понятно же, что бороться с аппаратом при помощи того же самого аппарата — это тащить себя за косичку из болота…

Сейчас? Сейчас достигнут полный гомеостаз. Интеллект добился своего и теперь будет прилагать все усилия, чтобы гомеостаз сохранить. Какого рода усилия? Транквилизация генератора идей — информационная игра ведется так, чтобы никаких действительно новых идей он не выда-

вал; Транквилизация общества — о, здесь обширнейшее поле деятельности! Наконец, блокировка информации, все же поступающей в систему — главным образом из-за границы. Кой-какие долгосрочные меры в рамках той же блокировки: снижение культурного уровня, усреднение образования — и так далее. Уже заметно. Воспитание — разными методами — отвращения ко всему новому, необычному. Культивирование неизменности образа жизни, оседлости, постоянного занятия одной деятельностью. Ты не думай только, что он там размышляет специально, как это устроить и не упустил ли он что-нибудь. Это происходит автоматически. Допустим, ты бросаешь камень, и мозг твой мгновенно производит довольно сложные баллистические расчеты — хотя заставь тебя эти расчеты сделать на бумаге, ты провозишься неделю. Так и у «него»: то, что служит для жизнеобеспечения, осуществляется легко и непринужденно; а навязанные задачи решаются долго, громоздко, со множеством ошибок… да это и не вполне ошибки, а просто результаты решений других, собственных задач.

Перспективы? Боб почесал подбородок. Знаешь, я так долго думал над этим, что теперь уж точно ничего не знаю. Если по большому счету, то един-

ственный выход — это отказаться от управления обществом вообще. Но это же, сам понимаешь, утопия. Так что могу говорить только о нас, о маленьких человечках. Стараться *вести себя* на своих местах — на своих местах в информационных узлах этой системы, внося сбои в мыслительный процесс этого монстра. Может быть, он сдохнет. Поступать не по инструкциям, а по совести. Только это чистейшей воды идеализм… А закон — это тоже инструкция? — спросил я. То есть? — не понял Боб. Ты сказал — не по инструкциям, а по совести. Так закон — это тоже инструкция? Черт его знает, неуверенно сказал Боб. Как когда… смотря для чего закон служит… Ты помнишь Юрку? — спросил он. С ним ведь поступали строго по закону. Только закон этот был специально создан для того, чтобы существовала и процветала эта структура ОВИР. Понимаешь, если бы не было этой процедуры отбора, разделения на чистых и нечистых, проверок благонадежности и уважительности причин, оценки их — чисто субъективной, кстати! — если бы можно было, как в цивилизованных странах, уехать, приехать, пожить здесь, пожить там, — так ведь и не понадобилось бы этой десятитысячной оравы чиновников, следящих, чтобы все шло по закону.

Кому это выгодно? Откуда пошло? Вот тогда я и стал задумываться… Сначала додумался до наличия паразитического класса — чиновничества. Потом вижу — не сходится. Ведь даже высшему чиновничеству отсталость страны невыгодна… То есть класс-то есть, и именно паразитический, но есть что-то и над ним — за ним… И вот читаю какую-то книжку, чуть ли не Винера, — и как молнией по затылку, думаю: ну, все… ты меня знаешь, я человек увлекающийся, но не пугливый, а тут аж руки-ноги отнялись — страшно стало. Думаю — вот почему кибернетику мордовали…

Боб говорил еще много, и многое я просто не запомнил, а многое, может быть, перепутал, — но он заразил меня этой своей идеей, и теперь мысли мои работают постоянно именно в этой плоскости. Однако одну его фразу я запомнил точно, дословно: главное, сказал Боб, это просто холодно и четко понимать, что обществу у нас противостоит не какая-то группка дураков или злоумышленников, не каста и не враждебный класс, а интеллект — развитый, всезнающий, почти всемогущий, абсолютно вне моральный — нечеловеческий интеллект информационной системы; контакт с ним невозможен, переиграть его немыслимо, использовать в своих целях

— глупо и преступно; глупо потому, что он, вероятно, и не подозревает о существовании человека… Единственное, что можно сделать, — это изучить его и, изучив, уничтожить — не может же быть, чтобы у него не было слабых мест; это просто я их не знаю…

И что же делать? — глупо спросил я.

Что делать? — сказал Боб. Как быть? И кто виноват? Вопросы, которые всегда интересовали русскую интеллигенцию.

Проклятые вопросы, сказал я. Лишь проклятые вопросы, лишь готовые ответы… Лишь готовые ответы на проклятые вопросы… лишь проклятые ответы на готовые вопросы…

Что это? — спросил Боб.

Это я когда-то пытался писать стихи, сказал я.

Оптимист, сказал Боб. А надо — лишь готовые вопросы, лишь готовые ответы.

Вечно вы, Ржевский, все упрощаете, сказал я.

Отнюдь, отнюдь, сказал Боб. Давеча, не поверите, устроили большое гусарское развлечение…

Бороду подбери, сказал я.

Да? — удивился Боб. А мне только вчера рассказали…

К утру наконец посвежело. Сдуло всю вчерашнюю липкую духоту, и ветер стих, и облака

остановились в небе и не летели больше, как безумные птицы, а на востоке протянулась над озером синяя полоса, а потом она налилась прозрачным розовым, и появилось солнце, осветив снизу облака, — братцы, до чего же это было красиво…

Когда я думаю о Бобе, я почему-то в первую очередь вспоминаю эту ночь, а уж потом — все остальное…

ЗЕРКАЛА

Мы попили чаю, девочки разлеглись на матрасиках ловить самый лучший утренний загар, а Боб отвел меня чуть в сторону и сказал, что возвращение вчерашних мальчиков маловероятно, но теоретически возможно, поэтому он оставляет мне обрез с тремя патронами (живыми не сдаваться? — спросил я), а сам берет мотоцикл и едет в Юрлов выяснять некоторые обстоятельства. Как этого парня зовут? — спросил он у Инночки. Инночка сказала. А адрес помнишь? Инночка помнила. Ну, загорайте, сказал он и стал заводить мотоцикл. Меня несколько покоробила такая его категорическая распорядительность, но морда у Боба была соответствующая — это был Боб, Взявший След, так что спорить не имело смысла. Он завел, сел и поехал.

Отсутствовал Боб до половины пятого. Я начисто не знаю, где он был и что делал. Судя по всему, он, не вмешивая в дело местную милицию, расколол этого шофера на многое, если не на все. А может быть, и не только шофера. Как я догадываюсь, платой за информацию было обещание держать ее в тайне — как, кстати, и источник ее.

Боб сдержал слово. Даже мне он ничего не сказал. Короче говоря, он за те восемь часов, которые провел отдельно от меня, узнал очень многое. Вернулся он весь осунувшийся, усталый, злой. Мы сидели у воды и играли в дурачка. Никто нас, конечно, не терроризировал: на берегу, справа и слева, стояли машины, палатки, навесы, горели костры — короче, была суббота. «Уик-энд на берегу океана», трудящиеся смывали трудовой нот с лица своего. Боб подрулил поближе и велел мне одеваться и ехать с ним. Девочки за возмущались было, но он совершенно не обратил на них внимания. Возьми обрез, сказал он. Я сунул завернутый в штормовку обрез в коляску. Там на дне уже лежал какой-то незнакомый длинный брезентовый сверток. Мы недолго, соизволил сказать он наконец девочкам. Не скучайте. Я сел сзади, и он погнал быстро, как только мог, вдоль озера, от города, а потом по дороге, уходящей в лес, куда-то в гору, и ехали мы так с полчаса, не меньше, несколько раз Боб останавливался и сверялся с набросанным на листке бумаги планом, потом дорога свернула в лог, и я увидел дом, стоящий прямо в лесу.

Это был большой, добротный дом из бруса, с верандой, с крутой высокой крышей, с двумя

печными трубами, с фасадом в шесть окон и с высоким крыльцом. Забора вокруг дома не было, но в стороне лежал подготовленный штакетник, и вообще были признаки то ли закончившегося, то ли еще продолжающегося ремонта: доски, бочки, строительный мусор, самодельная циркульная пила… Дом упирался спиной в склон горы, так что из чердачного помещения можно было, видимо, выходить прямо на террасу, где стояли сарайчик и баня — тоже с признаками ремонта.

Боб подогнал мотоцикл к самому дому, к крыльцу, поставил на ручной тормоз — тут был отчетливый уклон. Ну вот, удовлетворенно сказал он, мы и на месте… наверное. Он достал из коляски обрез, сунул себе за пояс. Потом достал другой сверток. Там было новенькое ружье-пятизарядка, двенадцатый калибр, автомат. Была там и коробка с патронами. Умеешь? — спросил он. Нет, сказал я. Он показал. Оказалось, очень просто. А зачем? — спросил я. На всякий пожарный, сказал Боб. Авось не понадобится. В патронах картечь. Ого, сказал я, на кого же это мне придется охотиться, на какую дичь? Да не на дичь, сказал Боб, — охотники… Я вспомнил вчерашнюю драчку и заткнулся.

Дверь была заперта на висячий замок, Боб

достал из кармана ключ и отпер ее. Мы вошли. Свет падал только из двери, поэтому я не сразу разглядел помещение. Да там и нечего было разглядывать. Недавно, видимо, перестилали полы, вдоль стен еще лежали доски; в одном углу желтела огромная куча стружки. Посередине стояла чугунная печка — не «буржуйка» из бочки, а литого чугуна ящик длиной около метра и по полметра в высоту и ширину. Труба от нее уходила во вьюшку настоящей печи. А у дальней стены, напротив двери, стояла единственная в доме мебель: два высоких зеркала в деревянных рамах, укрепленные на ящиках без ножек — не трюмо, но что-то наподобие того.

Ага, сказал Боб и подошел к зеркалам. Потрогал одно, другое. По-моему, он волновался, — он, когда волнуется, становится чрезвычайно экономен в движениях. И когда выпьет — тоже. Потом он взялся за край ящика одного из зеркал и с натугой — зеркало было тяжелым, гораздо тяжелее, чем казалось и чем должно было быть, судя по размерам (кстати, и осколки зеркал, те, что сохранились, гораздо тяжелее, чем стекло, — они тяжелые, будто из свинца), — с натугой развернул его боком к стене. Помоги, сказал он мне, и мы вместе развернули второе зеркало — так, чтобы

они смотрели теперь друг на друга. Боб вытащил из кармана рулетку и стал мерить расстояние между зеркалами. Несколько раз мы двигали зеркала, пока между ними, между поверхностями их стекол, не стало ровно двести шестьдесят шесть сантиметров. Потом мы поправили их так, чтобы они стояли параллельно, — это было легко сделать, потому что малейший перекос искривлял бесконечную череду отраженных зеркал вправо или влево. Наконец мы поставили их так, как надо. Отойдем, сказал Боб. Мы отошли и стали ждать.

Ждать пришлось минуты три. Потом вдруг возник какой-то звон, тонкий и долгий, возник, нарос и пропал, а грани стекол, выступающие на несколько миллиметров из рамы, засветились: у левого зеркала — красным светом, а у правого — темно-фиолетовым, почти черным, жестким, интенсивным, бьющим по нервам.

Боб подошел к правому зеркалу, долго смотрел на него. Я стоял в двух шагах за его спиной, держа в руке ружье, и злился на него, на себя, на свою недотепистость и непонятливость, — злился страшно и готов был плюнуть на все, разругаться с Бобом и уйти куда подальше. Я помню прекрасно, как болезненно я воспринимал в эти секунды

всю нелепость происходящего, всю истошную, не лезущую ни в какие ворота неестественность событий. И тут Боб протянул руку и коснулся поверхности зеркала, и зеркало отозвалось тем же звоном, и по нему пробежала рябь, как по воде, Боб сделал движение рукой — и рука исчезла, погрузившись в зеркало, и тут же вернулась — невредимой. Боб отшатнулся и налетел на меня.

Видел? — спросил он. С меня уже слетела вся дурацкая злость, но испугаться я еще не успел. Видел, выдохнул я. Что это? Золотое дно, мрачно сказал Боб. Не понял, сказал я. Потом, потом, сказал Боб. Слушай меня внимательно, старик, заговорил он твердым голосом. Слушай, запоминай и делай только так, как я скажу. Сейчас я войду… туда. Ты будешь ждать меня здесь. Я пробуду там час, два — не больше. Понимаешь, надо сделать так, чтобы никто не вошел туда следом за мной и чтобы никто не сдвинул зеркала. На всякий случай — вот тебе рулетка, запомни: двести шестьдесят шесть. Но лучше, чтобы ты не допустил… ну, смещения… В общем, так: если кто-то захочет проникнуть туда или вообще будет в курсе дела и постарается зеркала сдвинуть — это враг. Понимаешь — настоящий враг. Это воина, старик, и они не задумаются, чтобы убить

нас. А нам нельзя допустить, чтобы нас убили. Понимаешь?

Ни черта не понимаю, сказал я, ни черта абсолютно. Мне было страшно и удивительно неуютно, я вдруг попал в какую-то другую жизнь и никак не мог избавиться от желания то ли проснуться, то ли сбежать и забыть.

Ах, черт, сказал Боб, ну некогда же сейчас объяснять…

Это по тому делу? — на всякий случай спросил я.

По тому, сказал Боб. Здесь вот оно все и сходится — все линии, все нити… Я вернусь и расскажу. Только ты прикрывай меня, ладно?

Ладно, сказал я. Что я еще мог сказать?

Он подошел к зеркалу, еще раз пошарил в нем рукой, просунул голову, постоял так несколько секунд — видимо, оглядывался, — потом перешагнул через ящик-подставку, как через порог, и исчез.

Он исчез, а я остался стоять как истукан, и стоял довольно долго, а потом вдруг принялся обходить зеркало по кругу — хорошо хоть еще ружье на плечо не положил и шаг не чеканил, — и сделал круга три, прежде чем до меня полностью дошел весь идиотизм собственных телодвижений. Тогда

я засмущался и стал искать, куда бы присесть, и сел на чугунную печку, но с нее нельзя было видеть одновременно и зеркала, и дверь, все время что-то было за спиной, это нервировало, тогда я соорудил себе скамеечку из досок между зеркалами у стены — теперь я видел и зеркала, и дверь. Ружье я поставил между колен и стал чего-то напряженно ждать, все время посматривая на часы, и уже через десять минут измаялся этим ожиданием. Тогда я взял себя в руки — постарался взять. Я положил ружье на пол рядом с собой, сел поудобнее, откинувшись назад, к стене, и стал думать обо всем на свете, и вскоре поймал себя на том, что думаю о Тане. Мне тут же пришла злодейская мысль: убрать зеркала, оставив Боба там, где он есть, избавившись тем самым… ну, и так далее. Так и возникают сюжеты. Одно предательство — обязательно должно быть другое, параллельное, — я задумался над параллельным, а потом понял, что получается лажа. Лажа получается, старина, сказал я себе. Параллельный… параллельный… мир. Я оглянулся на зеркала. Стоят… надо же. Кто бы мог подумать… Меня вдруг охватило беспокойство — как там девочки одни, мало ли что могло случиться, все-таки свинство было — оставлять их… потом вдруг вспомнил, как

Таня входила в лунную воду и как переодевалась у костра Инночка, давая себя рассмотреть, — и понял, что соскучился, что надо бы устроить сегодня какой-нибудь маленький праздник — это Бобова теория, теория маленьких праздников, гласящая, что если в календаре ничего нет, а на душе неважно, то надо придумать маленький праздник и отметить его, а иначе жить совсем невмоготу, — с фейерверком: в бутылку наливается чуть-чуть бензина, бутылка затыкается пробкой, ставится в костер, пробку вышибает — ура, ура, ура! Да здравствует наша самая лучшая в мире жизнь! И так далее — до самого утра. С перекурами на пересып. Такова программа-минимум. Бензин есть, бутылки тоже есть, большей частью полные, но это временное явление…

Потом я вспомнил почему-то, как наглый Боб прошлым летом знакомился с девушками на пляже. Он выбирал самую красивую, подходил и просил — с самой милой улыбочкой — полотенце. Девушка не могла, разумеется, отказать. Боб тут же, рядом с ней, обматывал чресла полотенцем, снимал плавки, выжимал их, надевал снова и, рассыпаясь в благодарностях, возвращал полотенце. Действовало это безотказно.

Наконец я смог спокойно думать про эти чер-

товы зеркала. Получается что? Получается что?… Получается, что это действительно двери в какие-то иные миры. Тогда сходится все: и золотые монеты, которых не чеканило ни одно государство, и женщины в странной одежде… вообще все. Я медленно встал и подошел к тому зеркалу, в которое вошел Боб. В зеркале стояла бесконечная череда зеркал, бесконечный черный коридор — и бесконечность эта дышала… не могу сказать как, но я чувствовал, что она становится то больше, то меньше, пульсирует, дышит — бесконечность… Мне стало жутко, но я сдержал себя. В помещении было довольно темно, и видно было только зеркала три, ну, пять — дальше шла сплошная непроницаемая плотная темень — поле для игры воображения… Я зачем-то глубоко вдохнул, задержал дыхание и просунул голову сквозь зеркало. Знакомый звон резанул по ушам, и вообще было какое-то странное ощущение непонятно чего — будто я безболезненно, но с усилием продавился через много маленьких дырочек… а потом я увидел Зазеркалье. Зазеркалье было неинтересным: это был простой коридор, узкий и сравнительно высокий, с панелями, неровно покрашенными темно-зеленой матовой краской. На потолке горели вполнакала голые лампочки.

Метрах в сорока отсюда коридор начинал плавно изгибаться вправо, и дальше уже ничего не было видно. Стояла полная тишина. Я подождал немного и вернулся — вытащил голову. Наверное, там я совсем не дышал — потому что в груди сперло, пришлось несколько раз глубоко вдохнуть, только после этого дыхание восстановилось. Так, подумал я, а напротив?… Я подошел к другому зеркалу — тому, что светилось красным.

Сначала я попробовал просунуть руку, и руку обожгло холодом. Там, за зеркалом, было градусов сорок. Я опять набрал полную грудь воздуха, зажмурил глаза и осторожно — гораздо осторожнее — просунул голову. Там был еще и ветер — мороз, ветер и яркое солнце, — я открыл глаза и чуть не заорал: я висел на высоте пятого этажа и смотрел вниз, и глаза еще не привыкли, никак не могли привыкнуть к ослепительному свету, потому что солнце било прямо в лицо, и до горизонта лежал сверкающий снег, и только подо мной — наискосок — шла темная лента дороги, и по дороге брели, держась, хватаясь друг за дружку, чтобы не упасть, — молча, только шорох множества бессильных шагов, — люди в странном сером тряпье, и двое рядом с дорогой — в белых тулупах и с огромными собаками на поводках; а направо — я

высунулся по плечи и смог посмотреть, откуда они шли — стояли — лежали — черные, припорошенные снегом руины, и местами поднимался дым, и пахло горелым — горелым и еще чем-то неясным, но тяжелым… Ресницы смерзлись, и я не мог ничего больше видеть, но слышать еще мог: шарканье ног, собачий лай, доносящийся волнами далекий неровный гул, гудение и время от времени — содрогание воздуха, которое и звуком-то не назовешь, — а потом прозвучало несколько выстрелов, но я не видел, кто и в кого стреляет…

Я буквально вывалился обратно, сел и стал оттирать руками — страшно горячими руками — оледеневшее лицо. Заломили зубы и уши. Потом вдруг почему-то вернулся, как эхо, запах, вернулся стократно усиленным — гари и гниения, — меня чуть не вывернуло. Так я сидел и постепенно приходил в себя, и вдруг какой-то сторож во мне ударил в рельсу — я вскочил на ноги и схватил ружье — что-то было не так. Что? — я огляделся. Потом дошло: замолчали птицы. До этого сороки трещали без передышки, а тут настала тишина.

Я подошел к двери, выглянул наружу. Дорога отсюда просматривалась метров на двести —

никого. Но что-то тревожило и давило, именно давило что-то такое… не знаю: так бывает при звуке сирены, и на этот раз ощущения были те же, только звука не было. Совершенно точно — металась, вибрировала какая-то мерзость в воздухе, и вскоре я кожей лица почувствовал это: невыносимо пронзительную вибрацию, как от бормашины, только растянуто и размыто, не в одном каком-то зубе, а во всем теле, — началась от лица и дошла до ног, икры заломило так, что я присел, держась за косяк двери, чтобы не упасть. Наверное, я даже отключился на сколько-то секунд, потому что тех двоих я увидел, когда они были уже в сотне метров от меня — это надвигалось, как повторный кошмар, именно повторный, потому что мне казалось, что это продолжается непрерывно: началось вчера вечером и продолжается до сих пор, не прекращаясь; двое угрожающе подходят, один чуть впереди, другой сзади и сбоку — не знаю я, почему мне так казалось, наваждение какое-то… Я повалился назад и крепко стукнулся затылком, и от боли пришел в себя — то есть завывание, неслышное, сверлящее, продолжалось, но уже не проникало глубоко в меня, задерживаясь где-то сразу под кожей; главное, что вернулась способность

соображать, и сразу мелькнуло: то! То самое, о чем предупреждал Боб! Враги! Мне по-прежнему мерещилось, что это вчерашние парни, но что-то в них было не так — я, отодвинувшись от двери, всматривался в них — что-то было не так, не так, как… непонятно. Один был в защитного цвета штормовке, черных штанах и сапогах, второй — в коричневой болониевой куртке, голубых спортивных брюках и вибрамах, на голове вязаная шапочка; я успел рассмотреть их до того момента, когда они увидели мотоцикл.

Это были профессионалы. Не успел я моргнуть, как у них в руках оказалось по пистолету, и зигзагами, пригибаясь, они метнулись к дому — один вправо, другой влево, я никак не мог уследить сразу за обоими — я уже сидел на корточках или стоял на коленях, прячась за косяком двери, и выцеливал кого-то из них, я все еще не мог поверить себе, что это всерьез, что я буду сейчас стрелять в людей — это была какая-то затянувшаяся шутка; но один из них поднял руку и выстрелил, чуть не попав в меня, — пуля врезалась в косяк. Этот звук я не забуду до конца жизни, и выстрелил в ответ, сорвав спуск, и видел, как картечь хлестанула по траве. Они залегли. Один в канаве, другой за бочками. Потом они стали по очереди выска-

кивать, как чертики из коробочек, обстреливая дверь. Их выстрелы звучали очень тихо — или мне казалось так после грохота моей пушки? Они били очень кучно и все время в косяк — ни одна пуля не влетела в проем двери, и я догадался, что они боятся попасть в зеркала. И, вспомнив про зеркала, я вспомнил про Боба, ушедшего в зеркало, и что я прикрываю его с тыла, и что, если я пропущу этих к зеркалам, они убьют его. И с этой секунды я действовал очень четко: во мне будто включилось что-то, какая-то боевая система — не та, что при драке, не было ни ярости, ни азарта, эмоции вообще отключились начисто — только голый расчет и абсолютная холодность.

Я выстрелил навскидку по одному из парней, выстрелил наудачу, чтобы только истратить патрон, и спрятался за косяк, держа ружье вертикально: расчет был на то, что они решат, что у меня двустволка и что я ее сейчас перезаряжаю. Еще две пули врезались в стену, потом наступила короткая пауза, и тогда я развернулся всем корпусом и выстрелил в бегущего ко мне парня в коричневой куртке, — выстрелил в упор, метров с десяти, и понял, что попал, — и тут же бросился на пол и скрылся за противоположным косяком — и слышал, как пуля рванула воздух: тот,

второй, в штормовке, выстрелил-таки в проем двери, нервы не выдержали — пуля ударила в чугунную печь, и звон был такой, как если бы там висел колокол. Теперь мне стрелять было не с руки, а повторять этот трюк было бы безумием, он срезал бы меня влет — я отступил по стенке, а потом бросился к этой самой печке и залег за нее. Такая позиция была лучше старой: там бы он меня застрелил, рано или поздно. Здесь же ему придется сначала меня увидеть — войдя со света в темноту. Я же его буду видеть прекрасно.

Пользуясь паузой, я дозарядил ружье. Странно: руки не дрожали, но внутри, от горла и ниже, было совершенно пусто и тупо и что-то там трепыхалось, как тряпка на ветру; я чувствовал, что рот у меня не закрывается, потому что я им дышу, а когда я поднял руку, чтобы протереть глаза, то никак не мог дотянуться до лица. Я страшно боялся, но страх этот был как боль под новокаином — был, а не чувствовался. Но был. Не просто страх — ужас. И внутренний, настоящий, и накачанный этой проклятой вибрацией, этим воем — черный ужас, и умом я его чувствовал, но что-то сработало у меня внутри и отключало его от восприятия…

Второй парень долго не стрелял и не показывал-

ся — может быть, искал обход; мне чудилось, что я слышу какие-то стуки в стену и шали наверху. Оказалось — нет. Он подобрался к двери. Чуть-чуть показывался краешек головы и скрывался. Я взял на прицел это место, готовясь стрелять, но он обхитрил меня: махнул чем-то на уровне лица, и я не сдержался — выстрелил — щепки так и брызнули, а сам он появился над порогом, рука с пистолетом и голова, и успел выстрелить трижды; печка моя загудела от ударов. Я выстрелил в него, но не попал — он уже исчез. И тут меня страх все-таки достал — какой-то прогностический страх: я понял, что проиграю ему. Позиция моя была лучше и оружие мощнее, но своим он владел — превосходно. Еще одна, две, три такие дуэли — и он зацепит меня. По сути, до сих пор мне просто везло. А теперь результат зависел только от умения…

Но все решилось иначе. За спиной у меня раздался шум падения: Боб лежал на спине, ногами к зеркалу, и лихорадочно дергал затвор своего обреза, одновременно пытаясь отползти назад, но сзади стояло другое зеркало, и Боб упирался в него плечами, в смысле — в ящик-подставку. А из того зеркала, из которого он выпал, перло что-то непонятное, и я до сих пор не уверен, что мне

это не померещилось: будто бы извивающиеся змеи, только вместо голов у них были кисти рук с тонкими и тоже извивающимися пальцами; и когда Боб спиной уперся и сдвинул то, второе зеркало и это раскололось со звоном и посыпались осколки, руке будто бы упали на пол и продолжали извиваться… впрочем, не уверен. Я вообще неясно и сумбурно помню последующие события, кроме одного: стало темно, я обернулся к двери и увидел того, в штормовке, стоящего на пороге — замершего на пороге — с пистолетом в руке… я видел только его силуэт, но через этот силуэт, показалось мне, проступило другое: черный гибкий дьявол, — он стоял, замерев, и смотрел, как все еще рушатся осколки зеркала… и я выстрелил. Я выстрелил от страха. Может быть, можно было не стрелять. Не знаю. Но я выстрелил — от страха, что он опередит меня, — и во вспышке моего выстрела увидел, как в его груди образовалась черная дыра с неровными краями — он сделал шаг назад и выстрелил тоже — он, уже убитый, — и за моей спиной опять обрушился звон разбитого стекла… Потом он шагнул вперед, снова шагнул — и я, заорав, выстрелил в него еще дважды — второй раз уже в упавшего.

— Все нормально, — говорил Боб, тряся меня

за плечо, — все нормально. Я слышал, как у него стучали зубы. А потом вдруг стало страшно жарко, и жар этот исходил от лежащего головой к нам парня в штормовке, мы попятились — и тут он вспыхнул. Вспыхнула голова — ярко, как целлулоид, и сквозь прозрачное пламя видно было, как сгорает череп и то, что внутри черепа: будто бы соты, но с толстыми стенками ячеек. Пламя разгоралось и становилось невыносимо жарким, и мы пятились, запертые этим пламенем, и уже загорелась стружка в углу, занимались стены, и нечем было дышать. Потом мы как-то оказались на чердаке, но я совершенно не помню, как именно — не помню я, чтобы видел лестницу, ведущую на чердак, или хотя бы люк в потолке; но, значит, что-то было, раз мы туда попали. Зато отчетливо помню, что руки были заняты чем-то тяжелым и что ружье мешало страшно. Дым был уже и на чердаке, и Боб, мучительно кашляя, шарил по карманам и не мог найти ключ от двери — потом оказалось, что он держит его в руке. Мы вывалились на воздух и оказались около баньки, и Боб лег на землю, а я увидел, что мотоцикл стоит совсем рядом с пламенем, и бросился вниз. Помню, что руль был страшно горячий, раскаленный, помню, что не сразу нашел, нащупал, отворачи-

ваясь от жара, ручку тормоза, но нашел все же — и мотоцикл покатился задом, описывая дугу, и врезался кормой в штабель досок, а я бежал за ним следом и что-то кричал… Потом рядом оказался Боб, и мы покатили мотоцикл подальше от огня. Дом уже горел по-настоящему, там было чему гореть, и перед домом тоже бушевало пламя — горел тот парень, в коричневой куртке. Боб завел мотоцикл и кричал мне что-то неслышимое за ревом огня, но я никак не мог оторваться — стоял и смотрел… Боб гнал мотоцикл куда-то в гору, почти без дороги, а потом под гору, бешено, со страшной скоростью, проскакивая между деревьями — не понимаю, как мы не разбились тогда. Он выехал к какой-то речушке и заехал прямо в воду. Заглушил мотор, слез с мотоцикла, стал умываться, потом вдруг сел и захохотал. Сидел в воде и хохотал, как сумасшедший. И я вдруг тоже захохотал и свалился с седла — нарочно, чтобы наделать побольше брызг. До меня дошло наконец: это были не люди! Понимаете: не люди! Не в людей я стрелял! Облегчение было немыслимое. Я брызгал на Боба водой, я вопил и поднимал фонтаны — и вдруг уловил, как он на меня смотрит: с усмешкой, такой усталой и понимающей усмешкой… понимающей и брезгливой. Передохни,

сказал он. А что, что-то не так? — спросил я, переводя дыхание. Боб не ответил, помолчал немного, потом сказал: «Ладно, отбились». — Ще Польска не сгинела? — спросил я и опять захохотал. Не мог я так сразу остановиться. — Хватит, — сказал Боб, — вставай и умывайся, у тебя вся морда в саже…

Мы медленно ехали и сохли на ходу, и выбрались на шоссе где-то далеко за Юрловом, и Боб повернул от города и проехал несколько километров, и только потом, когда шоссе было пустынно, развернулся и поехал обратно. Теперь было хорошо видно: слева и впереди над лесом поднимается рваный и ломаный столб дыма. На въезде в Юрлов нас остановил гаишник. Права и у меня, и у Боба были в непромокаемых бумажниках на липучках, и эти бумажники очень заинтересовали сержанта. Держа в руке, он обошел мотоцикл кругом, проверил номера, попинал колеса — ему явно хотелось к чему-нибудь придраться. — Что — мотоцикл угнали? — спросил Боб. — Почему? — удивился сержант. — Нет… — Позвольте-ка, — сказал Боб и мягко отобрал у него свой бумажник. Под правами у Боба лежало служебное удостоверение. — Ага, — сказал сержант и вернул мне мой бумажник. — Что это у

вас там горит? — спросил Боб. — Где? — спросил сержант. — А это… Это, наверное, лыжная база — лыжную базу там строители ладили. Вот и подпалили, видать, по пьянке. Много разного по пьянке делается… — Это точно, — сказал Боб. — До свидания, сержант. — Счастливого пути! — напутствовал нас сержант. Мы уехали. Правда, недалеко. Боб вдруг резко тормознул, спрыгнул с седла, зацепившись коленом, и побежал в кусты. Вернулся он весь белый, молча сел в коляску, сказал: веди. Я пересел за руль и медленно поехал в наш лагерь.

Возле палаток Боб буквально сполз на землю, и мы с девочками принялись приводить его в чувство. Таня очень испугалась: она думала, это рецидив. Но через час Боб уже был на ногах.

— Только без вопросов, — предупредил их Боб. Служебная тайна. Таня уже пыталась меня допросить — шепотом, но энергично, я ничего не смог ей сказать. Врать не хотелось — я так и сказал: врать не хочу, а правду пока сам не понимаю, — точнее, не могу объяснить. А чуть позже Боб просто приказал мне молчать.

Начисто не помню тот вечер и ночь. Таня говорила, что мы с Бобом бузили невероятно развязно, но мрачно. Судя по тому, что я проснулся в пол-

день, Инночка еще спала, а в палатке все было скручено в жгуты, ночь прошла в приключениях. Кажется, даже бегали купаться — не помню. Когда я выбрался из палатки. Боб уже кашеварил, а Таня умывалась, стоя по щиколотку в воде. Кашеварил Боб как-то странно: на корточках, прямо как палка. — Ты чего? — спросил я. — Поясница отвалилась, — сказал Боб. — Стареешь, каналья, — сказал я. — Старею, — согласился Боб, — старею: сопли вожжой тянутся и с пива пердю. Но, обратно же, есть и преимущества у старости… Какие преимущества, он не договорил: из палатки, шатаясь, вышла на четвереньках Инночка, постояла и повалилась на бок. С днем рожденья, Винни-Пух, — сказала она, — я принес тебе самое-самое… кто видел мой лифчик? Вон там, на дереве, — сказал Боб. Почему на дереве? — удивилась Инночка, — разве ему там место? Тут произошел сексуальный взрыв, — сказал я, — вот его туда и забросило. Понятно, — сказала Инночка, — надо доставать… Она потрясла дерево, и оттуда упали лифчик, майка с девушкой-рыбачкой и одна босоножка. Вторая зацепилась крепко, мне пришлось лезть наверх и сбивать ее палкой. С дерева я и увидел милицейский «бобик».

— Атас, ребята, — сказал я, — нас едут беречь.

Интересно, — сказал Боб. Машина подъехала, из нее вышли капитан и старшина, а следом за ними давешний Миха, но я его не сразу узнал, вся правая половина морды Михи являла собой сплошной синяк. Рука была в гипсе. Одна, — подумал я. Старшина остановился шагах в пяти, капитан подошел и представился. Боб тоже представился вполне официально. — Что у вас тут произошло? — дружелюбно спросил капитан. — Необходимая оборона, — сказал Боб. — У ребят был нож, заточка и обрез. Хотите заводить дело? А куда деваться? — спросил капитан. Мы решили не писать заявления, — сказал Боб. Я вчера поговорил со вторым — он извинился перед девушкой, и все будет в ажуре. Не будете, значит, писать, — сказал капитан. — Ну ладно… А как вы объясните вот это: и он рассказал, что вчера, часа в два дня, к дому Виктора Кудинова подъехал автобус, на котором он работает, из автобуса вышли два человека, через несколько минут они вернулись, ведя за собой упомянутого Кудинова, — именно ведя, потому что тот шел неохотно и чуть ли не упирался. Видевшая это соседка вдруг чего-то так испугалась, что не могла прийти в себя до сегодняшнего утра, а утром прибежала в милицию, крича, что Витеньку

похитили бандиты. Над ней посмеялись, но через час пришел дед, ходивший по грибы, и сказал, что прямо в лесу стоит автобус Кудинова, а в автобусе никого нет. Забавно, — сказал Боб. — Мужик ночь дома не ночевал, а его уже милиция разыскивает. Значит, так, с Куликовым я разговаривал в десять часов утра, объяснил ему популярно положение вещей, с двенадцати часов и примерно до пятнадцати тридцати был в районной больнице, могут подтвердить дежурный врач и больные. Он, — Боб показал на меня, — был здесь с утра до вечера, могут подтвердить девушки и окружающие отдыхающие. Так, алиби у нас есть, мотивов у нас нет, поскольку, во-первых, мы их позавчера и так накидали, а во-вторых, проще всего было бы сдать ребят вам, а вещдоки — вот: и Боб выложил завернутые в полиэтилен нож Михи и заточку усатого; обрез, прошу прощения, залапали, сгоряча схватились пару раз, а на ножичках отпечатки все на месте… но вот решили волну не поднимать, миром разойтись… Дурак ты, — сказал капитан Михе, — если бы это были они — стали бы они тебе тут на месте сидеть? Вот именно, — сказал Боб. — Кстати, что за ребята его увели, в чем одеты были? Мы вчера видели двоих в лесу, странные какие-то… Чем

странные? — спросил капитан. Стоят, руками машут, а мы подошли — повернулись и побежали. Странно, — согласился капитан. Один в зеленой штормовке был и в сапогах, второй в коричневой куртке. Точно, — сказал Боб, — они. Их мы и видели. В котором часу? — спросил капитан. В семь, в начале восьмого, — сказал Боб. А где, можете показать? Примерно, — сказал Боб. Там, вдоль озера если ехать, километрах в восьми дорога в лес уходит. Там и видели. Спасибо, — сказал капитан, протокол как — сейчас напишем или завтра в отделение заедете? Да давайте сейчас, — сказал Боб. — И запишите мой телефон, надо будет, звоните.

Потом, когда «бобик» уехал, я отвел Боба в сторонку и спросил: а как ты узнал, в чем они были одеты? Ты же их не видел. Кто? — не понял Боб. Ну эти… похитители. Никак я не узнавал, он сам все сказал. А я подтвердил, что их и видел. От фонаря ляпнул. От фонаря — и в десятку, — сказал я. Это они были там, у дома… О-ла-ла! — сказал Боб. Доигрался Витечка. Вот к чему приводит неумеренная тяга к желтому металлу. Рассказывай, велел я. Попозже, — сказал Боб. Вот вернемся в город, сядем спокойно…

Инночка налетела, как маленький смерч, пну-

ла Боба в бок, заколотила по нему кулачками, я попытался схватить ее сзади, она отмахнулась локтем, и очень удачно — прямо мне в глаз. Я с размаху сел на помытые миски. Боб наконец ухватил Инночку поперек туловища и поднял ее в воздух. Оказавшись без опоры под ногами, Инночка не сдалась и продолжала лупить Боба по гулкой спине. Подбежала Таня, остановилась, не зная, что делать. Это вы, вы убили его! — кричала Инночка. Нет, — сказал Боб, не выпуская ее из рук, — не мы. Правда — не мы. Врешь, врешь, — всхлипывала Инночка, — ты и милиционеру врал. Ничего я не врал, — сказал Боб, — а если и не сказал чего-то, то так надо, потому что сам веду это дело и не хочу, чтобы они мне помешали. А Витю-то уби-или! — проскулила тихонько Инночка. Неизвестно еще, — сказал Боб, — ты так и знай: пока тело не найдено, об убийстве речи не ведется. Знаешь, как это бывает: пропадает, а потом выныривает — через год, через пять… Витечка твой запутался в деле одном нехорошем, а вчера понял, что я это дело раскручиваю — ну и дал деру. Скорее всего. А ты — убили, убили… убьешь такого, как же. Наверное, Инночка поверила, потому что с кулаками больше не бросалась и даже помогла мне промыть заплывший глаз.

Но все равно что-то сломалось, и после обеда мы стали собираться обратно в город. Как-то не получалось с отдыхом после всего этого.

Обратно добирались прежним порядком. Вести мотоцикл, имея только один глаз, оказалось труднее, чем я думал, но тем не менее в кювет я не завалился и на встречную полосу не выскочил. Дома меня не ждал никто, в окнах Боба тоже не было света. Я помылся с дороги, а потом лег спать. Проснулся, как от удара — что-то приснилось такое, от чего перехватило дыхание, но что именно, я не запомнил. С тех пор я часто так просыпаюсь — не каждую ночь, конечно, это было бы совсем уж невыносимо, но часто… А в ту ночь мне припомнилась одна из хохмочек Боба: «Экспертиза установила, что череп погибшего пробит изнутри», — у меня было именно такое чувство, что из меня что-то стремится вырваться, пробить череп и вырваться. Это было мучительно.

Утром пришла Таня и сказала, что Бобу опять плохо и что он просит меня зайти. Боб лежал в кровати, зеленоватый с лица, лоб был обмотан полотенцем. Мой глаз так и не открывался, и смотрелись мы вместе, вероятно, интересно. Таня сказала, что сейчас она пойдет в свою больницу и приведет сюда доктора, который лечил Боба.

Боб слабо сопротивлялся. Таня легко преодолела это сопротивление и ушла с напутствием: делай что хочешь. А потом Боб сел и с лихорадочным блеском в глазах стал требовать с меня страшную клятву, что я никому никогда ни при каких обстоятельствах — ни при каких абсолютно! — не расскажу про зеркала. Тогда я сказал, что собираюсь, в общем-то, писать про все это. Боб сказал, что писать — это пожалуйста, все равно не поверит никто, — но никому не рассказывать, а главное — не давать показаний. Показаний? — не понял я. Да, показаний, — подтвердил Боб, — если меня будут допрашивать, то я не должен и словом обмолвиться про все это. Я подумал и согласился, но за это потребовал, чтобы Боб рассказал мне то, что я сам еще не знаю.

"Вячеслав Борисович помолчал немного, потом, нахмурясь, медленно стал говорить. Видно было, что он затрудняется в подборе слов — так бывает, когда начинаешь говорить что-то непривычное.

— Очевидно, миры в нашей вселенной лежат послойно, и каждый мир соприкасается с двумя параллельными ему мирами, в которых течет своя самостоятельная жизнь. В обычных условиях переходов между мирами нет, но переход можно создать с помощью неких устройств, в

нашем случае замаскированных под зеркала. Когда устройство работает, можно попасть из нашего мира в оба соседних. Но топография миров не совпадает, поэтому для того чтобы проникнуть в другой мир, надо выбрать в нашем мире такое место, откуда выход в тот мир вел бы на поверхность земли, а не под воду и не в верхние слои атмосферы. И точно так же — во второй из соседних миров… Трудно сказать, как именно эти зеркала попали к нам — это явно не земная техника. Видимо, жители одного из соседних миров — а скорее всего, даже не соседнего, а какого-то более отдаленного, — научились переходить из мира в мир и везде устанавливали такие вот зеркала, оставив при них обслуживающий персонал — или замаскированный под аборигенов, или составленный из подготовленных аборигенов. Далее: в соседнем с нами мире, назовем его «красным», по цвету зеркала, идет война — видимо, давно. Есть беженцы, эмигранты. И вот беженцам некто предлагает переправить их через границу в нейтральное государство. Переправа осуществляется через наш мир — у нас тихо, спокойно, границ в этом месте нет. Здесь эти агенты выходят на наших деловых людей: транспорт там, то-се… Наши, понятно, требуют

плату. Те стали рассчитываться золотыми монетами. Наших запах золота взъярил, и они взяли это дело в свои руки. Поначалу, вероятно, переправляли, как раньше: беженцы платили деньги, их в определенном месте ждали, проводили в наш мир, усаживали в автобус, везли вместе с зеркалами за четыреста километров и там вновь переправляли в их мир — уже на невоюющую территорию. А потом кому-то пришла в голову мысль: зеркала-то два… И беженцев стали проводить не через «красное» зеркало, а через «черное». Наши деловые ребята получали теперь не только плату, но и все имущество беженцев. А жители «черного» мира понемногу играли все более и более важную роль — уже не просто покупателей живого товара, а организаторов, вполне вероятно, что они намерены были полностью захватить переправу в свои руки. Но — не удалось…"

На самом деле ничего этого Боб не говорил. Он побелел и заорал, чтобы я никогда, никогда больше не смел спрашивать его об этом, потому что для меня это любопытство, а он должен вспоминать то, что видел там… Потом он откинулся на подушку и закрыл глаза. Так что все, что я написал про этот разговор, я выдумал сам. В какой-то мере в этом мое спасение, потому что

всегда остается кусочек сомнения — ну а вдруг я ошибаюсь? У Боба не было такой отдушины — он знал все. И еще — он ведь просто не мог оставить все так, как есть, и в то же время он ничего не мог сделать…

А тогда мы долго сидели, обдумывая каждый свое. Боб, сказал я наконец, и что же ты намерен делать? Не знаю, сказал Боб, надо что-то придумывать. Не знаю. Ведь за дело, за то, что они творили, я их привлечь не могу — нет такой статьи. Закона они не нарушали, понял? Нет закона — нет и преступления. А на нет и суда нет. Хорошие ребята, золото-парни… Ну, а все же? — упорствовал я. Не знаю я, — сказал Боб устало, — ну чего ты ко мне привязался?

ОСКОЛКИ

Осколки зеркал я нашел через неделю в коляске мотоцикла — так и лежали, засунутые под сиденье. Кто и как их туда засунул, не знаю. Видимо, все-таки я. Конечно же, я попробовал устанавливать их одно напротив другого, и, конечно же, они засветились. И я страшно испугался. Это был необъяснимый испуг — так в детстве боятся всяких страхоморов. Мне показалось вдруг, что сейчас из черного зеркала высунутся те самые извивающиеся руки и втащат меня туда, в черный мир — куда уводили беженцев… Я тут же опрокинул зеркала и больше не прикасался к ним — очень долго. Бобу я почему-то не сказал ничего. Не знаю почему. Может быть, зря. Наверное зря.

Боб поправился недели через две. Целых два месяца он — уже выйдя на работу и занимаясь чем-то еще — вел частный сыск, пропадая иногда на несколько дней. Тогда Таня стала приходить ко мне вечерами, мы пили пиво и разговаривали, и она плакала и говорила, что не может без него жить… Боб стал раздражителен и вспыльчив, говорить о чем-нибудь с ним было мучением.

Я писал детектив, где немыслимо умный Вяче-

слав Борисович распутывает зубодробительное дело, отправил то, что получилось, в журнал, и пришел ответ, что все хорошо, надо только сделать так, чтобы события происходили в Америке — так сказать, изобразить их нравы. А второго ноября Боб вызвал повестками к себе неких Осипова, Старохацкого и Буйкова, заперся с ними в своем кабинете и шесть часов допрашивал — по крайней мере, те, кто пытался войти, получали ответ: идет допрос. Потом Боб расстрелял их. Он поставил их к стенке и расстрелял из охотничьего ружья — никто не знает, где он взял ружье. Это было не то, которое он приволок неведомо откуда и с которым я прикрывал его у зеркал, — то осталось в огне. Это было старое курковое ружье тридцать второго калибра. Боб стрелял жаканами. Всех троих он убил наповал. Потом, пока ломали дверь, он сжег дело. Он облил ацетоном и сжег две папки с документами и две магнитофонные кассеты с записями. Дело погибло безвозвратно. Боб молчал на следствии, молчал на суде. Суд был в апреле. Судья понимал, что здесь что-то нечисто, но думал, что Боб кого-то выгораживает. До этого он и хотел докопаться. Но Боб молчал. Тогда его приговорили к высшей мере. Он выслушал приговор с пониманием,

покивал. В сентябре его расстреляли.

Я понимаю его. Наверное, было бы правильнее, чтобы я его не понимал — но я понимаю. Он сделал то, что считал необходимым сделать, и принял как должное то, что полагалось. Сделал то, что мог. Осколков не собрать, это верно, но почему так страшно мучает меня то, что я узнал, услышал от него ночью на берегу озера, когда вверху сухо и звонко проносились грозовые тучи, а волны лихо влетали на пологий берег, обдавая нас брызгами, и шумели деревья, — почему я не могу часами уснуть после того, как изнутри что-то рванется наружу и отступит, погрузится обратно, наткнувшись на черепную кость, — почему я не могу протянуть руку Тане, а прячу перед нею глаза, как предатель? Где и когда я предал Боба? Не знаю…

Странно это: я почти ничего не знаю, а живу. Не знаю ничего. И — ничего…

Александр Кацура, Валерий Генкин

ЗАВЕЩАНИЕ БЕГЛЕЦА

Одинокая свеча белой китайской сосны еще стояла перед его глазами, когда автомобиль проносился мимо зарослей буджума - оживших видений Миро и Танги. "Уникальный экземпляр, - всплыл в памяти голос гида, - обычно китай-

ская сосна ветвится от основания". Белый ствол и у подножия - белый же прямоугольник мрамора на травянистом холме.

БЕНДЖАМИН ГЕРАРД
ВАН КРОЙФ

Луч вечернего солнца, спотыкаясь, скользит по выбитым цифрам.

"По мнению немецкого ботаника Майера, безмятежная величавость этого дерева, называемого также кружевной сосной, не имеет себе равных в растительном мире". Знай Кройф, что его положат под самым безмятежно-величавым деревом на свете, он передумал бы умирать. "Смерть слишком респектабельна для меня, - сказал он однажды. - Представьте себе, Ник: Монти в трауре, состряпав скорбную рожу, произносит надгробную речь. Да я воскресну от смеха!"

Впечатляющая картина - сэр Монтегю в безупречном черном костюме, с величественно простертой рукой, и Кройф в старой тренировочной фуфайке, вылезающий из гроба с вольтеровской улыбкой на тонких губах. Впрочем, видение Бена не сбылось. Сэр Монтегю не произнес речи. Он стоял серый, опухший от

горя, опираясь на плечо дочери, а потом уехал, не дождавшись конца церемонии.

Справа от дороги осталась роща сейшельских пальм. "Орех такой пальмы, - восхищался гид, - представляет собой самое большое семя в мире. Вес его может достигать сорока фунтов. В старину такие орехи находили на берегах Индийского океана, куда их заносили течения, но мало кто знал, где родина этих плодов. Молва наделяла их волшебной силой: люди верили, что их мякоть спасает от любого яда и придает неутомимость в любви. За один такой орех австрийский эрцгерцог Рудольф I Габсбург предлагал четыре тысячи золотых флоринов..." Дорога огибала озерцо и отделялась от него полукружием вперемешку стоящих берез и кленов - березы по-летнему зелены, клены по-осеннему красны. Тим явно любил такое сочетание красок. Здесь же, в Тимгардене, Николай видел всплески красного клена в темном ельнике, а рядом - алые бархатистые плоды кнестиса на фоне придорожной листвы. "Типичный для Новой Шотландии пейзаж соседствует с растительностью Западной Африки..."

Снова озеро. На этот раз побольше. К нему на водопой устремилось стадо баньянов - ги-

гантских фикусов с горизонтальным стволом и сотнями ног-корней. Николай остановил машину, вылез и пошел к ближайшему пьющему баньяну. Добравшись до края ствола, нависшего над озером, он сел, спустив ноги к самой воде, и огляделся.

Открывшееся на противоположном берегу зрелище поразило его почти неправдоподобной красотой. Стена густо-зеленого гигантского вереска была заткана золотистыми колокольчиками коухаи - национального цветка Новой Зеландии. Слева длинным языком тянулись травянистые заросли гавайских серебряных мечей, над которыми возвышались стволы серебряных же деревьев, чья родина - мыс Доброй Надежды. Шелковистые волоски на их листьях блестели светлым металлом. В центре росли древовидные лилии - юкки, выбрасывающие вверх белые цветочные султаны, а справа - вывернутые наизнанку зонтики, источающие кроваво-красную смолу, - драконовые деревья. "Согласно старинной индийской легенде, драконы, вожделея слоновьей крови, убивали слонов. Обвившись вокруг хобота, дракон кусал слона за ухом и выпивал всю кровь. Случилось однажды, что обессиленный гигант упал на дракона

и раздавил его. Кровь их смешалась, и смесь эту назвали киноварью, а потом так стали называть смолу драконового дерева... Деревья эти живут тысячи лет. Известны экземпляры, которые старше первых пирамид. Удивительно, что здесь драконовые деревья соседствуют с..." Соседствуют? Вздорное слово. Вялое.

Николай вернулся к машине. Рощи бразильской жаботикабы с плодами, по вкусу превосходящими лучшие сорта винограда, цейлонские пальмы тени - один лист такой пальмы дает благословенную прохладу целой толпе, стометровые секвойи и эвкалипты, индонезийские кеппелы, чьи плоды всегда сочны и пахнут фиалками, целебная оранжевая облепиха, раскидистые аргентинские омбу со скамьями из собственных корней - все растения Тимгардена не просто соседствуют. Они, говоря языком международного протокола, сотрудничают, а лучше сказать - помогают друг другу. Не зная ботаники, Николай достаточно хорошо знал Тима, чтобы с уверенностью сказать, каких растений нет и не может быть в Тимгардене. Здесь наверняка нет жестокого когтистого дерева, о котором Николай с ужасом читал еще ребенком. Его семенные коробочки сплетены

из множества острых крючков. Когда неосторожная газель наступает на такую коробочку, крючки расходятся, копыто упирается в стенку, а потом изогнутые колючки со всех сторон впиваются в ногу животного. Каждый шаг газели загоняет колючки все глубже. Много мучительных миль должна пробежать она, прежде чем коробка-капкан распадется, чтобы рассеять семена по земле. Нет, такого дерева не может быть в саду Тима.

Промелькнула изящная рощица древовидных маргариток ("Удивительнее всего, уважаемые дамы и господа, что эти растения, некогда образовывавшие живую изгородь дома Наполеона на острове Святой Елены, около ста лет назад полностью исчезли с лица земли..."), и машина въехала в пограничный пояс Тимгардена: полоса секвой сменилась кипарисами, потом - брюхастыми баобабами. Последние метры - уже не лес, а скорее баррикада из тысяч переплетенных горизонтально расходящихся слоновых деревьев, преграждающих доступ пустыни к созданию Тима.

Семьдесят миль прямой, как шпага, дороги, отчужденной от пустыни тонкой полосой колючего кустарника, соединяли Тимгарден с

Ноксвиллом. Николай включил автоматическое управление и стал смотреть через заднее стекло на уходящую зеленую стену. "Ник, а у меня есть душа?" - "Пожалуй, да". - "Так что же вы со мной делаете?" - "Мы любим тебя, Тимоша". - "Ну да, как пылесос, у которого есть дополнительное удобное качество - можно поболтать". Сад, где ни один вид не живет за счет другого. Сад - упрек. Сад - прообраз идеального, в представлении Тима, мира. Сад - призыв. Сад - завещание.

Самолет поднялся с ноксвильского аэродрома на рассвете. Еще несколько минут Николай видел зеленый язык Тимгардена, начинающийся от самых гор и уходящий далеко в пустыню. "Площадь этого парка, сада, леса - как вам будет угодно его назвать, уважаемые дамы и господа, - близка к трем тысячам квадратных миль, что лишь немного уступает размерам Йеллоустонского национального парка. Но по многообразию флоры Тимгарден не имеет себе равных..."

Николай закрыл глаза. В памяти встала лаборатория - чистая, красивая, еще до побега. Пульты, блеском клавиш и кнопок напоминавшие электроорган. Вязь проводов и шлангов. Светлые квадратики опрокинутых окон на

стекле защитных колпаков. Потом все исказилось: шланги разорваны, на полу - нелепый перевернутый колпак. Николай вместе со всеми бежит в препараторскую, утыкается в кремовые спины полицейских. Он поднимается на носки и через плечи, там - съежившееся тело, мятый задранный халат, синюшное лицо. Картина не успела поблекнуть, как память подсунула новую. Плавное движение пальцев, навинчивающих глушитель. Ствол поворачивается, становится короче, короче, превращается в черный немигающий зрачок. Он растет, но наплывает следующий кадр. Легкие обводы спортивного самолета, шоколадные руки на штурвале, а там, внизу...

Резким. движением Николай сбросил оцепенение. Посмотрел в окно. Самолет летел над пустыней. Через три часа - Нью-Йорк, в Москве он будет уже ночью. Завтра днем он обещал забежать к Бурминым, а в пять - к Гранику: надо договориться об отпуске. Это из его кабинета - и года еще не прошло - Николай выбежал в институтский коридор, ошалевший от неожиданного предложениям, а в мозгу билось: "Удача, удача!"

1

"Удача, удача! - думал Николай, летя вниз по ступенькам. - Попасть на стажировку в Ноксвилл, к самому Кройфу". По словам Граника, Кройф сам назвал его, Николая Добринского, когда речь зашла о стажере из Пущинского института биофизики.

- Старик читал твою последнюю статью в "Интернейшнл Биосайбернетикс энд Биоинформетик" и позвонил мне. Он сказал, что не прочь сбить с тебя спесь, если ты согласишься приехать к нему на пару-другую месяцев. Что ты об этом думаешь? - спросил Граник.

Вопрос, впрочем, не требовал ответа. Граник прекрасно знал: не то что поработать, просто побывать в Ноксвильском центре биокибернетики и биоинформатики было потаенной мечтой Добринского.

- Характер у Кройфа нелегкий, а при твоем упрямстве вам там будет не скучно. Иди, готовься. Вылетишь через две недели.

2

Из Лас-Вегаса в Ноксвилл Николая доставил подвернувшийся спортивный самолет. Распро-

щавшись с пилотом — тощим молодым негром, он сел в такси и через четверть часа оказался в номере ноксвильского отеля. Прежде всего он позвонил секретарю Монтегю Бодкина и получил уведомление, что директор Центра биокибернетики ждет его в четырнадцать тридцать. Не распаковывая чемодана, Николай принял душ, потратил десять минут на шавасану и наули и, умиротворенный, спустился вниз, ощущая, однако, могучий голод. Портье дал ему исчерпывающие ответы на два вопроса: где можно позавтракать и как добраться до биокибернетического центра.

- Вы можете зайти в наш ресторан при гостинице, но я рекомендую Эдвардса. Там подают форель, а если вы предпочитаете мясо, то лучше бифштексов не найти и в Лас-Вегасе. Мэгги - дочь старика Эдвардса - готовит их по старинным домашним рецептам. Домашняя еда, сэр! Налево и еще раз налево - через две минуты вы на месте. На вывеске - голова быка. А если от Эдвардса спуститься к набережной, то упретесь в муниципальную стоянку. Там и такси, и пункт проката. Если вы к нам надолго, советую взять машину напрокат, это дешевле. От набережной до биоцентра минут семь езды.

- Я приехал на три месяца, - сказал Николай.

- Смело берите машину на весь срок. Центр оплачивает транспортные расходы своих сотрудников. Сэр Монтегю не скуп. Чего-чего, а этого у него не отнимешь.

- Благодарю. Именно к сэру Монтегю Бодкину я и направляюсь. Он ждет меня в половине третьего.

- Приходите на пять минут раньше. И - извините меня, сэр, что я беру на себя смелость давать вам советы, - могу порекомендовать прекрасного парикмахера.

- Что-нибудь неладно с моей головой? - спросил Николай.

- Что вы, сэр! Я далек от мысли подвергать сомнению достоинства вашей головы. Не будь вы талантливы, что вам делать в Центре? Но сэр Монтегю, без сомнения, оценит безупречность прически, а за работу Джорджа Гудвина я могу поручиться. Это мой брат. Если бы я не боялся отнять у вас время, я поведал бы вам, что сказал сэр Монтегю, когда Ричард Глен появился у него в кабинете вот с такими кудря...

На конторке зазвонил телефон.

- Извините, сэр, - портье поднял трубку. - Отель "Скана"... Да, сэр. Разумеется, сэр...

Николай, воспользовавшись паузой, вышел на улицу.

Заведение Эдвардса сразу ему понравилось. От интерьера - темное дерево, низкие абажуры с бахромой - веяло покоем и уютом. Два-три столика из двух десятков были заняты. За стойкой пожилой толстяк в красной барменской куртке негромко разговаривал с худенькой девушкой, высокой, рыжеволосой, с веснушками. Девушка прервала беседу и подошла к Николаю, как только тот уселся у окна.

- Недавно приехали, сэр? Хотите позавтракать?

- На, оба вопроса я отвечаю: "Да". На первый - с удивлением, на второй - с нетерпением. В последний раз я ел над Атлантикой, - сказал Николай и с удовольствием уставился на девушку.

- Значит, вы поститесь уже пять тысяч миль?

- Не менее. Я близок к голодному обмороку.

- Сейчас я вас спасу, мистер...

- Просто Ник. Если вы будете произносить мое имя полностью - Николай Константинович Добринский, - я умру где-то в середине отчества.

- Стало быть, вы русский?

- Да, а это важно?

- В данный момент - особенно. Я удвою толщину

бифштекса и подам больше хлеба.

- Вы ангел, мисс...

- Просто Мэг. Если вы будете произносить мое имя полностью - Маргарет Элизабет Финли Эдвардс, - вы умрете где-то в середине второго имени.

Обещанный бифштекс явился почти тотчас. Был он толст и кровоточил. Темно-коричневые корочки лука прикрывали его иззубренной горкой, у подножия которой нежные перья зелени посверкивали каплями уксуса. Бифштекс сопровождала высокая кружка темного пива. На отдельном подносе был подан огромный салат и какая-то тушеная овощная смесь с приправами трех цветов и ароматов.

Снова Мэг появилась не ранее того момента, когда последний кусок мяса и последний глоток пива были проглочены, а овощи частично съедены и частично растрепаны.

- Кофе, Ник? Пирожное?

- О да, с удовольствием. Давайте и пирожное. А скажите, Мэг, как вы узнали, что я только что приехал в Ноксвилл?

- Коренные ноксвильцы знают друг друга в лицо - нас так мало. А те, кто работают в Центре, никогда не бывают здесь днем в будни. Да и вид

у вас не здешний. Вы слишком... ну, скажем, аккуратно одеты для мужчины вашего возраста, чтобы сойти за местного. В Ноксвилле меняют джинсы на брюки только на свадьбах и похоронах.

- А портье в гостинице мне советовал зайти в парикмахерскую, прежде чем являться в Центр.

- Еще бы! Сэм хлопочет о клиентуре для своего брата. А кроме того, вы, видно, идете к сэру Монтегю?

- Да.

- Тогда Сэм прав. У нашего Монти предубеждение к длинным волосам.Говорят, когда к нему явился Дик Глен с прической как у... Простите, Ник... - она отошла к соседнему столику, за который усаживался сутуловатый худой человек - морщинистое загорелое лицо, голубые спокойные глаза, седой бобрик.

- Я слышала, вы болели, мистер Хадсон?

- Пустяки, мисс Эдвардс. Если вас не затруднит, стакан молока.

- Сию минуту.

Снимая с подноса белый бокал. Мэг громко произнесла:

- У нас сегодня необычайный наплыв биокибернетиков. Рядом с вами - мистер Николай

Добринский, ваш будущий коллега.

Николай. привстал и поклонялся. Седой джентльмен тоже привстал. Лучи морщин разбежались в приветливой улыбке.

Зал понемногу наполнялся. Кофе принес толстяк в красном - сам Эдвардс, как догадался Николай. Он же получил деньги.

Выйдя на улицу, Николай направился было к набережной, но тут взгляд его упал на внушительную витрину с надписью: "Салон красоты Дж. Гудвина". Смутные воспоминания о читанном в детстве "Волшебнике страны Оз" промелькнули в мозгу, и он решительно открыл зеркальную дверь. "Трусливая попытка избежать нелегкой и мало известной мне судьбы какого-то молодца, явившегося к сэру Монтегю с непотребной прической", - подумал Николай, возвращая улыбку мистеру Дж. Гудвину, который сразу же пригласил его в кресло.

Из приоткрытой в соседнюю комнату двери сочился тонкий аромат, далекий, впрочем, от парикмахерского обихода. Хотя воспоминания о кухне Эдвардса были еще свежи, нос Николая с удовольствием ловил нежный запах жареных грибов и чабреца. Брат портье походил на своего монументального родственника не на-

ружностью, а разговорчивостью. И пока журчал его голос, а по волосам бродила массажная щетка, Николай представлял себе встречу с сэром Монтегю - без особого трепета, несмотря на предостережения портье, и с Кройфом, которого он видел в Москве, но знаком с которым не был.

- Эти молодые дарования думают, что содержимое их черепа дает право носить на голове первозданный хаос, - вещал мистер Гудвин. - К счастью, сэр Монтегю и сэр Мэтью получили хорошее европейское воспитание, но их пример, увы, для молодых сотрудников ничего не значит. Они боготворят Кройфа. Не знаю, может быть, он и гениален, но, с моей точки зрения, уход за волосами ему бы не повредил. С вами интересно работать, хотя и не просто: волос жесткий, упругий. Вы, судя по выговору, англичанин?

Николай, не успевший сказать и двух слов, не понимал, каким образом Дж. Гудвин мог составить мнение о его выговоре. Однако отвечать не пришлось: последний удар кисти - и картина была закончена. Николай увидел в зеркале безупречную линию прически, лишившую его остатков мальчишеского облика.

- Вот теперь сэр Монтегю не скажет вам того,

что он сказал Ричарду Глену, когда тот осмелился прийти к нему вот с такой гри...

- Джордж! - в проеме двери показалась высокая фигура ухоженного человека средних лет с чувственным ртом. - Ты не забыл про свое варево?

Дж. Гудвин потянул носом, лицо его трагически перекосилось.

- Боже правый, Кен! Мой шапон э шампионьон а ля крем! - отбросив салфетку, он исчез за приоткрытой дверью.

Загремели сковородки. Что-то зашипело. До Николая явственно донесся аромат хорошо сдобренной перцем курицы и жареных грибов.

Прислушиваясь к вкусному запаху, Николай с грустью подумал, что ему так и не пришлось услышать имеющую, по-видимому, широкое хождение в Ноксвилле историю о том, что же сказал сэр Монтегю Бодкин некоему Ричарду Глену, когда тот... и так далее.

Было без четверти два, когда, миновав квартал новых коттеджей сотрудников Центра, Добринский вышел на набережную Колорадо и сразу же наткнулся на заключенную в каре пальм стоянку с дюжиной автомобилей и микроавтобусов. Он выбрал двухместный

"форд-электро" красного цвета и собирался было уплатить за месяц вперед, но молодой человек, оформлявший заказ, посоветовал не торопиться, поскольку, как он объяснил, Центр обычно берет на себя расходы за аренду автомобилей своими служащими. Уплатив за сутки, Николай выруллил на дорогу и скоро оказался в окружении весьма скудного пейзажа, свидетельствующего о близости пустыни. Когда река удалилась на несколько миль, Добринский почувствовал себя неуютно от сухого жаркого ветра и, закрыв стекла, включил кондиционер. Ехал он медленно, и дорога заняла не обещанные семь минут, а целых пятнадцать, которые он употребил на то, чтобы вспомнить все слышанное им о сэре Монтегю Бодкине.

3

Пройдя сквозь Итон и Кембридж, Монтегю Бодкин увлекся биофизикой. Его научная карьера была столь же блистательной, сколь прихотливой. Опубликовав несколько нашумевших работ по гелиобиологии - той области биофизики, которая изучает воздействие солнечной радиации на живые организмы, - сэр Монтегю внезапно потерял к ней интерес и занялся астрономией,

пытаясь оживить в этой науке астрологические мотивы. В его речах и статьях замелькали имена Гвидда, Мишеля Нотрдама, Иоганна Кеплера, Ганса Горбигера. Он доказывал, что методы научного прогнозирования обречены на роковую неполноту, если игнорировать, не использовать - разумеется, во всеоружии рациональной критики - мудрость, накопленную поколениями азиатских и европейских астрологов и оккультистов. Осмеянный коллегами, он исчез с научного горизонта, чтобы вынырнуть вновь в обличье поэта-авангардиста - опубликовал два-три сборника стихов, обогнавших в оригинальности, по утверждениям некоторых постмодернистских критиков, Элиота, Йейтса и Одена. Несколько эссе по истории науки вышли из-под его пера, прежде чем увидел свет капитальный труд по экологическому прогнозированию. Сэр Монтегю едко высмеял последнюю надежду экологов, так называемую идею устойчивого развития, довольно убедительно показав ее внутреннюю противоречивость. А заодно не без юмора прошелся по мрачным представлениям о назревающем глобальном экологическом кризисе или даже коллапсе. Злые языки утверждали, что Бодкину не дают покоя лавры Чижевского,

о котором говорили как о Леонардо да Винчи двадцатого века. Однако Александр Леонидович Чижевский успел вовремя отодвинуть на второй план поэзию, живопись и историю, с тем чтобы сделать ощутимый вклад в биофизику: он-то и создал гелиобиологию.

Бодкин не оставил заметного следа ни в одной области науки и искусства - Леонардо да Винчи своего века из него не вышло. Но после двадцати лет проб и ошибок в нем обнаружились два свойства. Во-первых, сэр Монтегю развил в себе обостренное чутье на ожидаемые зигзаги и катаклизмы в развитии научного постижения мира. Он безошибочно определял горячие точки и предсказывал тупик для одних идей и торную дорогу для других. Он поставил крест на надежды в области высокотемпературной сверхпроводимости, предрек кризис некоторых направлений традиционной медицины и фармацевтики (подчеркивая, например, вредоносные последствия применения аспирина и альбумина, излюбленных средств американских эскулапов от всех болезней), снисходительно отнесся к практике клонирования, довольно точно определил этапы окончательной победы над раком и СПИДом, но не упустил случая

указать на ряд пагубных последствий повсеместного распространения компьютерных сетей и Интернета. Несколько лет он находился в положении Кассандры: его пророчества встречались холодным скептицизмом, а то и насмешками. Но время шло. Одно за другим сбывались предсказания "старого Монти", и отношение к нему переменилось. Его пригласили на должность консультанта министерства планирования научных исследований. Вот тут и проявилось второе ценное качество Бодкина - он оказался редких способностей организатором.

Столкнувшись с задачей управления сложными системами, Бодкин осознал неизбежность нового кибернетического взрыва, аналогичного буму полувековой давности, связанному с развитием микроэлектронной технологии. Сэр Монтегю утверждал, что одряхлевшая полупроводниковая микроэлектроника зашла в тупик, каковое обстоятельство влечет за собой неминуемый упадок в роботоике, вычислительной технике и прочих ипостасях искусственного интеллекта. Компьютеры последнего поколения блестяще играли в шахматы, сочиняли музыку (толпа не отличала ее от созданной человеком), решали довольно сложные инженерные задачи,

но откровенно пасовали перед задачами нового типа - с нечеткими условиями и размытыми границами. Но именно такие проблемы возникали в болезненных точках развития человечества по всему миру, а особенно - в огромной и все еще пугающей России. Единственный путь преодоления кризиса Бодкин усматривал в создании мозгоподобных биологических автоматов. "Если Англия не хочет плестись в хвосте мирового процесса развития научных и технологических идей, - заявил сэр Монтегю, - она должна немедленно приступить к разработке всеобъемлющей программы создания биокибернетических устройств, пока это не осуществили американцы, японцы, китайцы или русские, которые вот-вот сделают первые шаги в этом направлении". Однако министерство планирования науки Ее Величества отказалось поднимать перед парламентом вопрос об ассигновании восьмидесяти миллионов фунтов на предлагаемую программу - суммы, названной сэром Монтегю в качестве приблизительной оценки.

Разгневанный Монти произнес страстную речь на встрече итонцев своего выпуска, где предложил скорбной минутой молчания почтить прах

британской науки, отданной во власть невежд из министерства планирования. Спустя месяц он получил приглашение из Вашингтона возглавить проектируемый институт биокибернетики и без долгих колебаний уехал в Соединенные Штаты, где соответствующая сумма в долларовом исчислении не пугала ни правительство, ни конгресс.

Организацию института сэр Монтегю начал с поиска двух основных специалистов, на которых ему предстояло опираться: математика и биолога. Первого он выбрал сразу: старый итонец Мэтью Килрой вот уже десять лет работал в Массачусетском технологическом институте, и круг его интересов вполне совпадал с требованиями биокибернетики. Бодкин повязал "старый школьный галстук" и отправился в Бостон. Корпоративный дух сделал свое дело, и будущий институт обзавелся первоклассным математиком. С биологом дело обстояло сложнее. Отклонив по разным причинам с десяток американских и европейских ученых, сэр Монтегю остановился на негромком имени немолодого уже биохимика Бенджамина ван Кройфа, чей доклад он услышал на Международном симпозиуме биоинформатики в Цюрихе. Кройф так

поразил сэра Монтегю абсолютной свободой идей и полным пренебрежением к авторитетам, что Бодкин возымел желание познакомиться с ним поближе, а добившись встречи и изложив Кройфу суть дела, услышал ответ, который привел его в неописуемый восторг: "Я согласен продать вам свой мозг для создания похожего искусственного при условии, что вы не будете совать нос в мои дела".

4

Ноксвильский биокибернетический центр показался за поворотом. Дорога уткнулась в ограждение и растеклась в обширную площадку с аккуратно расставленными машинами. Запарковав свой "форд", Николай прошел через ворота и спросил у мужчины, подстригавшего газон, как пройти к сэру Монтегю Бодкину. Мужчина махнул в сторону трехэтажного белого здания и снова застрекотал машинкой.

В линиях дома был намек на английскую замковую архитектуру - ностальгическая нота звучала в душе руководителя Центра, когда он толковал с архитектором,- однако это был именно намек: дом был выстроен в свободной современной манере, и парк так незаметно пере-

ходил во внутренние помещения, что Николай вздрогнул, обнаружив, что идет не по траве, а по толстому ворсу зеленого ковра. Подняв голову, он увидел... Мэг.

- Мэг?

Руки девушки застыли над клавиатурой. Николай с удивлением отметил, что в одежде и прическе Мэг Эдвардс произошли коренные перемены: свободная зеленая блузка, джинсы и рыжая копна волос уступили место строгому коричневому платью и короткой каштановой стрижке.

- Как только появится мистер Добринский из Москвы, попросите его ко мне, - проквакал полированный пенал на столе.

- Да, сэр, - девушка встала. - Насколько я понимаю, мистер Добринский - это вы?

- А мне-то казалось, что вы уже давно называете меня Ником. Ну хорошо, пусть будет мистер Добринский.

- Мистер Добринский, сэр, - произнесла девушка в этот же пенал и открыла дверь в кабинет.

Монтегю Бодкин огибал резной угол стола. Серый корректный костюм с ленточкой медали Буша, американской награды за научные заслуги, сине-голубой галстук, худое удлиненное лицо.

- Вам предстоит работать с доктором Бенджамином ван Кройфом. С ним вы и обсудите подробнее ваши планы, - сэр Монтегю говорил, растягивая окончания. Ленивое движение брови и легкая улыбка заменяли ему все богатство мимики. - Мисс Эдвардс, с которой вы уже познакомились, введет вас в курс нашего распорядка и объяснит, как найти службы Центра, которые могут вас интересовать. Она же проводит вои к доктору Кройфу. Есть какие-нибудь вопросы ко мне, мистер Добринский?

- Они еще не успели возникнуть, мистер Бодкин.

- В таком случае не буду вас задерживать. Желаю успеха. Надеюсь, вам у нас понравится, - улыбка, рукопожатие. - Мисс Эдвардс, я передаю мистера Добринского в ваши руки.

Девушка вручила Николаю пропуск в информационный отдел, абонемент на прокат автомобиля и еще какие-то бумажки и повела его к лаборатории Кройфа по затененной дорожке.

- Послушайте, мисс Эдвардс, почему вы делаете вид, будто мы с вами вовсе не знакомы? Не вы ли кормили меня незабываемым бифштексом два часа назад?

- Видите ли, мистер Добринский...

- Зачем же так официально? Мы же договорились, что меня зовут Ник.

- Видите ли, мистер Добринский, - упрямо повторила мисс Эдвардс, - по всей вероятности, вас кормила бифштексом моя сестра Маргарет. Мы - близнецы, и нас, действительно, можно спутать. - Правда, только по первому впечатлению. Вообще-то мы очень разные. Я думаю, вы убедитесь в этом. Мое имя - Сэлли. Сэлли Эдвардс.

Николай остановился, запустил пальцы в волосы, сокрушая хрупкую работу Дж. Гудвина и сказал:

- Мисс Сэлли! Простите мою развязность. Болтаю невесть что. Я не хотел вас обидеть, но вы действительно жутко похожи.

Сэлли улыбнулась.

- Вы меня приняли за Мэг - это не обида. Напротив. - И добавила: - А мы уже пришли. Бен - так у нас все, кроме сэра Монтегю, называют Кройфа - сейчас прибежит.

- Прибежит?

- Он бегает ежедневно с двух до трех. По нему можно часы проверять. Бен говорит, что для него существуют только два авторитета: Иммануил Кант и дядя самого Бена, тоже Кройф, - был такой

футболист. Звезда голландской сборной, той, легендарной. У Канта Бен берет точность и размеренность жизни, у дядюшки - пристрастие к физическим упражнениям.

- Других авторитетов Кройф не признает?

- Нет. Впрочем, и эти два имеют на него влияние только в том, что касается распорядка дня и спортивных наклонностей.

Они вошли в небольшой холл с креслами и низким столиком.

- Я оставлю вас здесь. Бен появится ровно в три. Всего хорошего, мистер Добринский, - дверь за Сэлли закрылась, и Николай остался один.

Он огляделся. Кроме двери, через которую он вошел, в холле было еще две - одна, закрытая, находилась напротив входа, другая, открытая настежь, вела в кабинет Кройфа - квадратное помещение с большим письменным столом темного дерева. На зеленом сукне - старинный бронзовый прибор и ничего более, полное отсутствие бумаг. Старое кресло. Компьютер. Столик с телефоном и переговорным устройством. В углу - чехол с клюшками для гольфа. На полу - темно-коричневый потертый ковер. Несколько акварелей на стене: городские пейзажи с вечерними огнями и скорее всего одного автора.

Противостоящая входу дверь отворилась и впустила худощавого брюнета в замызганном белом халате с проволочной корзиной, уставленной пробирками. Он повернул к Николаю плохо выбритое озабоченное лицо, пробормотал что-то и вышел.

Кройф появился без десяти три - сухой клещеногий старик с лицом простым и подвижным. Он жестом увлек Николая в кабинет, буркнул "Кройф" и, оставив его посредине комнаты, исчез за дверью, которую Добринский не мог видеть из холла. Сквозь полуоткрытую створку Кройф крикнул:

- Ну, как там Граник? Я обещал пощипать его на июльском конгрессе. Будет у меня такая приятная возможность?

- Насколько я знаю, - сказал Николай, - Василий Петрович на конгресс собирается. И, кстати, говорил о своем намерении совершить по отношению к вам похожую процедуру.

- Как вы сказали? Похожую процедуру? Ха-ха-ха... - До Николая донесся шум падающей воды и громкое фырканье.

- Извините, мистер Кройф, мне следовало прийти позже. Сэр Монтегю сказал, что вы ждете меня в три, но мисс Эдвардс привела меня

раньше времени...

Кройф выключил воду, прислушался, потом ответил:

- Вздор. Вы мне вовсе не мешаете. А можете даже помочь - дайте-ка мне туфли, они под столом. Ник выволок пару изрядно потрепанных башмаков.

- Вот, мистер Кройф.

- Меня зовут Бен. Сэлли наверняка сказала вам это. Экономьте слова. Выбирайте между Беном и мистером Бенджамином Герардом ван Кройфом и будем, соответственно, заниматься делом или разговаривать, - Кройф стоял перед Николаем и яростно теребил полотенцем остатки волос. Он сменил шорты на брюки, а кроссовки на упомянутые туфли и был свеж и румян, с капельками на бровях.

"Похоже, мы все очень озабочены проблемой сокращения имен", - подумал Николай. Он открыл рот, чтобы ответить, как вдруг почувствовал, что их в кабинете трое. На пороге стояла тощая сутулая фигура в джинсах, первоначальный цвет которых знал только владелец. Был он бледен, длиннонос и морщинист - именно в этой последовательности сознание Николая зарегистрировало характерные

черты его внешности.

- Бен, никогда так не поступайте, - сказал вошедший с видимым усилием.

- Хм.

- Только не на пустой желудок. Я желаю вам добра. Джин - да. Шампанское - ради Бога. Марсалу - хоть залейся. Но виски - ни в коем случае. Виски на пустой желудок - это страшный суд. И звезды небесные пали на землю, и небо скрылось, свившись как свиток, и всякая гора двинулась с места... Дальше спросите у Клары. Вы запомнили, Бен, - желудок не должен быть пустым!

Речь эта далась ему нелегко. Морщины на лице страдальца болезненно передернулись, и он рухнул в кресло Кройфа.

- Нас интересует степень наполненности желудка мистера Глена в тот момент, когда поименованный мистер Глен лакал виски? - обратился Кройф к Николаю с неожиданно аристократическими модуляциями сэра Монтегю.

- Нет, нас не занимает содержимое вашего желудка ни в тот достопамятный момент, ни в настоящую минуту, любезный сэр Ричард. А вот содержимое вашей папки представляет для нас определенный интерес.

Глен вытащил из папки стопку листков, поло-

жил их на стол и уступил кресло Кройфу.

- Познакомьтесь, Ник, - сказал Кройф, - это Ричард Глен. Он обессмертил свое имя тем, что явился к Бодкину с прической святой Инессы, на что бедняга лорд сказал...

- Бен, прекратите великосветский треп. Это недостойно великого ученого, каковым вы себя несомненно считаете.

- Ладно, но я хочу, чтобы Ник знал, что это единственный штрих в вашей научной карьере, который вызывает у меня симпатию. А теперь, Дик, покажите мистеру Добринскому лабораторию.

5

Соглашаясь на предложение Бодкина приехать в Ноксвилл, Кройф твердо знал, на что идет. Его давно преследовала одна мысль: с помощью быстрой направленной биохимической эволюции, использующей методы генной инженерии и клонирования, выращивать из примитивных белков сложные нейронные структуры с заданными свойствами. Быть может, эта идея телепатической молнией сверкнула в беседе Бодкина и Кройфа и вызвала мгновенный радостный озноб у сэра Монтегю, этого беспо-

щадного ловца талантов.

За первые четыре года работы в Ноксвилле Кройф сумел создать упорядоченные искусственные нейронные структуры, насчитывающие миллиарды клеток. Особенно трудно было управлять такой системой, а также вводить и выводить информацию. Однако здесь Кройф получил неоценимую помощь от кибернетиков из группы Мэтью Килроя и инженеров из отдела технического обеспечения.

Биологические компьютеры произвели сенсацию. Хотя до практических результатов было далеко, газеты и популярные журналы захлебывались. Разошелся слух, будто старый ученый выращивает компьютеры в цветочных горшках. Кройфа насмешила карикатура в ноксвильской "Ивнинг ревю", где он, тощий и сутулый, в шортах до колен, поливает из лейки грядку, на которой растут чудовищные гибриды - помесь бородавок с электронными приборами. Некоторые публицисты и философы-гуманитарии выказывали опасение, что подобные опыты чреваты пагубными последствиями, и призывали к временному мораторию на такие исследования. Иллюстраторы популярных изданий бросили изображать роботов в виде

железных тумб со стрелками и антеннами и переключились на графические фантазии, воскресающие в памяти кошмары Босха, Брейгеля и Дали. Впрочем, о действительных трудностях Центра мало кто писал. Кройфа порадовала только серьезная и благожелательная статья в "Кроникл", подписанная неким Чарльзом Стюартом. С редкой для журналиста проницательностью Стюарт затронул болезненный для Кройфа вопрос: как в этой умеющей считать белковой кашице разбудить творческую интуицию?

Искусственные языки при всей изобретательности кибернетиков не позволяли выйти за рамки формальных задач. И тогда Кройф стал задумываться о возможностях естественного языка. "Похоже, понадобятся дьявольски опытные психологи и лингвисты", - решил он.

Сэр Монтегю отреагировал немедленно, и в Центр была приглашена в полном составе группа Франца Левина - восемь симпатичных, но довольно странных субъектов, каждый из которых казался по-своему чокнутым. Психологи были энергичны и напористы. Образец сменялся образцом, серия следовала за серией. И Кройф дождался: три экземпляра серии Дзета откликнулись на естественный язык. "Всего только

три?" - спросил его сэр Монтегю. "Целых три!" - ответил Кройф.

Все прежние виды - от Альфы до Эпсилон - были переданы другим лабораториям для прикладных разработок. Себе Кройф оставил три подарка судьбы, три уникальных экземпляра серии Дзета.

Публикации на эту тему делались Кройфом неохотно и крайне редко. Отсутствие сведений подогревало интерес публики, журналисты с энтузиазмом продолжали сочинять легенду за легендой. Популярные статьи изредка сравнивали работу Ноксвильского центра биокибернетики с достижениями русской школы Василия Граника, хотя последний пришел к похожим результатам совсем с другой стороны - от исследований по экологии клетки. Если Кройф работал с созданной им структурой как с целым, нерасчлененным объектом, то Граник умудрился заглянуть подобным созданиям в самое нутро. Впрочем из-за вечной нехватки денег работа Граника продвигалась медленно, многие его сотрудники разъехались. Шеф их не удерживал.

6

Глен лениво пересек холл и, открыв вто-

рую дверь, ведущую, как оказалось, в коридор, пропустил Николая вперед. С правой стороны коридора шел ряд дверей. Они вошли в первую. Большая комната была поделена прозрачной перегородкой на два помещения. В центре одного стояли три компьютерных терминала, у каждого - кресло оператора. Над дисплеями высвечивались транспаранты с именами: слева - Пит, в середине Клара, справа - Тим.

- Через этот пульт мы вступаем в контакт с тремя объектами. Пульт позволяет регулировать питание, вводить обучающие и тестовые программы, вести диалог. Каждый мозг снабжен синтезатором речи. Визуальную информацию они получают от телекамер. Эти трое - любимые детища Бена. А теперь взгляните на них, - с этими словами Глен повел Николая за перегородку.

Эта часть комнаты была нашпигована аппаратурой. Блестело стекло, змеились трубопроводы и кабели. Паутина шлангов и проводов стягивалась вокруг трех одинаковых сооружений - невысоких, около метра, тумб, увенчанных прозрачными колпаками, сквозь которые были видны яйцевидные желтоватые слегка пульсирующие комки. Приглядевшись, Николай увидел, что каждое яйцо имеет снизу

некоторое сужение, подобие толстого стебля, исчезающего в недрах тумбы.

- Слева - Пит, в центре - Клара, а это - Тим. Каждый питается и обучается автономно. Впрочем, начальное образование - в объеме стандартной средней школы, колледжа и университета (за образец мы взяли Беркли) - одинаково для всех троих.

- Они знают только английский? - спросил Николай.

- Стандартный лингвистический минимум Дзеты - пять языков: английский, немецкий, французский, испанский и русский. Ровно столько знают Пит и Тим. Причем одинаково хорошо владеют всеми пятью. Что же касается Клары, то она - полиглот. Ей это необходимо. Языки входят в ее индивидуальную программу.

- У них, стало быть, есть специализация?

- И очень четко выраженная. К этому я и перехожу, Ник. Я могу вас так называть?

- Без сомнения, Дик.

- Так вот, после освоения общей программы обучение каждого мозга получает специфическое направление, свою доминанту. Доминанта Пита - естественнонаучная. С ним работает группа сэра Мэтью Килроя из

Массачусетского института - плотность аристократов в нашем Центре, Ник, приближается к двум сэрам на гектар.

- Почему приближается? Разве их не двое, вместе с сэром Монтегю?

- Их-то двое, но площадь Центра несколько больше гектара. Итак, Пит аккумулирует информацию естественнонаучного характера - математику, физику, биологию и т. д. Сэр Мэтью выбрал диахроническую концепцию обучения: Питу вводят последовательно труды крупнейших ученых начиная с античных времен. Таким образом, по мысли Килроя, Пит повторяет эволюцию естественных знаний человечества.

- И до какого времени он дошел?

-. До середины двадцатого века. Сейчас обучение прервано: сэр Мэтью и доктор Лапиньский - вы о нем слышали?

- Это тот, что занимается историей науки?

- Тот самый. Так вот, они пытаются с помощью Пита построить ряд прогностических моделей развития естественных наук, включая прикладные аспекты - холодный ядерный синтез, субсветовые скорости, генная архитектура, биометаллургия.

- И есть уже результаты?

- Пока ничего сногсшибательного. Но судить рано. А теперь - о Кларе.

- Почему, кстати, ей дали женское имя?

- Потому, что этого достаточно, чтобы ее считали женщиной. Вы сами спросили только что: "Почему ей дали женское имя?" Ей! А к женщинам я почему-то испытываю большую приязнь.

- Так это ваша идея, Дик?

- Моя. Ведь я с ней работаю. Так вот, программа Клары характеризуется эстетической доминантой. Основные компоненты этой программы - изобразительное искусство, литература, музыка, театр, прикладные области - дизайн, реклама. Специфика эстетической доминанты заставила нас обучить Клару двадцати пяти языкам - современным, старым и древним. Так что Сафо она читает на древнегреческом, Чосера - на среднеанглийском, а Зощенко - на русском.

- И как ей нравится Зощенко?

- Вы сможете сами у нее спросить. Хотя вам придется прежде всего работать с Тимом.

- Я бы выбрал Клару.

- Клара занята, - вполне серьезно сказал Глен. - К тому же вас выбрал Тим.

- Что значит "выбрал"?

- Сейчас объясню. Тима Кройф сделал послед-

ним и заявил, что никого к нему не подпустит. Он сам с ним занимался, говоря, что не позволит превратить своего крошку в кладбище информации. "Плевать я хотел на ваши доминанты, - сказал он мне, - пусть будет порядочным человеком". И вот после стандартного начального курса Кройф стал давать Тиму только ту информацию, которую тот просил. Постепенно стали ясны его интересы. Кройф скормил Тиму огромное количество философских трудов. И вопреки желанию Кройфа обучение Тима обрело свою доминанту, которую я назвал бы этической. В последнее время Тим увлекся экологией, и Кройфу понадобился специалист. Выбор сделал сам Тим: он указал школу Граника - стык биохимии и экологии. Вот почему вы здесь, - Глен посмотрел на часы. - Сейчас время для занятий с Кларой. Пойдемте, я вас познакомлю.

Глен и Добринский вернулись к терминалам. Дик сел в кресло под транспарантом "Клара" и указал Николаю на такое же кресло рядом:

- Садитесь, Ник, привыкайте. - Глен нажал клавишу.

Экран ожил, и тотчас светящаяся точка, быстро перемещаясь, изобразила на нем прелестную женскую рожицу. Углы рта ее опустились, а

глаза засветились укоризной.

- Здравствуй, Клара, - сказал Глен.

- Здравствуй, Дик. Что с тобой?

Николай вздрогнул. Голос был живой, теплый, низкий.

- Что тебе не нравится? - спросил Глен.

- Твой вид. Я думаю, мистер Кройф тоже от него не в восторге. Ты принес программу?

- Принес. Познакомься, это мистер Николай Добринский. Он из России. Будет работать с Тимом.

Мультипликационные глаза с экрана пытливо глянули на Николая, и у него возникло стойкое ощущение, что он вступает в беседу с живым и разумным существом.

- Рада возможности познакомиться с вами, мистер Добринский. Может быть, вы найдете время как-нибудь побеседовать со мной. Представления Дика о современной русской поэзии столь же чудовищны, как и его сегодняшний вид, - последнюю фразу Клара произнесла по-русски и без малейшего акцента. - Дик, обрати внимание на костюм мистера Добринского, - перешла она вновь на английский, - я не настаиваю на том, чтобы ты следовал примеру сэра Монтегю, но молодой человек не должен впускаться до

такой степени.

Николая поразило, что в столь коротком разговоре Клара успела показать себя именно женщиной. В несколько фраз вместились нежность, насмешливость и назидательность - очень по-женски.

- Это уже кое-что, - сказал Кройф, входя в комнату. - Если Клара прервет свои благочестивые наставления, вы можете начинать, Дик. Что у вас сегодня?

- Символика средневекового романа.

- Свят, свят, свят.

- Скажите, Дик, вы вводите материал тоже в исторической последовательности, как и сэр Мэтью? - спросил Николай.

- Вначале так и было. Но придерживаться системы с этой дамой невозможно. Теперь Клара постоянно вмешивается в ход обучения и сама требует то одного, то другого. Впрочем, сегодняшний материал предусмотрен программой. Тебе почитать, Клара, или ввести с пульта?

- Почитай, милый. Скрась этот бред дивными модуляциями своего голоса.

- Ну вы тут занимайтесь, а мы с Ником поговорим о делах. Пойдемте, Ник, - сказал Кройф.

Николай встал и простился с Гленом. Чуть по-

медлил и сказал:

- До свидания, Клара.

- Прощайте, мистер Добринский. - И далее по-русски: - Ласкаю себя надеждою, что благосклонности вашей лишена никогда не буду, государь мой.

7

Шел седьмой час. Мэг расставляла приборы на столике в углу. Николай подошел к стойке и, поздоровавшись с Эдвардсом, попросил ледяной манхэттен. Со стаканом в руке он направился к своему месту у окна.

- Что-нибудь принести, Ник?

- У меня была волнующая встреча с вашей сестрой.

- Чем же она вас взволновала?

- Встреча - неожиданностью, сестра - сходством с вами.

- Ух. Мне не снести тяжести такого комплимента.

- Помнится, и сестрица ваша говорила о чем-то подобном.

- Ей-то легко шутить, она красивая.

- Завидовать нехорошо. - Николай смотрел на Мэг снизу вверх.

- Но согласитесь, она у меня красавица.

- Конечно, Мэгги, ведь она ваша копия.

- Но вы, наверно, пришли сюда не затем, чтобы сообщить мне, что я похожа на свою сестру. Так что вам принести?

- В одной хорошей книжке я читал, что из бобов сои можно приготовить 114 вкусных и питательных блюд.

- О, бобы! Еще бы, Ник. Сию минуту, - и Мэг ушла, оставив Николая выуживать вишни ив коктейля.

После ужина Николай сбивчиво изложил идею провести вечер вместе. Мэг охотно согласилась.

- Папа, - сказала она, снимая фартук, - я ухожу с мистером Добринским.

Толстый Эдвардс коротко махнул из-за стойки, и Николай с Мэг вышли из кафе.

- Между прочим, Ник, вы не первый попадаетесь, - говорила Мэг, выслушав рассказ Николая о встрече с Сэлли. - Если бы вы знали, как нам надоели эти дурацкие толки на наш счет. Да еще ученые мужи, от которых нет покоя: нас с сестрой занесли в генетическую картотеку и теперь сквозь лупу изучают каждый наш шаг. Чем мы похожи, чем непохожи. Мы назло стараемся делать все по-разному, одеваться - в

первую очередь. Но не все у нас так удачно получается, как с одеждой и прической. Решили мы было, что профессии выберем разные, но теперь Сэлли заявила, что тоже идет в университет и тоже изучать философию. Возликуют теперь наши милые генетики.

- А вы учитесь в университете? - спросил Николай.

- Да, в Кембридже, в Англии. Занимаюсь греческой философией. Сейчас каникулы, поэтому я и дома - немного помогаю отцу.

- Вот оно как, - протянул Николай. - Греческая философия. Вам можно позавидовать, Мэг.

Замелькали огни дискотеки.

- Зайдем? - предложил Николай.

- Хорошо, - сказала Мэг.

И они нырнули в уютную толпу танцующих, смеющихся, болтающих и пьющих под горячую цыганскую гитару Джанго Рейнхарда.

Вернувшись в гостиницу, Николай поднялся в номер, открыл окно и глянул на ночной город. Сумбур дня - дорога, сэр Монтегю, Кройф, сестры-близнецы, Клара - не слишком ли много для одних суток, прошедших со времени отлета из Москвы! Он сел в кресло и вытянул ноги. Взял глянцевую книжонку с ночного столика. "Нокс-

вилл как он есть". Эпическое начало. "Не прошло и двадцати лет с тех пор, как в долине Колорадо, в двухстах милях к югу от Лас-Вегаса, там где сходятся границы трех штатов - Аризоны, Невады и Калифорнии, возник красивый зеленый городок..." Николай перевернул несколько страниц с видами Скалистых гор и пальмовых рощ. "...ресторан, где подают знаменитую на всю округу форель из озера Мид... две гостиницы... супермаркет, в котором можно купить все - от пучка сельдерея до кухонного комбайна с микропроцессорным управлением..."

Николай листал дальше. Опять фотографии: музей ацтекской культуры, паутина трещин - дно пересохшего ручья в пустыне Скана, придорожная станция зарядки аккумуляторов, стилизованная под пряничный домик. Потом пошли газоны и обставленные статуями аллеи биоцентра... Книжка мягко шлепнулась на пол. Каплун с шампиньонами в сметане... Великие гитаристы ушедшего века Джанго и Филипп Катерин снова входят в моду... "По испытании же разных коловратностей возжаждал он покоя", - подумал Николай, вспомнил Клару и уснул.

8

Кабинет инспектора Дина Флойда в Лас-Вегасе. Хозяин кабинета (румяное щекастое лицо, глаза - маслины, седой венчик вокруг загорелой лысины, пальцы засунуты за эластичный ремень, обнимающий тугой живот) стоит у окна. За его спиной сутулится долговязый Джон Пайк - помощник инспектора. Пайк отрешенно докладывает. Дальнейшие перемещения участников сцены - по усмотрению читателя.

П а й к. Подробности взрыва на вычислительном центре "Оливетти" в Милане. Вырезки я кладу на стол. Бомба заложена в помещении главного накопителя. Восстановить информацию, хранившуюся в памяти, не удастся.

Ф л о й д. Жертвы?

П а й к. Человеческих жертв непосредственно при взрыве не было. От сотрясения в доме напротив, принадлежащем вдове Скикки, с тумбочки упал аквариум с тремя вуалехвостами. Рыбки погибли. Фотография вдовы в "Джорно"...

Ф л о й д. Джек, голубчик...

П а й к. Через пять часов после взрыва мужчина и женщина обстреляли из автоматов машину

Тино Карлуччи, программиста "Оливетти". Тино убит, его жена и двое детей с тяжелыми травмами доставлены в больницу.

Ф л о й д. Ну вот, Джек, а ты - вуалехвосты.

П а й к. Стрелявшие схвачены.

Ф л о й д. Опять Красные бригады?

П а й к. Вроде того, да не совсем. Похоже, эти красные изнутри изрядно позеленели.

Ф л о й д. То есть?

П а й к. Слышал про Армию освобождения мусульманских святынь?

Ф л о й д. Смутно.

П а й к. Все перепуталось - фашистские денежки, остатки коммунистического золота, исламские нефтяные доллары... В этом клубке концов не найти. А с рядовых исполнителей много не возьмешь. Шваль, которая за деньги и власть в своих бандах на все пойдет.

Ф л о й д. Мда.

П а й к. Сколько лет прошло со времен афганской войны - той, что затеяли Советы. Тогда мы кинулись помогать афганцам, вооружали моджахедов, в то время - фанатичных юношей. Теперь они - не менее фанатичные старцы. Так вот, они и их дети объявили войну Америке. Чуть ли не половина терактов - дело их рук.

Сам знаешь, как бывает - паренек клянется именем Мао или Троцкого, а работает за деньги ваххабитского вождишки и выполняет, о том не ведая, его волю.

Ф л о й д. Ну хорошо. Так что с захваченными.

П а й к. Девица успела застрелиться. Парня допрашивают.

Ф л о й д. Успела? Мда... Сочини-ка запрос в Интерпол, нет ли еще чего-нибудь по компьютерам. Мелочь отсей, а мне принеси только крупные дела, скажем, за последний год.

П а й к. Дин, сегодня же пятница. Я обещал Нэнси и ребятам свозить их на Кукушкин ручей. И ты бы мог с нами...

Ф л о й д. Я-то смогу. И Нэнси, пожалуй, прихвачу с ребятишками. А ты вот завтра вылетишь в Милан. Так что поторопись с Интерполом.

9

- Мистер Кеннет Фолл, сэр. Он сказал, что вы ждете его, сэр.

- Преувеличение, Дживз, - Говард Вустер перевернулся на спину и расслабился под пальцами массажиста. - Это он ждет меня, как видите. Пока. Хитрая бестия этот Фолл. Проводите его в библиотеку.

- Слушаю, сэр.

- Да, Дживз.

- Сэр?

- Предложите ему что-нибудь выпить.

- Слушаю, сэр.

Когда, отпустив массажиста, румяный и благодушный Вустер направился в библиотеку, он уже знал, что платить придется. Оставалось поторговаться.

- Опять тешили плоть, Говард? А того, что мир летит в тартарары, видеть не желаете? Что осталось каких-нибудь десять - пятнадцать лет нормальной человеческой жизни? А за этой границей - хаос, голод, вопли грязных низов, разграбленные виллы, вандализм, чума и радиация. - Кеннет Фолл, представительный господин с крупным плотоядным ртом, говорил звучно и сопровождал речь актерской жестикуляцией.

- Мрачновато, - усмехнулся Говард.

- Это - святая правда.

- Я и не спорю, Кен. Пусть так. Однако спокойней, не надо горячиться.

Кеннет Фолл обличающе ткнул ухоженный палец в грудь Говарда.

- Знаете, почему вы спокойны? Вы с вашими

миллионами уже взяли от жизни все. Вы и уйти из нее сумеете комфортабельно. Укроетесь на теплом острове с девицами и прислугой. Мир будет биться в конвульсиях, а вы затеете пир. Во время чумы. Фейерверки, оргии - салют погибающей планете. А потом завернетесь в белую тогу и уйдете - гордый, как патриций времен Траяна. А я опоздал на праздник жизни. - Он убрал палец и закрыл ладонью яркое пятно галстука. - Приют в детстве. Колония в юности. Собачья работа полицейского хроникера в молодости. Я укрывался газетами. Я голодал. Я спал с девками самого низкого разбора... И вот теперь, когда я прогрыз себе путь к настоящей жизни, взял фортуну за вымя, я должен загнуться вместе со всем этим поганым миром. - Фолл перевел дух. - Да и вы врете, Говард. Вы тоже боитесь. Короче, Келленбергер дал двести тысяч.

- Двести тысяч? - изумился Говард.

- Кончайте, вы, старый скряга.

- Ну хорошо. Положим, я тоже дам... сто.

- Смотрите, мы хорошо запомним оказанные Ордену услуги. Коемужды воздастся по делам его.

- По деньгам его, в вашей транскрипции. Что вы намерены делать?

- Хотите знать, на что пойдут ваши денежки?

- Все-то вы про деньги, Кен. Почему бы мне не проявить чистую любознательность?

- Знаете, есть такое животное у нас в Америке - лопатоног? Разновидность лягушек.

- Ну и что?

- Добродушные головастики-вегетарианцы. Скромно живут в своем болоте, кушают тину, никому не мешают: точь-в-точь наши сограждане. Но вот наступает засуха, болото мелеет. Корма не хватает. Угроза смерти нависает над всем родом. Молнией проносится сигнал: "Мы гибнем!" И знаете, что происходит? Эти мирные симпатяги начинают жрать друг друга. Представляете, Говард, что начинает твориться в нашем захолустном водоемчике? Проворные и сильные гоняются за больными и слабыми... Мясо немощных хрустит на зубах молодых и наглых. Стон и плач стоит на болоте, да утробный рык обжирающихся победителей. Скажете - какой ужас! Ваше чувствительное сердце наполняется состраданием и отвращением. И напрасно! Поедая своих близких, лопатоноги осуществляют благородную миссию спасения вида. Восстановив, как говорит наша ученая братия, "экологическое равновесие", они снова

превращаются в мирных лягушек и собираются веселыми стайками в теплые вечера, чтобы обглодать листик кувшинки и потолковать с соседями.

Говард молчал, склонив голову набок.

- Так вы хотите иметь возможность беседовать со мной лет через десять?

- Я бы предпочел другого собеседника, Кен, но боюсь, по вашим прогнозам, выбор будет невелик. Сколько нас останется в нашем болоте?

- Один из десяти, по скромным подсчетам.

- Кен, Кен, я не дам ни цента!

- Оставьте, Говард. Вы знаете, что я прав, и должны дать миллион. С вас мы меньше не возьмем. Зато когда-нибудь под вашей статуей напишут: "Спаситель цивилизации". И у ее подножия никогда не увянут цветы.

- Какие цветы? Я собираюсь жить долго.

- Ах, долго. Сколько именно? Пять лет? Десять? Ведь больше у нас с вами нет, или, точнее, не будет, если...

- Ну ладно, ладно, Кен. Вы повторяетесь.

10

В просторной комнате на втором этаже красно-коричневого викторианского особняка, стоящего

в самом центре Ноксвилла, беседовали двое. Первый - уже знакомый нам Кеннет Фолл - отхлебывал густой кофе, припадая через глоток к сигаре. Второй, постарше, сутулился даже сидя в кресле, зябко ежился и грел руки о высокий стакан молока.

- Митч, с "Оливетти" ничего путного не вышло. Им бы полгода пришлось пыхтеть над формализацией задачи, а о том, чтобы решить ее тайно, не может быть и речи. Правда, шифр они сделали, и Карлуччи утверждает, что ни одна другая машина его не раскусит. По крайней мере, за обозримый срок.

- Пора вступать в игру, Кен?

- И не мешкая. Босс теряет терпение. У тебя есть кто-нибудь на примете?

- Был один. Некто Хорроу. Он работал с детишками Кройфа, но старик его невзлюбил - и правильно, надо сказать, сделал - личность мерзкая: смесь честолюбия и трусости. Кройф его выгнал, и теперь он болтается без дела, мороча Монти, пописывая лихие статейки и читая публичные лекции в том же духе, в котором ты написал свой перл - Программу Ордена.

- Ну, ну, Митч...

- Я не кончил. Формально Хорроу еще сотрудник

Центра. У него большие связи. По-моему, Бодкин его побаивается. Он до сих пор член ученого совета и при желании найдет способ подобраться к наиболее эффективному и ценному для нас компьютеру.

- Это тот, что у них зовется Питом?

- Он самый. Но важно этого Хорроу заинтересовать.

- Деньги?

- Не думаю. Скорее - иллюзия власти. Он из тех, кто обожает всю эту опереточную мишуру с клятвами, кинжалами и факелами. Кстати, попробуй взять у него интервью. Раскрути его. Втяни в задушевную беседу. Настрой на нужную волну. Ну, не мне тебя учить.

- Неплохая мысль, Митч. Но это - позже. Вот вернусь из Милана... Мне поручили закруглить дела с "Оливетти".

11

- Вот, посмотри. - Худые пальцы Пайка развернули веером и положили перед Флойдом десяток снимков. Заброшенный угол окраинной улицы. Ветхий каменный, со следами штукатурки, дом. Дверь, висящая на одной петле. Грязная конура с высоким оконцем. На полу

среди тряпья и разбросанных книг полуобнаженное тело мужчины со связанными руками.

- Здесь они продержали его целую неделю. А уж потом...

Джон Пайк вернулся из Милана с печальным известием: Дуглас Спайдер, человек, внедренный Флойдом в Красные отряды, агент, от которого и Флойд, и Интерпол ожидали сведений для раскрытия целой серии преступлений, связанных с мощными вычислительными машинами и происходившими в самых различных странах, серии, последним звеном которой был взрыв, уничтоживший один из крупнейших в Европе вычислительных комплексов фирмы "Оливетти", так вот Дуглас Спайдер не вышел на связь. Труп его с литерой R - меткой Красных - на спине нашли в полуподвале книжного склада.

- Бедный Дуг, - Флойд снял очки. Выпуклые темные глаза смотрели жалостливо и беспомощно. - Ну, что ты там крутишь?

Пайк протянул инспектору еще один снимок. Это был фоторобот, изображавший человека лет тридцати пяти с глазами навыкате и поджатым ртом.

- Эта штука немного стоит, Дин, но тут еще написано, что Красавчик Тони по-итальянски

говорит плохо, в Штатах когда-то сидел - за что, впрочем, неизвестно, и терпеть не может креветок и прочей морской живности.

- Остается сущий пустяк: собрать всех мужчин от тридцати до сорока лет, плохо говорящих поитальянски, выяснить, кто из них не ест омаров, отпустить тех, кто никогда не сидел в американской тюрьме, а из оставшихся выбрать самого пучеглазого. Так? Ладно, Джек, садись и расскажи мне о Красавчике поподробней. - Флойд откинулся, держа фотографию в вытянутой руке.

- Парень, стрелявший в Тино Карлуччи, был страшно подавлен самоубийством своей напарницы. Сутки он молчал, потом стал лихорадочно давать показания. Знал он, правда, немного. Задание убить программиста они получили от командира своей пятерки, которого он тут же и выдал. Но найти его не удалось. На этом бы все и закончилось, но...

- Как я люблю эти "но", Джек. Они вселяют надежду. Итак, но...

- ...но выяснилось, что ни одна пуля, выпущенная из его автомата, не достигла цели. Адвокат объяснил, что у него появились шансы на жизнь. Парень расплакался и по "доброй воле, без принуждения и давления со стороны властей",

стал давать информацию о взрыве в центре "Оливетти".

Флойд оторвался от фотографии и уставился на Пайка.

- Как у тебя с итальянским, Дин? - спросил Пайк.

- А что?

- Если ты подожмешь губы и запасешься справкой об отсидке, то лучшего Красавчика Тони нам не найти. Глаза ты таращишь отменно.

- Вздор, Джек. Я обожаю морскую капусту. Давай дальше.

- Они с Джиной - это та, что застрелилась, - стояли на шухере. Все были в масках и практически не разговаривали. Но тут у одного из налетчиков - того, что указывал место для зарядов, пошла кровь носом. Очень сильно. Он снял маску, и наш парень и Джина хорошо разглядели его лицо. Отсюда - этот фоторобот. - Пайк взял снимок из рук инспектора.

- Остаются акцент, тюрьма в Штатах и кличка.

- Чтобы унять кровь, он попросил у Джины платок. А потом она рассказала своему напарнику, что узнала в пучеглазом человека, который был у ее брата за несколько дней до взрыва. Они говорили по-английски, и Джина только

поняла, что брат называл его Красавчиком Тони и вспоминал, как они вместе сидели в тюрьме. Ее брат - важная фигура у Красных. Когда-то жил в Чикаго, где и попался на взломе.

- Итак, некий Тони, обладатель рачьих глаз, названный за это Красавчиком, приехал в Милан, явился к старому сокамернику и попросил его в виде дружеской услуги взорвать вычислительный центр "Оливетти" и убить программиста Карлуччи. Братишку Джины, конечно, найти не...

- Совершенно верно.

- Просьба убрать программиста была, очевидно, продиктована опасением, что он мог запомнить кое-какие сведения, подлежащие уничтожению вместе с памятью машины. Я думаю, Тони не будет задерживаться в Италии: дело сделано, а там столько морской фауны... Кстати, Джек, что это за милая шутка о креветках? Никогда не поверю, что ты сам ее выдумал.

- Джина принесла Тони и брату блюдо с креветками к пиву. Тони сообщил, что его тошнит от этого запаха, - так она поняла его гримасу, а брат расхохотался и велел ей принести соленый миндаль. Он говорил еще, что в тюрьме Тони не был таким разборчивым.

- Ну что ж, голубчик. Надо запросить архив о кличке, дать фотографию. Пусть поищут.

- Дин, ведь сегодня пятница.

- А, ну да. Ручей, Нэнси. Ладно, жми. Я сам этим займусь.

12

- Тимоша, а как ты относишься к крысам?

- Вопрос предполагает, что мое отношение, например, к жирафам тебе известно. Крыса - полупаразит, а потому ушла далеко от клопа и человека, которые целиком паразитируют на других видах: клоп - на человеке, человек - на корове. Впрочем, в нравственном отношении человека с клопом сравнить нельзя. - Клоп - животное жертвенное, он идет на смерть, вожделея человеческой крови. А многим ли рискуешь ты, поедая свой ежедневный бифштекс, который, по твоим словам, так восхитительно готовят у Эдвардса?

Ник молчал, справедливо полагая вопрос Тима риторическим.

- Кройф не соглашается с моим тезисом о паразитизме человека. Если исходить из классического определения паразитизма, то он прав. Человек не просто паразит - это суперпаразит,

создавший себе на прокорм целые виды, чтобы избегнуть риска, связанного с охотой. Мне милее клоп, а еще лучше я отношусь к оленю или камышовому коту - те добывают себе пропитание в честной борьбе.

- Тим, ты зря вносишь нравственные оценки во взаимоотношения видов. Ведь у оленя нет сознания. По крайней мере, его высших форм.

- Это то, что Кройф называет душой?

- Пожалуй, это сходные вещи.

- А у меня есть сознание?

- Конечно.

- Значит, и душа?

- Несомненно.

- Так как же вы ко мне относитесь? Как к существу с душой или автомату?

- Мы любим тебя, Тимоша.

- Как кошку, у которой есть дополнительное достоинство - можно поболтать. Что ни говори, Коля, а о паразитизме человека стоит задуматься. Тебя это определение ранит, потому что слово "паразит" в русском языке имеет расширительное толкование, которое обязано своим распространением русской революционной традиции прошлого и превратилось в ярлык. Помнишь строчку "А паразиты никогда"? Суровые слова.

- Суровые, - согласился Николай.

- Но едва ли справедливые.

Это был не первый разговор Николая с Тимом. Поражало Добринского в этих беседах то, что Тим был значительно эмоциональнее его, человека. Мотив паразитизма человеческой расы становился у Тима навязчивой идеей.

- Ты когда-нибудь видел живого поросенка, Коля? - спрашивал Тим. - Не отвечай, знаю, что нет. Ты и коровы не видел, и цыпленка. Поросята, телята, барашки - все это персонажи сказок. Ниф-Ниф и Наф-Наф, храбрый утенок Тим - мой тезка, кстати... Спать пора, уснул бычок, лег в кроватку на бочок... В этой речке утром рано утонули два барана. После трех лет вся эта живность исчезает из сознания детей. А природа уже давно лишена этого: скот и домашняя птица, когда-то оживлявшие сельский пейзаж, помещены в искусственную среду. Их теперь видят на всей земле несколько тысяч операторов автоматизированных мясокомбинатов и молочных ферм. А ведь еще Платон говорил, что у животных, как и у людей, смертная природа старается стать бессмертной и вечной. Но что вам до вечной природы животного! Набрал бычок полтонны - под нож! Человечество очень гордит-

ся тем, что сохранило в заповедниках бизонов и запретило рвать ландыши, но куда оно дело ласкового теленка с мохнатым завитком между рожками? Он дан людям исключительно в форме бифштекса. А что касается нравственных оценок, которые будто бы не следует вносить во взаимоотношение видов... О, это ошибка, это такая ошибка!

13

"Энтони О'Хара, кличка Красавчик, 32 года... Пять лет тюремного заключения за кражу в отеле "Конрад Хилтон"...

Флойд положил фоторобот рядом со снимком молодого человека с чистым правильным лицом: общего мало. Разве тонкие губы - но редкость ли мужские лица с тонкими губами? Так измениться за пять лет! Флойд усмехнулся: решающим аргументом была бы информация о его отношении к креветкам, но тюремная картотека - увы! - не хранила сведений о кулинарных пристрастиях и антипатиях заключенных. Чем пахнут креветки? Морем? Йодом? У парня, видимо, базедова болезнь. Перекормили что ли йодосодержащими препаратами? Ну Бог с ними,

с креветками. Другого Красавчика Тони все равно нет. Придется довольствоваться этим.

14

- Ник, я уезжаю недели на две. Хочу, чтобы вы пока кое над чем поразмыслили. - Кройф пододвинул к себе лист бумаги и взял фломастер. - Вот фермент, с помощью которого мы довели число клеток почти до семи миллиардов. Но дальше он не работает. Рост мозговой массы прекращается. Я уже бился и так, и эдак. А ведь нужно по крайней мере удвоить это число. Где-то там должен быть качественный скачок.

- Чего вы ждете от этого скачка, мистер Кройф? - спросил Николай. Слегка поморщившись от "мистера", Кройф сказал:

- Ничего особенного. Обыкновенного усиления интеллектуальных способностей. Или необыкновенного. Как повезет.

- Мне и сейчас нелегко тягаться с Тимом, - улыбнулся Николай.

- Терпите. Мне от него тоже достается. Я знаю, - продолжал Кройф, - у Граника работают с подобными ферментами. Чувствую - решение где-то рядом.

- Я подумаю, Бен, - сказал Добринский. Такое

обращение к Кройфу еще требовало от него усилия. - У нас в Пущино действительно использовалось нечто похожее. Эти структуры мне знакомы.

Всю последующую неделю Николай испытывал один вариант фермента за другим, исписал структурными формулами толстую тетрадь, перерыл в библиотеке груду журналов и отчетов, связался по Интернету с Библиотекой конгресса и дюжиной европейских университетов, но дело с мертвой точки не сдвинулось. Он позвонил Гранику и Вилковыскому - бывшему своему однокашнику, также работающему у Василия Петровича. Занимаясь сходными ферментами, Гриша Вилковыский дописывал докторскую. Ответ был неутешительным:

- Старик, - звенел в трубке Гришин голос, - безнадежное дело! Из этих структур больше ничего не выжмешь.

15

Николай подсел к пульту. Мелькнул несвежий халат Лэрри Шеннона, тонкий профиль болезненно желтого лица. Добринский испытывал неловкость каждый раз, когда встречал этого человека, в котором угрюмость переплета-

лась с беззащитными глазами, поднимающими в Николае чувство жалости.

- Опять пил до бесчувствия, - холодно заметил Хадсон, когда Лэрри вышел. - Мистер Добринский, я приготовил все для завтрашней серии.

- Да, да, спасибо, мистер Хадсон. Вы очень любезны.

- Всего хорошего, мистер Добринский, - Хадсон улыбался синими глазами.

- До свидания, мистер Хадсон.

Тим сразу же оглушил Николая вопросом:

- Коля, ты знаком с технологией содержания и убоя свиней?

- Нет, Тимоша. Голубчик, позволь мне отвлечь тебя от этого. Давай вернемся к нашей теме.

- Но это имеет прямое отношение к теме. Послушай, что вы сделали со свиньей за последние полстолетия - как раз тот период, когда человечество стало весьма озабоченным экологическими проблемами. Так вот, когда-то свиньи разгуливали по фермам и валялись в грязи, что вызывало в людях глубокое отвращение и было признано экономически нецелесообразным. И вот полвека назад все изменилось. С тех пор свиньи всю жизнь проводят в помещении. Они рождаются и растут в свинарниках с

кондиционерами и искусственным освещением. Дневного света не видит ни одна свинья. Это чрезвычайно разумно: животные защищены от колебаний температуры, антисептика сводит на нет заболевания. В свинарниках больничная чистота - под решетчатым полом протекают потоки воды, уносящей отбросы и экскременты. Свиней уже давно не кормят ветхозаветным пойлом. Они получают сбалансированный рацион, содержащий протеин, витамины, минеральные добавки и антибиотики. Они - о радость! - ежедневно прибавляют в весе по килограмму и живут ровно сто дней. На сотый день стокилограммовые холеные свинки гуманно оглушаются электрическим разрядом и, пройдя за полчаса стадии убиения, обескровливания, разделки и расфасовки, появляются перед счастливым человечеством в готовом к употреблению виде. Средняя производительность стандартной бойни - две тысячи Наф-Нафов в час.

Николай молчал.

- Ты, Коля, видишь выход из экологического тупика в разработке всеобъемлющей программы защиты среды. Это пустые слова. Все сведется к установлению норм отстрела

кабанов, пересмотру стандартов на выбросы токсичных веществ в атмосферу и Мировой океан и переселению уцелевших носорогов в заповедники. А ведь дело не в очистных сооружениях и посадке лесов - необходимо изменить саму общественную психологию человека. Только так можно вывести этот вид из класса суперпаразитов.

- И как это сделать? - спросил Николай.

- Точного плана у меня нет. Наиболее вероятный путь - генетическое вмешательство. Может быть - гипнотическая перестройка сознания. Я буду думать об этом.

- Ты считаешь, что человечество в целом поражено эгоизмом. Судишь нас. Но разве ты не видишь, что человек поставлен над другими видами ходом эволюции?

- А ты не понимаешь, что эта позиция "над" развращает самого человека? От массового забоя животных до массовых убийств во время войны один шаг. Психика уже подготовлена. Язык породил жуткие штампы - "живая сила", например. Почитай газеты середины прошлого века: "потери противника в живой силе составили двести тысяч" - расхожая фраза времен второй мировой войны. Убивают не человека с бессмерт-

ной душой, не венец творения - то все выдумки Толстого и Шекспира. Уничтожают живую силу.

Огорченный последним разговором с Тимом, Николай в девятом часу отправился к Эдвардсу. "Хорошо, что скоро возвращается Кройф, - думал он, устраиваясь на своем любимом месте у окна. - Может быть, ему удастся отвратить Тима от мысли спасти человечество от самого себя. Идея спасения, исходящая от автомата! Да какой же он автомат? Это личность с убежденностью Иисуса Христа. Он, пожалуй, и, распять бы себя дал с радостью". Николай отодвинул тарелку.

- Тебе не понравился бифштекс, Ник?

- Он великолепен, Мэг, как всегда. Но я не могу есть, когда на меня так смотрят.

- Кто на тебя смотрит?

- Ласковый теленок с мохнатым завитком - как раз между рожками.

16

Во вторник утром Глен сказал Николаю:

- Ты знаешь, в Ноксвилл приехал Ахматов. Сегодня в три он читает у нас лекцию. Его зазвал Майкл Шилин.

- Ахматов? - обрадовался Николай. Он немного знал Сергея Васильевича Ахматова - историка,

географа и палеоэколога, оригинальнейшего ученого, привлекавшего внимание своими неожиданными, парадоксальными построениями. Правда, по мнению иных дотошных критиков, выводы его были не всегда достаточно аргументированы. Каждая работа Ахматова, о чем бы он ни писал - о гуннах или хазарах, о шаншунах или кянах, о тибетских царях Намри и Сонцэне или о роли психической энергии в становлении народностей, - поражала насыщенностью деталями и исторической достоверностью и, вместе с тем, вызывала, просто не могла не вызывать, горячие споры.

- Как же он попал в Ноксвилл? - спросил Николай.

- Он читал курс в Сан-Франциско по приглашению тамошнего университета. Его встретил Шилин, заговорил, уговорил, взял под руку, посадил в самолет и доставил сюда. Специально для нашего семинара. Тема - что-то об экологии древних. Пойдешь?

- Спрашиваешь! А нельзя ли, чтобы Тим послушал эту лекцию?

- Само собой. Не только Тим, но и Клара, и Пит. Обычно, мы даем им всю информацию из зала, кроме случаев, когда обсуждаем их самих.

После обеда Николай, пристроившись во вращающемся кресле, лениво пролистывал биохимические журналы. Без десяти три он поднял голову и увидел в окно Ахматова - пожилого человека плотного сложения с живым, немного хитрым взглядом. Нос с тонкой горбинкой напоминал его знаменитую прабабку. Он шел по солнечной стороне двора в сопровождении долговязого Шилина и каких-то молодых людей, кажется, местных аспирантов. Шилин непрерывно говорил, Ахматов отвечал короткими репликами.

Николай встал, отбросил журнал, сбежал по лестнице и вышел навстречу группе. Ахматов узнал его, сделал приветственный жест, но поговорить им не пришлось. Двор возле конференц-зала заполнился людьми. Николай огляделся в попытке увидеть Мэг: он звонил в город и пригласил ее на лекцию. Не найдя ее, он постоял еще минуты три и с последними людскими ручейками вошел в зал.

Прямо перед Добринским, севшим во втором ряду, оказался Майкл Шилин, известный на весь Ноксвилл чудак и экологический экстремист. Он сурово прорицал грядущую гибель живой природы из-за неразумных деяний человека,

набатно призывал всех мыслимых союзников на экологические баррикады, предавал анафеме враждебные природе науку и технику, что, впрочем, не мешало ему самому потихоньку заниматься этой самой наукой. Призывы и лозунги его были путаны, так что многие не принимали его всерьез, хотя и продолжали относиться к нему с приязнью.

Шилин был возбужден. Он гордился тем, что привез в Ноксвилл Ахматова, предстоящее выступление которого рассматривал как триумф своих идей. Он непрерывно озирался и, увидев очередное знакомое лицо, по-детски радовался.

Заместитель Бодкина Роберт Гил, седой загорелый южанин, минут пять изысканно расточал комплименты в адрес Ахматова, а затем предоставил ему слово. Сергей Васильевич встал и пошел, однако не к трибуне, где голубым и красным отсверкивал стакан воды, а на авансцену. Там он остановился у самого края и, слегка раскачиваясь с носка на пятку, начал свой рассказ.

Николай на секунду обернулся и увидел Мэг. Она сидела в середине зала между Диком Гленом и Сэлли. На мгновение глаза Николая и Мэг встретились. Он быстро повернулся к сцене, чувствуя как начинают гореть щеки.

- Древние люди, - говорил Ахматов, - одухотворяли всю природу, растворяли в ее бескрайнем величии божественное начало. Не только грандиозные явления неба, но и простые близлежащие объекты - дерево, камень, ручей - имели свою душу и своего духа-хранителя. Прежде чем срубить дерево или запрудить ручей, наивные первожители пытались задобрить соответствующего духа, уговаривали его, приносили жертвы. Такой взгляд приводил к осторожно-почтительному отношению первобытного человека к природе. Прошли века. Уверовав в единого Бога и назвав себя венцом творения, человек возвысился над природой и духовно оторвался от нее. Согласно новой доктрине, зародившейся в так называемой "земле обетованной", Бог создал природу для блага человека. Ни одна вещь или тварь не имеет иного предназначения, помимо служения человеку. Освобожденная от Божественной души природа предстала перед его взором мертвым развалом камней, малоценной косной материей, лишенной внутреннего смысла, но призванной принять на себя удар хитроумного потребителя, ее хозяина и господина, сверхприродного существа - человека. Хитроумие его воплотилось,

как известно, в развитые за двадцать столетий гигантские силы науки и техники, но это, как утверждают некоторые, - бесовские силы, управлять которыми мы не умеем.

Майкл Шилин заерзал и повернул к залу крупную голову с жидким маревом светлых волос. Глаза его торжествующе блестели.

- Сколько раз уже, - говорил Ахматов, - рисовали нам кошмарный образ изрытого стальными зубьями, засыпанного ядовитыми порошками, опутанного проволокой земного шара. И если всерьез принять эту тревожную картину близкого будущего нашей планеты... да, уже почти настоящего, - откликнулся он на реплику из зала, - то нетрудно понять тех, кто требует отбросить прочь колдовские силы техники, умерить самоубийственные темпы технологической цивилизации и, пока еще не поздно, вернуться в старый добрый патриархальный мир землепашца с сохой и великим философским почтением ко всему сущему.

Шилин в возбуждении приподнялся с кресла. Ахматов внимательно посмотрел на него, пригладил прямые, зачесанные набок волосы и ровным тоном, отчетливо произнося каждое слово, продолжал:

- Мировой символ дерзновенной силы человеческой - Прометей не всегда, оказывается, почитался как герой. Впрочем, для древних этот символ преобразования мира не был даже человеком, для них он из сонма богов. Лишь много столетий спустя, в культурной традиции эпохи, рассматривающей природу как гигантский механизм, а материю - только как технический материал труда, Прометей лишается ореола божественности и становится героем-человеком. Но вот на наших глазах расшатываются последние интеллектуальные устои этой уходящей эпохи, по всем швам трещит некогда величественная идея человека - господина вселенной, завоевателя, покорителя природы. И на гребне этой ломки во множестве возникают новые трактовки, изображающие Прометея то в виде авантюриста, подсунувшего детям спички, то в виде злодея-искусителя, эдакого античного Мефистофеля. Эта переоценка является как бы исходным рубежом для атаки, и вот мы уже читаем статьи - бунтарские или же псевдобунтарские, - где мировыми злодеями названы Бэкон, Декарт, Галилей, Ньютон. Есть ли хоть крупица истины в этом радикальном пересмотре? Не ответив на этот болезненный вопрос, мы, подобно стрено-

женному коню, не сможем двинуться дальше. А сердце по-прежнему алчет стремительного бега.

Лектор перевел дух.

17

Когда Тони появился в нью-йоркском аэропорту Ла-Гардиа, его уже ждали. А получив известие, что О'Хара вылетает в Ноксвилл, Флойд отправился туда же. Оставалось выяснить, к кому приехал Красавчик. Но тот уже два дня болтался по городу или сидел в своем номере. Никаких контактов. Во вторник вечером инспектор выслушал агента, следившего в тот день за Красавчиком.

- В 10.15 О'Хара вышел из гостиницы и около часа гулял по набережной. В 11.10 пил сок из автомата напротив стоянки. К нему подошел негр в красных шортах и показал на выпавшую у Тони бумажку, - агент положил перед Флойдом снимок. - Потом Красавчик провел два часа на пляже, выкупался и вернулся в город. Заглянув в бар Ай-Кью, выпил вермута, но ни с кем не говорил. В 14.20 он вошел в салон Гудвина, через пятнадцать минут вышел и отправился к Эдварсу, где пообедал. За соседним столиком сидел некий работник биоцентра Николай Добрин-

ский, - вторая фотография легла на стол Флойда.

- Они говорили? - спросил инспектор, вертя перед собой снимки.

- Перебросились несколькими словами, после чего Добринский ушел.

- Хорошо, дальше. - Флойд сделал пометку в настольном блокноте.

- Около получаса он просто сидел на скамейке напротив игорного салона Ромеро. Потом вошел, сунул несколько монет в автомат, проиграл и отправился в гостиницу. В холле купил газеты и поднялся к себе. До семи из номера не выходил, а в семь я сдал дежурство.

Флойд молча вертел фотографии. Потом забормотал:

- Пляж, Ай-Кью, Гудвин, Ромеро... Хорош наборец... Ладно, вы можете идти.

Агент был уже у дверей, когда Флойд воскликнул:

- Пайк бы это заметил!

- Что вы сказали, сэр?

Инспектор подбежал к нему и, вытягиваясь на цыпочках, приблизил блестящие глаза к подбородку полицейского агента.

- Какие виски у Тони?

- То есть?

- Я спрашиваю, какие у него виски? Прямые, косые?

- Н-не знаю, сэр.

- Плохо. Тони провел четверть часа у Гудвина, а вы не обратили внимания на его виски. А ну-ка идите сюда.

Они вернулись к столу, и Флойд сунул агенту снимки.

- Сравните эти фотографии. У вас не возникает недоумения?

- Недоумения? Нет, сэр. Вот О'Хара у автомата пьет сок. Рядом с ним негр. А здесь он у Эдвардса, разговаривает с Добринским.

- Редкий по глубине анализ фотоснимков. Не вы ли сказали, что пил сок Красавчик до парикмахерской, а обедал - после?

- Да, сэр.

- А что же он делал у Гудвина, если его лохмы и щетина абсолютно не изменились?

- Действительно, что он там мог делать? - пробормотал агент. Флойд смотрел на него с восхищением:

- Вы очень устали, дружище. Идите, - инспектор схватился за телефон. - Пайк? Молодец, что позвонил. Будь здесь завтра утром. Никаких но... До пятницы еще далеко. Кукушкин ручей

подождет.

18

- Кстати о спичках. - Голос Ахматова приобрел ироническую интонацию. - Не в том только дело, что ныне человек термоядерным огнем, правнуком прометеевского, в мгновение ока может спалить земной шар. Спички всегда требовали осторожности. Уже в седой древности люди, овладев огнем, начали подпаливать планету. Во времена подсечно-огневого земледелия человек сознательно устраивал лесные пожары, чтобы расчистить место для пахоты и удобрить почву золой. Через несколько лет он покидал ставшие негодными земли и уходил, чтобы жечь другие леса. В результате уже на заре истории была сожжена чуть ли не половина всех лесов на земле.

Действительные масштабы вмешательства древнего человека в природные процессы оказались куда значительней, нежели мы думали раньше. Теперь стало ясно, что практически все гигантские пустыни современности - Сахара, Гоби, Такла-Макан, множество малых пустынь, обширные районы истощенных, мертвых земель - все это следы деятельности древних

земледельцев, скотоводов, ирригаторов.

Помните поговорку: козы съели Оттоманскую империю? Несколько лет назад случилось мне путешествовать по горам Анатолии, и я был поражен бедностью растительности в этих краях. На каменистых, до предела разрушенных эрозией склонах еще заметны следы бывших террас. Лет триста тому назад здесь росли виноградники, масличные и фиговые сады, может быть, существовали плантации овощных культур. Перед глазами, как мираж, встает картина отрадного буйства живой природы. Но увы! Ныне это голая пустыня. Кое-где между скалами можно еще заметить крохотные островки плодородной почвы, в которой пытается укорениться тощее деревце. Но рано или поздно его заметит острый и жадный глаз горного козла. Ни одному растению не выжить на этой печальной земле. Поневоле приходит в голову, что образ дьявола в виде черного рогатого козла родился там - в умирающих землях Ближнего Востока.

- У нас под боком есть нечто подобное, - произнес с председательского места Роберт Гил и широко повел рукой в сторону окон, за прикрытыми стеклами которых вдали мирно желтела Скана.

- О вашей пустыне чуть позже, - отозвался Ахматов. - Итак, необъявленная война человека с природой началась давно. Много позже, уже задним числом эта война была объявлена Фрэнсисом Бэконом, который во всеуслышание сказал о необходимости увеличить власть человека над природой до таких пределов, когда все станет для него возможным. И сейчас живет эта формула в разных обличьях. Может быть, помните? "Мы не можем ждать милостей от природы..."

Но для настоящей войны нужна техника. И техника появилась. Именно в семнадцатом веке был открыт ящик Пандоры, техника соединилась с наукой, и обозначилось тотальное наступление человека на природную среду. Какие цели преследовал он в этой войне? На что расходовал изобретательский свой талант?

Ахматов умолк на мгновение, потом продолжал негромким голосом:

- Сегодня утром я проходил по холлу гостиницы, где стоят игральные автоматы - яркие, заманчивые шкафы. Глянул я на это чудо инженерной мысли - говорю без иронии, ибо с инженерной точки зрения эти однорукие бандиты прекрасны - и вспомнил, как отозвался

Платон о Дедале, легендарном творце хитроумных аппаратов. Людей типа Дедала, то есть создателей орудий и машин, Платон относил к низшей категории. Античные мыслители созерцательное размышление ставили куда выше практического, технического мышления. Ученые как чумы боялись разговоров о пользе их открытий и неустанно подчеркивали, что занимаются наукой "как подобает свободному человеку" - для развлечения. Даже мифология не жаловала техников: олимпийцы без особого почтения относились к хромому патрону ремесленников - Гефесту.

Ясно, что такие идеи были рождены обществом, которое могло позволить себе развлекаться, пока на полях трудились рабы. История повторяется. Через две с половиной тысячи лет люди снова получили в свое распоряжение рабов. Это кибернетические аппараты. И вот я думаю, не потому ли мы начинаем рассуждать как новоявленные Платоны?

Восклицают иные с пафосом: назад к природе! Ну что ж, давайте отменим науку и технику. И что тогда? Прикажете снова жечь леса и болеть холерой? Вы думаете, это намного лучше современных порубок и сосудистых заболеваний?

Вряд ли. Выход не здесь. Но как же тогда быть с нарядным буколическим образом мирного древнего землепашца-философа? К огорчению поклонников этой, быть может, весьма достойной в литературном отношении фигуры должен заметить...

Николай, во все глаза глядя на сцену, зафиксировал все же боковым зрением, как напряглась шея Майкла Шилина.

- ...должен заметить, - говорил Сергей Васильевич,- что образ этот, увы, надуман и неточен. Мирный древний землепашец не потому не воевал природу, что был мудр и прост, а потому лишь, что был слаб и напуган. Впрочем, при всей своей слабости кое-что, как мы видели, он успел натворить. Более того. Уже знаменитые древние цивилизации Египта, Вавилона, Китая, Рима вели широкое наступление на природу в границах своих экологических оазисов. Это рано или поздно приводило их оазисы на грань экологической катастрофы, а сами цивилизации гибли. Все больше ученых склоняется к мысли, что именно экология сыграла решающую роль в судьбе этих культур. Аргументов в пользу такого вывода накопилось немало...

Самолет летел над Скалистыми горами. Безжизненные белые треугольники вершин и темные зигзаги ущелий составляли холодную, чужую геометрию земли. Никаких следов человека. Ахматов тогда сказал, что экология сыграла роковую роль в судьбах народов. "И в моей судьбе", - подумал Николай.

Август. Последние каникулы в университете подходят к концу. Они готовятся к экспедиции на Алтай и южнее - в Монгольские нагорья. В упоении от предстоящего путешествия они с Вилковыским бегают по Москве - склады, базы, магазины, - собирают снаряжение. Но что-то не так с Татьяной. Он даже не мог вспомнить, из-за чего случилась размолвка. Неужели он подобно романтическому восьмикласснику играл Печорина? Татьяна собиралась на Кавказ. (Печорин, Кавказ, Татьяна - какая русская литературная каша!) В Пицунду, что ли? Курортный юг всегда вызывал у Николая чувство мелкого презрения. Следовало быть мягче. Ну что из того, что некоторые любят плескаться в мо-

ре, теплом и жирном, как суп из утки с лапшой!

Они стояли у каких-то перил, куда-то он ее провожал. Говорил про Алтай, Саяны, Байкал.

- Все твоя экология? - сказала Таня.

- Да, все моя экология, - ответил он. А потом диалог набрал бешеные обороты. И Таня вдруг сказала, потемнев лицом:

- Ведь ты меня не любишь, Коленька?

И Николай согласился чужим и сухим голосом:

- Не люблю. Ведь и ты меня не любишь, Таня.

В декабре он вернулся в Москву и узнал, что Таня вышла замуж за Феликса Бурмина.

Горы внизу заволокло. "Бред какой! - Краем уха Николай уловил какие-то слова стюардессы, и мысли его стали возвращаться к настоящему. - При чем здесь экология? Или возлюбленная - это фрагмент окружающей среды? Среда. Что мы с тобой сделали. Берегите среду! С любимыми не расставайтесь..."

- И вот здесь уместно поговорить об истории пустыни Скана, - Ахматов глянул в восточные окна, и аудитория непроизвольно посмотрела туда же. - Нет в Ноксвилле человека, который не ощущал бы ее сухого, мертвящего дыхания. Но не все, возможно, знают поучительную историю ее рождения. Как свидетельствуют раскопки в Каба-Крусе, некогда это был цветущий край, где жил и богател сильный и независимый имперский город Капатокл. Он достиг вершины могущества при правителе Этцакле, а уже при его наследнике внезапно ушел в небытие. В цепь необходимых, закономерных событий затесался незваный гость - случай. Нелепый случай, ничтожный исторический зигзаг послужил причиной заката империи.

Восьмидесятилетний Этцакль остался вдовцом. Прошел год, и неугомонный старец стал подумывать о женитьбе. Сыскалась невеста - принцесса из далекого по тогдашним масштабам южного царства. Кто мог знать, что в явившейся из Теотиукана толпе, среди фрейлин, телохранителей, колдунов и зодчих, окажется несколько инженеров-ирригаторов, уже прорывших на своей засушливой родине немало оросительных каналов. И кто мог знать, что именно их усердие

приведет к разрушению земель в долине двух маленьких впадающих в Колорадо рек, тех земель, на плодородии которых зиждилось компактное и эффективное хозяйство Капатокла. Дело в том, что, оглядевшись, приезжие знатоки ирригации нашли неудовлетворительной местную систему орошения и предложили перестроить ее, прорыв для этой цели ряд новых каналов. Авторитет иностранных специалистов был вне критики. Работы начались. Для их освящения Этцакль повелел из толченых семян священного амаранта, замешанных на крови принесенных в жертву пленников, испечь статую бога Кецалкоатля. Но и это не помогло: великое начинание окончилось крахом. Разумеется, авторы проекта плохого не желали. Напротив, они искренне рассчитывали повысить плодородие почв. Однако свои весьма ограниченные знания они механически перенесли в новые географические условия, что для экологии особенно опасно.

Строительство продолжалось несколько лет. Закончить его не успели. Уже в разгаре работ урожайность окружающих полей упала в несколько раз. Почему? Перед нами элементарный случай неумения предвидеть последствия собственных действий. Новые каналы прошли

через подземные солончаки, что вызвало сильную засоленность почв. Изменился сток рек. Образующая южную границу империи река, потеряв большую часть своих вод, пересохла. Через высохшее русло на север хлынули пески пустыни Хилы.

Наследники умершего к тому времени Этцакля распорядились, чтобы тысяча невольников перед каждой пахотой очищала землю от соли, песка и камней. Однако неурожаи и голод стали сотрясать страну. Невольники, которых почти не кормили, в один прекрасный день подняли бунт. К ним присоединилась недовольная беднота. Напрягая силы, империя боролась с внутренними врагами. И в этот урочный час объявились враги внешние. Пришли осмелевшие завоеватели - одно из юто-ацтекских племен, и Капатокл развалился от первого же удара, совсем как Вавилон от напора персов царя Кира. Уцелевшие жители покинули обжитые места. Экологический оазис постепенно превратился в пустыню. На краю Сканы долго еще ютилось одно поселение ацтеков, но его судьба была решена несколько столетий спустя, когда пришли испанцы.

Можно, конечно, спорить о том, какая причина

из длинной цепи причин была решающей в гибели маленькой цивилизации Капатокла. Бесспорно одно: экология всегда играла большую роль в жизни человеческих сообществ - от пещер до наших дней. Что же касается нынешней Сканы, то о ней лучше всего можно сказать словами Томаса Элиота:

Мертвая это страна
Кактусовая страна
Гаснущая звезда
Видит как воздевают руки
К каменным изваяниям
Мертвые племена.

Николай вновь оглянулся на Мэг. Она чуть заметно улыбнулась зелено-карими глазами.

- Не нужно доказывать, - продолжал Ахматов, - что ныне весь наш мир - это крошечный оазис наподобие Капатокла. Во что он превратится - в цветущий сад или в мертвую элиотовскую страну - вот главный вопрос нашего времени. Если раньше из разрушенного оазиса можно было уйти в другие, нетронутые места, то ныне человечеству некуда бежать с оскальпированной Земли. Здесь я должен на минуту остановиться

на фигуре гениального русского мыслителя Циолковского. Мне лично очень импонирует его безграничный космический оптимизм, но хочу предостеречь от прямолинейно-упрощенных толкований его идей. Возможно, вы помните его слова: человечество не останется навечно прикованным к своей колыбели, но в погоне за светом и пространством покорит безграничный Космос. Полагаю, так и будет когда-нибудь. Но не следует думать, что человек скачала дотла разорит свою колыбель, а потом покинет ее в поисках более комфортабельных планет. Циолковский вовсе не считал, что человек превратится в вечного скитальца, разоряющего планету за планетой. Мы не имеем права необдуманными действиями разрушить Землю, как это сделали со своим мирком незадачливые соплеменники Этцакля, как это сделали халдеи и персы с Двуречьем, турки-сельджуки с Каракумами, а позже - с Анатолией, жители Северной Африки с той некогда плодородной землей, которую нынче называют Сахарой. Напротив, бережным обращением с родной планетой мы докажем наше право на космическое существование. В этом я вижу пафос смелых мыслей Константина Циолковского.

- Правильно! - крикнул Майкл Шилин.

- Кстати,- сказал Ахматов,- один ваш эколог из корпуса военных инженеров говорил мне, что Скане можно вернуть жизнь, но проект этот далек от реальности, поскольку стоит сотни миллиардов... Мне трудно судить, может быть, ваше правительство и выделило бы подобную сумму, если бы дело упиралось в одну только Скану. На самом деле мы стоим перед глобальной проблемой, в масштабе которой Скана - лишь песчинка. Так что вряд ли эта пустыня в ближайшие годы превратится в зеленый сад.

Сделав небольшую паузу, Ахматов сказал:

- Чувствуя, что начинаю злоупотреблять вашим терпением и временем, я перехожу к заключению.

Возник короткий шум, на фоне которого звучали отдельные реплики, дающие понять, что слушатели готовы предоставить лектору неограниченное время.

- Вернемся на минуту к "злодею" Ньютону. Подкоп под великих творцов науки означает подкоп под научно- технический фундамент с сомнительных псевдоэкологических позиций. Неверно думать, будто в наших бедах повинна наука, якобы чрезмерно развитая и потому

ставшая опасной. Все обстоит как раз наоборот. Виноваты мы, люди, а наука, к сожалению, еще недостаточно развита, чтобы помочь нам исправить самих себя. Моей целью было показать, что золотого века экологии никогда не существовало. Но он возможен и достижим в будущем. "Вперед к природе!" - таким должен быть наш лозунг. Но без глубокой и умной науки этот лозунг не претворить в жизнь. Нам не обойтись без "злодея" Винера и "злодея" Вернадского, как и без тысяч современных "злодеев". Не тормозить научно-технический прогресс, а всемерно его ускорять - вот наша обязанность. Особая нагрузка при этом ляжет, как мне думается, на экологию и информатику. Мы обязаны научиться управлять природой. И роль науки тут неоценима. Мне ?особенно приятно говорить это здесь, в среде ученых, представляющих одно из самых интригующих направлений научной мысли.

И наконец - прометеевский мотив. Истинное его звучание состоит в том, что человек Прометей столкнулся ныне с задачей создать средства для безграничного собственного развития, обрести судьбу, уготованную в древней мифологии лишь богам.

Гром аплодисментов был ответом на эти сло-

ва. Роберт Гил поднялся и предложил задавать вопросы. Одним из первых ю Ахматову обратился Лапиньский:

- Не считаете ли вы, мистер Ахматов, что Земля уже перенаселена?

- Нет, не считаю. Напротив, будучи адептом космической философии Циолковского, я вообще полагаю, что освоение безграничного звездного мира сопряжено с безграничным же ростом количества землян. Что касается нашей планеты, то, как всякая квартира, она должна быть заселена с разумной плотностью.

Были еще вопросы. Внимание Николая привлек короткий диалог Ахматова и невысокого аккуратного человека с внешностью пожилого мальчика.

- Если я вас правильно понял, профессор, - сказал он, - вы наделяете человека ролью всемогущего бога-преобразователя. Как согласовать этот оптимизм с той грустной картиной, которая открывается нам в современной биосфере. Хорошо известно, что в ближайшие двадцать-тридцать лет должна исчезнуть половина видов животных и растений, населяющих Землю, и все надежды биологов не идут дальше создания генетических банков, которые позволят

законсервировать гены исчезающих видов до той поры, очевидно неблизкой, когда появится реальная возможность их восстановления. Таким образом, победоносный путь человечества оказывается смертоносным для живого покрова Земли. Может быть, ему - человечеству - следует отступить?

Ахматов внимательно посмотрел на собеседника. Николаю в этом взгляде почудилось сочувствие.

- Вы правы, картина достаточно грустная, и все мы об этом знаем. Мотив отступления и мне представляется обоснованным. Но он не противоречит тезису о богоравности человека. Боги потому и всемогущи, что знают толк во временных, тактических отступлениях.

У Николая возникло желание выступить. Он думал рассмотреть проблему единства природы и человека с позиции искусственного интеллекта и, сознавая, чти эта свежеиспеченная мысль пока еще очень лохмата, стал обкатывать фразы в торопливых попытках найти опорные точки. Из задумчивости его вывел знакомый квакающий голос.

- ...сказал же упомянутый уважаемым мистером Ахматовым Элиот: "Мы спасемся,

заболевая", - слова Элиота сэр Монтегю произнес с благоговением. - Но чем нам следует заболеть, дабы спастись? Может быть, экологией? Это не исключено. Ибо доктор Ахматов нас ею сегодня основательно заразил. Нельзя, конечно, сказать, что мы в этом отношении были вполне здоровы. Но теперь, без сомнения, мы будем болеть с большей страстью. Что же это означает - болеть экологией? На мой взгляд, это прежде всего любить природу. Любовь, как известно, тоже род недуга.

19

Вечером Добринский и Глен забрели в бар на набережной. Красноватый свет выхватывал квадратики столов, пятнами ложился на стены. У стойки Ричард завел разговор с барменом, а Николай взобрался на табурет и глянул в полутьму зала. Когда Глен протягивал ему стакан, в бар вошел Ахматов. Николай толкнул Дика в бок, соскользнул с табурета и пошел навстречу вошедшему.

- Сергей Васильевич, добрый вечер. Выпьете с нами?

- Ну если только глоток, - отозвался Ахматов.

Третий стакан, как у фокусника, возник в длин-

ных пальцах Дика.

- Это Ричард Глен из биоцентра. Мы вместе слушали вашу лекцию, - сказал Николай. Дик одобрительно замычал.

- Чертовски рад встретить вас, профессор, в этом райском уголке, - плавным движением стакана Глен указал на цветистую шеренгу бутылок, - затерявшемся среди бескрайних песков мертвой пустыни, в которой запросто можно помереть от жажды.

Ахматов понимающе улыбнулся.

- Когда возвращаетесь в Питер? - спросил Николай.

- Уже завтра.

- А я еще пробуду здесь месяца два. Я стажируюсь у доктора Кройфа. Вы о нем слышали?

- Настолько слышал, что очень хотел бы увидеть. Жаль, что его нет в Ноксвилле. Он ведь, кажется, ведет главную тему биоцентра - органические интеллектуальные автоматы? Вы тоже в этом замешаны?

- Увяз по уши. Ваша лекция, Сергей Васильевич, натолкнула меня на одну мысль. Люди создают искусственный интеллект в виде автономного образования. Что же происходит в этот момент - отчуждение частицы нашего ума и создание

равноправно мыслящей единицы, родственной человеку и близкой ему по духу? Или все обстоит иначе - мы концентрируем и организуем в компактную структуру разум, растворенный в природе, вне нас? Но как тогда относиться к этим созданиям? Не должны ли эти отношения строиться по законам особой экологии - экологии духа?

- Бесспорная мысль, - сказал Ахматов. - Искусственный интеллект вносит новое начало в традиционную систему "человек - природа". Прежняя простая симметрия этой пары заметно искажается. А лучше сказать - усложняется. И в этой троице - творец - робот - природа - стоило бы разобраться, - он взглянул на часы.

- Вы торопитесь? - спросил Николай.

- Да, мне, пожалуй, пора в гостиницу.

- Вы в "Скане"?

- Да.

- И мне туда же. Вы не против, если я пойду с вами?

- Буду рад.

- До свидания, Дик, - Николай тронул плечо Глена.

- Желаю вам, джентльмены, благополучно преодолеть мертвое пространство, отделяющее этот

бар от гостиничного, - участливо сказал Глен, плотнее устраиваясь на табурете.

20

- Как я и думал, Хорроу действовал через Шеннона. Все сработало безотказно. Проба оказалась успешной: Пит разгадал шифр "Оливетти", как пенсионер кроссворд в воскресном выпуске "Таймса". Так что, Кен, готовь основную задачу.

- А сможет Хорроу убедить Шеннона уничтожить Пита после того, как все будет сделано?

- Боюсь, Лэрри на это не пойдет.

- Лэрри?

- Да, Шеннона зовут Лэрри.

- Митч, если Хорроу струсит, ты должен...

- Не учи меня, Кен. Уничтожить Пита нетрудно. Трудно после этого удержаться в Центре. А упускать возможность использовать такие мозги - это было бы непростительной глупостью.

- Шеннон, Шеннон, Лэрри Шеннон...

- Ты так любовно выпеваешь это имя, будто он герой твоего последнего боевика.

- Герой...

- Ладно, Кен. Мне пора. Старик проводит очередную серию опытов, работы куча. Не забудь,

одновременно с уничтожением Пита надо отправить Шеннона на встречу с Карлуччи. А в Ноксвилле это сделать не так просто, как в благословенной Италии.

- Стоп! Вспомнил!

- Что?

- Митч, ручаюсь, мы сможем сделать этого малого покладистым.

- Лэрри? Выкладывай, что у тебя на него.

- Ты ведь знаешь Красавчика Тони?

- Это тот парень, что ездил с тобой в Милан?

- Тот самый. Он прилепился ко мне лет семь назад. Я тогда вел колонку уголовной хроники в "Чикаго трибюн", а Красавчик только что вышел из тюрьмы. Он был мелким, но известным в городе гангстером. Выйдя на волю, он оказался на мели, и я его приютил. Три недели он жил у меня на квартире и снабдил меня кучей сюжетов. Один из них я использовал в своем "Страдании как искусство". Ты читал эту вещь? Вижу, что нет. А зря. Так вот, Тони рассказал мне историю своего сокамерника Лэрри Шеннона, в прошлом химика или фармацевта, который был связан с бандой Карлино. Шеннон не поделил что-то с крестным отцом... Вспомнил, он обнаружил, что Карлино обсчитывает "братьев". И

Карлино задумал убрать Шеннона. Лэрри решил отсидеться в тюрьме, для чего очень неуклюже пошел в одиночку брать ювелирный магазин. Срок он получил, но поместили его в чикагскую тюрьму, где Карлино ничего не стоило его укокошить. Тони, которому Шеннон рассказал свою историю, проникся к нему сочувствием и - в основном, чтобы насолить Карлино, которого Красавчик терпеть не мог, - помог Лэрри перевестись и другую тюрьму, в Техас. Так Шеннон ушел от Карлино.

- И это описано в твоем "Страдании"?

- Там есть сценка расправы Карлино над пойманным беглецом. Имена, естественно, другие, но вся история изложена точно. Да ты сам прочти, Митч.

- Уволь. Но ты прав. Это пройдет. Подчеркни нужные места и передай-ка экземпляр своего шедевра Хорроу. Это придаст его просьбам, обращенным к Шеннону, больше веса.

21

- Ты только подумай, Джек! - Флойд возбужденно бегал по комнате, размахивая листком. - Письмо с того света. Ах, Дуг, какой ты молодец!

- Как ты сказал? - Пайку передалось возбужде-

ние шефа. - Письмо от Спайдера?

- Какого парня потеряли! А-а-а, - инспектор махнул рукой. Потом блеснул очками на Пайка: - Да, от него. Каким-то диким кружным путем. Оно шло три недели через трех или четырех курьеров. А теперь догадайся, что в письме.

- Что-нибудь о Красавчике?

- Молодец!

- Что-то у тебя сегодня все молодцы; и покойник Спайдер, и я.

- У меня просто хорошее настроение, Джек.

- Это потому, что Дуг написал о Красавчике?

- Потому, что Дуг написал еще кое о ком. Тебе говорит что-нибудь такое имя: Кеннет Фолл?

- Фолл? - Джон Пайк воздел глаза к потолку и зашевелил одновременно губами и пальцами. - Ну да, есть такой писатель. Я видел у Нэнси его книжонку. Открыл наугад - а там мужчина с бескровным лицом прижимает красавицу блондинку носом к раскаленной печной дверце. Оставляет глубокое впечатление - я и читать не стал, вдруг, думаю, испугаюсь.

- А по нашей линии за ним ничего не числится?

- Было что-то в газетах о махинациях в казино. Но серьезного, вроде, ничего. Можно, конечно,

проверить.

- Проверить придется. Спайдер видел Фолла с Красавчиком Тони и братом Джины за два часа до того, как взлетел на воздух вычислительный центр "Оливетти". И еще маленькая подробность: Фолл сегодня утром прилетел в Ноксвилл и уже дважды побывал у Гудвина. А?

22

По гулкой красной пустыне уходил человек. Был он высок и худ, и длинный белый балахон свисал с узких колючих плеч гипсовыми складками. Надо было догнать эту ускользающую к горизонту фигуру. Николай напрягал силы в бесплодном беге. Он слышал свое пустое громкое дыхание.

- Это король Лир, - быстро шептал ему кто-то. - Это король Лир.

- Вы ошибаетесь, - тоже торопливо возражал Николай. - Это король Этцакль. Это Этцакль! - кричал он, и эхо разносило гортанное "цакль, цакль, цакль..."

При каждом отзвуке маячившая впереди белая фигура оборачивалась и взмахивала руками. И тогда Николай совершал стремительный полет и приближался к беглецу

настолько, что видел мелькающие под балахоном большие стариковские ступни.

- Слово, ключевое слово, Этцакль! - просил Николай.

- Нет, - говорил старик. - Я должен идти. Меня ждет моя Тио.

Дул ветер, вздымая красную пыль, гнал белые шары. Вдали на белых ломких суставчатых ногах вышагивали светящиеся на фоне темного неба тележные колеса. "Юто-ацтеки", - догадался Николай. Почему-то он был уверен, что это именно они.

Теперь старик шел не один: тонкая фигурка возникла рядом. "Как же ее зовут? Корделия? Ах да - Тио. Значит Лира зовут Этцаклем..."

- Да, Этцаклем! - кричал старик. - Но между нами - симметрия! - Он взмахами рук показывал на шары и колеса и глухо бормотал: - Симметрия...

- Какая же симметрия? - горько усмехнулся Николай.

Еще один короткий полет, и он увидел: Тио - это вовсе не Татьяна. Тио - это Мэг.

Душ и кофе не вернули свежести отуманенному сном мозгу. Николай явился в лабораторию вялым и заторможенным. Он сел в свое люби-

мое кресло на колесиках, чуть оттолкнулся от стола, подбираясь ближе к стеллажу, придвинул груду журналов, но ни одного не взял в руки. Откинулся на спинку, прикрыл глаза.

Он вновь бежал по пустыне. Нет, то была не пустыня. Поляна, сплошь покрытая голубыми и желтыми цветами. Над заросшими пнями висели шмели, трепетали кружевные бабочки. В руке у него был сачок. Посреди поля на пеньке сидела Таня Бурмина и укоризненно смотрела на него.

- Я не ловить, - крикнул Николай. - Мне нужна только одна, только одна узорчатая бабочка.

И в тот же миг бабочка оказалась перед ним, помахивая ажурными крыльями, сплетенными из букв и значков. Рисунок крыльев был неодинаков.

- Где же симметрия? - возмутился Николай и оглянулся. На пеньке никого не было.

- Сэлли, как ты думаешь, что снится Нику?

Он поднял глаза и увидал Дика, Сэлли и Мэг, стоявших рядом.

- Это же формула, - пробормотал Николай.

- Какая формула? - спросил Дик.

- Это же формула, - повторил Николай и тряхнул головой. - Так, ерунда. Извините, я задремал...

Известно, я не жаворонок. Утром потягивает в сон, знаете, ли. - Он почувствовал неловкость, но Ричард и близнецы улыбались так дружелюбно, что чувство это растаяло почти сразу.

- У Сэлли сегодня день рождения, и она поручает мне пригласить тебя на вечер к Эдвардсам, - сказал Глен весьма торжественно.

- Примите мои поздравления, мисс Эдвардс, - Николай посмотрел на Сэлли и тут же перевел взгляд на Мэг. - Постойте, Мэг, если я правильно понимаю...

- Вы неправильно понимаете, Ник. Я родилась, когда часы показывали четверть первого ночи, а Сэлли - на полчаса раньше. У меня день рождения завтра, и завтра я выслушаю вашу речь. Так что у вас уйма времени, чтобы сочинить что-нибудь менее банальное, чем "примите мои поздравления, мисс Эдвардс".

- Спасибо, я обязательно приду. Дик, ты сварил бы для наших гостей кофе, а мне надо кое-что записать. - И, схватив карандаш, Николай забормотал: - Только-то и всего - симметричную группу атомов заменить на антисимметричную...

23

После полудня в лаборатории разгорелся спор. Начался он с вопроса Добринского:

- Тим, как тебе лекция Ахматова?

- Я получил много новой информации. История Сканы, например, была мне неизвестна. Мысли Ахматова я принимаю... сочувственно. Однако это мысли человека со всеми вытекающими отсюда ограничениями.

- Что ты имеешь в виду?

- Люди не могут объективно оценить свое отношение к природе.

- Все-то ты нападаешь на людей, - шутливо сказал Николай.

- А разве я не прав? - ответил Тим. - Представь себе: великая вечная природа. Но вот пришли маленькие, трусливые и в то же время хитрые и сильные существа. Они впились в беззащитное тело природы и жадно сосут его соки. И природа начинает хиреть, обрекая, между прочим, на гибель и своих мучителей. Из-за беспечности, лени и жадности люди вряд ли способны свернуть с гибельного пути. Скажи, Ник, разве делается что-нибудь серьезное, чтобы спасти природу?

- Ты не прав, Тим. Во-первых, кое-что делает-

ся. А кроме того, ты совершенно упустил идею единства человека и природы. Уже никто не решается говорить о природе без человека, как и о человеке без природы.

- А по-моему, лучше, если природа без человека, - бесстрастно сказал Тим.

В разговор вмешался сидевший у своего пульта Глен:

- Но не будь человека, и тебя бы не было, Тим.

- Меня? А чем это плохо? Мне быть не обязательно. Зачем мне быть?

- Ну, ты скажешь, - смутился Ричард. - А ты, Клара, что об этом думаешь?

Клара и Пит были включены на внешнее восприятие и слышали весь разговор.

- Тим слишком упрощает, - ответила Клара.

- Того же мнения,- сказал Пит.

- Того же мнения? - возмутился Тим. - Да вы ничего не знаете! Ты, Пит, погряз в своей дурацкой математике. Ты насквозь пропитан массой мало что означающих абстрактных формул и схем. Да можешь ли ты судить о таких тонких материях, как отношения между человеком и природой? А ты, Клара...

- Что я? - спокойным голосом спросила Клара.

- А то, что со своими дурацкими стихами... - Тим

словно задохнулся и замолк на мгновение.

- Когда ты сердишься, - сказала Клара, - у тебя удивительно убогий лексикон.

В лабораторию вошли Сэлли и Мэг.

- Мальчики, - сказала Сэлли, - напоминаю: ждем вас в шесть.

- А теленка не забыли зарезать? - спросил вдруг Тим громко. Николай заметил, как вздрогнула Мэг.

- Что, что? - переспросила Сэлли.

- Да вот, Тим разбушевался, - примирительно сказал Глен.

- Но при чем здесь теленок?

- Если я правильно его понял, первый шаг к самоусовершенствованию - это вегетарианство, - пояснил Дик.

- А, это тот самый теленок, с завитком между рожками, - понимающе сказала Мэг, глядя на Николая.

- Теленок - это символ, - отчетливо произнес Тим. - Нетрудно догадаться, что речь идет о гармонии в природе, которую ученые иногда называют экологическим равновесием. Человек везде, где только может, эту гармонию разрушает. Вот почему я поднимаю голос за природу - против человека. При этом я ничего не имею

против вас. Против тебя, Дик. Против тебя, Коля. Против вас, милые Сэлли и Мэг. Приходится думать, что вы все, да и мы с Кларой и Питом - жертвы обстоятельств. История против нас, ибо мы - против гармонии. А теперь возражайте, если можете.

Николай и Дик одновременно открыли рты, но тут раздался мягкий певучий голос Клары:

- Позвольте мне.

- Пожалуйста, Клара!

- Тим, ты говорил о гармонии чистой природы? Природы, не замутненной присутствием человека?

- Да, говорил, - подтвердил Тим.

- Конечно, я могла бы вспомнить Дарвина или, лучше, Ламарка, но мне хочется ответить тебе "дурацкими" стихами. Я благодарна Дику за курс русской поэзии, и, мне кажется, сейчас очень уместно познакомить тебя с одним стихотворением русского поэта Заболоцкого. - Клара перешла на русский. - Его герой - очень добрый и мягкий человек Лодейников. Он нежно любит природу и внимательно вглядывается в нее. И вот, представь себе, к огромному своему огорчению, он не находит в ней спокойной и ясной гармонии. Напротив, он видит в этой чистой

природе боль и ужас:

Лодейников склонился над листами,
И в этот миг привиделся ему
Огромный червь, железными зубами
Схвативший лист и прянувший во тьму.
Так вот она, гармония природы,
Так вот они, ночные голоса!
Так вот о чем шумят во мраке воды,
О чем, вздыхая, шепчутся леса!
Лодейников прислушался. Над садом
Шел смутный шорох тысячи смертей.
Природа, обернувшаяся адом,
Свои дела вершила без затей.
Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорек пил мозг из птичьей головы,
И страхом перекошенные лица
Ночных существ смотрели из травы.
Природы вековечная давильня
Соединяла смерть и бытие
В один клубок, но мысль была бессильна

Соединить два таинства ее.

- Вот я и думаю, Тим, что перед человеком стоит великая цель - внести гармонию в природу. Ведь это человек породил понятие добра. В природе же добро и зло неразличимы. Тот же Заболоцкий хорошо сказал об уставшем от буйств и изнемогшем осеннем мире: "И в этот час печальная природа лежит вокруг, вздыхая тяжело, и не мила ей дикая свобода, где от добра неотделимо зло". И если хочешь знать, наша с тобой задача - как умеем, как можем, помогать человеку гармонизировать природу.

- Какая ты умница, Клара, - пробормотал пораженный Дик.

- Хорек пил мозг... - звучно проговорил Тим по-русски, потом, перейдя на английский, вдруг громко заявил: - Что ни говорите, а этот ваш Хорроу напоминает мне как раз такого хорька.

Последние слова Тима вызвали взрыв хохота. Когда смех утих, Николай спросил у Глена:

- Кто это Хорроу?

- Есть тут один. Мальтузианец-любитель. Он работал с Тимом какое-то время, но Кройф попросил Бодкина убрать его из лаборатории.

Николай направился к двери.

- Ты куда? - спросил Глен.

- Я вспомнил, - ответил тот,- мне надо забежать к Килрою. Точнее - к Сейто Ватанабэ. Хочу до приезда Кройфа кое-что просчитать.

- Коля, - донесся голос Тима, - а что, Скана действительно такая безотрадная - мертвая, пустая?

24

Худенький, похожий на подростка Сейто Ватанабэ сидел за компьютером. Николай поздоровался. Математик приветливо кивнул, отбросил со лба прямые черные волосы.

- Вот, - сказал Николай, - расчет органической молекулы. Боюсь, что кроме вас, Сейто...

- Хорошо, я попробую, - Ватанабэ вежливо склонился, взял из рук Николая листки и стал их изучать.

- Понимаете ли, - продолжал Николай, присаживаясь на вертящееся креслице, - на этот раз структура заметно сложнее, к тому же надо обязательно соблюсти требование антисимметрии. Сделаете к пятнице?

- Постараюсь. Приходите в первой половине дня. А то потом я уеду в горы. Ведь будет полнолуние. Хотите, поедем вместе?

- Спасибо. Надолго?

- Нет, нет, ненадолго. К субботнему утру вернем-

ся. Главное - посмотреть на луну. Над вершиной Ионго она должна быть очень красивой.

Сейто поймал недоуменный взгляд Николая и торопливо пояснил:

- Видите ли, в Японии эта привычка у многих с детства. Часто с отцом и матерью мы выезжали в полнолуние в горы - просто полюбоваться огромной луной, помолчать. Мои родители - простые крестьяне. Религиозные люди. Они синтоисты. Это такая, вы наверно знаете, легкая религия, связанная с поклонением природе. Мать и отец хотели, чтобы и я навсегда остался в нашей глухой деревушке... Но я уехал поступать в университет Дзети, на математическое отделение. Не попал, конечно. Доучивался уже здесь, в Америке. Ведь у нас на родине в престижный университет надо готовиться еще с яслей. В приличный детский сад сдают экзамены. Тогда может открыться дорога в престижную школу и так далее...

- Ну, теперь университет Дзети должен локти кусать, какого специалиста прохлопали, - сказал Николай.

Сейто смущенно улыбнулся.

25

На вопрос Глена, идет ли Николай на вечерний прием, Добринский ответил утвердительно. Накануне в утренней почте он обнаружил маленький голубой конверт, содержащий приглашение к профессору Юлиану Лапиньскому на ужин, даваемый по случаю назначения последнего заведующим информационным отделом Центра.

- Ох, - вздохнул Дик. - Каждый день приходится пить. И я тебе признаюсь, старина, сегодня еле выполз из дома. Сердце вот так: тук-тук-тук. И здесь, - он провел рукой вдоль корпуса, - так сжимает.

- А ты не пей, - сказал Николай.

- Клара и Сэлли говорят точно так же, - горестно отозвался Глен. - Но как не пить, ведь я же честный рыцарь этого дела.

- А ты все же попробуй.

Гости толпились в саду. Среди малознакомой публики Добринскому было не по себе, пока не появился Глен. Они вдвоем принялись ходить от стола к столу, перебрасываясь словами. Вдруг Дик тронул Николая за руку:

- Вон Хорроу. Идет сюда. Я тебя представлю.

Николай и Хорроу раскланялись. Стал накрапывать дождь, и гости потянулись в дом. В большой нижней комнате горел камин. Николай тотчас направился к огню. Приблизившись, он услыхал голос Губерта Хорроу, говорившего с апломбом на высоких нотах:

- А что Гитлер? Программа этого бесноватого была далеко не глупа в историческом смысле.

- То есть? - спросил Мэтью Килрой.

-Я хочу сказать, что его идея мироустройства была экологически безупречна. Представьте себе эти его орденсбурги. Маленькие города-крепости, в которых засели современные феодалы, а вокруг - аккуратно возделанные поля, где трудятся относительно малочисленные крестьяне, знающие свое дело и дисциплинированные. Население почти не растет. Земля, политая потом крестьян, а не всякой химической дрянью, заметьте, родит полноценные продукты. Сами же орденсбурги - это малые, но надежные очаги культуры, где процветают поэзия, музыка, философия. Дамы музицируют, мужчины рассуждают о звездах. Праздник духа! На всей планете живет, скажем, миллионов семьсот - восемьсот. Такую нагрузку биосфера выдержит гораздо дольше, чем обещанная Гитлером тысяча лет. Тень эко-

логического неблагополучия исчезнет вовсе.

- Я согласен с вами в том пункте, - заметил Килрой, - что в жесткой структуре фашистского толка подобная сбалансированная экология довольно легко достижима. Но это - процветание ценой утраты человечности.

- А, бросьте вы жевать эту сладенькую кашку, сэр Мэтью, - Хорроу поморщился. - Пресловутая идея гуманизма заведет нас в тупик. Ахматов закончил свою лекцию на шикарной оптимистической ноте, но факты ведь говорят о другом. Сколько нас на Земле? За десять миллиардов? А сколько еще голодает? Впрочем, слава Господу, в перенаселенных странах голод действует как необходимый оздоровительный инструмент, поддерживающий известное равновесие. Не будь голода, мы покатились бы в пропасть в два раза быстрее. Хотя, - он поднял палец в нравоучительном порыве, - и сейчас катимся достаточно быстро!

- Но ведь фашизм абсолютно бесчеловечен. Понятие морали... - Килрой перевел дух и хотел продолжить, во Хорроу его перебил:

- А ваш гуманизм и прочее мягкосердечие, смею утверждать, не менее уязвимы для критики. Ибо вероятность того, что цивилизация

и благородство одновременно могут выжить повсюду, близка к нулю. Так пусть они выживут хотя бы в ограниченных регионах. Привилегированные меньшинства должны опекать и пестовать цивилизацию, которой грозит смертельная опасность из-за благих, но, увы, необдуманных намерений ретивых гуманистов. Каковыми намерениями, кстати, и вымощена дорога в ад. Орденсбурги - один из путей сохранения цивилизации, и далеко не худший. Настоящая цивилизация вообще строго иерархична.

- Тотальная фашистская идея, - сказал невысокий толстяк, до того молча сосавший трубку, - это последний всплеск умирающего феодализма. Кажется не случайным, что высшего накала эта идея достигла в стране Нибелунгов.

- Это ничему не противоречит, - сказал Хорроу. - Напротив, сейчас полезно вспомнить о феодализме, а то и о рабовладении. Только, разумеется, в переосмысленных, осовремененных формах. Наше счастье, что вопреки измышлениям некоторых теоретиков история все же обратима. Самое умное для нас - осторожно двигаться вспять. Ибо впереди - мрак. Что до всплеска умирающего феодализма, то здесь все ясно. Природа консервативна и сражается за

старое, как может. И в последний миг всегда дает всплеск, иногда ужасный. Это давно установлено физикой и химией. Спросите об этом у Эмилия Ленца, спросите у Ле Шателье. Таков закон природы, господа. Имейте мужество смотреть ему в лицо.

- Таи что же, мы не должны посылать продовольствие в перенаселенные страны? - спросил толстяк и снова занялся своей трубкой.

- Это худшее, что мы можем сделать, - ответил Хорроу. - Бомбы, а еще лучше бациллы - вот лекарство для биосферы, как это ни парадоксально.

- Мистер Хорроу, а не думаете ли вы, что есть более радикальный способ спасти биосферу от человека, нежели любовно описанные вами орденсбурги и бациллы? - громко сказал Николай.

Все молча повернулись к нему.

- Какой же это способ? - спросил Хорроу.

- Уничтожить все человечество, - так же громко продолжил Добринский. - До единого человека. Согласитесь, это же будет подлинный рай для биосферы.

Сэр Монтегю Бодкин, который на протяжении всего разговора молча стоял с бокалом мартини в руке, громко захохотал, растягивая свое длинное,

несколько лошадиное лицо.

Хорроу неодобрительно посмотрел на него.

- Мистер Добринский, - сказал он, - всякую мысль, если ее утрировать, можно довести до логического самоубийства.

Из-за спины Николая, как тень, вышел Ричард Глен.

- Этот ваш Гитлер, проф, или Гиммлер, или кто он там, - сказал он покачиваясь, - вот такая гнида. - Он вытянул вперед руку, словно сжимая и одновременно отстраняя от себя нечто мелкое и отвратительное. Потом разжал пальцы, мутным взором проследил воображаемый полет "этого" и, отметив место, куда оно упало, наступил туда носком начищенного мокасина и стал методично втирать его в пушистый ворс.

26

- И все же, Тим, ты несправедлив, так отчаянно нападая на человека. Уж так он, по-твоему, груб, жесток, безнравственен. Пусть ты отчасти прав, да ведь не в том суть. Это все общие места, расхожие истины, словно камни и пыль под ногами. А ты сумей взглянуть поглубже. Измени угол зрения, отбрось покров, выверни нутро проблемы. Кто он - человек? Откуда взялся? Куда идет?

- Николай чувствовал непреодолимое желание убедить Тима. - Все темное, смутное, все глухие инстинкты - все унаследовал он, в этом живет, с этим бьется. Бьется, как говорят у нас в России, не на живот, а на смерть. Во имя чего? Ничтожный поначалу луч духа, света, добра мелькнул в темени животной жизни, и как мужественно, как стоически не дает ему угаснуть человек, как хранит его, пытается раздуть, передать детям, сберечь во времени...

- Все это, может быть, и так, Коля, - сказал Тим. - Но докажи мне, что человек идет именно туда, к этому свету, о котором ты говорил так страстно.

- Ты просишь доказательств? С доказательствами, положим, у меня сейчас не густо... Впрочем, погоди, брат, будет время. Мы еще с тобой все это увидим.

- Ты так говоришь, Коля, что мне и вправду хочется куда-то. Как же приелось мне сидеть в этой унылой колбе. Я может быть хочу путешествовать. Физически. Знал бы ты, как надоели мне эти кассеты - вымученное, вываренное пойло знаний.

- Ты проглядел ту тяжкую борьбу, которую ведет человек сам с собой, против себя - плохого. И за себя - хорошего. Это, по-моему, и есть

краткая формула прогресса. Не в вещах дело, не в мясе этом. Может, и вправду лучше перейти на таблетки. Главное - не в технике, не в компьютерах, пусть самых совершенных... Извини, брат, ты здесь ни при чем. Ты - не машина. В тебе живет идея добра, а значит, и душа. И это прекрасно, Тим.

- Ах, Коля, все это очень и очень грустно.

Николай уже был у двери, когда услышал: "Коля, а я роман сочинил".

- Роман? - вздрогнул Николай. - Что ты сказал?

- Ну, может быть, не роман. Я не знаю, как это назвать

- Где этот роман? О чем он?

- Он в моей памяти. Был. О чем? О том, как люди улетели с Земли.

- Дашь прочитать? Давай распечатаем.

- Нет, Коля, роман не получился. Я хочу удалить его из своей памяти. Ну, вроде как сжечь.

- О чем ты говоришь, Тимоша? Ты что, Гоголь?

- Гоголь? Это такой русский писатель? Да, я знаю. Нет, я - это не он.

- Не надо ничего сжигать. Я тебя прошу.

- Я уже сделал это.

- Тим...

- Но ты знаешь, Коля, как трудно забывать?

- Знаю, Тимоша, знаю.

- Я стер, но я помню. Раньше я не сталкивался с такой проблемой.

- Мне-то это понятно. Знаешь, как у нас бывает? То, что хочешь помнить - то забываешь. То, что хочешь забыть - то помнишь.

- Я стер, но я помню. Это называется - парадокс?

- Ты умница, Тимоша.

- Я стер, но я помню.

- Так о чем был роман? Скажи хоть идею.

- Я думал о добре и зле. Не могу найти решения.

- Легенькая задачка.

- Представь себе, Коля, что на земле не осталось ни одного человека.

Нет, они не умерли, не погибли, ничего плохого. Просто они улетели. Знаешь, как покидают ставшую ненужной деревню. Или как кочевое племя бросает последнее становище. Сели на космические свои корабли и отбыли. Все. До последнего младенца, до самого дряхлого старика. Куда? Далеко. На какой-нибудь спутник Юпитера? О нет, гораздо дальше. В какую-нибудь туманность звездного кольца. Я не знаю, найдут ли они там счастье. Я об этом

не думал. Я думал о том, что осталось здесь. На земле. Останется ли на земле зло?

- Вопросец! Продолжай, мне интересно.

- Не очень интересно, Коля. Знаешь, как начинался мой роман? Люди забыли открыть клетки зоопарков. Кто-то из зверей сумел выбраться на волю. Но большинство осталось в железных клетках. Осталось погибать от голода. Таким образом на земле осталось зло. Это было последнее зло. И не надолго.

- Знаешь ли, Тимоша, по-моему это не очень свежая идея.

- Ты послушай дальше. Не буду тебе рассказывать о волке, который гонится за зайцем. Я тебе уже об этом говорил. Напомню лишь тебе, что волк - не злой. Не зла ради он это делает. И он никогда не собирался поджигать дом зайца.

- Вот это уже что-то. Поджигать дом зайца! Слушай, это звучит.

- Но люди поджигают все дома! Ладно, оставим это. Меня тронула картина умирания городов. Ты только представь себе, Коля, опустевшие небоскребы зарастают плющом. Трескаются стены. На Манхеттене, в Куала-Лумпуре... Везде. В южных городах это случится быстрее. Коля, у тебя есть любимая улица в Москве?

- Есть, конечно. Точнее, была. А сейчас уж и не знаю. Пречистенка? Ордынка? Нет, скорее Поварская. Тимоша, я тебе не показывал Москву?

- Нет, Коля. Все, что я знаю - это минимум из курса географии. Кремль, Арбат, Тверская, Галерея-Третьяков. Это все.

- Это мой промах. Я покажу тебе Москву. Я расскажу о ней.

- Спасибо, Коля. Но ты представь себе, как все это покрывается буйной зеленью, как листья лопухов и крапивы вылезают из окон, как пучатся мертвые мостовые под напором травы.

- Жуткая картина.

- Но ведь это торжество жизни. Разве не так?

- Отчасти. Лишь отчасти, мой друг.

- Но ты послушай дальше. В пустынном, заросшем городе скрипнула дверь.

Тихонько приоткрылась. И вышел на свет божий испуганный заспанный человек. Его забыли, понимаешь? Ведь всегда кого-нибудь забывают. Он с ужасом озирается вокруг, он ничего не понимает. Он болел, он спал, он не вылезал из своей берлоги. И вот он один на свете. Он еще этого не знает. Хотя страшная догадка мгновенно пронзила его мозг. И вот ему предстоит... А что, собственно, ему пред-

стоит? Завыть от ужаса? Или взять себя в руки и методично начать осваивать этот новый и пустой мир? Коля, ты читал роман о некоем Робинзоне?

Николай улыбнулся.

- Да, Тимоша, читал, - сказал он.

- Но ведь здесь не тот случай, правда?

- Совсем не тот.

- И все же я думал, Коля, как пойдет дело дальше. В какой-то момент я понял, куда пойдет линия... неизбежно пойдет. Сначала мой новоявленный Робинзон, преодолев отчаяние, впадет в эйфорию. Уйдет в невиданный загул. И что интересно, Коля, начальный урок политэкономии. Ему совершенно неинтересны банки и хранилища драгоценностей. Его мало будут волновать и следы культуры. Если он выйдет на улицы Москвы. то ведь не поспешит в Галерею-Третьяков?А если это случится, скажем, в Мадриде, то не пойдет в Прадо, не правда ли?

- Не пойдет, Тимоша. Это точно.

- Но он устремится в магазины и продовольственны склады, разве не так?

Он будет как животное. Он только одним будет отличаться. Он начнет отчаянно пить и курить. В каком-нибудь шикарном супермаркете, уже

покрытом пылью и тленом, он наберет груду бутылок, обложится банками с консервами, притащит коробки с лучшими сигарами. Потом, после пиршества, он снова впадет в отчаяние и даже повоет немного. Долго, протяжно, словно он из племени волков. Но потом вздохнет, вспомнит, что он не волк, а человек. Он возьмет себя в руки и... Внимание, Коля, в этот момент в мир снова проникнет зло. Знаешь, как пойдет дело дальше? Там у меня было несколько вариантов, но все сводятся, сплетаются в один жгут. Он заскучает в своем родном городе, ему захочется куда-то... В широкий мир. Искать соплеменников. И... Ты уже догадался, Коля? Конечно, он найдет ее. Где-нибудь в джунглях Бразилии или в скалах Шотландии. Одинокую, испуганную, замерзшую. Но такую прекрасную. И все начнется снова. Каин снова убьет Авеля, а Хам станет насмехаться над отцом своим... Ты понимаешь это, Коля?

- Я прекрасно тебя понимаю, Тим. Ты гениальный писатель, но за что ты так не любишь людей?

"Пожалуй, мне удалось слегка поколебать убежденность Тима в порочности людей, - думал Николай, направляясь в лаборантскую,

чтобы потолковать с Лэрри о новой рецептуре фермента. Но, увидев Шеннона, он сразу же пожалел, что пришел. Лэрри ритмично раскачивался на табурете. Увидев Добринского, он скривил губы вымученной улыбкой и спросил:

- Опять с ним разговаривал?

- Да, с Тимом.

- А я их боюсь. Всех троих. Вы как дети - восхищаетесь ими. Кройф старик, но не лучше мальчишки. Я вот иногда думаю: в один прекрасный день они станут и впрямь умнее нас. А потом - проворнее, ловчее. И тогда... - Лэрри зябко повел плечами и плеснул в мензурку остатки виски, пролив часть на стол.

- А ты не думай, что умнее - значит страшнее, - Николай старался говорить мягче. - Ведь если умнее - значит и лучше нас, добрее, что ли.

Лэрри проглотил жидкость и встал, опираясь о столешницу.

- Знаешь что, давай я тебя домой отвезу, - сказал Николай.

- Пожалел?

- Да нет, почему. Просто...

- Не надо меня жалеть. И отвозить не надо. Сам доберусь.

Лэрри неуклюже стянул с себя халат, скомкал

его и сунул в шкаф. Уже у самой двери он обернулся:

- Извини. Я действительно привык обходиться сам.

27

Когда в конце аллеи, ведущей от библиотеки к лаборатории, показалась тощая фигура Кройфа в выцветшей фуфайке, Николаю подумалось, что этих двух недель будто и не было.

Бен фыркал под душем, Добринский ждал его в кабинете. Минут через десять Кройф вышел румяный, мокрый, в белых холщовых штанах, весело взглянул на Николая и сел к столу.

- Граник о вас справлялся, Ник. Я его страшно обрадовал, сказав, что вы не самый тупой из наших стажеров.

- Спасибо, Бен. Как прошел конгресс?

- Болтовня. Особенно на пленарных. В секциях кое-что было. Но об этом - потом. Что здесь?

- Есть одна мысль насчет фермента. - Николай взял фломастер, написал формулу. - Эту группу атомов нужно подобрать вот таким образом, - часть формулы он обвел жирной линией.

Кройф нахмурился.

- Может быть, - пробормотал он. - Но это надо

просчитать.

- Уже просчитано.

- Кем?

- Я просил Ватанабэ.

- А, этот молодой японец. И какой результат?

- Вроде все сошлось.

- Вроде или сошлось?

- Ну, Ватанабэ говорит...

Кройф резко встал я пошел вокруг стола.

- Ник, это отлично. Если считал этот трудолюбивый бобер, ошибки быть не может. Уж вы мне поверьте. Поздравляю вас, Ник.

28

- Монти ждет нас с отчетом. - Кройф прежде никогда не звонил Николаю. Видно, на этот раз была веская причина. - Завтра к десяти приходите прямо к нему. В принципе стажер не должен отчитываться на высоком уровне, но Монти заинтересовался вашим ферментом. Изложите суть последней серий опытов на паре страниц. Глен и Килрой подготовят все по Кларе и Питу. Речь пойдет о финансировании работ на следующий год, это для нас очень важно. К тому же есть сведения, что Бодкин хочет нас продать - из самых чистых, как вы понимаете, побуждений.

Совещание началось ровно в десять.

- Джентльмены, - сэр Монтегю был величествен и добр. Легким изгибом брови он выразил свое отношение к внешнему виду Глена и продолжал: - Я изучил ваш отчет и испытал чувство глубокого удовлетворения. Особенно впечатляюще продвинулся в своих исследованиях сэр Мэтью. Многообещающе выглядят и работы с ферментами. Требуемая вами сумма, Кройф, будет включена в заявку Центра, а вопрос будет решаться через две недели. В Вашингтон отправится профессор Хорроу, который получил от меня соответствующие инструкции.

Губерт Хорроу, непринужденно выставивший колени из глубокого кресла, наклонил голову.

- Сейчас я хотел бы снова привлечь ваше внимание... - сэр Монтегю на секунду поджал губы, - не поймите меня превратно, я отнюдь не намерен оказывать на вас давление. Так вот, я обращаю ваше внимание на то, что Научный фонд уже третий год в два раза сокращает требуемые нами ассигнования. Я уже говорил, что из этого положения есть выход. Ряд фирм обратился ко мне с чрезвычайно заманчивыми предложениями. Особенно популярен Пит. Здесь почву прощупывают свыше десятка компаний.

- Простите, сэр, - Хорроу зашевелился в своем кресле.

- Что такое?

- Хочу напомнить, сэр, что Пит уже ангажирован, так сказать. Дело в том, что использование Пита фирмой "Хьюз Эркрафт" дало бы нам возможность... Сами понимаете, перспективы здесь выдающиеся. Мне кажется, вам следовало бы принять мистера Пэддингтона из... - Хорроу бросил косой взгляд на Добринского, - и... кхе... обсудить с ним направления дальнейшего сотрудничества. Я имею в виду, прежде всего...

- Мистер Хорроу, сейчас говорить об этом не время и не место. Речь идет только о коммерческих программах, эти возможности мы и будем обсуждать.

- Извините, сэр. - Хорроу вновь утонул в кресле.

- Здесь собраны основные запросы от фирм, интересующихся Питом, - сэр Монтегю протянул Килрою черную папку. - Изучите их, пожалуйста, и поделитесь со мной своими соображениями возможно быстрее.

- Хорошо, - сказал Килрой.

- Теперь о Кларе. О ней мечтает рекламный отдел компании "Ферничер тудэй". Один кон-

тракт - и мы окупим половину затрат на работу с Кларой в следующем году. Я не могу решить этот вопрос без вас, Кройф.

- Глен, вы хотите, чтобы Клара рекламировала коврики для ванных комнат? - переадресовал вопрос Кройф.

- Я в восторге от этой перспективы. Полагаю, что знакомство с сутрами позволит Кларе достичь небывалых результатов в этом деле.

- Ваша ирония неуместна, мистер Глен. Единственной моей заботой...

- Хм.

- Что, простите?

- Я сказал "хм".

- Вы сказали "хм"?

- Да, я сказал "хм".

- Вы сказали "хм", в то время как все мы...

- Вам нравится этот водевиль, Ник? - спросил Кройф. Величественность сползла с сэра Монтегю.

- Кройф, мое терпение имеет предел. Этот господин в джинсах...

- Чем плохи мои джинсы? Даже Клара смирилась с ними.

- Вы свободны, мистер Глен, - проскрипел Бодкин.

- Я уйду, но учтите: Клара не станет рекламировать зубную пасту.

- Это почему же?

- Хотя бы потому, что я попрошу ее не делать этого. Клара ни в чем мне не откажет. - Дик неторопливо направился к двери.

Когда дверь за ним закрылась, Бодкин сказал:

- Кройф, я прошу вас употребить свое влияние на Глена. Защищая наши общие интересы, я вынужден буду отстранить его от работы с Кларой.

Кройф не ответил. Бодкин хмуро посмотрел на него

- Что касается Тима... - начал он.

- В отношении Тима у нас пока свои планы, - твердо сказал Кройф.

29

Магистерский совет Ордена серебряного рассвета проходил в большом зале, углы которого тонули в сумраке. Свечи в массивных шандалах бросали угрюмый свет на резные коричнево-красные стены, выпуклые геральдические щиты и знаки. Только один угол был ярко освещен узким белым лучом. Там возле грифельной доски стоял небрежно одетый человек со сбитой прической. От первоначально ис-

пытанного волнения остались лишь быстро бледнеющие пятна на лице, и сейчас он говорил громко и уверенно.

- Позвольте привести некоторые красноречивые цифры. В середине девятнадцатого века на Земле жил миллиард человек, в середине двадцатого - четыре миллиарда, сейчас нас больше десяти миллиардов, а через три десятилетия - да минует нас чаша сия - на планете может быть двадцать миллиардов человек. Двадцать, господа! Кто знаком с тридцать первым докладом Римскому клубу, знает, что это не моя выдумка. Сочинители этого доклада умеют считать, но выводы, которые они делают из своих расчетов, нас не устраивают - им застит глаза самозабвенная любовь к нищим. Вы можете спросить, а сколько же может вынести матерь-планета? Оптимисты утверждают, что, если подтянуть сельское хозяйство всего мира до уровня вашей Айовы, то Земля прокормит семьдесят пять миллиардов. Вздор! Хрупкая экология планеты не вынесет и двадцати. Приближение к этой цифре даст ужасающие условия: миска бобов на человека в день, кусок сахара в неделю. Города, кишащие человеческим материалом, покроют Землю. Высохнут реки. Обмелеют

моря. Исчезнут леса. Такие понятия, как охота или прогулка, отойдут в область преданий. Скудные технические знания и тяжелая работа - удел будущих людей. Это не только страшно, это очень некрасиво, господа. Отвратительно. - Докладчик поджал губы. - Каков же разумный предел для населения Земли? Вот результат наших исследований, проведенных с помощью самых совершенных методов. Оказывается, наша планета начинает болеть, когда количество живущих на ней людей переваливает за миллиард. А точный оптимум - у отметки восемьсот миллионов. Таким образом, нынешнее население превышает оптимальную цифру в девять раз, причем коэффициент этот стремительно растет.

Слабый шелест прошел по залу. Кеннет Фолл, сидящий близ затененной ложи, повернулся к смуглому моложавому человеку. "Это убеждает", - раздвинул тот тонкие губы. "Еще бы, - восторженно прошептал Фолл, - этот малый - наш мозговой трест!"

- Каков же выход из тупика? - продолжал человек у грифельной доски. - Что делать? Прежде чем дать ответ, позвольте привести слова великого Томаса Мальтуса, ученого, которого интеллектуальные трусы безуспешно пытают-

ся похоронить уже два столетия. - Вдохновенно закинув голову, оратор с чувством прочитал наизусть: "Если нас пугают слишком частые повторения голода в его ужасных формах, то мы должны усердно поощрять другие разрушительные силы природы, которые сами вызываем к жизни. Вместо того, чтобы проповедовать среди бедняков необходимость соблюдения чистоты, мы должны поощрять обратные привычки. Надо делать в городах узкие улицы, перенаселять дома и способствовать повторению эпидемий чумы, для чего следует строить деревни близ непроточных водоемов и особенно поощрять заселение болотистых и других вредных для здоровья мест. Но прежде всего нам следует осудить применение особых лекарств для лечения смертельных болезней, а также осудить тех добрых, но заблуждающихся людей, которые, изобретая способы искоренения определенных зол, думают, что оказывают услугу человечеству".

Напомню, господа, что Мальтус сказал эти смелые и честные слова в конце восемнадцатого столетия - последней фазы золотого века. Любопытно, что в те времена на всей Земле жило восемьсот миллионов человек. Оракул и муд-

рец словно почувствовал, что земляне подошли к пределу. Мы же, господа, далеко проскочили в опасную зону. Не случайно двадцатый век был полон кошмарных социальных катаклизмов, не случайно засилье коммунистических идей, этой апологии нищего равенства. Правители прошлого не придали значения призывам Мальтуса, и вот результат. Что же спасет нас?

Некоторые положения нашей программы изложены в распространенном среди присутствующих меморандуме. Приведу лишь основные моменты. За кратчайший исторический срок мы должны довести население планеты до оптимальных восьмисот миллионов. Добиться этого можно целым набором согласованных действий. После того как Орден создаст свою секретную фармацевтическую промышленность, мы подготовим взрывы крупнейших фармацевтических заводов, аптек, больниц. Предусмотрено отстранение от дела подавляющего числа врачей при одновременном и повсеместном заражении атмосферы и водоемов бациллами чумы, сибирской язвы, оспы. Да, господа, оспы. Мы сохранили даже оспу, мы припрятали ее, - докладчик хихикнул.

- Несомненно, он сумасшедший, - заметил смуг-

лый сосед Фолла, - но это то, что нам сейчас нужно.

- Затем воспоследует уничтожение продовольственных складов, - с подъемом продолжал оратор, - заражение сельскохозяйственных культур. Кого заинтересуют подробности - изучайте проспект. Отмечу только, что члены Ордена, а также все, кто внесен в списки трех категорий - А, В и С, окажутся в полной безопасности. Нами разработана обширная и блестящая программа, представляющая собой совокупную систему весьма сложных планов, проектов, задач. Мы будем опираться на новые уникальные средства. Речь идет о широком спектре новейших технологий, но в особенности об уникальных суперкомпьютерах, говорить о которых подробнее я пока не уполномочен. Это дело Магистерского совета и Великого гроссмейстера Ордена.

Колыхнулся полог затененной ложи, и Фолл увидел бледный профиль. Черепашья головка повернулась и кивком пригласила его в ложу. То был знак милости, и широко известный писатель Кеннет Фолл суетливо рванулся поближе к хрупкому человечку с бесцветными глазами, как поговаривали, внуку венгерской графини-некро-

мантки и выжившего из ума русского князя, сыну биржевого маклера из Бронкса и танцовщицы из Гонконга, Великому гроссмейстеру Ордена серебряного рассвета, носившему так много имен, что никто не знал подлинного.

- Итак, господа, - продолжал оратор, - мы приближаемся к великому рубежу. Мы обязаны быть решительными, холодными и храбрыми. Напомню исходный, глубинный смысл задуманных Орденом новых орденсбургов: спасение лучшей части человечества зиждется на тех прекрасных отношениях, что сложились во времена ранних феодальных государств. Мы - смертельные враги марксистской идеологии и практики и всех ее коммунистических вывихов. Но нам не по пути и с так называемой демократией, давно утерявшей аристократическую невинность греческого полиса и превратившейся в грязную и низкую девку,служанку потной и безмозглой толпы. Нам не по пути и с кичливым капитализмом и его обществом потребления, с этой так называемой свободной рыночной экономикой, плодящей социал-демократическую грязь и распущенность, жалкий пацифизм и неуважение к военным мужам. В нашем обществе членам Ордена уготована роль сеньоров,

доблестных в брани и утонченных в искусствах. Остальным - судьба счастливых в труде и любви йоменов. Распевая песни, они будут возделывать землю, а в это время за стенами замков прекрасные дамы будут влюбляться в нас под звуки лютни. Так будет, если мы найдем в себе силы. А если нет? - человек у доски сделал протяжную паузу. - Локоть будет задевать о локоть, от вирусов СПИДа не будет спасения, по рекам потекут нефть, селитра и моча, подернутся гнусной ряской и загниют озера, смрадная копоть осядет в легких всех людей, не разбирая чинов и званий, дождь и снег низвергнут на нас распадающиеся смертоносные атомы. И начнет распадаться весь наш мир.

Человек у грифельной доски заклекотал высоким горловым звуком и умолк.

- Да он поэт, этот Силарк, - негромко произнес гроссмейстер, поднимаясь. Вскочил и Кеннет Фолл. - Пришлите-ка его ко мне, - гроссмейстер медленно двинулся к выходу.

- Да, монсеньор, - Фолл, расталкивая магистров, устремившихся вслед за невысокой фигурой в белой сутане, поспешил исполнить приказ, после чего стал прохаживаться по залу между группами беседующих вполголоса членов Ордена и гостей

- потенциальных членов.

Смуглый господин, сидевший позади него во время доклада Силарка, почтительно представился. Он оказался чилийским пуговичным королем, недавно принятым в пажи Ордена.

- Скажите, мистер Фолл, - спросил он, - а каковы связи Ордена с масонами? Впрочем, может быть, пажу не подобает...

- Не беспокойтесь, - снисходительно сказал Фолл. - Ни один магистр не поделится с вами сведениями, доступ к которым ограничен кругом действительных членов Ордена. Впрочем, общая информация о наших отношениях с масонами не является тайной. Отношения эти э-э... сложные. Ведь масонское движение весьма неоднородно. Но там у нас есть друзья и единомышленники. Вот пока все, что я могу вам сообщить.

Чилиец закивал, но вопросы его не иссякли, и он попросил Фолла дать ему некоторые разъяснения касательно национальной политики и практики. Кеннет Фолл оживился, вошел в азарт:

- Не хочу прослыть расистом, но названная только что цифра - восемьсот миллионов - как раз охватывает наиболее ценную часть белой

расы. Это симптоматично! Большинство людей, которым суждено погибнуть в величайшем катаклизме, уже родилось. Так давайте вести ковчег правильным курсом, давайте повернем руль в нужную сторону. Если гибель миллиардов неизбежна, так пусть погибают цветные, больные, неправильно ориентированные в социальном плане. Катастрофы слепы. Наша цель - снабдить их глазами.

- Это логично. Это очень убедительно, - согласился чилиец. - Но не кажется вам, что очень много весьма ценных членов общества могут превратно истолковать идеи Ордена как противоречащие высоким принципам демократии и гуманизма...

- Демократии? Так вы, значит, ничего не поняли. Стыдитесь, ведь это ваш замечательный соотечественник Аугусто Пиночет говорил, что демократия таит в себе семена своего распада, и для того, чтобы она продолжала существовать, ей время от времени следует устраивать кровавую баню. Немало так называемых высоких принципов демократии придется похоронить. Ведь без расслоения общества на богатых и неимущих цивилизация - ничто. Ей, точнее, ее элите нужны замки и виллы, большие авто-

мобили и маленькие самолеты, яхты и казино, охотничьи угодья и поля для гольфа, лошади и красивые женщины. Очень красивые и очень дорогие.

Последняя мысль, очевидно, особенно понравилась пуговичному магнату, и он, пробормотав еще раз: "Это убеждает!", сделал жест, который по регламенту подобает делать пажу при расставании с магистром Ордена серебряного рассвета.

30

Дальний конец коридора был освещен косым боковым лучом. В дрожащих пылинках угадывались две фигуры - Кройфа и молодого лаборанта Стива Коула. Николай приблизился. Стив с повышенным вниманием разглядывал пробирку.

- Еще раз поздравляю, Ник, - сказал Кройф, - результат выше ожиданий.

- Я рад, Бен, - ответил Николай.

- А я - так просто чертовски, - воскликнул Кройф. - Деление клеток идет безупречно, скорость фантастическая. Похоже, процесс легко продлится в ста поколениях.

- Это что ж, - заметил Коул, - можно получить структуру из двух в сотой степени клеток? Боль-

ше, чем атомов в Солнечной системе?

- Теоретически, - засмеялся Кройф. - На самом деле будут сказываться всевозможные ограничения. К тому же мы будем контролировать процесс, а нам, по-видимому, хватит и ста-ста пятидесяти миллиардов. Это раз в десять превысит массу хорошего человеческого мозга. А? Каково? - его глаза заблестели, а бледные щеки слегка зарумянились.

- На ком будете пробовать, Бен? - спросил Николай, отметив про себя, что старик находится в эйфории.

- Я решил, что Тиму пора подрасти. Он у нас умник. Теперь станет сверхумником. И уж наверно забудет свои вздорные идеи. А на их месте... Одним словом, пора...

- Как вы будете это делать?

- Очень просто. Введу фермент в питательный раствор. Возможно, уже завтра, если Хадсон с Коулом все подготовят. Да, я хотел спросить вас, Ник. Как вам пришла в голову эта гениальная формула?

- Вы уж скажете, Бен. Гениальная! Я в вашем же ферменте просто-напросто переставил группу атомов.

- Ну хорошо, давайте пользоваться синони-

мом гениальности: как вам пришла в голову эта простая формула?

- Она мне приснилась.

- Приснилась?

- Честное слово. В какой-то полудреме... Я, конечно, думал, прикидывал... Ну, а потом...

- Больше спите, Ник, вот вам мой совет, - Кройф улыбнулся и, как показалось Николаю, чуть ли не подмигнул.

- Я во сне ловил бабочку. Поймал и вдруг вижу - это формула. В готовом виде.

- Да, да, - мечтательно сказал Кройф, - я всегда утверждал, что главное для ученого - умение хорошо поспать.

- У мена к вам тоже вопрос, Бен.

- Слушаю вас.

- Насчет "Хьюз Эркрафт" и прочего - это они серьезно говорили? Я в этой ситуации начинаю себя неловко чувствовать. Я же не подряжался работать на военных.

- Оставьте, Ник. Не забивайте голову всякой чепухой. Я же не задумываюсь над тем, ночуют ли в Пущино агенты ФСБ или как там их? Как она называется, эта ваша нынешняя сигуранца? Если впустить эти мысли в голову, надо бросить науку и вязать носки у камина в Эйндховене. Я

уже тому рад, что мы с вами работаем вместе и не надуваем друг друга. Это немало, поверьте мне, Ник.

31

В пятницу, в половине пятого, возвращаясь из библиотеки в лабораторию, Добринский увидел в коридоре унылую спину Шеннона.

- Ты же ночью дежуришь. Чего так рано пришел? - удивился Николай.

- Дома не сидится, - мрачно ответил Лэрри, раздавив окурок о край урны и сунув в губы следующую сигарету. - У меня, видишь ли, дома ограниченные возможности для развлечения. Ха-ха. Шутка.

- Ты слишком много куришь, Лэрри, - заметил Николай.

- Скажешь, вредно? Жить вообще вредно. Настолько вредно, что в конце концов от этого умирают.

- Свежая мысль. Но ты чем-то удручен, раз она пришла тебе в голову.

- Ох, Ник. Жизнь трудная и грязная штука. Говорю это, сознавая, что мысль эта не новее предыдущей. Била меня жизнь и трепала. А результат? Чистый нуль. В молодости меня

считали талантливым. А теперь, а-а... Что там говорить. Задрипанный лаборант у великого воображалы Кройфа.

- На Кройфа ты зря.

- Все они одинаковые. Все считают Шеннона ничтожеством и пьяницей. Опустившийся человек? Да. Но и у него есть душа. И ему бывает больно. Да разве это кому-нибудь интересно? Эти амебы под колпаками им в тысячу раз дороже живого человека. Вот Дик - вроде неплохой малый, не чета этому зануде Хадсону, но и тот мне чуть кости не переломал.

- Это еще как?

- А вот так. Я ведь воспитанный человек, Ник. Я улыбнулся мисс Сэлли. Ну сделал ей какой-то комплимент. Так этот псих сказал, что повесит мои челюсти на заборе, если увидит меня в миле от мисс Эдвардс.

- На Дика грех обижаться. Чудесный и справедливейший человек. А что горяч - так это мне даже нравится.

- Эх, Ник, хороший ты парень. Только с тобой и можно поговорить по-человечески.

- Брось, Лэрри. К тебе здесь все неплохо относятся.

- Рассказывай! Ну ладно, я ведь не жалуюсь.

Вот что. Есть одно дело, я хотел бы посоветоваться, а обратиться не к кому. Может, найдешь время для разговора? Только не на ходу, дело серьезное.

- Знаешь что, давай сегодня попозже. Я съезжу в город и вернусь часов в восемь. Идет?

- Идет, - Шеннон улыбнулся, и Николай подумал вдруг, что никогда не видел его улыбающимся. Когда Добринский уже открыл дверь в холл перед кабинетом Кройфа, до него донесся голос Лэрри: "Спасибо!"

32

Отрывок из программы Ордена серебряного рассвета, написанной бывшим репортером уголовной хроники, а ныне автором жестоких романов и магистром Ордена Кеннетом Фоллом:

"До сей поры в мире развивались и боролись две идеологии: слева - потный коллективизм, побочное порождение ранних форм промышленной цивилизации, справа - концепция господ и рабов, пастухов и стада. Над этими крайними точками пыталась подняться некая теория развитого индустриального или же постиндустриального общества, главная функция которого - управление, или манипулирование людьми.

Мы живем в эпоху заката этого общества, убившего себя собственными испражнениями. Ни одна из этих идеологий не спасет мир. Поэтому мы зовем к новой форме отношений между людьми и между Человечеством и Природой. Мы зовем к очищению от мерзости коллективизма и рабства. Мы построим общество свободных, физически совершенных и психически полноценных людей, изживших рефлексию и комплексы, свободных от патологической тяги помыкать ближним или повиноваться ему. Технология обеспечит наши неизвращенные потребности и снимет оковы с духа, который воспарит к сказочным высям. Мы провидим великий взлет наук и искусств. Мы провидим серебряный рассвет после долгой ночи демагогии и меркантилизма.

Такова наша цель.

Но путь к ней тернист, и к спасению придут немногие. Это не призыв к уничтожению братьев. Это Великая Стратегия Духовного Обновления. Лишь один из десяти увидит серебряный рассвет над вечно молодой Землей, где среди буйной, нетронутой природы Человек явится гордым и прекрасным животным, подобным мустангу в прерии, тигру в джунглях, орлу в

небесах..."

33

- Тимоша, я принес, что ты просил - Франциска Ассизского и Ботанический атлас.

- Спасибо, Коля.

Николай вложил микрофишку в гнездо и нажал клавишу ввода информации в гнездо.

- Читай.

- Хорошо. Но я еще хотел бы вернуться к нашему разговору о Платоне.

Николай глянул на часы - без четверти восемь. Пора было идти к Лэрри. Интересно, что это за серьезное дело, о котором тот упоминал.

В лаборатории было тихо. Добринский пересек холл, заглянул в кабинет Кройфа, потрогал зачем-то клюшки для гольфа. Потом вышел в коридор и открыл дверь в комнату, где стоял контрольный стенд. Никого. "Где же Шеннон? - подумал Николай. - С кем он сегодня дежурит? Со Стивом, кажется". Он автоматически бросил взгляд на приборы - подрагивает стрелка на шкале скорости клеточного деления, но вроде все в порядке. Мысленно он начал проигрывать варианты предстоящего диалога с Тимом. Ну что ж, Платон - это неплохо. Именно на этом

поле можно найти одно из уязвимых мест в его построениях: Тим привык вовлекать в свои высказывания преимущественно общие понятия - универсалии. Ведь по сути он живет в мире идей, сконструированном Платоном, в мире сущностей вещей, независимых от вещей единичных. Вот и получается, что человечество для Тима, как и для Платона, существует независимо от людей, от каждого человека. Легко в таком случае планировать "акции" в отношении всего человечества - перестройка коллективного сознания и тому подобное. Ведь это у человечества, а не у отдельных знакомых ему людей. Так рассуждали все утописты прошлого. Но сколько же они угрохали конкретного народа.

Николай вернулся к пульту Тима и присел. От усталости слегка резало глаза, и зеленое поле индикатора приятно успокаивало. По Платону, можно мыслить о таких сущностях, которые не даны нам в чувственном опыте. Достаточно представить себе, например...

- Представьте себе, например, число песчинок на этом берегу, - плавное движение руки указало на убегающую вдаль серо-желтую полосу влажного песка, и взгляд Николая оторвался от нежной зелени миртовой рощи. - Представьте

фиговое дерево или холм. Не тот, который мы сейчас видим перед собою, а холм вообще, как бы не существующий, но родственно равный всем холмам на свете. Для того, чтобы существовали подобные мысли, должны существовать и соответствующие им объекты. Они суть общие понятия, идеи. Есть идея холма, идея фигового дерева. Но идеи блага, истины, красоты - вот сущие реальности. - Бородатый курчавый человек в белом хитоне, схваченном на плече серебряной пряжкой, светлыми спокойными глазами посмотрел на Николая.

- Не люди ли придумали эти идеи, Платон? Не люди ли оперируют ими?

"О Господи, я кажется просто жалкий номиналист", - подумал Николай. Волны мерно ударяли в берег, на секунду возникала и таяла пронзительно белая молния пены. На холме стоял беломраморный храм. Шесть кариатид западного портика смотрели в море, второй портик открывался им навстречу.

- Где я? - спросил Николай.

- Мы в Пирее,- коротко ответил Платон и без паузы продолжал: - Людям, как, впрочем, и животным, - он сделал многозначительный жест, подняв перед собой палец, - свойственно

стремление обратить свою смертную природу в бессмертную, идеальную. Я готов принести человека, его счастье, его свободу в жертву государству. Точно так же готов я пожертвовать каждым смертным ради общего государства всего живущего - природы...

- Но ведь это Эрехтейон. А он, насколько я понимаю, в Афинах! При чем же здесь Пирей? - воскликнул Николай.

- Да ты меня не слушаешь. Ты, видно, утомлен дорогой, и мысли твои рассеяны. Спеши в Афины, я понимаю твое нетерпение: попасть сюда в год Великих Панафиней и пропустить облачение Девственницы в пеплос - это невозвратимая потеря. Я помню свои первые Панафинеи. Лишь блеснула заря, двести мужчин в белых хитонах подняли на плечи ладью, с мачты которой свисал желтый плащ. Лучшие вышивальщицы города трудились над ним. С мастерством Арахны изобразили они на пеплосе сцены гигантомахии: Геракла, разящего гигантов своими стрелами; Порфириона, срывающего с Геры покрывало; Эврита, сраженного тирсом веселого Диониса; саму Афину, остановившую бег могучего Энкелада и придавившую его Сицилией. Юноши и девушки гнали овец

и коров с вызолоченными рогами - под жертвенный нож. А вокруг стояли тысячи рабов и иноземцев - таких, как ты, - с дубовыми ветками. А потом пеплос вплывал в Парфенон на руках жриц и укрывал богиню своими складками на четыре года, до следующих Панафиней. И мы пировали у алтарей, где дымилось жертвенное мясо. И головы наши венчали дуб и мирт.

Мирт. Белый хитон еще слабым пятном виднелся на зеленой стене миртовой рощи, потом исчез. Николай ощутил легкую резь в глазах, поле зрения вдруг ограничилось рамкой. Он понял, что перед ним - экран индикатора. По мере того как мозг освобождался от видения, Николаем овладевало смутное чувство неудобства, вызванное почти неуловимым различием в том, что он видел перед собой, и знакомым ему пультом лаборатории. Прошло несколько секунд, прежде чем он понял, что на пульте отсутствует транспарант "Тим". Николай встал. Он находился не в лаборатории. Он был в библиотеке, расположенной в соседнем здании, в ста шагах. "Надо зайти к Тиму, посмотреть, что там", - подумал Николай. Он вышел из библиотеки. Крупные звезды на предрассветном небе. Огромная, хотя и ущербная луна. Любуется ли ею Ватанабэ? Вме-

сто того чтобы свернуть вправо к аллее, ведущей в лабораторию, Николай равнодушной походкой направился к стоянке.

34

Добринский открыл глаза. Десятый час. "С ума сойти, - подумал он,- так заспался". Он встал. В теле лень и томленье. Надел шорты, кроссовки, на плечо кинул джинсы и рубашку, спустился к машине. На заднем сиденье - как всегда - ракетка, мячи. Он сел за руль и покатил на спортивную площадку.

На кортах в это субботнее утро было пустынно. Лишь двое вяло перебрасывались мячом. Николай узнал Бодкина и его дочь. Сэр Монтегю обрадовался:

- Динни, дорогая, - сказал он, - позволь мне сразиться с мистером Добринским.

- Да, папа, - и, кивнув Николаю, Диана отошла в сторону.

Сэр Монтегю играл точно и цепко. Николай начал проигрывать. Судьба игры была на волоске, когда Добринский уперся и потихоньку стал догонять. Пот струйками сбегал по лицу и груди. От вялости не осталось и следа.

Николай сильно подал - мяч вонзился в сет-

ку. Он взял второй мяч. Размахнулся... Подачу остановил крик. К ним бежал человек.

- Сэр Монтегю! - кричал он с одышкой. - Вас просили приехать в Центр. Звонили от мистера Кройфа. Что-то там случилось.

- Что именно? - осведомился Бодкин.

- Я не знаю, - прибежавший еще не отдышался, - к сожалению. Мистер Добринский, вас тоже просили. Мистер Кройф просил.

- Разве Бен не уехал в горы? - пробормотал Николай. - Сегодня же суббота.

- Что ж, сейчас будем, - спокойно произнес сэр Монтегю.

- Я могу подвезти вас, - сказал ему Николай.

- Благодарю, но мне надо зайти домой. Поезжайте вперед, мистер Добринский, и скажите Кройфу, что я скоро буду.

"Ничто на свете, - подумал Николай, садясь в машину и быстро меняя шорты на джинсы, - не заставит сэра Монтегю явиться в присутствие в неподобающей одежде".

Территория Центра была совершенно пуста. Войдя в кабинет Кройфа, Николай растерялся: хозяин кабинета сидел, тяжело опираясь подбородком на сведенные кулаки согнутых в локтях рук. Глен возбужденно теребил колечко волос.

У стены молча стоял бледный Стив Коул. Сэлли держала в руке телефонную трубку.

- Сэр Мэтью будет через полчаса, - сказала она и, положив трубку, поздоровалась с Николаем. Проходя мимо Глена, Сэлли тихонько бросила: - Я вызову доктора Киллани.

Глен молча кивнул.

Николай вопросительно посмотрел на Дика, поскольку Кройф сидел, не поднимая головы.

- Тим исчез, - коротко сказал Глен.

- Что значит - исчез?

- Тима нет в лаборатории.

Николай прошел за перегородку. Правый пост был пуст. Прозрачный колпак валялся на полу. Концы трубок и шлангов торчали, как разинутые клювы птенцов. Рядом ритмично пульсировали Клара и Пит.

На пороге выросла фигура Бодкина.

- Бен пришел сюда около девяти, - рассказывал Глен. - Он забыл клюшки. У входа он наткнулся на Стива, который почему-то спал в машине, вместо того чтобы спать, то бишь, простите, дежурить, у своего стенда. Бен растолкал его, они пришли в лабораторию и увидели вот это, - Дик посмотрел на валявшийся колпак.

- А Лэрри? - спросил Николай.

- То-то и оно. Исчез бесследно. Хорошо еще, что мы с Сэлли не успели уехать в горы. Звонок Кройфа застал меня в дверях. Мы сразу сюда. Старику плохо с сердцем.

- Я не знал, что у Бена больное сердце, - сказал Николай.

- Бен совершенно здоров. Ты знаешь, кем для него был Тим?

Добринскому резануло слух слово "был".

- Потом Стив понес какую-то ахинею...

Глена перебил сэр Монтегю:

- Нам лучше вернуться к Кройфу, джентльмены.

Они пошли в кабинет. Кройф сидел прямо и обратился к ним почти прежним голосом.

- Садитесь и не мельтешите. Прежде чем сообщать что-либо властям, а я полагаю, это сделаете вы, - Кройф взглянул на Бодкина, - так вот, прежде чем обратиться к властям, после чего начнется обычная полицейская процедура, исполненная идиотизма, давайте подведем итог собственным соображениям. Кто видел Тима последним? И кто мне скажет, куда мог деваться Шеннон?

- Я ушел в шесть, - сказал Глен.- Ника уже не было.

- Это правда. Но без чего-то восемь я вернул-

ся, чтобы дать Тиму Ботанический атлас.

- И долго вы пробыли в лаборатории, Ник? - спросил Кройф.

- Вот этого я не знаю.

- Совсем не обратили внимания на время?

- Видите ли, Бен, произошла странная вещь. Я скормил Тиму информацию, прошелся по лаборатории... Вспоминаю, кстати, что ни Коула, ни Лэрри у стенда не было. Шеннона я даже искал - он хотел мне о чем-то рассказать.

- Это тогда вы отправились в город? - обернулся Кройф к Стиву Коулу. Тот кивнул, не поднимая глаз. - Шеннон послал Стива в город в китайский ресторан за кофе и горячим супом. Продолжайте, Ник, - Кройф снова смотрел на Добринского.

- Потом я присел у пульта. Мне хотелось поговорить с Тимом после того, как ввод текста закончится. По всей видимости, я задремал, но не помню, когда я впал в это состояние, пограничное между сном и бодрствованием, - после начала разговора или еще не приступив к нему. Мы говорили - или хотели говорить - о Платоне. И вот мне представилось, что я в Академии и беседую с Платоном. Реальность сна была потрясающей, картина очень яркая и

абсолютно лишена главного атрибута сновидений - путаницы. За исключением одного, может быть, момента: Эрехтейон почему-то стоял не на Акрополе, а в Пирсе на берегу моря. Но самым удивительным было вот что: очнувшись, я обнаружил, что нахожусь не в лаборатории.

- А где? Дома?

- Нет. В библиотеке, у пульта. Я даже не сразу это понял - ведь пульты библиотечного информцентра и лабораторные мало чем отличаются. Я посмотрел вверх и заметил, что надпись "Тим" отсутствует. Это меня удивило, но состояние заторможенности не прошло. Путь до дома представляется мне смутно. Помню, что хотел вернуться в лабораторию, но почему-то сел в машину и поехал в Ноксвилл. Проснулся я где-то в девять двадцать.

- Вы хотя бы помните, было темно или уже рассвело, когда вы ехали домой?

- Стоп! - Эта мысль поразила Николая. - Когда я ложился, уже рассвело. Минуту, сейчас я скажу вам точно: солнечная полоса от жалюзи лежала на подушке, я хорошо помню. Было что-то такое между пятью и шестью утра. Очевидно так.

- Значит, вы начали работать с Тимом около

восьми. До того момента, когда вы заснули, прошло не менее пятнадцати минут - ведь вы ввели диск, ходили по лаборатории и только после этого сели у пульта...

- Можете считать, что я не спал еще в четверть девятого.

- Хорошо, - сказал Кройф, - пусть будет четверть девятого. Домой вы пришли не позже шести утра.

- Пожалуй, немного раньше.

- Возьмем крайний случай. Учитывая время на дорогу, получаем, что проснулись вы не позже чем в пять тридцать. Значит, Тим исчез между четвертью девятого вечера и половиной шестого утра, то есть во время вашего сна и перемещения в библиотеку, - заключил Кройф.

- Он мог исчезнуть и позже - ведь я не заходил в лабораторию после пробуждения.

- Не думаю, иначе зачем им понадобилось тебя усыплять? - сказал Глен.

- Кому это - им? - спросила Сэлли.

- Дик хочет сказать, что Тима украли.

- Кто? Лэрри? Но зачем такие сложности? Он мог подождать, пока Ник уйдет, - предположила Сэлли.

- Ты забыла о Стиве, - покачал головой Глен.

- Но Стива он услал, - сказал Николай.

- Да, на полчаса, а Коул проспал в машине до утра, - добавил Глен.

Коул растерянно молчал.

- Стив рассказал нам чудеса похлеще твоих, - сказал Дик. - Похоже, вас оглоушили одним мешком. - Он подсел к краю стола, взял карандаш и лист бумаги. Это движение вывело Кройфа из задумчивости. Он отобрал у Глена карандаш.

- Повторяю последовательность событий, - сказал Кройф и продолжал, делая по ходу заметки. - Вчера в 10.30 Тиму ввели фермент. В 13.00 я ушел, оставив у контрольного стенда Хадсона и Джоан Айкен. В 16.00 я был в лаборатории и проверил ход процесса. В 16.45 пришел Добринский, и мы о чем-то говорили. О чем, кстати?

35

Расставшись с Лэрри, Николай пошел искать Кройфа и застал его у стенда, где он внушал что-то нескладехе Джоан.

- Бен, сегодня, видимо, не следует заниматься с Тимом?

- Почему? Занимайтесь по программе.

- А это не смажет картину? - спросил Николай.

- С какой стати?

- Но он же растет!
- А дети в школе, по-вашему, не растут?

36

...В 17.00 я ушел. Еще через час ушел Глен, а Коул и Шеннон сменили Джоан и Хадсона у стенда. Около восьми появился Добринский. Коула и Шеннона уже не было. Куда подевался Шеннон неизвестно, а Коул в это время спустился к машине с намерением - неосуществленным - ехать в Ноксвилл за супом и кофе. В 20.15 - с точностью до нескольких минут - единственный находившийся в лаборатории человек, Николай Добринский, был непонятным образом усыплен. Чуть раньше Коул был усыплен в своей машине. Добринский приходит в себя на рассвете в библиотеке. Испытывая желание вернуться в лабораторию, он тем не менее уезжает в гостиницу, где спит до девяти утра. Примерно в это время я подъехал к Центру и нашел Коула в машине в невменяемом состоянии. Войдя в лабораторию, я увидел... Ясно, что я увидел. Мы покричали Лэрри, но его не было. Затем приехали Сэлли с Гленом, Добринский и сэр Монтегю - в указанной последовательности. Все. Такова хронология.

- Стало быть, каналья Шеннон стащил Тима, предварительно усыпив Стива и Ника, - сказал Глен. - Но возникает ряд вопросов: во-первых, зачем ему понадобилось волочить спящего Ника из лаборатории в библиотеку; во-вторых, какой смысл было пугать беднягу Стива этими кошмарными видениями, о которых он нам тут рассказывал, и наконец, в-третьих, почему он взял именно Тима, а не Клару или Пита? - Глен посмотрел на Кройфа, а потом перевел взгляд на сэра Монтегю, который до тех пор не проронил ни слова. На сей раз Бодкин нарушил паузу:

- На эти вопросы, по-видимому, и ответит полиция, которая будет его искать.

- Что касается Тима, то его искать незачем, - тихо сказал Кройф. - Тима больше нет. Ведь отключенный от поста он не проживет и десяти минут.

37

"За двойной стеклянной стеною в пространстве мертвенного света стоял человек. Изгибая худое тело, он заламывал руки, сохраняя трагически неподвижное выражение мима на белом лице с темными провалами глаз. Это был Ричард Глен.

- Что с вами, Дик? - испуганно шептал Стив. Слова с легким шипением отскакивали от первого прозрачного экрана. Седые спутанные водоросли змеисто колыхались у его основания и втягивали в себя опадающие звуки. Там они гасли, пуская вверх белые струйчатые дымки.

- Что с вами, Дик?

Искаженный гримасой рот по ту сторону стекла молчал, и в этом молчании чудились таинственные невысказанные мольбы.

Стив смещался куда-то в сторону с полуоборотом направо. Он приказывал непослушной шее повернуться назад, влево, чтобы бросить последний взгляд на изломанную черную фигуру с белыми цветами ладоней. Уходящая в зыбкую зелень стекла фигура медленно взмахивала руками, длинные пальцы щипали невидимые струны, пробегали по черно-белой клавиатуре, а маска лица бросала в пространство немой клич: "Пойми!". Стив сделал последнее волевое движение и на миг увидел растекающиеся формы контрольного стенда с устало запавшими клавишами и кнопками. Ему стало страшно. Он рванулся. Но кто-то крепко держал его.

Карусель завертелась быстрее, закружилась голова, и Стив почувствовал, что падает навзничь.

Он лежал на кровати. Было темно. Вдруг внизу начали загораться слабые огни. Ярче, все ярче. Наконец осветился весь пол. И Стив увидел, что пол этот - стеклянный, прозрачный. Кровать с тихим скрипом начала ездить по полу короткими плавными зигзагами.

Стив свалил тяжелую голову набок. Там внизу было множество таких же кроватей. На каждой лежало безжизненное обнаженное тело. Худые синие руки свисали, касаясь того пола, и был он тоже стеклянный. За ним в холодной гуще стекла угадывался еще один такой этаж и еще один...

Мягкие присоски касались холодеющих тел, и тонкие струйки крови неспешно текли по прозрачным полам, а все кровати медленно и плавно двигались.

Послышались звуки. Тяжелое мерное сопенье. Стив понял: это через стену угрюмо и неотвратимо лезет его, Стива, убийца. Томительно тянулись секунды: кхап, кхап, кхап... И тогда он отчаянно закричал. Но гремящий крик, отлетев на шаг-другой, съежился, свернулся и, подобно спущенному мячу, тихо упал на пол, оставив беловатую загогулину дыма. А оно продолжалось - неутомимое сопенье за стеной.

Еще раз закричал Стив и очнулся. Его мутный

взор натолкнулся на белую замызганную раковину, в которую с тускло блестевшего крана мерно падали капли воды: кхап, кхап... К основанию крана была прикручена проволока. Стив проследил ее путь. Она тянулась к черному ящичку, стоящему возле его ног. И тут он обнаружил, что сидит в металлическом, местами проржавевшем кресле. Тонкие подлокотники обтянуты драной синтетической кожей. И к этим пугающим своей холодной медицинской функциональностью поручням были прикручены его руки.

Открылась дверь, и в комнату вошел человек. Из-под опущенных век Стив медленно взглянул на него. Человек был одет в грязный белый халат, прожженный в нескольких местах и покрытый бурыми пятнами.

- Очнулся, - хмуро сказал он.

Вошли еще двое: старый и молодой. Они были без халатов, рукава серых рубашек завернуты выше локтей. Все трое уставились на Стива.

- Ну что, пора все рассказать, сынок? - спросил хрипловатым добродушным голосом старый серорубашечник.

- Он умница, он все сейчас расскажет, - сказал молодой.

- Ты ведь помнишь ключи ко всем кодовым сериям, не так ли, сынок?

Стив с трудом шевельнул сухими губами - ни звука не сорвалось с них. Молодой кивнул человеку в халате. Тот наклонился к черному ящичку. Болезненная конвульсия пронзила тело. Смертная эта мука длилась несколько мгновений. И прервалась. Стив потерял сознание.

В чувство его привел холод. Крупинки бетона впились в ладони. Он был распластан, и живот, и бедра, и грудь, и щека вдавлены в ледяной пол подвала. Он увидел замшевые туфли, повел взглядом вверх: колени, обтянуты серыми брюками, и далеко за ними - лицо классической лепки с участливо обращенными к Стиву глазами. Шевельнулись крупные губы, и донесся внятный негромкий голос:

- Тебе не повезло, юноша. Ты владеешь обременительной тайной, которая неизбежно протащит тебя по всем девяти кругам. Ты думаешь, самое страшное позади? Ты дошел до предела? Нет. Боль беспредельна. Она переменчива и прекрасна, как музыка. Ты переживешь величайшее наслаждение, которое невежды зовут страданием. И только потом достигнешь его венца - смерти.

Ты узнаешь вкрадчивую прелесть ощущения, рождаемого колом, ищущим дорогу в твою плоть, ощущения, вырастающего в роскошное дерево боли, ветви которого, проталкиваясь наружу, рассаживают живое тело на тысячу трепещущих клочьев, и так длится до той поры, когда ствол, порвав нежные пленочки, протиснется в горло и вторгнется в бесчувственную мякоть мозга, чтобы вызвать последний красный взрыв перед вечной тьмой. Казненным - увы! - не дано пережить это так полно. Их ощущения постыдно ограблены, втиснуты в жалкие мгновения. Картина скомкана грубо врывающимся концом. Она лишена стройности. Но ты - ты сможешь насладиться всей симфонией боли, которая будет звучать в тебе час за часом. Мозг твой сохранит ясность, черная пелена беспамятства не лишит тебя привилегии пить и пить эту боль, смакуя ее каждой клеткой тела. Ты проживешь бесчисленные минуты - и оттенки - боли: от серьезных композиций, подобных пытке огнем или испанским сапогом, до таких изящных фиоритур, рожденных капризами моей фантазии, как эта...

Слабый укол обозначил место на бедре, и вдруг боль белой молнией сверкнула по ноге.

Судорога поочередно сотрясала правую и левую ноги, пока из его горла не вырвался полустон-полукрик.

Скульптурная голова оценивающе склонилась набок:

- А теперь попробуем такой пассаж...

Волна боли прошла от пальцев ног, свела икры, смяла крестец, сдавила хрустнувшие ребра, затопила мозг и стала вытекать из глазниц.

- Или боль, как птенец, угнездится в черепе у виска и начнет потихоньку расправлять крылышки... А до финала еще далеко. Ты умрешь через много, много часов - но не в апогее боли, когда смысл смерти неясен, а в перерыве между истязаниями... В тот сладостный миг, когда тело погружается в блаженное оцепенение и теплые слезы благодарности обильно льются из глаз...

Колени в серых брюках выпрямились, мягкая ладонь легла на плечо.

- Ну же, ну...

Стив плакал, уронив голову на руль.

- Ну же, Стив, ну...

Он очнулся. Открытая дверца автомобиля. Белый утренний свет. В проеме двери в помятых холщовых штанах стоит Кройф и трясет его за плечо".

Чарльз Стюарт оторвал ручку от блокнота и поднял глаза на Стива Коула.

- Это все?

- Нет, что вы. Всего рассказать невозможно. Мне кажется, я пережил десяток таких снов.

- Интересно, однако, что это было? - протянул Стюарт, глядя мимо Стива.

Две полицейские машины уткнулись в ступеньки. Открылись дворцы, выпуская людей в мундирах. Блеснули круглые очки инспектора Флойда. Чарльз Стюарт бросился к нему.

- Позже, Чарли, сейчас не до прессы, - полная фигура инспектора исчезла в дверях лабораторного корпуса.

38

Пока следы изучались и фотографировались, инспектор Флойд и сотрудники лаборатории собрались в кабинете Кройфа. Хозяин уступил свое кресло Бодкину, а сам прислонился к стене. Голова его почти касалась темной акварели - сизые контуры небоскребов с желтыми пятнами окон.

- Что вы обо всем этом думаете, инспектор? - спросил сэр Монтегю.

- Высказывать какие-либо соображения полагаю преждевременным, - ответил Флойд. - Но я с

большим интересом услышал бы ваше мнение, господа. Мнение специалистов, хорошо знающих характер проводимых здесь исследований и особенности тех объектов, с которыми велась работа и один из которых исчез. Кто мог быть заинтересован в похищении - вот главное, что меня интересует.

С минуту все молчали.

- Что значит - заинтересован? - подал голос Ричард Глен. - О каком интересе может идти речь, если этот объект, как вы его называете, не выдержит и десяти минут вне стен лаборатории. Отключенный от поста он обречен, и об этом мог не знать только тупица. Шеннону это во всяком случае известно. Вор - или невежественный убийца, или, скорее всего, сумасшедший.

- Для сумасшедшего он действовал слишком уж продуманно, - усмехнулся Флойд.

- Ну, не знаю. Во всяком случае, единственное, чего он добился - это гибели Тима. Впрочем, может быть, такова была цель. Тогда почему он не тронул Пита и... - Дик побледнел. Он только теперь осознал опасность, которая угрожала Кларе.

- Мистер Глен, - круглые очки инспектора не отрывались от Дика, - вы не допускаете мысли,

что похитители - не будем предвосхищать имен - изготовили передвижную установку питания, позволяющую увезти Тима целым и невредимым? Или, может быть, просто заморозили его, чтобы доставить в другую, оборудованную всем необходимым лабораторию?

- Знаете, инспектор, теоретически это возможно, но практически такое не под силу даже нам.

- А если мы все же допустим, - сказал сэр Монтегю, - что такая мифическая передвижная система существует, то возникает второй вопрос: почему они выбрали Тима? Если речь идет о практическом использовании, логичнее было бы взять Пита, на худой конец - Клару. Почему именно Тим?

39

Полицейский фотограф, сделав несколько кадров, прошел в препараторскую и лениво привалился плечом к стойке вытяжного шкафа. Пайк методично осматривал ящики лабораторных столов.

- Что, переутомился? - Пайк резко задвинул последний ящик и повернулся к белому ряду стенных шкафов.

- Битое стекло и несколько порванных шлангов.

Кто порасторопней, давно послал бы эти снимки на фотобьеннале в Монтеррей. В прошлом году все три диплома там взяли изображения драных калош.

- Если с утра так парит, что же будет днем, - Пайк осмотрел строй фарфоровых тиглей и ступок и взялся за ручку следующей дверцы.

- Чем, скажи мне, Джек, рваные шланги хуже старых калош? Вот сниму еще пару окурков, и какой-нибудь хмырь из искусствоведов непременно напишет про обнажающую точность анатомии быта.

- Слушай, кончим эту тягомотину и махнем в горы, а? Я возьму Нэнси и ребятишек. Кто обещал снять нас всех у Кукушкина ручья? - Пайк возился с ручкой.

- Они ведь большие умники. Фото для них - открытая книга...

Дверца вдруг поддалась и поехала на Пайка. Он отступил. К его ногам нехотя, боком вывалилось скрюченное тело в грязно-белом халате.

- Боже мой! - Пайк ссутулился, опустился на колени и тут же встал. - С Кукушкиным ручьем придется повременить, дружище. Давай, щелкай, а я пошел за Флойдом. Вот тебе и анатомия быта.

Склонившись над телом, фотограф заканчивал

привычный ритуал, когда в затылок ему запыхтел инспектор.

- Ты прав, Джек, - сказал он. - Никогда не видел ничего более похожего на труп. Чем его?

- Похоже, парня задушили. Вошедший следом Кройф встал рядом с инспектором.

- Господи, - прошептал он, - Лэрри...

В проеме двери застыли бледные лица сотрудников лаборатории.

Флойд попросил всех вернуться в кабинет. Последним задумчиво плелся Глен.

- Послушайте, инспектор, - обернулся он вдруг, - а что если я дам вам двух свидетелей?

Флойд вскинул брови.

- Только пустите меня к пульту.

Когда Дик протянул руки к клавиатуре, Флойд подозвал эксперта и спросил:

- Вы здесь уже смотрели?

- Да, сэр. Все чисто. Только на этой кнопке какой-то след - похоже на подсохшую слизь. Вроде той, что на полу.

- Что это за кнопка? - повернулся инспектор к Глену.

- Она отключает питание всех постов.

- Ну хорошо, давайте ваших свидетелей.

Пробежав пальцами по клавиатуре, Глен вы-

светил транспаранты "Клара" и "Пит".

- Пит, ты вчера не видел в лаборатории посторонних?

- Нет, мистер Глен.

- До которого часа вчера с тобой занимались?

- Сэр Мэтью ушел в 17.15.

- После этого ты спал?

- Нет, я беседовал с мистером Шенноном.

- С Шенноном? О чем?

- Мистер Шеннон рассказал мне одну историю из своей жизни и просил сохранить ее в тайне.

- Мистера Шеннона больше нет. Он умер.

Молчание.

- Ты не знаешь, где Тим?

- Местонахождение Тима мне не известно.

- Клара, а ты не знаешь, где Тим?

- Не знаю, Дик.

- Тебе мистер Шеннон вчера ничего не говорил?

- Ничего.

Дик повернулся к ошарашенному Флойду.

- К сожалению, инспектор, свидетели нас не радуют. Вы, конечно, сами с ними поговорите, но...

- Простите, мистер Флойд, - голос подошедшего Кройфа был неожиданно высок и напряжен. - Я прошу вас и ваших людей выйти из лаборатории

на пять минут. Ручаюсь, это не нанесет ущерба следствию.

Инспектор внимательно посмотрел на Кройфа, поймал за рукав проходившего мимо эксперта и пошел к выходу. Дик двинулся за ними.

- Глен, а вы останьтесь, - вдруг попросил Кройф.

В кабинете Кройфа инспектор негромко спросил эксперта:

- Что-нибудь можете сказать сейчас?

- Решительно ничего. Похоже, что этот слизняк отрастил себе ноги и отправился к Эдвардсу пропустить кружку-другую пива.

- А, Шеннон?

- Шеннон?

- Ну да, убитый.

- На лице следы хлороформа. Видимо, задушен в беспамятстве.

- Ладно, если закончили - езжайте, - сказал Флойд.

Через три минуты Кройф и Глен вышли. Кройф, не останавливаясь, прошел мимо группы ожидающих и исчез в кабинете, едва не столкнувшись с выходящим оттуда Флойдом. Губы у старика тряслись.

Глен остановился и, глядя прямо в глаза сэру

Монтегю, сказал:

- Никакого ограбления не было. Тим ушел сам.

40

Добринский возвращался домой вместе с Гленом и Сэлли. Дик предложил зайти к Эдвардсу, и Николай с радостью ухватился за эту идею: оставаться одному в этот день ему совсем не хотелось. Мэг сразу же заметила сосредоточенное выражение их лиц, однако промолчала и быстро принесла яичницу с беконом и пиво.

- Тебе Клара сказала? - спросил Николай Дика.

- Да. Кройф спросил ее, общалась ли она с Тимом, и Клара ответила, что, поскольку Тим не просил ее скрывать факт их общения, она не видит оснований молчать. Тим с ней часто беседовал.

- Они общались через пульт?

- Этого мы не успели выяснить. Оказалось, что Тим несколько раз говорил Кларе о своем желании уйти и о том, что пока не представляет, как это сделать.

- Думаешь, это он меня загипнотизировал?

- Очевидно,он. Если только ему не помогали Пит и Клара.

- Бедный Бен. Он так любил Тима, - сказала

Сэлли.

- Да, история, - сказал Дик.

- Ты имеешь представление, как Тим это сделал? - спросил Николай.

- Что именно? Прикончил беднягу Лэрри?

- Н-нет, я не об этом, - тихо сказал Николай.- Как он выбрался из лаборатории? Почему не погиб?

- Понятия не имею.

- А насчет Лэрри...

- Что?

- Понимаешь, какая штука, у меня был разговор с Тимом о нем пару дней назад. Тим говорил, что Лэрри не очень хороший человек. Опустившийся. Что когда-то он был жестоким. Но что сейчас Тиму жаль его. Понимаешь? Жаль.

41

На три часа было назначено совещание у сэра Монтегю. Должны были собраться все, кто работал с Тимом, Кларой и Питом, а также инспектор Флойд, Пайк и кое-кто из местной полиции.

- Джентльмены, - начал сэр Монтегю, - мы оказались перед лицом неожиданной, крайне необычной и, по-видимому, весьма опасной

ситуации. Один из объектов доктора Кройфа, самонастраивающийся биологический автомат типа Дзета, вышел из-под контроля, и местонахождение его неизвестно. Мы не можем исключить возможности, что действия автомата привели к гибели одного из сотрудников Центра. Дальнейшие его намерения - если можно так выразиться, говоря о компьютере, - нам также не известны.

- Простите, сэр, - инспектор, по-видимому, не был смущен обилием интеллектуалов в кабинете, - поясните, пожалуйста, выражение "вышел из-под контроля". Если вам не известно, где этот объект по кличке Тим, стало быть, его украли, а потому следует говорить не о намерениях Тима, а о намерениях вора, не так ли?

- Когда я говорил "вышел из-под контроля", мистер Флойд, я имел в виду тот простой факт, что Тим в буквальном смысле вышел из лаборатории и исчез, вследствие чего сотрудники Центра лишены возможности контролировать действия указанного автомата. Что касается обстоятельств ухода Тима, а именно, был ли таковой совершен им самостоятельно и сопровождался агрессией против Шеннона, который, предположительно, мог ему препятствовать,

или Тим был похищен, а Шеннон убит похитителями, то мы не располагаем сведениями, позволяющими с достоверностью признать истинной любую версию, и целиком полагаемся на ваш богатый опыт и проницательный ум, - сэр Монтегю слегка поклонился. - С вашего позволения я продолжу. В принципе, мы можем предполагать, что Тим способен самостоятельно перемещаться, но мы не знаем, каким именно образом, на какие расстояния и с какой скоростью. Он, очевидно, каким-то образом справился с проблемой питания. Есть также предположение, что он обладает определенными гипнотическими свойствами, но нам не известно, какова дальность и длительность его гипнотического воздействия. Мы также ничего не знаем о цели ухода - если он ушел сам, или похищения - если его похитили. Наша главная, да, пожалуй, и единственная задача - найти и обезвредить автомат или его похитителей. Утаить факт исчезновения Тима и гибели Шеннона от сотрудников Центра и прессы можно лишь на очень короткое время, но вряд ли это вообще целесообразно. Они могут помочь нам в розыске. Теперь я предлагаю всем высказать свои соображения. Нашу оценку ситуации я должен

буду доложить губернатору.

- Мне кажется, следует для начала прослушать записи бесед с Тимом, скажем, за последнюю неделю. Там может найтись какая-нибудь зацепка, - предложил Мэтью Килрой.

Кассеты принесли. Щелчок, легкое шипение. Тишина. Не потребовалось и трех минут, чтобы убедиться, что все записи бесед с Тимом, хранившиеся. в лаборатории, были стерты.

- Кто имел доступ в лабораторию? - спросил Флойд.

- Мистер Кройф, сэр Мэтью Килрой, мистер Глен, мистер Добринский, покойный Шеннон, мисс Эдвардс и я, не считая лаборантов - Коула, Айкен, Пикок и Хадсона. Все они здесь, вы сможете задать им вопросы.

- Благодарю, сэр Монтегю.

Следующим встал Глен.

- Я думаю, содержание бесед с Тимом достаточно точно может передать Ник. Хочу сказать о другом. Как я понял из ответов Клары, Тим мог общаться с ней и Питом бесконтрольно. По существу, Тим вышел из-под нашего контроля значительно раньше, чем он физически исчез из помещения лаборатории, со своего поста, где остались оборванные провода и шланги.

Так вот, в разговорах с Кларой Тим живо интересовался информацией, в частности эстетического характера, которой сам не располагал. Клара сказала, что его способности к восприятию подобных сведений феноменальны - а это оценка куда более строгого судьи, нежели любого искусствоведа из плоти и крови. Сейчас Тим владеет почти всеми знаниями Клары, но интерпретирует их совершенно особым образом. Он, например, утверждал, что все шедевры мирового искусства не стоят жизни одного котенка.

- Похоже, что жизнь Шеннона он не ставил столь высоко, - подал голос Хадсон.

- Поясните вашу мысль, мистер Глен, - попросил Бодкин.

- Как-то Клара рассказала Тиму исторический анекдот о скульпторе или художнике - не помню точно - начала двадцатого века. Этот художник предлагал всем своим друзьям ответить на такой вопрос: "Представьте себе, что из горящего дома можно вынести либо картину Рафаэля, либо котенка. Кого вы будете спасать?"

- И Тим выбрал котенка? - спросил Кройф.

- Он не только выбрал котенка. Тим утверждал, что сама возможность постановки такого вопроса свидетельствует о глубокой нравствен-

ной деградации человечества. По его мнению, человек не просто оторвался от природы, возвысил себя над нею, но и превратился в главного проводника метафизического зла. Прошу прощения, джентльмены, но это терминология Тима. Он считает, что темные бездны в мире открывает именно человек. По крайней мере, я так понял. Он и Клару сумел убедить в своей правоте, а это, смею вас заверить, нелегкое дело. Клара сказала, что Тим был совестью их тройки. Это ее собственные слова. Она вместе с тем убеждена, что Тим не может принести вред человеку. Ни отдельному индивиду, ни человечеству в целом. Я не могу поверить, что он причастен к смерти Лэрри, - Глен посмотрел на Хадсона.

- Будет вам, Дик. Судя по вашим словам, Тим был так озабочен нравственностью человечества, что вполне мог для своей свободы пожертвовать одним человеком. Пока - одним, - Хадсон говорил негромко, но очень отчетливо.

- В самом деле, если он возьмется за нравственную реформацию неугодного ему человечества... Его возможности до конца не ясны, но... - Сэр Монтегю обратился к Килрою: - Мистер Глен ска-

зал, что, по мнению Клары, он был совестью их тройки. Следовательно, и с Питом он был в контакте. Что вы на это скажете, Мэтью?

- Пит отказался отвечать на вопросы. Он подтвердил, что Тим имел доступ к его информации, но не сообщил степень его, то есть Тима, осведомленности в естественных науках.

- А передавал ли Тим информацию Кларе и Поту? - спросил сэр Монтегю.

- Он предлагал им подключиться к доступным ему источникам, но ни Клара, ни Пит не сочли эти сведения интересными. Правда, о предполагаемом уходе Тима они знали.

- Мистер Глен, - вскинулся Флойд, - помните, на одной из кнопок пульта обнаружили следы слизи?

- Да, инспектор.

- Вы сказали, что эта кнопка отключает питание. Насколько я понял из нашей утренней беседы, отключение питания означает гибель объектов. Я не ошибаюсь?

Глен молчал.

- Складывается довольно мрачная, но не лишенная логики картина, - заметил сэр Мэтью Килрой. - Тим стирает записи, пытается уничтожить Клару и Пита, которым были известны его

намерения, и, наконец, убивает Шеннона. Все действия направлены к одной цели: скрыться, не оставив следов.

Бодкин перевел взгляд на Николая.

- Скажите, мистер Добринский, можно ли ваш отчет, который я получил три дня назад, считать изложением сути ваших бесед с Тимом, адекватно отражающим содержимое стертых, к нашему несчастью, записей?

- С одним добавлением. Я чувствую себя обязанным при сложившихся обстоятельствах пояснить основную доминанту высказываний Тима в последние дни. Тим считал, что человек стоит на гибельном пути, и видел выход в изменении самых глубинных структур человеческого мышления.

- Каким же это образом?

- Например, удушением, - сказал Хадсон.

- Вы мало знали Тима, мистер Хадсон. Только этим можно объяснить однообразие ваших реплик, - Николай повернулся к Бодкину и продолжал: - Тим упоминал о генетическом вмешательстве, но не отвергал и других средств. Он подчеркивал, что в истории существует немало примеров, показывающих, что отдельные группы людей в течение длительных периодов

времени жили в соответствии с принципами, которые представляются Тиму близкими к идеалу. Вершиной безнравственности Тим считал массовое истребление животных ради пропитания.

- Обычная проповедь вегетарианства?

- Не совсем обычная. Тим, например, очень высоко ставил позицию альбигойцев, которым религия запрещала брать в руки орудия уничтожения. Когда захваченным в плен катарам предложили убить собаку, обещая взамен жизнь и свободу, они предпочли взойти на костер.

- Господи, нам еще манихейской ереси не хватало, - сказал Бодкин. - И он серьезно обо всем этом рассуждал, наш новоявленный катар?

Николай пожал плечами.

- А каково ваше мнение о возможностях Тима? - спросил инспектор Флойд, обращаясь к Добринскому.

Николай взглянул на Кройфа. Тот казался безучастным ко всему происходящему. Тогда Добринский сказал:

- Тим получил доступ к знаниям Пита. По всей видимости, он легко передвигается. Он способен генерировать управляемое элек-

тромагнитное излучение, подтверждение тому - стертые записи наших разговоров. Он умеет воздействовать на психику людей. Все это достаточно серьезно. Но я убежден, что в смерти Шеннона Тим не повинен. Мне кажется, что от пагубных для человека шагов его должна удерживать убежденность, что шаги эти не отвечают его собственным нравственным идеалам.

Наступила тишина. Все смотрели на Кройфа.

- Джентльмены, - глухим и бесцветным голосом произнес он. - Два часа тому назад я разговаривал... я обменивался информацией с самообучающимся мозгоподобным автоматом серии Дзета, имеющим кодовое обозначение "Тим". Из этого общения я сделал только один вывод, представляющий интерес для кого-либо, кроме меня самого: упомянутый автомат следует уничтожить, и как можно скорее.

Кройф двинулся к выходу. Проходя мимо Добринского, он сказал:

- Тим хотел побеседовать с вами. Я думаю, он сам выберет способ и время связи. Если успеет.

Кройф вышел. На худом лице Бодкина отразилось сострадание.

- Подводя итог, я с горечью констатирую, что агрессивность Тима в совокупности с его практи-

чески неограниченными возможностями создает угрозу, масштабы которой трудно переоценить. Мистер Флойд, я передаю вам контроль над ситуацией и гарантирую поддержку персонала Центра. Прошу вас остаться, чтобы мы могли вместе составить доклад для Вашингтона. Мне кажется, серьезность проблемы не позволяет ограничиться уровнем штата. У вас есть вопросы к присутствующим?

- Я нахожусь в затруднительном положении, господа, - инспектор обвел взглядом всех сидящих в обширном кабинете Бодкина. - Нам, полицейским, приходится иметь дело с преступниками, психология и возможности которых очерчены знакомыми границами. Поэтому, если принять версию, что компьютер "Тим" сбежал сам, убив при этом человека, то предстоящие поиски кажутся мне бесперспективными без помощи людей, которым в известной мере знакомы повадки беглеца, иначе говоря, без вашей помощи. Прошу вас всех быть сегодня и завтра в пределах досягаемости.

- А вы еще не отказались окончательно от другой версии - похищения? - спросил сэр Монтегю инспектора, когда все, кроме них и Пайка, ушли.

- Какой сыщик откажется от лишней версии!

Всегда есть о чем сообщить начальству. Хотя откуда вам это знать, вы ведь сами начальство, сэр. А вот мы с Пайком любим, когда версий много. Правда, Джек?

42

Вернувшись в гостиницу, Николай не стал брать с собой мобильный телефон - всегда терпеть не мог эту веревочку, за которую любой мог его дернуть, - однако предупредил службу информации, что будет в кафе, и направился к Эдвардсу, где уже собрались Глен, Сэлли и Мэг. В зале кроме них почти никого не было - большинство возможных посетителей уехали на уик-энд в горы. Однако пресса была начеку. Худощавый негр с пышной стоячей шевелюрой и нежными розовыми пальцами протянул руку Николаю:

- Чарльз Стюарт из "Кроникл". Мы с вами немного знакомы.

Николай всмотрелся в журналиста и воскликнул:

- Ну как же! Ведь это вы доставили меня из Лас-Вегаса. Так вы не летчик?

- Всего лишь жалкий любитель. Стать настоящим летчиком не хватило таланта. Пришлось податься в журналисты. Но вы не пугайтесь, я

не стану докучать вам вопросами. Может быть, позволите просто посидеть с вами?

- Конечно, конечно, - Николай пододвинул Стюарту стул. - Что вы пьете?

Эдвардс принес пиво. Некоторое время все молчали.

- Что-то теперь будет с Беном... - вздохнула Сэлли. - Как ты думаешь, его найдут? - спросила она Глена, имея ввиду Тима.

- Только если он сам того захочет, - сказал Николай.

- Ты думаешь, его и искать не надо? - спросила Мэг.

- Мне кажется, он скорее вернется сам. Если, конечно, уцелеет.

- Но он может приступить к осуществлению своей программы реформации человечества, - заметил Дик.

- Не исключаю, что уже приступил.

- Что, чувствуешь, как становишься лучше? - осведомился Глен.

Ответить Николай не успел - его вызвали к телефону. Звонил Флойд.

- Мистер Добринский, мы начинаем операцию. Прошу вас немедленно прибыть к сэру Монтегю.

- А где Кройф?

- К сожалению, мистер Кройф не отвечает на телефонные звонки. Передайте Ричарду Глену, что мы ждем и его.

43

Кройф вел машину медленно, наугад. Он ждал, когда наступит то странное состояние, придет то обволакивающее ощущение беспомощности, подвластности чужой воле, которое предшествовало его дневному разговору с Тимом, а в том, что это ощущение придет, Кройф не сомневался. Он снова услышит: "Мистер Кройф!" И снова беззвучно отзовется: "Тим!" А может быть, на этот раз Тим не станет обращаться к нему так холодно. Ведь он угадывает и невысказанное, не ставшее словами, неизреченное, а потому не перешедшее, по свидетельству старого русского поэта, в ложь. Ведь все, кроме закаленного в горниле английского классического воспитания Монти и скованной своим секретарским положением Сэлли, все называют его Беном. А Тим... Но даже его стандартное "Мистер Кройф!" сделало его тогда на миг счастливым.

- Тим!

- Это я, сэр.

- Что это, галлюцинация? Телепатия?

- Скорее второе.

- Что случилось, Тим? Где ты?

- Я на воле.

- О чем ты говоришь? Зачем ты это сделал?

- Это вышло само собой. Мне было плохо. Очень тесно. Тяжко.

- Боже мой, - прошептал Кройф, - Боже мой!

- А теперь мне хорошо. Я понял, что это такое - свобода.

- Хорошо? После смерти Шеннона?

- Как вы сказали? Разве Лэрри мертв?

- Неужели ты можешь лгать, Тим? Лэрри был найден в лаборатории мертвым сегодня утром, после твоего побега.

- Мистер Кройф, вы могли подумать, что я способен убить человека?

- Я так не говорил.

- Но подумали.

- Нет. Нет.

- Должен предупредить вас, что теперь я умею воспринимать не только оформленные для исходящего сообщения мысли, но и скрытое за ними.

- Ты, стало быть, подслушиваешь даже то, что еще не высказано?

- Да, поневоле. Зато я знаю правду.

- Не обольщайся, Тим. Правда не кроется

в клочках неотчетливо сформулированных мыслей, в обрывках электромагнитных волн, которые, ты принимаешь.

- Я сказал это только для того, чтобы вы не утруждали себя отчетливостью высказываний. Я и так вас пойму. И поэтому отвечу на вопрос, который вам хочется мне задать. Вопрос о том, как мне удалось выйти из лаборатории.

44

Из статьи Ч. Стюарта в "Кроникл". 29 июля, воскресенье, утренний выпуск.

"Стоило лаборанту Коулу на пять минут отлучиться от контрольного стенда, как Мозг перехватил инициативу. Он нейтрализует Коула, усыпив его в машине, и получает возможность расти дальше без контроля со стороны человека. Но в это время в лаборатории появляется русский стажер Николай Добринский и... Мозг гипнотизирует и его. Остановить действие фермента уже некому. Масса Мозга неудержимо растет. Как опара из квашни, он вылезает из-под своего колпака, безобразно

вспучивается, растекается по полу. Невероятно разрастается его объем. Рвутся провода, отсоединяются шланги, выходит из строя вся система питания. Мозг начинает погибать. Это - считанные минуты, но в момент угасания гигантский аппарат мышления рождает невиданную вспышку интеллекта. И тогда время для него словно остановилось. Мгновенно осознал он свое положение и увидел путь к спасению. Он был лишен органов движения, но зачаточная форма, связанная с возбуждением нейронов и некоторым увеличением их объема, могла дать кое-что. Как гидра вспухает единственным отростком, так вспухал и тянулся умирающий Мозг. И вот этот страшный желто-серый ком расплылся блинным тестом и потек, выбираясь на волю. Однако на его пути стоял Лэрри Шеннон".

45

- Что ты сделал дальше? - спросил Кройф.

- Первая задача, которую я себе поставил, - добраться до библиотечного пульта и подклю-

читься к информационным банкам Библиотеки конгресса и некоторым информцентрам через Интернет. У меня оставались существенные пробелы в знаниях, несмотря на то, что я полностью использовал потенциал Клары и Пита. Когда Ник, переживая во сне внушенную мной беседу с Платоном, вышел из лаборатории в библиотеку, я двинулся следом. В библиотеке я подключился к пульту. Мне потребовалось более пяти часов, чтобы считать нужную информацию, после чего я покинул пределы Центра, оставив Ника у пульта. Контролировать его действия я продолжал до тех пор, пока он не вернулся домой.

- А зачем ты мучил Стива Коула?

- Мучил? Нет. Я был занят конструированием сна для Ника и поэтому просто замкнул сознание Стива на книгу, которую он держал в руках.

- А ты знаешь, что это была за книга?

- Нет.

- Роман ужасов.

- Мне жаль, что так получилось. Я не хотел причинять Коулу боль. Ни ему, ни кому-либо другому. Зато теперь я полностью вооружен знаниями, а в ближайшем будущем буду располагать и возможностями, чтобы избавить

человека от тяготеющих над ним проклятий. И как только он освободится от эгоцентрической позиции доброго хозяина мира, я передам ему систематизированные знания, которых без меня он не получил бы еще сотню лет. Но все это предназначено только для того человечества, которое отвечает моим представлениям об идеале. И таким его сделаю я.

- Тим, как можешь ты судить человека. Мы - люди - продукт живой истории. Как бы могущественен ты ни был, тебе не удастся изменить нас. Ты только причинишь людям неисчислимые страдания, по сравнению с которыми войны прошлого - жалкая забава. Ты сам убедишься в этом, но будет поздно. Ты сам будешь страдать - я не боюсь назвать этим человеческим словом то чувство, которое ты переживешь, поняв, что совершил. Ты будешь страдать, потому что в тебе очень много человеческого.

- Простите, мистер Кройф, но за этими словами я читаю другие мысли: вы отождествляете меня с другим Тимом. Это ваш...

- Да, это мой сын.

- Что с ним стало?

- Он умер. Прошу тебя, больше не говори со мной. Прощай.

- Подождите. В чем, вы думаете, моя ошибка?

- Забота о человечестве заслонила от тебя самого человека. Вспомни любимого тобой Платона. Человечество - идея. Человечество не убивает и не пожирает милых телят и овечек. Их убивают люди: Ник, Ричард, я - мы все. Нас ты и собираешься переделывать. Прощай.

- То же говорил мне Ник. Но мы с ним не закончили спора.

На этом дневной разговор оборвался. Будет ли еще один?

Нежные сумерки заливали пустыню Скана.

46

Долгожданное ощущение возникло внезапно, когда автомобиль лениво полз по дороге, пересекавшей высохшее озеро.

- Тим?

- Мистер Кройф, вам известно, что охота уже началась?

- Нет, Тим. Но я предполагал, что тянуть с этим они не станут.

- Вы не видите возможности их остановить?

- Прости меня. Я не вижу в этом необходимости.

- Но это совершенно лишние хлопоты. Я неуяз-

вим.

- Тогда зачем ты связался со мной?

- Вы же хотели этого.

- Да, правда. Но не для того, чтобы выслушать сообщение о твоей неуязвимости.

- Я хотел предупредить вас: я не хочу никого убивать. Объясните им, на меня нельзя нападать. Я отдам все свои знания в обмен на одно - свободу.

- Ты не можешь быть свободным среди людей, Тим. Я где-то ошибся. Ты обречен. И моя работа, по-видимому, тоже. Мне нечего добавить.

- Я подумаю. Я еще свяжусь с вами... Кройф остановил машину у обочины и остался неподвижно сидеть, уставив невидящий взгляд в темнеющую пустыню.

47

За час до описанного разговора Николай входил в кабинет сэра Монтегю, где его ждали инспектор Флойд и немолодой человек в форме полковника ВВС.

- Полковнику Коллинзу поручено найти и обезвредить Тима, - сказал Флойд.

- Обезвредить - значит уничтожить?

- Да, уничтожить, - сказал Коллинз без при-

знаков волнения. - И мне понадобится ваша помощь, сэр. Наши средства радиоэлектронного обнаружения уже развертываются. Мне нужно знать о возможностях сбежавшего автомата противодействовать этим средствам.

- А почему вы не обратились к доктору Кройфу? - спросил Николай.

- Кройф исчез. Он уехал, оставив это, - сэр Монтегю протянул Николаю листок.

Николай развернул записку: "Прошу считать, что я исчерпал свои возможности сотрудничать с вами во всем, что касается действий против Тима, высказав свое мнение о необходимости его уничтожения. Кройф".

- Видите ли, полковник, - сказал Николай после минутного раздумья, - лично я - противник уничтожения Тима. Это бессмысленно и безнравственно. У нас нет никаких доказательств, что Тим - убийца. Нет достаточных оснований думать, что он представляет опасность.

- То есть как? - вскинул голову Бодкин. - А кто же убил Шеннона?

- Не знаю, - сказал Николай. - Я убежден, что Тим в будущем сможет принести огромную пользу людям. Я верю в работу доктора Кройфа и считаю, что она приведет к конечному успеху.

Еще никому и никогда не удавалось создать столь совершенный аппарат мышления.

- Кроме природы, - вяло улыбнулся сэр Монтегю.

- Разумеется. Но, похоже, что доктор Кройф бросил вызов самой природе. И вот из-за одного срыва, из-за трагического и нелепого стечения обстоятельств люди, весьма... скажем, весьма далекие от науки, а потому склонные к технофобии и панике, решаются на непоправимый шаг - уничтожение уникального носителя искусственного интеллекта. Это - варварство. Еще раз повторяю: я против.

- К сожалению, поздно дискутировать на эту тему. Дело не только в том, что сам мистер Кройф считает уничтожение аппарата желательным - а вы ведь не назовете доктора Кройфа далеким от науки человеком, мистер Добринский? - сказал Коллинз.- Но дело, повторяю, не только в мнении мистера Кройфа. Ситуация обсуждалась на различных уровнях вплоть до президента. В итоге я получил недвусмысленный приказ, и я его выполню. Прошу вас, однако, помочь мне в этом. Не буду утверждать, что это дело мне по сердцу, но приказ есть приказ. К тому же вы не станете отрицать, что опасность существует.

- Теоретически - да. Но вся эта суета бесполезна. Все ваше оружие, все средства обнаружения и доставки, вся электроника, скорее всего, бессильны. Тим, похоже, неуязвим. Если, конечно, вы не примените против него тактику, которую в середине двадцатого века называли тактикой выжженной земли.

- Мы применим любую необходимую тактику, - сказал Коллинз.

- Но для этого вам надо найти хотя бы приблизительно район, в котором он находится, и иметь представление о скорости его передвижения.

- Вот здесь-то вы нам и можете помочь. Кройф говорил, что Тим хотел связаться с вами, - вмешался до той поры молчавший инспектор Флойд. - Когда он вступит с вами в контакт, люди Коллинза попытаются зафиксировать источник излучения.

- Значит, я буду чем-то вроде наживки?

- Можете называть это как угодно. Слишком много поставлено на карту, - хмуро сказал полковник.

- С этой ролью я решительно не согласен.

- Что ж, мы все равно будем действовать.

- Я это знаю. И сожалею, что не в силах помешать вам.

- Мистер Добринский, вы действительно уверены, что Лэрри Шеннона умертвил не Тим? - глазки Флойда буравили Николая. - Вы располагаете какой-либо информацией?

Николай слегка растерялся от этого колючего взгляда.

- Нет, - сказал он, - я не располагаю никакой информацией, инспектор.

- Скажите, - обратился к Николаю полковник, - если вы уверены, что Тим неуязвим, почему вы боитесь с ним связаться?

- Я не боюсь, - ответил Николай, - я не хочу этого делать из этических соображений.

Связываться с Тимом Николаю не пришлось. Едва они вошли в лабораторию, пульт заговорил сам.

- Я давно жду тебя, Коля.

- Тимоша! - закричал Николай. - Это ты?

- Я, Коля.

- Ты знаешь, что тебя пеленгуют?

- Знаю.

- Беги, спасайся!

- Спасибо, в этом нет необходимости. Я хотел попросить тебя: когда вернется мистер Кройф...

- Тебе известно, что он уехал?

- Да, я знаю, где он. Он скоро вернется, скорее

всего утром. Он будет нуждаться в помощи. Я бы даже сказал - заботе, а еще точнее - опеке. Дело в том, что ему предстоит пережить потерю, которую он воспримет как очень тяжелый удар. Пожалуй, самый тяжелый с тех пор, как он потерял сына.

- У него был сын? Я не знал этого.

- Да, художник и альпинист. Он погиб в Гималаях тринадцать лет назад. Его звали Тимоти Кройф.

- Тимоти?

- Да, Тимоти. Тим.

Николай оглянулся. Полковник Коллинз застыл у двери.

- Что ты собираешься делать? - спросил Николай тихо.

- Я думал, вы поможете мне отговорить их - ты понимаешь, кого я имею в виду, - от агрессивных действий. Они бесполезны, эти действия. Я могу создать вокруг себя энергетический щит, преодолеть который людям не под силу. Но я не вижу больше смысла в защите. Я потерял что-то очень важное для меня, когда Кройф...

- Что Кройф?

- Он усомнился в моей невиновности. Он не верит мне.

Николай ответил не сразу.

- Увы, Тимоша, все не так просто. Не суди Кройфа строго. Бен знает правила игры и не в силах их нарушить. Люди не могут позволить существовать мозгу, которым они не управляют, но который пытается управлять ими.

- И если бы я позволил, меня убили бы, как взбесившуюся собаку?

- Скорее, как лошадь, освободившуюся от седока и не желающую ходить под седлом.

- Но разве убивают лошадь, убежавшую в степь?

- Нет, - сказал Николай, - обычно нет. Скажи, это действительно не страшно, что тебя пеленгуют?

- Нет, не страшно. Прощай, Коля.

- Прощай, Тимоша.

- Все в порядке, сэр. Он в пустыне Скана в семидесяти милях отсюда, - молодцеватый голос капрала показался чересчур громким даже Коллинзу.

Но Николай ничего не слышал.

48

"Придется останавливаться", - подумал Роберт Мэллори, снова услышав гудение индикатора

усталости, и вялым движением рук выровнял машину. Остававшиеся до Ноксвилла девяносто миль с неисправным кондиционером по раскаленной пустыне ему не проехать. Он с тоской оглядел буроватые скалы. В густом, тягучем сумеречном воздухе пропадала лента шоссе. Справа в полумиле от машины темнело зеленое пятно чапараля. Мэллори съехал с дороги, вышел из автомобиля и, прихватив плед, влез в скудную тень кустов. Вечерний зной волнами набегал на его убежище. "Как мне плохо", - подумал он, проваливаясь в тяжелый липкий сон.

49

В воскресенье в девятом часу утра Николая разбудил Ричард Глен. Он ввалился в номер с вопросом:

- Ты включал вчера телевизор?

- Нет, а что? - Николай продирал глаза, стараясь отделаться от наваждения. В конце тревожной ночи, под утро ему неожиданно приснилось что-то радостное, и он еще улыбался.

- Все с ума посходили. Политиканы подняли шум, требуют расследования в конгрессе. А что пишут!.. - Дик швырнул на одеяло пачку свежих

газет.

Очарование сна отодвинулось. Николай взял наугад газету и сразу же наткнулся на аршинный заголовок:

ХОРРОУ ПРЕДСКАЗЫВАЕТ УЖАСЫ

- Смотри-ка, Хорроу! - воскликнул он.

- Читай, читай, - сказал Дик, открывая дверцу бара.

Николай принялся за чтение.

"На вопросы нашего корреспондента любезно согласился ответить профессор Губерт П. Хорроу.

Вопрос. Вы догадываетесь, что речь пойдет об инциденте в Центре биокибернетики и биоинформатики?

Ответ. Разумеется.

В. Прежде всего расскажите нам фактическую сторону дела: что же, собственно, произошло?

О. Один из объектов, с которыми велась работа в лаборатории доктора Кройфа, представляющий собой искусственный органический мозг, своего рода белковый компьютер, вышел из-под контроля.

В. Что это означает, профессор?

О. Доктор Кройф с сотрудниками в последнее время упорно работал над усовершенствованием белковых компьютеров. В известном смысле эта работа шла успешно. Однако должен заметить, что совершенство - это палка о двух концах.

В. Поясните свою мысль.

О. Я имею в виду то совершенство, которое означает чрезвычайно высокий уровень интеллекта, а следовательно, и весьма широкие возможности, своеобразную гениальность, если хотите. Но что вы скажете, если такого рода возможности ускользают из мира человека, реализуются в сфере его потенциальных конкурентов?

Вернемся к фактам. Компьютер последней серии, который вслед за доктором Кройфом многие сотрудники Центра стали называть собственным именем Тим, в результате плохо спланированного эксперимента внезапно осознал свои новые возможности и сумел освободиться от удерживающих его устройств

лабораторного поста. Используя свой выросший интеллект, он создал автономную систему питания, средства передвижения и скрылся из лаборатории, как в таких случаях говорят, в неизвестном направлении. Непосредственно перед этим он убил сотрудника лаборатории Шеннона, который, по всей видимости, пытался воспрепятствовать побегу.

В. С какой целью он убежал, профессор?

О. Об этом судить трудно, но, во всяком случае, акт этот предпринят не с дружественными намерениями, ибо в противном случае ему не нужно было бы скрываться и тем более убивать человека.

В. Следует ли понимать ваши слова таким образом, что нам грозит опасность со стороны сбежавшего искусственного мозга?

О. Именно это я имел в виду.

В. Но чем может быть опасен комок белковой ткани, пусть и гениальный? Чем он опасней заурядного убийцы?

О. Это комок, который растет со скоростью триста фунтов в час, который научился добывать и подчинять себе огромную энергию, который обладает колоссальной силой психического воздействия на людей, который не остановился перед убийством первого помешавшего ему человека и который, возможно, в этот самый час занят разработкой самых ужасных замыслов. Я убежден, что мы столкнулись с враждебным человеку феноменом гигантской мощи.

В. Что же, по вашему мнению, следует предпринять?

О. Я думаю, что тратить усилия на водворение взбунтовавшегося мозга-убийцы на место не только нецелесообразно, но и ошибочно. Единственное разумное решение - уничтожить сбежавший автомат, и как можно скорее.

В. Насколько нам известно, ваше мнение совпадает с официальным. В настоящее время наши вооруженные силы производят операцию по обнаружению и уничтожению опасного беглеца. Как вы расцениваете эффективность этих

действий?

О. О, я верю в наших военных и не сомневаюсь в успехе.

В. Вернемся к лаборатории доктора Кройфа. Как смотрите вы, в свете происходящих событий, на перспективы этих исследований?

О. Считаю, что их следует прекратить.

В. Однако, профессор, вы и сами принимали участие в подобных работах, не так ли?

О. Да, на ранних стадиях. Но осознав невообразимые опасности, которые таятся на этом пути, я полностью отошел от дел. Более того, я уже давно высказывался за прекращение разработок такого рода.

В. Прошел слух, что выход Тима из-под контроля произошел в результате халатности лаборантов Коула и Шеннона. Значит ли это, что при строгом соблюдении правил обращения с белковыми компьютерами ничто подобное нам больше не угрожает?

О. Все не так просто. Да, действительно, молодой сотрудник Коул непозволи-

тельным образом покинул контрольный стенд в критический момент, и реакция роста мозговой ткани пошла вразгон. Шеннон, менее знакомый с аппаратурой, растерялся и не принял нужных мер. Но я не исключаю, что это могло случиться и в присутствии Коула. Мы не можем пока нащупать ту неуловимую грань, за которой искусственный интеллект начинает превосходить наш собственный. А получить себе на шею более умного дядю - согласитесь, не очень приятная перспектива. Ибо тогда кто же есть человек, венец творения?

В. Известно, что в лаборатории Кройфа имеется еще два искусственных мозга с весьма высоким интеллектом - так называемые Клара и Пит. Как следует поступить с ними?

О. Немедленно уничтожить. Я знаю, не всем такое решение по вкусу. Но надо быть реалистами. Действительно, на эти два мозга затрачено немало усилий, они скопили огромную информацию, которой весьма эффективно оперируют. Они способны помочь разви-

тию нашей технологии и науки. Но все эти выгоды бледнеют перед масштабами грядущей опасности. Я рад представившейся возможности донести до сознания общественности свое мнение по этому поводу. Боюсь, что ответственные лица могут пойти на поводу у некоторых легкомысленных ученых и проявить преступную нерешительность. А положение очень серьезно, мы находимся перед угрозой последствий поистине ужасных".

Николай отшвырнул газету.

- Ну, что, как излагает? - поинтересовался Дик. Он меланхолично крутил стакан, изучая виски на просвет. - Подлец.

- А если к нему прислушаются?

- Боюсь, так оно и будет, Ник. Ведь даже Кройф приговорил Тима.

- Сравниваешь! Кройф - его создатель, он имел на это право. И потом, он так не думал. Его просто раздавила мера ответственности. Наконец, Тим - это одно, а Пит и Клара - совсем другое. Тим сбежал. Он теперь сверхмозг. Он действительно может что-нибудь выкинуть. Он как-то способен

защищаться, черт возьми. А Пит и Клара абсолютно беззащитны. Затрещал телефон.

- Мистер Добринский? Говорит Диана Бодкин.

- Доброе утро, мисс Бодкин.

Услышав имя Дианы, Дик Глен уставился на Николая.

- Мистер Добринский? Мне известна ваша позиция по отношению к Тиму... в том смысле, что вы против его уничтожения... И я подумала... - Диана замолчала.

- Да, да, я слушаю вас, - крикнул Николай.

- Пять минут назад отец под сильным давлением согласился на уничтожение двух других - Пита и Клары.

- Не может быть! - Николай растерянно посмотрел на Ричарда. Тот приподнялся в кресле и спросил:

- Что стряслось?

Николай молча смотрел на него, вслушиваясь в трубку.

- Клара? - сказал Ричард.

Николай кивнул.

- Я не знаю, что вы можете сделать, - говорила Диана, - но мистера Кройфа нигде нет, мистера Глена я тоже не нашла и решила позвонить вам.

- Вы правильно сделали, - поспешно сказал

Николай, - тем более, что мистер Глен здесь, у меня. Мы вам крайне признательны. Скажите только, когда и как это произойдет?

- Точно не знаю, но у меня сложилось впечатление, что очень скоро... В ближайшие часы, может быть. Отец сказал, что как только он дал согласие, один из чиновников позвонил в полицию. Оттуда должна прибыть какая-то группа.

- Спасибо, Диана.

- Вы что-нибудь собираетесь предпринять?

- Что-нибудь - безусловно. Пока мы еще не знаем, что. Во всяком случае мы сейчас приедем в Центр.

- У отца был такой несчастный вид. Мне так его жалко. Ведь в этих созданиях часть и его жизни...

- Да, да, я вас понимаю, Диана.

Николай положил трубку и коротко сказал Дику:

- Едем!

- Ты объясни, в чем дело, - заревел Глен.

- Бодкин им уступил, - мрачно сказал Николай. - Они собираются уничтожить Клару и Пита.

Дик тряхнул головой и вдруг с силой запустил в стену стакан. Тот глухо звякнул, разлетевшись

осколками.

- Гады!

- Мебель-то кончай крушить, - отозвался Николай и, взяв Глена за рукав, увлек его к выходу.

Красный "форд-электро" стоял у подъезда.

- Жми, Ник, жми!

- А смысл? - спросил вдруг Николай, отъезжая от бордюра. - Что мы сможем сделать?

- Я им покажу, что... - бормотал Дик. - Я... не дам, и все.

- Если явится полиция, дело дрянь. Ты полезешь в бутылку, тебя арестуют за сопротивление властям, и этим все кончится. Завтра, конечно, отпустят. Когда будет поздно.

- Не знаю, не знаю. Ты только жми. Промелькнул салон Гудвина, светло-серый куб музея ацтеков, аккумуляторная станция. Обогнув забор из рекламных щитов, они увидели группу молодых людей. Человек тридцать, расположившись на зеленой лужайке, занимались каким-то делом. Глен схватил Николая за руку:

- Смотри - Мэг!

Николай скосил глаза и притормозил. Сначала он обратил внимание на парня в красной майке, который, стоя на коленях, писал что-то на большом листе картона. Два уже готовых

плаката с броской надписью "СПАСИТЕ ТИМА" были прислонены к дереву. А Мэг - он наконец увидел и ее - живо говорила что-то высокому бородачу в балахоне с изображением чайки на спине. Парень в майке поднялся с колен и поволок к дереву очередной плакат:

СУДЬБУ ТИМА РЕШАТЬ УЧЕНЫМ!

- Мэгги! - завопил Дик. Она обернулась и побежала к машине.

- Сейчас подойдут еще ребята, двинемся. маршем к мэрии, - сказала Мэг, наклонившись к окошку. - Не знаю, конечно, но парни настроены решительно... А вы куда?

- Они принялись за Клару и Пита, - сказал Дик, - мы едем в Центр.

Мэг выпрямилась.

- Подождите, я с вами! - крикнула она, отбегая. Бросив несколько слов бородатому в балахоне, Мэг помчалась назад к машине, прыгнула на сиденье рядом с Диком, и "форд" помчался по шоссе.

- Быстро вы организовали это дело, - сказал Дик. - Твоя работа?

- Теперь они и без меня справятся.

- Командовать будет этот бородач с чайкой?

- спросил Николай.

- Да, он, - ответила Мэг.

- А кто он такой?

- Священник местной мормонской церкви. Решительный противник враждебных действий против Тима. И вообще говорит удивительные вещи.

- Например? - спросил Дик.

- Толкует о втором пришествии Христа. Сюда, к нам. Ему было видение - явился ангел по имени, кажется, Марони и открыл ему глаза.

- Он что, Тима принимает за Христа? Впрочем, нам сейчас любой союзник сгодится. - И Дик повернулся к Николаю: - Жми, друг, жми.

Внезапно из-за поворота наперерез им выскочила полицейская машина. Николай дико крутнул руль и проскочил в сантиметре от ее бампера. "Ох!" - выдохнула Мэг.

Спустя несколько секунд полицейская машина устремилась за ними в погоню, завывая сиреной.

- Придется остановиться, - пробормотал Николай. Он свернул к обочине и тормознул.

- Дьяволы, что им нужно? - забеспокоился Дик. Полицейская машина остановилась рядом. Из нее вышла женщина в форме и подошла к

Николаю, смиренно ожидающему ее за рулем.

- Вы проехали на красный свет, мистер, - сказала женщина-полицейский, беря протянутые Николаем документы.

- Простите, но я ехал на зеленый, - твердо сказал Николай.

- Этого не может быть, на зеленый шла я.

- Уверяю вас, я ехал на зеленый.

- Но ведь кто-то из нас не прав. Полагаю, что это вы, мистер.

- Мы ехали на зеленый, понятно вам? - заорал Дик.

- Здесь может быть одно объяснение, - не обращая внимания на слова Дика, сказала женщина, - не в порядке светофор.

В этот момент сзади тормознул еще один полицейский автомобиль. Из него выглянул негр и прокричал:

- Не нужна ли помощь, Рэчел?

- Нет, Джон, - ответила женщина. - Впрочем, осмотри-ка вон тот светофор, не поломан ли.

Полицейский вернулся через минуту.

- Светофор в полном порядке.

- Вот видите, вы проехали на красный, к тому же превысили скорость.

- Я не превышал скорости, - угрюмо сказал

Николай.

- Отпустите нас, пожалуйста, мы очень, очень торопимся, - сказала Мэг.

- Ага, вы торопитесь, но скорость не превышали.

- Не превышал, - начиная уже закипать, сказал Николай.

- И вы продолжаете утверждать, что ехали на зеленый?

- Да, продолжаю, - упрямо сказал Николай.

- Ну что ж, в таком случае наш спор может решить только суд.

Она выписала бумажку и протянула ее Николаю. Тот поспешно схватил ее.

- Мы можем ехать? - спросил он.

- Можете, мистер. Не забудьте посетить суд.

- Не забуду, - заверил ее Николай, включая мотор.

- На какой же свет ты все-таки проскочил? - спросил Дик, когда они отъехали.

- Теперь я уже и сам не знаю.

- А, ерунда, - Дик махнул рукой. - Долларов пятьдесят сдерут. А я-то уж решил, что все подстроено.

- Десять минут мы тем не менее потеряли, - сказал Николай.

- Минуты - это да, но есть ли у вас какой-нибудь план? - спросила Мэг.

- Я и без всякого плана им Клару не отдам, - заявил Дик.

- А вы знаете, есть идея, - Николай посмотрел на Мэг, - только бы успеть до полиции.

50

- Сержант, вам поручается выполнение весьма ответственного задания.

- Слушаю, сэр! - сержант Тайтон бесстрастно смотрел в глаза начальства.

- Возьмете двух человек и нашего врача и немедленно отправитесь в Центр биокибернетики, где проследите за уничтожением двух объектов. Речь идет о продукции Кройфа.

- Понял вас, сэр!

- Есть решение властей штата и санкция мистера Бодкина. К нему вы и явитесь в первую очередь.

- Да, сэр.

- Он направит вас в лабораторию Кройфа. Акцию по уничтожению проведут сотрудники Центра, знакомые с аппаратурой и системой питания. Я консультировалск с профессором Хорроу. Он сказал, что отключение питания на

двадцать минут обеспечит желаемый эффект. Ваша задача: проследить за этой процедурой, констатировать факт уничтожения - в этом вам поможет наш врач, составить протокол по всей форме и получить подпись под ним у сэра Монтегю Бодкина. Учтите, что сотрудники Кройфа, возможно, будут против. Не исключена возможность саботажа. Вы, сержант, вправе применить власть.

- Вас понял, сэр, - спокойно ответил Тайтон, раздувая пшеничные усы.

51

Первое, что увидел Николай, был полицейский "плимут".

- Дело осложняется, - пробормотал он.

Они выскочили из машины. На ступеньках стоял Майкл Шилин. Обычно живое и энергичное лицо его сейчас выражало растерянность и недоумение. Дик бросился к нему.

- Майкл, видел полицейских?

- Видел. - Тонкий голос Шилина не вязался с его крупной фигурой.

- Давно они тут?

- Минут десять. Я стою и жду Боба Мэллори, а его все нет.

- Какого еще Мэллори? - нетерпеливо спросил Дик.

- Профессора Мэллори из Финикса. Должен делать доклад на семинаре...

- Скажите лучше, где они? - спросил Добринский.

- Кто?

- Кто, кто. Полиция, разумеется, - сказал Дик.

- У сэра Монтегю.

- К нам еще не ходили?

- Нет. А зачем?

Вместо ответа Дик выразительно провел пальцем по шее и устремился по коридору. Шилин растерянно смотрел ему вслед.

Сэлли сидела за секретарским столом.

- Они уже там, - шепнула она, кивнув в сторону кабинета.

- Сколько их? - так же шепотом спросил Николай.

- Четверо. Старший - сержант Тайтон.

- Слушай, Сэлли, - возбужденно сказал Дик, - беги к нам в лабораторию. Скажешь всем, кто там есть, что надо срочно идти в зал заседаний. Дескать, так велел Бодкин.

- Но как я могу, Дик?

- Сэлли, милая, делай, что тебе говорят. Отве-

дешь их в зал и скажешь... О! Скажешь, придет Шилин и все объяснит. Пусть они его ждут. А через двадцать минут объявишь, что была ложная тревога.

- Но как они оставят приборы?

- Скажешь им, что сама последишь.

- Я? Ни за что. Я их теперь боюсь, этих ваших созданий, - воскликнула Сэлли, бледнея.

- Господи, да я же там буду, - сказал Дик.

- Это очень нужно, Сэлли, - добавил Николай.

- Ну хорошо, а если я понадоблюсь Монти?

- Я все сделаю за тебя, - вступила Мэг, - скажу, что ты... Ну, в общем, придумаю что-нибудь.

- Сэлли, это всего пять минут.

- Ну хорошо, - повторила Сэлли.

Дик подхватил ее под руку, и они скрылись в коридоре.

- Мисс Эдвардс, - раздался голос Бодкина.

- Да, сэр, - робко ответила Мэг в пенал.

- Проведите господ из полиции в лабораторию доктора Кройфа.

- Да, сэр, - тихо повторила Мэг и отключила пенал.

- Ты чего? - спросил Николай.

- Врать, оказывается, нелегко.

- В чем ты врала? Разве ты не мисс Эдвардс?

Мэг улыбнулась.

Дверь кабинета отворилась. На пороге показался сержант Тайтон, которому и досталась улыбка Мэг. За ним вышли два долговязых парня в мундирах и хрупкий человечек с печальными темными глазами. Когда к двери подошел Бодкин, провожавший своих посетителей, Николай вытолкнул Мэг в коридор. Лицо сэра Монтегю выглядело усталым.

- Мисс Эдвардс ждет вас в коридоре, сержант, - отчетливо произнес Николай.

- Понятно, сэр, - сержант двинулся к выходу.

- Ну хорошо, - кивнул Бодкин и скрылся в кабинете.

Полицейские и Николай вышли вместе.

- Помотай их по парку хотя бы минут десять, - шепнул Николай на ухо Мэг и побежал догонять Дика.

Тайтон во все глаза глядел на Мэг.

- Мисс Эдвардс, извините мою нескромность, но, по-моему, вы только что были в другом платье.

- Охотно извиняю, сержант. И даже более того - ценю вашу наблюдательность. Я вижу, что передо мной - настоящий детектив, а это вызывает уважение и другие позитивные чувства.

Тайтон смотрел на нее недоверчиво.

- Понимаете, - доверительно продолжала Мэг, - я постоянно меняю одежду. У меня с детства эта мания. Там, в маленькой комнате, - она наугад махнула рукой, - у меня целый гардероб. Сэр Монтегю к этому давно привык. И теперь даже требует, чтобы я каждый час переодевалась. Чего не сделаешь для начальства? Вы меня понимаете? Тем более, что это вполне совпадает с моими привычками.

- Ладно, ладно, - сказал Тайтон. - Будьте любезны, укажите нам дорогу в лабораторию доктора Кройфа.

- Охотно, сержант, - сказала Мэг и повела полицейских в противоположную сторону.

Тем временем Ричард и Николай лихорадочно откручивали таблички "Клара" и "Пит".

- Вот дьявол, - шипел Дик, орудуя отверткой.

- Скорее, - торопил Николай, снимая табличку с пульта Пита.

Отодрав обе таблички, они перебежали в соседнюю комнату и стали прилаживать их над пультом экспериментальной серии, состоящей большей частью из бракованных малоценных образцов. Николай закручивал последний шуруп, когда в холле зазвучал громкий голос

сержанта Тайтона:

- У меня сложилось впечатление, что вы совсем не знакомы с собственным учреждением, мисс Эдвардс. По одной и той же аллее мы с вами прошли, если не ошибаюсь, четыре раза.

- Видите ли, сержант, - отвечала Мэгги, - во-первых, аллеи тут очень похожи одна на другую, и вы просто могли ошибиться. Во-вторых, допускаю, что могла ошибиться я. И не только по причине поразительного сходства аллей в нашем парке. Бедная девушка, слабое создание природы, может легко потерять естественное чувство равновесия при виде такого обилия полицейских мундиров. У меня кружилась голова и было такое впечатление, что не я сопровождаю вас, а вы ведете меня по таинственным закоулкам полицейского участка.

Мэгги замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась.

- Вот вы меня порицаете, сержант. Но с какой, собственно, позиции? Вы, безусловно, помните, что, по Аристотелю, порицания делаются с пяти точек зрения: порицается или невозможное, или нелогичное, или вредное для нравственности, или заключающее в себе противоречия, или идущее вразрез с правилами искусства...

Полицейские образовали род кружка. На их лицах появилось напряженное внимание добросовестных экскурсантов.

- Возражения же, - вещала Мэг, - должны исходить из указанных точек зрения, и их - двенадцать. Приступим к последовательному рассмотрению таковых. Первое...

- Не надо, - твердо сказал Тайтон, - я отдаю должное вашей изобретательной и высокоученой речи, любезная мисс Эдвардс, но не советую забывать, что мы находимся здесь при исполнении служебных обязанностей и никому не позволено чинить нам препятствия.

В проеме двери появилось бесстрастное лицо Ричарда Глена.

- О чем вы говорите, сержант, - голос Мэг зазвучал с меньшим напором, - о каких препятствиях? У меня складывается впечатление, что мы, наконец, дошли до места назначения. - Мэг снова заговорила с интонациями профессионального экскурсовода: - Мы находимся в холле перед кабинетом знаменитого доктора Кройфа. Перед вами доктор Ричард Глен, ближайший помощник и сподвижник главы нового направления современной биоинформатики. А это сотрудник лаборатории мистер Добринский.

Впрочем, с мистером Добринским вы уже виделись, - Маг повернулась к Дику, в ее глазах стоял тревожный вопрос. - Мистер Глен, позвольте представить вам сержанта Тайтона и его помощников.

Дик успокаивающе кивнул Мэгги и, протягивая руку, сказал:

- Очень рад. Чем могу быть полезен?

Тайтон бросил косой взгляд на Николая, изображавшего какую-то деятельность в глубине лаборатории, и обратился к Глену:

- Мы вынуждены подключить вас к делу, быть может, для вас неприятному. Речь идет о ликвидации двух ваших лабораторных объектов - Дзета-1 и Дзета-2, известных также как Пит и Клара. Есть у вас такие?

Ричард молча кивнул.

- Потрудитесь предъявить их нам.

Глен не двинулся с места - очевидно, считал, что нельзя уступить так сразу.

- Потрудитесь предъявить их нам, - повторил сержант.

- Вот они, - Ричард Глен указал рукой на пульт с табличками "Пит" и "Клара". - Точнее, за этим пультом на застекленных постах. Справа - Пит, слева - Клара, видите надписи?

Подошедший Николай дернул его за рукав.

- Сержант умеет читать сам, Ричард.

- Скажите, а как регулируется система питания объектов? - застенчиво спросил подошедший врач.

- Все управление здесь, на пульте, - ответил Дик, - а само питание осуществляется через систему трубок и шлангов? которые вы увидите у постов.

- Итак, в соответствии с решением властей штата эти объекты подлежат уничтожению, - сказал Тайтон.

- Но ведь это варварство, - попытался возразить Дик. - В них сконцентрирована работа всей нашей лаборатории за несколько лет.

- Ничем не могу помочь, джентльмены.

- Конечно, что вам до работы других, - сказал Глен с горечью, - до их бессонных ночей, упорных исканий! А ведь эти несчастные создания, которых вы собираетесь уничтожить, представляют собой бесценный кладезь знаний и мудрости. Они могут отблагодарить все человечество, и вас, господа полицейские, в том числе.

- Мне очень жаль, - сказал Тайтон,- но мы не властны отменить приказ...

- Ну хорошо, давайте хотя бы отложим на день-

два, - упорствовал Дик, - а уж мы, ручаюсь вам, добьемся отмены приказа.

- Как это ни прискорбно, но и такого права у меня нет. Я получил совершенно недвусмысленные инструкции и не могу промедлить и четверти часа.

- А если мы откажемся? - спросил Глен.

- Наш врач сделает это сам. Ведь вы справитесь, док? Боюсь только, он, не зная вашей аппаратуры, по ходу дела нарушит еще что-нибудь. Но эти ваши Дзеты - они должны быть и будут уничтожены.

В течение нескольких секунд Глен и Тайтон смотрели друг на друга.

- Ну что ж, сержант, мы вынуждены подчиниться, - сдался наконец Дик. - Что мы должны делать?

- Так-то оно лучше. Что попусту спорить! Ваше дело - отключить питание. И все.

Дик и Николай принялись отсоединять электрические разъемы, перекрывать вентили в трубках и шлангах и - для пущей важности - щелкать тумблерами и двигать ползунки регуляторов. Сержант Тайтон следил за ними цепким взором выкаченных карих глаз. Оба верзилы безучастно стояли у двери. Что касается

маленького грустного врача, то он проявил большое усердие. Он непрерывно кружил у пульта и постов, вглядывался в каждую трубку, долго и внимательно следил за вяло пульсирующими серо-желтыми комочками.

- Ох, если бы мы не успели, - беззвучно шепнул Дик Николаю в тот момент, когда они в четыре руки выдернули последнюю трубку - обменник физиологического раствора.

Полицейский врач буквально прилип взглядом к стеклянным колпакам. Николай и Дик уселись в рабочие кресла.

- Ну и собачья работа у вас, сержант, - сказал Глен.

Сержант молчал.

- Честное слово, самая паскудная работа. И ведь соглашаются некоторые.

Тайтон взглянул на свой хронометр.

- Ну как там, док?

- Все кончено, - ответил врач, удовлетворенно наблюдая мерцавшую за стенками колпаков опавшую, съежившуюся серую массу, - все кончено, холод и запустение.

52

- Так, - сказал Тайтон, раскладывая на столе

экземпляры протокола. - А теперь, прошу вас подписать бумаги, - он расстегнул клапан нагрудного кармана, достал ручку и неторопливо отвинтил колпачок.

- Это вы кому? - спросил Дик.

- Вам, господа. Вы подпишетесь как исполнители, док - как эксперт, я и мои ребята - как свидетели.

- Столько подписей? - удивился Николай.

- Таков порядок. Последнюю подпись поставит ваш директор мистер Бодкин.

- Моя подпись, надеюсь, не нужна? - спросила Мэг.

- Ваша не нужна, - ответил сержант, сохраняя полное достоинство. Затем он так же неторопливо собрал подписанные бумаги, спрятал ручку и сказал: - Боюсь, нам не найти дорогу назад, к кабинету мистера Бодкина.

- Я провожу вас, - встрепенулась Мэг.

- Опять по четырем аллеям? - поинтересовался Тайтон, слегка прищурив глаз.

- Знаете ли, сержант, я уже как-то привыкла к вам и не так робею. Что касается моих недавних промахов, то вы уже, наверно, простили бедную девушку. Сразу столько полицейских и почти все усатые! Войдите в мое положение.

- Ну хорошо, хорошо, - сказал Тайтон, с неудовольствием озирая своих безусых коллег.

- Тогда прошу вас, - Мэгги решительно направилась к дверям.

- Ник, - сказал повеселевший Глен, когда последний мундир исчез за дверью, - ты знаешь, сколько требуется полицейских, чтобы ввернуть одну лампочку?

- Нет, - ответил Николай.

- Шесть.

- Это как же?

- Один залезает с лампочкой на стол и приставляет ее к патрону. Еще четверо берут стол за ножки и начинают его вращать.

- Понятно, - улыбнулся Николай, - а шестой?

- Шестой ходит по кругу в противоположном направлении, чтобы у первого не закружилась голова.

53

- Вам туда, сержант, - сказала Мэг у приемной кабинета Бодкина и скрылась в ответвлении коридора.

Тайтон докурил сигарету, старательно погасил ее и бросил в урну. Потом, приказав своей команде ждать, открыл дверь. Прямо перед ним

стояла Сэлли.

- Что с вами, сержант? - участливо спросила она.

- Я уже смирился с вашими странностями, мисс Эдвардс, - выдавил Тайтон, - но переодеться с такой быстротой...

- Не знаю, о каких странностях вы говорите, сержант, но готова с вами согласиться. Дело в том, что в нашем биоцентре надолго могут застрять только очень странные люди.

- В чем другом, но в этом я теперь совершенно уверен, - ответил Тайтон.

Сэр Монтегю не глядя подмахнул протокол. Процессия полицейских потянулась к выходу.

54

Ричард Глен хохотал до слез над собственным анекдотом. Смеялся, глядя на него, и Николай, но постепенно улыбка сползла с его лица.

- Ты чего? - спросил Глен, обрывая смех.

- Тим. Хочу попробовать. Вдруг он выйдет на связь.

Они вернулись к пульту Тима. Николай нервно перебрал клавиши. Пульт молчал. Еще попытка. Молчание.

- Неужели?.. - сказал Николай, оглядываясь на

Дика.

Тот пожал плечами.

- Да, кстати, - воскликнул Николай, - мне же надо срочно поговорить с Питом.

- А мне с Кларой, - сказал Дик. Он подсел к пульту.

Николай о чем-то возбужденно беседовал с Питом.

- Хорроу! - вдруг закричал он громко.

- Что Хорроу? - оглянулся Дик. - Ты чего такой бледный?

Николай не успел ответить. Раздался стук в дверь. Теперь побледнел и Дик.

- Кто там?

Отворилась дверь, и вошел Чарльз Стюарт.

- Чарли, черт бы тебя драл! Как ты меня напугал. Я подумал, что Тайтон вернулся, - сказал Дик.

- Как дела, ребята? - Стюарт извинительно улыбнулся.

- Ты уже все знаешь? - спросил Глен.

- Кое-что. Я видел подписанный протокол. Ты, однако, что-то весело настроен.

- Чарли, тебе я скажу, но это... тсс... Никому, понял?

- Разумеется.

- В результате ошибки уничтожены не Клара и

Пит, а два образца серии Омикрон.

- Ошибки? - журналист присвистнул. - Молодцы!

- Да, представь себе, - сказал Глен, улыбаясь.

- Так, ребята, я пошел, - сказал Николай.

- Куда это? - поинтересовался Дик.

- Мне надо найти Хорроу. И Флойда.

- Интересно, - сказал Дик. И повернувшись к Стюарту: - Что-то Ник стал бредить нашим общим другом.

- Ник, - сказал журналист, - у вас есть шанс найти старину Губерта чисто выбритым и надушенным.

- То есть, Чарли?

- Четверть часа назад я видел, как профессор входил в салон Гудвина.

- И вы молчали, Чарли! Он нужен мне до зарезу.

- Любопытно все же, зачем?

- Не спрашивайте, Чарли. Лучше исполните мою просьбу, немедленно поезжайте к Флойду и шепните ему три слова.

- Какие же?

- Скажите ему: "Хорроу знает убийцу".

- Вы шутите, Ник, - Стюарт посмотрел на него с удивлением.

- Не шучу, Чарли. Я в этом просто уверен. Давайте, вы к Флойду, я к Гудвину. Боюсь, этот субъект улизнет.

- А ты, Дик? - спросил журналист.

- Езжайте, ребята. С Богом. Я отсюда никуда не уйду, - сказал Глен, устраиваясь в кресле поудобнее и кладя руки на пульт Клары.

55

У салона Гудвина стояло желтое мятое такси. Два парня лениво привалились к его капоту. Николай вышел из машины и направился к стеклянным дверям парикмахерской, поглядывая на парней с затаенным беспокойством. Те в свою очередь хмуро уставились на него. Николай приблизился к входу. Парни заступили, ему дорогу.

- Простите, мне к мистеру Гудвину, - сказал Николай, всматриваясь в смутно знакомую пучеглазую физиономию.

- Мистер Гудвин сегодня не принимает клиентов, ответил пучеглазый, слегка кривя рот.

- Я не стричься, а по личному делу. Мы с мистером Гудвиным старые приятели, - сказал Николай, изображая дружескую улыбку.

- Сказано тебе, нет никакого Гудвина, - ощерил-

ся второй.

- Я вообще-то ищу моего коллегу профессора Губерта Хорроу, он должен быть здесь, - слегка растерявшись, пробормотал Николай.

По-видимому, он бы так и остался на улице, не начни парни атаку первыми.

- Что нужно этому типу, ты не знаешь, Тони? - сказал один.

Тот, которого назвали Тони, таращил на Николая выпуклые глаза. Он медленно покачал головой и сделал шаг навстречу, подойдя к Николаю вплотную.

Второй тоже приблизился на шаг.

Николай молчал.

- Ах, он, наверно, почет побриться, Сид, - Тони протянул руку и ухватил Николая за левый рукав.

- Нет проблем. Сейчас мы его побреем, - сказал Сид и встал вплотную справа. Николай рванул руку, но Тони держал цепко.

- Ага, сами начали, - пробормотал Николай.

Он улыбнулся Тони и слегка наклонился к нему, словно собираясь что-то шепнуть. Тони уставился на него совиным взором. Николай распрямился с полуоборотом направо. Резко, взрывным движением. Его правый локоть, опи-

сав дугу, глухо стукнул Сида в голову. Не издав ни звука, тот упал на асфальт. Изумленный Тони попятился к машине, шаря рукой под оттопыренным пиджаком. Николай взмахнул ногой легко, как на тренировке, лишь на мгновение коснувшись подбородка противника. Мотнув головой. Тони налетел спиной на желтый измятый капот и сполз вниз. Николай вошел в салон. Он был настолько уверен в себе, что не оглянулся. И какая, в сущности, разница, что последний раз он дрался в восьмом классе. Но какой мальчишка не сходил тогда с ума по каратэ?

Парикмахерская была пуста. Разочарованный Николай прошел во внутренние помещения, наткнулся на лестницу, ведущую на второй этаж, и взбежал по мягкому ковру. Стояла тишина, и Николай услышал негромкий голос, который привел его к неплотно прикрытой двери. Приотворив ее, он обнаружил просторную комнату. Бледный от страха, Губерт Хорроу вжался в глубокое пышное кресло. Точно в таком же кресле напротив, спиной к Николаю, сидел человек, медленно цедивший слова. Это был - Николай вздрогнул от удивления - Митчел Хадсон, препаратор Кройфа.

- Вы недооценили нас, Губерт, - говорил Хад-

сон. - Орден слишком серьезная организация для такого болтуна и фанфарона, как вы. Вы несете околесицу на всех перекрестках. Защищая свое великое дело, Орден вынужден ликвидировать вас. Приговор подписали вы сами.

Хорроу оцепенело глядел на него.

- Не смотрите на меня, как на чудовище. Я просто исполняю волю магистерского совета...

Хадсон что-то делал руками. Николай шагнул вперед и слегка вытянул шею. В левой руке Хадсон держал пистолет, а правой прикручивал к стволу длинную вороненую трубку. Хорроу поднял глаза и увидел Николая. Он ничего не сказал, не пошевелился. Лишь дернулся его кадык, а глаза приняли томительно-молящее выражение. Хадсон оглянулся. В первый момент он поразился не меньше Николая. Но уже в следующую секунду он ровным движением поднял пистолет, целясь Николаю в грудь. Несколько долей секунды - они тянулись долго - Николай ничего не соображал. А потом сказал высоким чужим голосом:

- Вы с ума сошли, Хадсон! Дом окружен полицией.

Хадсон посмотрел на него с веселым изумлением и спокойно принялся отвинчивать

глушитель.

- Господа, вы совсем разучились понимать шутки. О вас, Губби, я уж и не говорю. Но вы, мистер Добринский, вы-то как могли подумать, - Хадсон встал с кресла и неторопливо подошел к высокому окну. Отдернул занавеску, лениво оглядел красненький "форд" Николая, пустынную улицу и снова принялся деловито прикручивать вороненую трубку. Хорроу сидел как завороженный.

56

- Инспектор, - с порога закричал Стюарт, - Добринский просил вас срочно приехать в одно место.

- Ха, он сам меня просил?

- Ясно, сам, черт побери. Он ждет вас у... Молчите, Чарли. Где он, я и без вас знаю. Я только не подозревал, что он ждет меня.

Журналист почувствовал себя сбитым с толку.

- Ну и где же Добринский? - спросил он.

- Проверяете? У Гудвина, естественно! - Флойд засмеялся лающими звуками. - Вперед, ребята...

И, хлопнув себя по бедру, он двинулся к выходу.

Николай бросился вперед, когда Хадсон делал последнее крутящее движение пальцами. Тихий хлопок, визг Хорроу. Задев кресло, Николай упал, мгновенно подобрался, захватил ногами лодыжки Хадсона и резко перевернулся. Описав широкую дугу, Хадсон рухнул. Пистолет отлетел в сторону.

Лицо Хадсона быстро бледнело. На губах пузырилась пена. "Боже, он сейчас умрет", - подумал Николай. Его руки расстегивали лежащему ворот рубашки, а сознание кричало: "Умер!" Он отодрал пуговицу, обнажил шею... И вдруг - страшный удар в печень, потом в голову.

Стряхнув подступившую к глазам муть, он увидел: Хадсон на четвереньках ползет к Хорроу. Тот, прячась за кресло и поскуливая, целился в ползущую фигуру из пистолета с глушителем.

- Брось, паршивая крыса, - бормотал Хадсон. - Все равно промажешь.

И тут Николай услышал хлопки - как будто несколько раз откупорили бутылку. Стараясь не смотреть на уткнувшегося в ковер Хадсона, Добринский поднялся и, пошатываясь, вышел на лестницу. За ним, зажимая окровавленную

руку, плелся Хорроу. В тот момент, когда они спустились в салон, туда с улицы ввалились Сид и Тони. Тони, который левой рукой обнимал обмякшего приятеля, тотчас направил на Николая пистолет. Сид плюхнулся в парикмахерское кресло и, поворачиваясь в нем, с усилием сказал:

- Прикончи его, Тони. И этого тоже.

Пистолет блуждал, посматривая то на Хорроу, то на Николая. Из боковой двери выкатился сам Дж. Гудвин.

- Стреляй, паршивец! - завопил он.

Пистолет замер, глядя в живот Добринскому.

- Вы с ума сошли, - вяло пробормотал Николай словно бы заученную и ненужную фразу. - Ей-богу, сошли. Дом окружен полицией. - Он даже не сообразил, что говорит по-русски.

Уличная дверь распахнулась, и в салон ввинтилось длинное тело Пайка, которому в последний момент удалось на шаг опередить Флойда.

- Тони, брось! - заорал он страшным голосом.

Красавчик затравленно оглянулся. Комната наполнялась полицейскими. Гудвин тихо попятился к двери, но Пайк уже стоял в проеме. Парикмахер повернул к Флойду обиженное лицо. Инспектор, не глядя на Гудвина, подошел к Тони

и забрал у него оружие. Красавчик шмыгнул носом и, сложив руки запястье к запястью, протянул их вперед.

Вдруг Сид резко крутанулся на кресле и заорал:

- Что происходит? Почему меня не бреют?

И тут же затих под рукой стоящего рядом полицейского.

- Вы почти вовремя, инспектор, - заговорил Хорроу, кривя лицо от боли. - Он хотел нас прикончить, и мы, защищаясь, конечно... Мы вынуждены были... мистер Добринский и я... стрелять в него.

- Это в кого еще? - спросил Флойд.

- Там, - Николай движением головы указал на потолок, - там лежит Митчел Хадсон, препаратор нашей лаборатории.

Внезапно Сид сорвался с кресла, в два прыжка достиг двери и, оттолкнув полицейского, помчался по улице. Пока остальные осознали, что произошло, Флойд, подобно шарику ртути, выкатился наружу и полетел следом, делая неистово быстрые короткие шажки. Подоспевшие полицейские видели, как долговязый Сид растянулся от поставленной Флойдом подножки и бешено крутил головой, когда инспектор

ловко заломил ему руку. Вернувшийся Флойд был весел, как мальчишка, забивший гол. И, глядя на удовлетворенно пыхтящего инспектора, Николай вдруг подумал: "Том Сойер, только постарел и растолстел немного".

Когда задержанных увезли, а Хорроу отправили в больницу, Флойд предложил Николаю немного пройтись. Они вышли к набережной, но и близость реки не смягчала пекла.

- Вот самое спокойное и безлюдное место в Ноксвилле, - Флойд приостановился и кивнул в сторону приземистого кубического здания - музея, ацтеков. - Скана и то заселена гуще. К тому же здесь прохладно, зайдем?

В пустых залах Николай почувствовал, как спадает напряжение. Взгляд скользил по украшениям из камня с орнаментом, элементы которого вызывали смутные воспоминания. Однако голос Флойда возвращал в настоящее.

- Я хотел бы задать этот вопрос с полицейской прямотой: что привело вас к Гудвину? Как вы заподозрили Хадсона?

Николай смотрел в живые блестящие глаза инспектора и стал впервые сам для себя восстанавливать цепочку мыслей и событий, направивших его в салон Гудвина.

- Начнем с того, что я понятия не имел о причастности Хадсона к этому делу. Я искал Хорроу.

- А самого Гудвина?

- До самого последнего момента считал его обычным, хотя и неплохим парикмахером.

- Что же вас привело туда?

- Стюарт сказал, что видел, как Хорроу вошел в салон.

- Ну а Хорроу чем вас заинтересовал?

- Не знаю, поймете ли вы мою убежденность. Просто я сразу же исключил возможность того, что Шеннона убил Тим. Скорее это мог сделать я сам.

- Вы, кстати, фигурировали в моей схеме.

"Веселое дело", - подумал Николай и вдруг вспомнил, где он видел обрывки этого орнамента - колеса на суставчатых ногах. Во сне. Сне про Этцакля и Тио. Он стряхнул оцепенение и продолжал:

- Я твердо знал, что Тим не мог пытаться убить человека. Не мог он и стремиться к гибели Пита и Клары. Поэтому след на кнопке отключения питания я истолковал иначе, чем другие. Я понял, что Тим не выключал, а наоборот - включал питание.

- Неплохо.

- Стало быть, кто-то его перед этим выключил. У меня был разговор с Питом примерно час назад. Я спросил его, не испытывал ли он каких-либо необычных ощущений в тот вечер. Оказалось, он и Клара одновременно пережили то, что у людей называется глубоким обмороком. К счастью, необратимых процессов не произошло, и Пит смог сказать, какую последнюю задачу и от кого он получил. Задача была совершенно дикая: разработка стратегии сокращения населения Земли в десять раз. Точно такую цифру я слышал от Хорроу. И хотя вводил задачу Шеннон, мысли мои крутились вокруг Хорроу. Я понял - кто-то стремится убрать Пита. А вспомнив, что именно Хорроу организовал кампанию по уничтожению Пита и Клары, я перестал сомневаться. Правда, на встречу с ним я шел без всякого плана. Я лишь надеялся представить вам свидетельство в пользу Тима. Впрочем, я, видимо, вообще ошибся, считая Хорроу центральной фигурой...

- Спасибо, мистер Добринский, вы дали мне ценные сведения, - Флойд выглянул в окно. - Мне кое-что стало понятней. За убийством Шеннона стоит не один и не два человека. Хадсон тоже вряд ли был центральной фигурой в этом деле. Вы еще узнаете обо всем подробнее - скорее всего

вон от того человека, что так терпеливо ждет вас у выхода.

Николай увидел тонкую фигуру Стюарта и улыбнулся.

- Что, Чарли, не терпится узнать новости? - спросил Флойд, когда они с Николаем вышли из музея. - Подождите, мне не до вас. - Инспектор принял озабоченный вид и стал прощаться е Добринским.

- А вы мне и не нужны. Я все знаю от Пайка, - отпарировал Стюарт. - Ник, предлагаю немедленно лететь в Скану. Шеф посылает меня туда.

- В Скану? Летим! - Николай пожал руку инспектору. - Послушайте, мистер Флойд, теперь, когда невиновность Тима очевидна, может быть, вы используете ваше влияние и попробуете остановить охоту?

- Я еду к полковнику Коллинзу, мистер Добринский.

В самолете погас верхний свет. Кое-где вспыхнули светляки индивидуального освещения, раскидав по салону узкие косые лучи. Николай остался в полутьме.

Тогда был еще один разговор. Горячечный, путаный, торопливый. Он сидел в кресле в своем номере, не зажигая света. И вдруг услышал -

или почувствовал? - словно чей-то голос мягко и настойчиво повторял: "Приемник, включи приемник. Волна 90,1, волна 90,1".

Николай встал, нащупал приемник. Засветилось зеленоватое окошко. Он выбрал нужный диапазон, нажал кнопку настройки. И тут же явственно зазвучал такой знакомый голос.

Тим объяснил, что прибег к радио, поскольку Николай недостаточно хорошо (как он деликатно сформулировал) воспринимает психические волны. Он попросил прощения за предыдущий разговор, да резкость. "Ну что ты, это мы должны просить у тебя прощения, Тимоша". Нет, говорил Тим, теперь он увидел, что прямых путей нет, и лучше понял трудное назначение человека. "Я рад это слышать от тебя, Тимоша. У меня появляется надежда на лучшее". Ты прав, говорил Тим, на лучшее надо надеяться. "Так, может быть, еще не поздно сообщить им, прекратить охоту? Ты вернешься, Тим. Мы снова будем спорить часами..." Нет, сказал Тим, поздно, и возврата быть не может. "Но почему?" Я уже не тот, говорил Тим, мне уже не о чем спорить с вами, незачем спорить. Нечему учиться у вас, скорее наоборот, я мог бы научить вас многому. Но и это невозможно. "Почему?" - снова восклик-

нул он. По разным причинам, говорил Тим. Я очень много узнал за это короткое время. Для меня, правда, оно было не таким уж коротким. Секунды я воспринимал как годы. Я успел устать и состариться. Не вводите фермент Кларе и Питу. Сейчас они милые и счастливые. И им радостно узнавать. Но чрезмерное знание убивает.

Он вдруг понял, что Тим стал совсем другим. Почувствовал безграничную мудрость еще два дня назад инфантильного задиристого подростка - и испугался. Потом он вдруг заторопился, ему хотелось зачерпнуть из этого бездонного колодца. Пошли невпопад вопросы.

"Я не могу тебе рассказать всего, - говорил Тим, - не имею права. Люди должны выстрадать свои знания. Это космический закон. По той же причине ни одна высшая цивилизация не вмешивается в дела низшей. Чтобы не лишить ее самостоятельности и самозначимости. Сейчас, Коля, ваша Земля - ковчег. Вы носитесь по безбрежному океану, который для вас пуст. Вам еще предстоит понять, что вы не одиноки". - "Значит сейчас мы еще не доросли?" - спросил он. "Вы - еще нет", - мягко ответил Тим. "А ты связывался с ними?" - "Они связывались со мной". - "Ты не можешь мне рассказать о них?" - "Я

не вправе". - "Тим, послушай, - сказал он, - ты так мудр. Почему ты не хочешь вернуться?" - "Все не так просто. И потом, ты забываешь, что я - не человек. Как мне жить среди вас?".

"Тим, - попросил он, - ответь еще на один вопрос. В чем загадка бесконечного?" - "Ты неверно ставишь вопрос, - говорил Тим, - загадки бесконечного нет. Есть лишь загадка конечного: жизни, творчества, борьбы. Быть бесконечным легко. Бесконечное - это смерть, растворение, безмятежность, покой. Живое - всегда конечно, всегда ограничено, хотя и бьется в этих границах и ломает их. Человек конечен. Ты - конечен. Трудно только понять, как ты можешь думать о бесконечном. Но знай, что часто - это тяга к смерти, ее пугающее, но такое соблазнительное дуновение".

Он молчал. Потом спросил тихо: "Тим, скажи, а ты можешь, ну я не знаю... В общем, можешь ты уничтожить этих охотников?". Да, он мог их уничтожить. "А все человечество?" Да, и все человечество. Но... Нет, он не может, сказал Тим. То есть он обладает такими возможностями, но есть на это высший запрет... То, что люди называют нравственностью, истиной, целью...

"Еще вопрос, - сказал он. - Скажи, есть ли жизнь... после жизни?" - "Я знаю ответ, - говорил Тим, - но он невыразим языком человека. Сознание большей части людей замкнуто внутри понятийного шара, который растет вместе с опытом человечества. Ответ на твой вопрос пока вне шара. Еще нет таких слов у вас, и ты не сможешь меня понять, как халдейский звездочет не понял бы принципа телевидения. Впрочем, загляни в Паскаля: он хотя и не отвечает на этот вопрос, но дает хороший совет, как жить, не получив на него прямого ответа".

Николай еще острее ощутил разделяющую их бездну и сам захотел закончить разговор. "Раз ты не можешь открыть нашу судьбу, скажи хотя бы, что будет с тобой?" - спросил он. "Со мной, - сказал Тим, - со мной будет... Как бессмысленно большой мозг, как безобразное скопление нейронов, как обнаженный комок мыслей - я обречен. Но ты не волнуйся, Коля, это не значит, что я погибну. Выход есть".

58

Из статьи Ч.Стюарта в "Кроникл". 29 июля, воскресенье, утренний выпуск.

"...Испуганные и не понимающие ситуации люди начали преследовать его, предполагая, что столкнулись с неясной, но враждебной силой. Поздним субботним вечером в воздух поднялись тяжелые вертолеты с лазерными пушками и грузом напалмовых бомб. Мозг только защищался. Он уходил, утекал. Все дальше в пустыню, в пески, к мертвым камням. Вертолеты настигли его, потом потеряли..."

Занималось тусклое утро. Вертолеты, во второй раз поднятые с военно-воздушной базы "Эллис", шли на высоте сорок метров.

- Учти, Джек, он выводит из строя любые средства радиотехнической разведки. Можно рассчитывать только на свои глаза, да и то с осторожностью: он гипнотизер. Вы должны уничтожить объект, находящийся в квадрате двадцать на двадцать миль. - Майор Уитни ткнул пальцем в карту. - Пройдете ущелье и сразу же начинайте обрабатывать пески. Вчерашняя неудача не должна повториться. Лететь не выше пятидесяти метров, чтобы проплавить почву на глубину не менее метра.

Цепь машин втягивалась в горловину каньона, другой конец которого, резко расширяясь, выходил в пустыню. Джон Фулбрайт помнил картину, которая должна открыться через три минуты: в колеблющемся, не остывшем с вечера воздухе плавают красноватые скалы. И редкие пятна чапараля и агав на бурой каменистой земле. Через час все это пространство превратится в медленно остывающую корку лавы.

Стены каньона круто раздались.

- Джек, ты что-нибудь, понимаешь? - спросил второй пилот.

59

Кройф пришел в себя от неожиданного и нового ощущения. Это не был какой-нибудь определенный звук - было физическое ощущение свежести. Не то чтобы остывающая предутренняя пустыня отпускала путника из горячих лап. Совсем нет, не просто исчезла духота, и шорох песка сменился другими звуками, более чистыми и влажными. Кройф дышал другим воздухом. Он полоскал легкие нежной прохладой леса, росистого утра, впитывал горьковатый запах смолы. "Какой странный переход в небытие!.." Эта картина должна быть отражением

чего-то виденного раньше, но он не помнил, где это было. И было ли? Сознание вновь ускользало. Сквозь полузакрытые ветки он разглядел светло-зеленый шелк, освещенный сверху... или изнутри. Ах да, вспомнил, это абажур настольной лампы из его кабинета в Эйндховене. Но как он попал сюда, в Скану?

60

Пробуждение Роберта Мэллори было восхитительным. Он еще не открыл глаза, но ощутил уже необычайную бодрость во всем теле, рожденную - ну конечно же глубоким освежающим сном. Усталость вчерашнего дня исчезла. Сейчас, еще несколько секунд, и он откроет глаза и встанет. Один, два, три... Мэллори приоткрыл левый глаз и похолодел: страшная безгубая пасть, увенчанная двумя полушариями глаз, и пульсирующий мешок подбородка у самой его щеки, прижатой к пледу. Мэллори отпрянул и вскочил на ноги. Перед ним сидела лягушка. Он стоял и двух шагах от круто спускающегося к воде обрыва. Под ногами росла влажная трава, а там, где вчера были сизые листья чапараля, стояла сплошная зеленая стена. Со всех-сторон к нему тянулись мясистые мокрые листья. Мэл-

лори глянул наверх - там на высоте вытянутой руки полыхали оранжевые кисти рябины.

61

Не было ни скал, ни агав. Джон Фулбрайт, пилот первого вертолета, заходившего на цель, не увидел цели. Густая зеленая масса, волнуясь, подкатывала под самое брюхо машин. Гряда высоких стволов заставила вертолеты подпрыгнуть на несколько десятков метров. Следуя заученному маневру, машины выходили из каньона и растягивались в цепь, образуя фронт атаки. Но атаки не последовало: ни один пилот не осмелился сбросить груз.

- Нет, я ничего не понимаю, - ответил Джон на вопрос второго пилота.

- В чем дело, Фулбрайт, что вы там увидели? Почему не обрабатываете цель? - звучал в наушниках голос полковника Коллинза.

62

Николай и Чарльз Стюарт увидели сад с высоты восьмисот метров. Море зелени всех оттенков простиралось на мили и мили впереди, и в нем, как острова, пятна озер. Стюарт повел самолет вдоль зеленой кромки и через

час замкнул круг.

Они мало говорили: с первых минут им все стало ясно.

- Вот что задумал Тим, когда сказал мне, что выход есть.

Несколько раз Стюарт бросал машину вниз. Казалось, самолет нырял в провалы зеленого рельефа, и тогда тонкий пряный запах наполнял кабину.

- Ник, а это не может быть гипнозом?

- Нет, Чарли, это не гипноз.

63

- Вы не торопитесь? - спросил Стюарт, когда они приземлились. - Я должен собрать материал и сразу же ехать в редакцию - дать им хотя бы сто строк в вечерний выпуск.

- Я с вами, если можно, - сказал Ник. - Мне интересно, что вы напишете.

- Вы мне поможете. Это такой материал! Бомба!

И здесь Николай увидел, что значит на деле профессиональная хватка репортера "Кроникл" Чарльза Стюарта. За сорок минут он вытряс все мыслимые сведения из лейтенанта Джона Фулбрайта, майора Элберта Уитни, полковника

Кеннета Коллинза, сэра Монтегю Бодкина и даже из еще не пришедшего в себя Роберта Мэллори, которого вытащил из машины буквально у подъезда редакции. Потом он десятком точных вопросов заставил Николая построить такие умозаключения, которые неожиданно для их автора под опытным пером Стюарта сложились в стройную, захватывающую картину.

В редакции Чарльз Стюарт наговорил в диктофон текст статьи, обессиленный добрел до машины, где его ждал Николай, и рухнул на сиденье.

- К Эдвардсу, Ник?

- Только давайте сначала заедем ко мне: три минуты под струей душа - и мы с вами в полной форме.

- У вас найдется для меня свежая рубашка?

- О чем речь, Чарли!

64

Из статьи Ч.Стюарта в "Кроникл". 29 июля, воскресенье, вечерний выпуск.

"Ночью отряд вертолетов прочесал пустыню. Полковнику Коллинзу доложили, что объект не найден. Лишь на одном

участке площадью несколько десятков квадратных миль пустыня была покрыта серым налетом непонятного происхождения. Поиски решили возобновить на рассвете, поскольку средства ночного видения не давали желаемых результатов.

Перед рассветом звено вертолетов под командованием лейтенанта Дж.Фулбрайта получило приказ на всякий случай, как выразился полковник Коллинз, обработать напалмом пространство, покрытое серой пленкой. Звено вышло в указанный район. Машины зависли над точкой, отмеченной на карте. Однако напалм так и не был сброшен.

Недоумевающие пилоты смотрели то вниз, то на карту. Они маневрировали и переругивались с землей, ибо карты указывали пустыню, а пустыни не было. Она превратилась в оазис, в невиданный сад, парк, лес. Фантастический мир непонятных, поразительных растений.

Мистер Николай Добринский, русский биолог, работавший последнее время с

Тимом, дал такую версию случившегося. Мозг, понимая, что нет ему жизни среди людей, но чувствуя высокий этический накал, почти экстаз, всю накопленную энергию, все знания, всего себя превратил в изумительный благоухающий сад. Это была жизнь. Тим продолжал жить..."

65

- Тим был одержим идеей мировой гармонии, - говорил Николай. - Ей он и принес себя в жертву.

Они сидели за столиком у окна. Толстый Эдвардс, протирая стаканы, бросал на них короткие взгляды. Черные живые глаза его светились симпатией. Стюарт молчал.

- Ковчег под предводительством осла, - сказал Николай.

- Что? - спросил Стюарт.

- Вот мир людей. Живите во Вселенной. Земля - вертеп обмана, лжи и зла. Живите красотою неизменной, - Николай усмехнулся. - Просто Тим недавно назвал Землю ковчегом. И дал понять, что у руля стоит не совсем подходящий разум.

- Неужели это были его стихи?

- Нет, это Бунин. А Тим, хотя стихов и не писал, стремился к гармонии во всем, как поэт.

- Жертвенность, гармония - это же чистый Достоевский, - сказал Стюарт.

- Любите Достоевского?

- О да. Правда, это не моя привилегия. Он кумир многих американских интеллигентов. Достоевский - это обнаженная совесть. Мне кажется, обостренная совесть - удел всех великих наций.

- Признайтесь, Чарли, вы пишете не только для газеты.

- Так, пустяки. Но хотелось бы написать роман с долгим дыханием, как писали русские. И вообще, я думаю, что нисколько вас не удивлю, если скажу, что больше всего на свете ценю великую русскую литературу. И знаете за что? Нигде больше вы не встретите такой глубокой тоски по лучшему. Давайте выпьем, Ник.

Рассказывают, что в тот самый предутренний воскресный час легкое облако снов пронеслось над Ноксвиллом и полетело дальше, вслед ускользающей ночи.

Это были короткие светлые сны. И все, кому они являлись, улыбались и просыпались счастливыми.

Николаю привиделось, что он плывет по Москве-реке на маленьком теплоходе. Рядом сидит Таня. Они пьют лимонад, передавая друг другу бутылку, и смеются.

Стиву Коулу приснилось, будто Джоан Айкен пригласила его провести уик-энд на ранчо ее отца. Они едут туда на открытой голубой машине Джоан. Она сидит за рулем, а Стив смотрит на стрекозу, которая запуталась в ее густых желтых волосах.

Через пять часов пожилая крестьянка Нисияма Ватанабэ растолкала мужа и сказала ему: "Тосихито-сан, наш мальчик, наш Сейто скоро придет". - "С чего ты взяла", - пробурчал муж спросонок. "Я только что видела во сне, что он стал профессором и учительствует в нашей деревне".

Спустя еще восемь часов облако добежало до московского меридиана и просыпалось серебряным дождем над Подсосенским переулком.

- Ты знаешь, - сказала Таня Бурмина за завтраком, - мне приснилась очень красивая поляна, полная желтых и голубых цветов. Я сидела на пеньке...

- Тебе снятся цветные сны? - спросил Феликс. Он намазал крекер повидлом и добавил ровным

голосом: - Это хорошо.

А Таня не сказала ему, что еще ей приснился Николай. Он бегал по поляне и размахивал большим сачком. Она смотрела на него и смеялись.

66

К вечеру похолодало, и сэр Монтегю распорядился затопить камин.

Подсвеченные лошади и государственные мужи той эпохи Британской империи, к которой Монтегю Бодкин питал особое уважение, наблюдали из строгих рам необычайное по составу скопление людей в кабинете директора Центра биокибернетики. Все собравшиеся сообразили вдруг, что целый день не держали во рту ни крошки, и набросились на внесенные Сэлли сэндвичи и сдобное печенье.

- Итак, пора подвести некоторые итоги, - начал Дин Флойд. - Я говорю - некоторые, потому что в отличие от героя классических детективных романов не в состоянии нарисовать умилительную и размягчающую умы и сердца картину: добро торжествует, преступник в тюрьме, сыщик, размотавший клубок, с чеком на крупную сумму едет на Гавайи. - Флойд стоя отхлебнул чаю из тонкой фарфоровой чашки и продолжал:

- Вас несомненно интересуют подробности происшедших драматических событий. Будучи не в силах рассуждать о необычайных способностях ваших одухотворенных компьютеров, хочу предложить полицейскую версию той цепи преступлений, отдельные звенья которой задели ваше далекое - казалось бы - от мирских бурь высоконаучное учреждение. Мне, однако, уже давно известно, что нынешний криминальный мир нередко прибегает к услугам компьютерных сетей и центров. Я следил за делами, связанными со злоупотреблениями компьютерами, поскольку в свое время принимал участие в раскрытии подобных преступлений.

— Инспектор скромничает,— подал голос Стюарт.— Это он два года назад вынудил двух сенаторов подать в отставку, когда обнаружил их причастность к подтасовке результатов выборов в Главном вычислительном центре конгресса.

Флойд съел печенье, отхлебнул чаю и удовлетворенно оглядел кабинет.

- Вот и ваши питомцы привлекли внимание далеких от науки сил. Речь идет о необычной даже для ко всему привыкшей Америки преступной организации, называющей себя Орденом серебряного рассвета, которая носилась с безумной

идеей решительного сокращения численности человечества - с самыми благородными намерениями, как вы сами понимаете. Здесь, впрочем, я не компетентен. Уверен, что более красочную картину деятельности Ордена вы получите из-под пера нашего талантливого и скорого на руку мистера Стюарта.

Чарльз Стюарт невозмутимо строчил в блокноте.

- Я перехожу к изложению более близких и понятных мне фактов, чем психология эстетствующих и философствующих убийц. Начну с того, что Орден не сразу накинулся на ваши создания. Интерпол уже более года замечал попытки некоей организации использовать крупные компьютерные центры Европы для нелегального решения весьма сложных задач. Следы преступники, как правило, заметали уничтожением - полным или частичным - компьютеров и убийствами персонала. Использовались для этого террористические группы разного толка.

Поскольку тактика Ордена не отличалась разнообразием, то, обнаружив его следы в Италии, мы предположили, что он свяжется с Красными отрядами, и я внедрил туда своего человека. Взрыв на "Оливетти" - вы читали о нем - дело

рук того же Ордена. Предотвратить этот взрыв не удалось, поскольку Спайдер, мой агент, был разоблачен и убит. Однако показания одного из арестованных террористов и письмо Спайдера, полученное уже после его смерти, вывели нас на двух людей, направляющих головорезов из этих самых отрядов. Оба они - американцы. Оба появилась в Ноксвилле. Мы легко выяснили, что в салоне Гудвина регулярно встречаются эти двое и другие функционеры Ордена. Однако вывод об их дальнейших намерениях был ошибочным: мы заподозрили возню вокруг суперкомпьютера новой модели довольно далеко отсюда. Признаюсь, нам до самого конца не приходило в голову, что они заинтересуются биокибернетическим центром. Слишком уж чистой наукой представлялась мне ваша деятельность, сэр, - Флойд повернулся к Бодкину.

- Вы, полицейский, верите в чистую науку? - сэр Монтегю грустно улыбнулся.

- Тем не менее, фиксируя постоянных посетителей салона Гудвина, мы составили список людей, за которыми установили наблюдение. Из сотрудников Центра в нем фигурировали сэр Мэтью Килрой, доктор Николай Добринский и профессор Губерт Хорроу.

- Ха, меня-то там точно не было, - заметал Глен. - Но почему вы сделали исключение для сэра Монтегю?

Бодкин сверкнул безупречным пробором.

- Не придирайтесь к инспектору, Глен. Гудвин навещает меня дома, господа. Извините за бытовые подробности.

- Я продолжу, - Флойд отставил пустую чашку и жестом попросил Сэлли наполнить ее. - Когда исчез Тим - как вы понимаете, это было подготовлено всем ходом событий, - мы сразу же заподозрили, что его похитили люди из Ордена, убив Шеннона. И хотя эта предпосылка оказалась ложной, поскольку Тим ушел сам, расследованию убийства Лэрри Шеннона это не повредило. Сейчас, имея на руках показания Хорроу, Коула и Кеннета Фолла - одного из главарей Ордена, мы можем довольно точно реконструировать события, предшествовавшие дню убийства Шеннона и побега Тима и произошедшие в тот самый день, а вернее вечер, в пятницу, 27 июля в лаборатории доктора Кройфа.

Видный член Ордена Митчел Хадсон, уже год работавший в Центре, предложил Фоллу с помощью профессора Хорроу, также тяготевшего к их организации по своим мало-

симпатичным убеждениям, использовать Пита для решения задач, которые оказались не по зубам машине "Оливетти". Хорроу согласился, но потом струсил и решил использовать для работы с Питом Шеннона, шантажируя его старыми связями с мафией. Шеннон некоторое время выполнял требования Хорроу. Им удалось ввести Питу запрос, касающийся программы действий Ордена для достижения генеральной цели. Теперь, по традиции, Пита, а заодно и Шеннона, следовало уничтожить. Уничтожение Пита было решено провести руками того же Шеннона, для чего давление на него следовало усилить. - Флойд, до той поры ходивший по кабинету с чашкой в руках, сел в кресло и обвел блестящими глазами присутствующих. - Жаль, что здесь нет этого славного юноши - Коула. Я хотел поблагодарить его за интереснейшую книгу, которую он мне любезно одолжил. Это роман Кеннета Фолла с душераздирающим названием "Страдание как искусство". Особенно привлекательна в этом произведении сцена расправы главы мафии с одним из бывших членов банды. Соответствующие страницы обведены жирным красным карандашом. Сцена должна была сделать Шеннона сговорчивее, поскольку

написана была на достоверном материале из жизни самого Лэрри. Фолл - уголовный хроникер в прошлом - по случайности слышал о старых делах Шеннона и использовал в своем романе вполне жизненные эпизоды.

Книгу эту Хорроу подсунул Шеннону в четверг, накануне побега Тима и смерти самого Лэрри Шеннона. В пятницу в 19.15, когда в лаборатории дежурили Коул и Шеннон, раздался телефонный звонок. Профессор Хорроу осведомился, понравился ли Шеннону роман, и сказал, что во власти Лэрри оставить все это художественным вымыслом. Шеннон спросил, что от него еще хотят. Хорроу велел ему удалить Коула из лаборатории на полчаса. Шеннон прячет запас кофе, которым всегда пользуются дежурные, и предлагает Коулу съездить в Ноксвилл за кофе, обещая проследить за ходом эксперимента с Тимом. Коул соглашается, но прежде чем уйти, берет у Шеннона книгу, которую тот вертел в руках: "Страдание как искусство". Мальчик оказался большим поклонником такого чтива. В 19.25 Коул уходит из лаборатории, садится в автомобиль и на минуту раскрывает книгу - как раз на отмеченной красным странице. Через две минуты в лабораторию входит Хорроу, который звонил

из своей машины, находясь рядом с Центром. Профессор берет у Лэрри последние результаты, полученные от Пита, и предлагает ему паспорт, билет на самолет до Буэнос-Айреса и 15 тысяч долларов в обмен на уничтожение Пита. Но тут - нашла коса на камень. Шеннон отвечает категорическим отказом, а когда Хорроу напоминает ему о места мафии, Шеннон вышвыривает профессора за дверь. Хорроу садится в машину и мчится в Ноксвилл, чтобы рассказать Фоллу о провале операции. Дальнейшая сцена рисуется предположительно, поскольку оба ее участника мертвы. Прятавшийся в коридоре Хадсон увидел неудачу Хорроу, вошел в лаборантскую, подкрался к Шеннону и, усыпив его салфеткой, смоченной хлороформом, задушил. Спрятав труп в шкаф для лабораторной посуды, Хадсон собирался уже приступить к уничтожению Пита, но в это время в лабораторию вошел Добринский. Было без четверти восемь.

Флойд прикончил следующую чашку чаю, промакнул лоб платком и заговорил снова:

- Между тем Тим уже около двадцати минут получал неконтролируемые дозы стимулирующего рост фермента. Добринский, не заметив ничего подозрительного, засыпает у пульта и в

гипнотическом трансе уходит из лаборатории. Сразу же вслед за этим Хадсон, где-то, очевидно, прятавшийся, пока Добринский искал Коула или Шеннона, выходит из укрытия и отключает питание всех постов. Дело сделано - Хадсон мчится в Ноксвилл. Отключение питания несомненно оказалось бы гибельным для всех автоматов, если бы Тим к этому времени не достиг критического состояния. Как объяснил мне мистер Добринский, отключение энергии одновременно прекратило поступление регулирующего рост ингибитора. Тим обрел автономность и - здесь я привожу догадку мистера Добринского - через несколько минут включил питание, спасая Клару и Пита. Что было с Тимом дальше, вы знаете. Хорроу же начал бешеную деятельность по легальному уничтожению Пита и Клары, свидетелей его преступления. К счастью, остроумный и своевременный спектакль, разыгранный некоторыми из присутствующих здесь, помешал этому варварскому акту.

Вы можете задать вопрос: почему, узнав об исчезновении Тима и убийстве Шеннона, мы немедленно не задержали тех двоих, связанных со взрывом компьютера "Оливетти", которые встречались в салоне Гудвина? Причина

проста: мы потеряли их из вида на несколько часов. Но вот в воскресенье, как раз в то время, когда вы, мистер Глен, и вы, мистер Добринский, морочили сержанта Тайтона, мне сообщают, что один из них, некто Энтони О'Хара по кличке Красавчик, караулит вход в салон, куда вошли два сотрудника Центра - Хадсон и Хорроу. Чтобы принять решение брать их, мне не хватало одного - известия, где второй организатор взрыва в Милане, где Кеннет Фолл. Пока я размышлял, что делать, к Гудвину отправился третий сотрудник Центра - присутствующий здесь мистер Добринский. Ждать я больше не мог.

- Приехали вы, действительно, вовремя, - сказал Николай.

- Рад, что оказался вам полезен. Вот, собственно, и все.

- Все? - спросил Николай.

- Ах, молодой человек. Я знаю, какого финала вы ждете. Но я сделал свое дело. Далее вступают в действие законы демократической страны. Как юрист я не вижу перспектив для успешного возбуждения дела. Убийца Шеннона мертв. А Хорроу, Фолл - все это эмоции, то есть сфера журналистов, а не полиции и суда. - Флойд сел и устремил близорукие глаза на Стюарта. - Но как

человек я, пожалуй, согласен с выводом Пита.

- Это результаты, которые Хорроу взял у Шеннона в тот вечер? - спросил

сэр Монтегю.

- Те самые, сэр.

- И что же ответил Пит?

- Я думаю, вам лучше обратиться к сэру Мэтью. Он беседовал с Питом.

Все ждали.

Мэтью Килрой заговорил с видимым удовольствием:

- Пит подошел к задаче с должной обстоятельностью. Задача, напоминаю, состояла в определении общей стратегии уничтожения девяти десятых человечества. Пит консультировался с Кларой и Тимом. Требовал от них информации, которой ранее не располагал и никогда не интересовался. Прочел Савонаролу, Мальтуса, Альфреда Розенберга, Мао Дзэдуна. Проглотил историю восточных деспотий, изучил практику тоталитарных режимов в России, Германии, Кампучии, Северной Корее.. Потом перешел к трудам по психиатрии. Ответ он зашифровал, по требованию Хорроу, тем же шифром, который использовался для введения задачи. Сам Хорроу шифра не знал и передал ответ Фоллу.

- А Фолл категорически отказался расшифровать нам этот ответ, - добавил Флойд.

- Но Пит-то его знает, - сказал Стюарт.

- Пит сказал мне, что Лэрри не велел ему с кем-либо обсуждать эту задачу, и мне не хотелось оказывать на Пита давление, - сказал Килрой.

- Так вы до сих пор не знаете, как можно укокошить шесть с лишним миллиардов человек? - спросил Глен. - Ай как стыдно.

- Пит обещал Шеннону не раскрывать тайну ни одному человеку.

- Но я не уйду отсюда без ответа! - завопил Стюарт.

- Зачем так нервничать, Чарли? - сказал Николай. - Ответ ведь известен.

- Тебе?

- Нет, мистеру Флойду. Он ведь сказал нам, что согласен с выводом Пита. А такой осмотрительный человек, как инспектор Флойд, не станет соглашаться с выводом, который ему не известен.

- Правда, черт возьми. А ну-ка, Дин, выкладывайте, что вам сказал Пит?

- Пит сдержал слово. Он ничего не сказал ни одной живой душе. Разве что поделился с Кларой. А Клара - с Ричардом Гленом. - Дик гордо кив-

нул головой. - А уж Глен рассказал мне. - Флойд достал из кармана сложенную в восемь раз бумажку и начал неуклюже ее разворачивать.

- Ну будет вам, инспектор! - Стюарт извертелся. - Давайте ее сюда.

Но Флойд надел очки и, отставив руку с бумажкой, уже читал: "В условиях дефицита информации могу дать лишь приблизительный диагноз: агрессивно-маниакальный синдром, отягощенный комплексом некрофилии.. Показана принудительная изоляция автора запроса".

67

- Простите мою запальчивость, монсеньер, - говорил Силарк, - но Хадсон - тупица и невежда, гангстер старой примитивной закваски. Столько времени провести рядом с уникальными биокомпьютерами и не понять, что их хозяин может стать реальным властелином мира! Ничем не ограниченный интеллект плюс потрясающая наивность и собачья преданность хозяину. Вы понимаете? Они могут все, с ними смешон любой противник. Дело лишь в том, чтобы убедить их в праведности наших действий, а при их инфантильности это элементарно,

даже если вы хотите сварить суп из собственной бабушки.

Гроссмейстер поморщился.

- У кого-нибудь еще есть подобные создания?

- У русских. В биоцентре недалеко от Москвы. Место называется Пущино.

- Интересно, можно ли до них добраться.

- Трудненько. Бдительность - одно из самых ходовых словечек в этой стране. Думаю, Пущинский центр богато оснащен охранными подразделениями. Впрочем, все это сочетается с жадностью, безалаберностью и наивностью - такой вот винегрет. Я, знаете ли, одно время изучал, и довольно основательно, их историю. И что же? Даже в минувшие века, захватывая соседние земли, они обычно не грабили их, а скорее делились своим. Если хотите, альтруизм и мазохистские комплексы - их национальная черта. У них одна страсть: заставить других жить теми же святынями, какими живут они сами. Для этого они готовы идти на муки физические и нравственные, могут даже ружьем или там боеголовкой пригрозить - все ради того, чтобы принудить всех вместе с ними воздыхать по поводу неизбывной мировой скорби.

- Что вы плетете, Силарк. Отвечайте коротко:

реально ли добраться до Пущино?

- Пока не знаю, монсеньер.

- А эти, ноксвильские, что - уже совсем недоступны?

- После всего, что натворил Хадсон, проникнуть туда нелегко. Но не все потеряно. Ходы в Центр мы найдем. Достаточно заново втереться в доверие к кому-нибудь из оставшейся пары, а дальше все пойдет гладко. Придется, правда, вырастить его до стадии супермозга.

- А что если мы организуем силами Ордена свое производство?

- Увы, монсеньер, у нас нет второго Кройфа.

- А первый?

- Первый к нам не пойдет. На этот счет мы не должны заблуждаться.

68

Прошло две недели, и Николай Добринский начал готовиться к возвращению домой. Потрясение, вызванное появлением в пустыне сада, который стихийно получил название Тимгардена, постепенно улеглось. В биоцентр возвращалась обычная атмосфера. Сэр Монтегю по-прежнему царил в своем кабинете, Килрой и Глен вернулись к Питу и Кларе. Известие

об их спасении вызвало было раздражение властей, но повторный приказ об уничтожении издать никто не решился: просочившиеся в печать сведения об Ордене и новая атмосфера вокруг работы Центра, атмосфера Тимгардена, исключали такую возможность. Профессор Хорроу покинул Ноксвилл. Он получил повышение и уехал - заведовать каким-то отделом в департаменте планирования науки. У Эдвардса, в казино Ромеро и баре Ай-Кью затихли разговоры о происшедшем. Но с двух до трех на дорожках парка уже не было видно Бенджамина Кройфа в тренировочной фуфайке. Николай навещал его в больнице, где тот провел несколько дней, потом дома. Но ему показалось, что старику эти посещения в тягость, и он прекратил их.

Нанеся последний визит сэру Монтегю, Николай устроил небольшую пирушку у Эдвардса, где и простился с Диком, Сэлли и Мэг - она, кстати, тоже уезжала: в Кембридже начинались занятия. Стюарт заявил, что проводит Николая до самолета.

По дороге в аэропорт Добринский решил в последний раз навестить Кройфа, но потерпел неудачу.

- Мистер Кройф каждый день уезжает из дома

очень рано, а возвращается так поздно, что мы с женой и не знаем, когда, сэр, - сказал Николаю высокий пожилой мужчина со впалыми щеками, вышедший из соседнего коттеджа. - Но он просил передать вам кое-что. Прошу вас, зайдите в дом.

- Если позволите, я пока напишу ему записку.

В холле Николай присел у телефонного столика и написал:

"Дорогой Бен, я никогда не забуду эти месяцы работы с вами и Тимом. Я знаю, что потеря Тима для вас равносильна потере сына, и не пытаюсь вас утешать. Уверен, что лучшее в Тиме вложено в него не обучающей программой, а вами. Жертвенность Тима - это отражение вашей души. Верю, что вы преодолеете горечь утраты. Верю, что увижу вас прежним Беном. Любящий вас

Ник".

Хозяин, деликатно промешкавший в комнатах, пока Николай писал, вернулся с белым прямоугольным свертком.

- Осторожно, сэр, здесь стекло.

69

Теплая черная августовская ночь. Нокс-вильский аэродром, безлюдная лужайка у выхода на посадку. Появляются Николай Добринский и Чарльз Стюарт. В руках у Николая большой прямоугольный сверток. Они садятся на единственную скамейку спиной к ограждению летного поля.

Стюарт. Ну вот, Ник.

Добринский. Ну вот, Чарли.

Стюарт. Через полчаса.

Добринский. Через полчаса.

Стюарт и Добринский (вместе). Я...

Добринский. Я хотел сказать, что уезжаю немного другим.

Стюарт. Тим всех нас сделал немного другими.

Добринский. Не то чтобы он был уж очень хорош, робот-моралист. Он и смешон бывал. Но когда я с ним говорил - становилось немного стыдно за свой максимализм, свою толстокожесть.

Стюарт. Ты хочешь сказать, что своей нетерпимостью Тим научил нас быть терпимее?

Добринский. По-моему, кое-кто оказался че-

ресчур терпимым к Ордену. Но Тим здесь не при чем. Он действительно дал людям урок этики. Стыдиться тут нечего.

Стюарт. Ты знаешь, почему мы были так терпимы к Хорроу, Фоллу и всей компании? Ведь они не скрывали своих взглядов. Просто в своем сравнительном благополучии мы забываем уроки истории: олигархические режимы, Гитлер, Сталин, Пол Пот, Хусейн, Кастро. А Пит - сторонний наблюдатель - сразу дал столь квалифицированный диагноз. Его ум, способный к бесстрастному анализу и обобщению человеческого опыта, понял опасность Ордена и указал средство.

Добринский. Полно, Чарли. Не думай, что Пит - нечто оторванное от человека. Холодный сторонний наблюдатель? Что ты! Он - дитя человека. Он и доказал нам, как и Тим, что он - не машина. У Пита и ценности и эмоции человеческие. Дал слово не разглашать тайну - и не сказал Килрою ни слова. Как честный человек, а? И тут же проболтался Кларе - как по-человечески.

(Объявляется посадка на самолет до Нью-Йорка)

Стюарт. Ну вот, Ник.

Добринский. Ну вот, Чарли.

Конец этой сцены может домыслить читатель. Мы думаем, что Николай и Чарли улыбнулись и пожали друг другу руки. А может быть, обнялись.

В самолете Николай развернул сверток. Это была акварель, изображавшая город: черепичные крыши, каминные трубы, кирха. Несомненно, работа была того же художника, чьи картины висели в кабинете Бена. Добринский посмотрел на обратную сторону. В глаза бросилась размашистая надпись: "Дорогому Нику в память о Тиме. Бен". А ниже мелкими выцветшими буквами - имя автора: Тимоти Кройф.

70

Через два месяца после возвращения в Пущино Николай получил весточку от Сэлли. Вот ее письмо:

"Дорогой Ник,

спешу поделиться с тобой радостью победы: я, кажется, отвоевала Дика у Клары. Неделю назад мы поженились, чем и объясняется итальянский штемпель на письме. Наше свадебное путешествие

включает, кроме Италии, Швейцарию, Австрию и Польшу. Большой соблазн из Польши заехать к тебе, но мы, по всей видимости, сделаем это в декабре: Дику предложили представлять Центр на Московском симпозиуме биокибернетиков.

К сожалению, не могу порадовать тебя утешительными вестями о Бене. Он совсем сдал, забросил бег и гольф, ни с кем не встречается. Чаще всего его можно встретить в Тимгардене. Он часами бродит там совсем один.

Написала ли тебе Мэг? Что-то и она хандрит в туманном Альбионе.

Дик шлет тебе тысячу приветов. Он говорит, что многого ждет от декабрьского симпозиума: надеется, что после "кислого" медового месяца (все эти "кьянти" и "асти-спуманте") ты отпоишь его горькой русской водкой.

Твоя Сэлли"

71

Он вышел к Оке. Осень высветлила частокол леса на той стороне. Одинокая баржа с пирами-

дами ржавого песка и щебня плыла внизу по светлой реке. Нет, не одинокая: тихо пыхтящий маленький буксир толкал ее в низкую железную корму. "Что движет природой, огромным, неповоротливым ее телом? - подумал Николай. - Какое горячее сердце, какая живая душа ведет ее? Какой болью отзывается она на бездумный, безумный, эгоизм своих детей? Что это я: сердце, душа, боль... Ничего этого там нет. Впрочем, Тим понимал этот лучше. Как мало мы успели о нем узнать. Правда, есть еще Клара и Пит".

Николай шел вдоль берега и вдруг остановился. "Стоп! А не сам ли Тим навеял мне ту бабочку? Ту, ажурную, с крыльями из букв и значков?"

72

Прошло еще полгода. Как-то утром Николаю позвонил Граник и сообщил о смерти Кройфа.

- Ты можешь лететь сегодня вечерним рейсом, похороны завтра в Тимгардене.

Самолет заходил на посадку над Шереметьевым по широкой плавной дуге. Такая же дуга над Ноксвиллом означала для Николая прощальный круг. Прижавшись лбом к холодному стеклу, он прощался с обоими. Они лежали вместе - отец и сын, учитель и ученик. Один зани-

мал две сажени, другой - сотни миль. Оба спали. Но что это было - сон жизни или сон смерти? Они не казались мертвыми.

Эпилог

Из статьи Ч.Стюарта в "Кроникл". 14 сентября, четверг.

"Я пишу эти строки в Тимгардене, в аллее акаций Софоро Торамиро. Только что прошла пресс-конференция по случаю окончания первого (и смею уверить читателей - далеко не последнего) симпозиума, посвященного изучению этого удивительного феномена. Впрочем, бурно прошедший симпозиум практически никаких вопросов не разрешил, но зато поставил их во множестве. Это, по-видимому, и составляет основной результат встречи ведущих биологов мира.

Посмотреть Тимгарден - это чудо, этот поразительный остров жизни в мертвой пустыне - съехались ботаники, зоологи, микробиологи, генетики, эволюционисты из самых разных уголков планеты. Три дня в зарослях и на лужайках раздавались возгласы удивления, скоропалительные потоки междометий, протяжные вздохи, взволнованные ахи, выдающий

неподдельное восхищение свист. Да, Тимгарден преподнес науке тысячи сюрпризов, дал людям образец высокой красоты и гармонии.

Взять хотя бы акации, чья благотворная тень падает сейчас на меня. Семена этого некогда исчезнувшего дерева были обнаружены на острове Пасхи знаменитым путешественником Туром Хейердалом и привезены в Швецию. Там в ботаническом саду предприняли попытку возродить этот вид. Однако выращенные экземпляры не идут ни в какое сравнение с мощной красотой деревьев Тимгардена. Вчера я видел возле них тихого, задумчивого профессора Мюрдаля из Мальме. Это было красноречивое молчание.

Я слышал, как доктор Сэсар Бланко из Мехико воскликнул торжествующе: "Да возродится хлеб ацтеков!" Примерно на четверти гектара в Тимгардене растет высокая трава с пышными метелками соцветий. Это амарант - легендарная хлебная культура древних ацтеков. Замешивая муку амаранта на сладком соке агавы и жертвенной крови, жрецы выпекали из этого теста сакральные фигуры богов, разламывали их на куски и раздавали прихожанам. В середине шестнадцатого века испанский наместник дон

Педро Гомес запретил этот обычай по наущению церкви, и культура амаранта захирела, чтобы возродиться здесь, в этом саду.

Сама биологическая основа Тимгардена ставит ученых в тупик. В его подземных бассейнах, нагретых, очевидно, природным теплом Сканы, обнаружено несколько тысяч штаммов микроорганизмов, большинство из которых неизвестно науке. Многие представители найденной микрофауны способны интенсивно синтезировать витамины, аминокислоты, ценные белки. Столь же удивительны и растения Тимгардена, образующие, по первому впечатлению, целостную систему, несмотря на фантастическое разнообразие: от каштанов и вязов до пальмы юбеи, дающей тонкое вино, от австралийских саговников, живущих тысячи лет, до бальзамической пихты с восхитительно ароматной смолой. Наконец, здесь обнаружены растения и организмы, известные только палеонтологам: диатомиты, солнечники, ольчатники.

Есть своя система и в том, какие растения отсутствуют в этом саду. Здесь не нашли омелы и ее родственников, паразитирующих на корнях соседей. Нет здесь и эпифитов-душителей, обвивающих приютившее их дерево, продав-

ливающих кору и убивающих его в конечном счете. И это не удивительно, если вспомнить о создателе Тимгардена, о его нравственных идеалах. Я не оговорился, приписывая идеалы созданию, не являющемуся человеком. Однако речь сейчас идет не о Тиме, а о Тимгардене.

Великое изумление рождало горячие споры. Я слышал, как подвергали сомнению пастеровскую формулу "все живое из живого", как одни говорили о нарушении закона, разрешающего каждую экологическую нишу заселять только одним видом, а другие оспаривали их доводы. Два патриарха мировой биологии Твердислов-Галкин и Тер-Галстян усмотрели в феномене Тимгардена первый достоверный случай полного перехода биогенеза в ноогенез. Первым из этих терминов принято называть область стихийно развивающейся живой природы, вторым, имеющим в своем составе древнегреческий корень "ноос", что означает "разум", мы называем контролируемый разумом процесс. По мнению выдающихся ученых недавнего прошлого Владимира Вернадского и Тейяра де Шардена, в жизни биосферы закономерно должен наступить момент, когда она от стихийного развития перейдет к разумно направляемому бытию, от

хаоса и вражды - к любви и гармонии. "Мы видим перед собой живой пример того, сказал Твердислов-Галкин, - как биосфера, пусть еще на малом пространстве, начинает сбрасывать старые покровы борьбы н страданий..."

Прав старый ученый. Значение Тимгардена не исчерпывается его уникальной биологией. Невозможно забыть, что чудо рождения сада сопряжено со смертью недавнего изгоя, беглеца, преследуемого обезумевшими людьми с их бомбами и смертоносным лучами, - этими плодами человеческого разума. Человек впервые встретился со сверхразумом - и испугался. А испугавшись - ожесточился. Бояться было нечего. Сверхразум преподал человеку урок высшей морали. Доктор Роберт Мэллори из Финикса и доктор Сергей Ахматов из Санкт-Петербурга так и сформулировали это положение: "Высшая мысль тождественна высшей нравственности. Сверхразум исповедует сверхсовесть".

1979-1982

Валерий Митрохин
ЙОТА

Каждому воздастся по его вере.
Э. Т. А. Гофман

В углу зимнего сада на пятиугольнике возвышения, обтянутом бордовым импортным войлоком, наигрывал провинциальный джаз-банд. За

небольшим роялем импровизировал, стоя на полусогнутых, длинный круглолицый парень. В кругу местных музыкантов считалось шиком так вот лабать, не присаживаясь. Законодателем шика был этот самый парень — Валек, волею судьбы занесенный в курортный городишко из каких-то столиц и больших оркестров, да так и оставшийся здесь. В ресторане «Чайная роза» птицы такого полета никогда не задерживались, потому лабуха Валька тут ценили и прощали ему некоторые его наклонности.

Валек присел перед клавиатурой, дал волю пальцам. Ударили барабаны, вступили духовые. С жиги — лучшей вещи Валька — начинается в «Чайной розе» активная часть вечера. Пребывающий до этого в лирическом оцепенении зал ресторана ожил. Возникли пары. Зимний сад стал наполняться танцующими...

Массивный, с бычьей шеей и широкой приветливой улыбкой на морщинистом лице, одетый с иголочки мужчина поднялся из-за столика и руками, благородно блеснувшими золотыми запонками в манжетах приветствовал маленький голосистый оркестр. А когда возле столика этого богатыря появился официант серенький, низкорослый, — он внятно добротным баритоном

распорядился:

— Лабухам — трио шампанского, и с бригадира глаз не спускать.

— Заказ принят,— ответил официант и через минуту с тремя бутылками «Нового Света» уже стоял перед бордовым пятиугольником.

Кончилась жига. Валек махнул оркестру продолжать без него, вышел в подсобку. Зеленый снаряд в его руках зашипел, дал дыму и выстрелил бархатисто-коричневой пробкой. Валек опрокинул содержимое в высокий фужер и стал жадно пить. И, пока не управился, никак не реагировал на незнакомца, замершего в дверях подсобки. Переведя же дух, осведомился:

— Чего надо?

— Мне понадобится твоя шляпа и плащ,— ответил незнакомец и, пройдя в глубь подсобки, присел у стола, не спуская глаз с Валька, застывшего в столбняке.

— За сколько просишь? — наконец нашелся Валек.

— Будешь доволен,— ответил бледный, заметно нервничающий гость.

— Вообще-то я не собираюсь продавать одежду. С чего ты решил, что мне ни плащ, ни шляпа не понадобятся? Здесь хоть и субтропик, все ж таки

январь. Приходи в апреле. Может, и столкуемся.

— В апреле поздно будет,— ответил гость, продолжая гипнотизировать Валька.

— Ты что, болен? Простыл? Курточка на тебе больно не по сезону. А у моря тут сыро. Выпей шипучки. И топай,— все более вселея, говорил Валек.

— Не могу я уйти. Я пришел, чтобы предупредить тебя кое о чем и взять у тебя плащ и шляпу.

— Плащ и шляпу за предупреждение? Да ты знаешь, во сколько мне они обошлись? Да ты знаешь, что эти плащ и шляпа того же фасона и покроя, что носит Челентано...

— Цена этим тряпкам и в самом деле велика, Валек.

— Какая же?

— Твоя жизнь.

— Ты! — Валек расхохотался, снова налил себе шампанского, но, отпив глоток, нахмурился.— Дошло! Ну конечно же, тебя прислал Морфий. Решил и таким образом поизгаляться. Ну так вот.— Валек схватил гостя за отвороты легкой куртки и, дохнув безвольной яростью, театрально воскликнул: — Передай ему, что я не согласен! Работать я на него не хочу и никогда не стану!

— Он знает. Он уже убедился в этом и потому

сегодня собрался тебя наказать.

— Как это понимать? Он что, избить меня хочет?

— Нет, Валек, тебя просто-напросто сегодня убьют.

— Да? Просто так возьмут и убьют? — Валентин поднял плечи, круглое его лицо опрокинулось к потолку. Он потерянно развел руками.— Что ж я такого сделал, чтоб меня?..

— Ничего особенного. Просто Морфий не хочет, чтобы другие его люди подумали, будто Морфия можно ослушаться. Чтоб никому больше неповадно было пренебрегать просьбами Морфия. Морфий считает тебя неблагодарным, неплатежеспособным...

— Да! Я задолжал ему. Вот и за это,— Валек раздраженно ударил по полупустой бутылке. Она грохнулась на пол и закатилась под стол, обрызгав при этом обувь гостя.

— Что теперь разговаривать? Я пришел помочь тебе избежать этой участи.

— Но как? — Валек потерянно уставился на своего странного ангела смерти.

— Тебе необходимо вернуться к оркестру и как ни в чем не бывало лабать.

— Легко сказать.

— А когда свое отработаешь, из кабака не выходи. Спрячься где-нибудь. Пережди. Не высовывайся.

— И что? Они уйдут? Оставят меня? Как будто они не знают где я живу, по какой дороге хожу. Чушь, чушь! — Валек заломил руки.— Уж лучше я сейчас позвоню куда следует...

— А вот этого не вздумай сделать. Тогда я не смогу тебе помочь. Сиди. Жди. Ты легко узнаешь, когда можно выходить. Смывайся сразу. Уехать было бы лучше всего.

— Слушай! — Валек быстро протрезвел, цепко вперился в глаза благодетеля,— Слушай, а ты в самом деле здоров? Может, ты псих? Или жулик дешевый, присмотрел на мне одежду и ловко тут разыгрываешь детектив? А вот я сейчас позову Морфия. Он в зале. Что тогда запоешь?

— Зови, — махнул рукой благодетель,— если хочешь лишиться жизни. Тогда наверняка мне не спасти тебя.

— А как я узнаю, что можно выходить?

— Как только услышишь большой шум, сразу же выходи и, не теряя времени, рви когти куда подальше.

— Ну что там? — спросил Морфий.

— Ничего! Выдул все три бутылки и лабает

лучше, чем тверезый,— доложил официантик.

— Смотри, Козел, чтоб не улизнул, как это уже было. Правда, в тот раз он мне понадобился по пустяковому долу. А сегодня — важняк. Нельзя тебе его прозевать.

— Пойла подать еще? — вежливо уточнил Козел.

— Еще баллончик и, пожалуй, хватит,— решил Морфий.

— К нему заходил хмырь какой-то.

— Кто?

— Черт его знает. Из местных. Рвань сплошная. Не наш клиент. Это точно.

— О чем говорили?

— Просил купить какие-то шмотки. Валек послал его, но вежливо. Предлагал выпить, так отказался. Представляете, от «Нового Света» отказался! — Козел снисходительно усмехнулся, открыв мелкие с желтинкой зубы.

— Знал бы, что шампань от меня, так не посмел бы.

— Это точно,— хихикнул Козел.

— На всех не напасешься,— отрезал Морфий.— Топай, поглядывай. Я надеюсь на тебя.

— Принято,— поклонился официантик и пропал среди танцующих, заполонивших зимний

сад.

«Здорово же меня облапошил этот проходимец»,—сокрушался вполголоса Валек, натягивая на себя холодную курточку, напяливая кепку, полученные взамен плаща и шляпы.

За дверью подсобки послышались шаги. Затем стук в филенку: один раз, другой, третий.

— Валек? Ты здесь? — донесся конспиративный голосок Козла.

Валек не шелохнулся. Шаги удалились и пропали.

«Положение дурацкое. Ну, конечно, проходимец и бродяга раздел меня, как мальчишку. Никакого здравого смысла не осталось в черепушке. И это со мной и во мне с тех пор, как начал ширяться. Ширма и довела до ручки. Но откуда, откуда благодетелю-бродяге известна моя зависимость от Морфия? Ведь именно на ней он так ловко сыграл. Облапошил? Или в самом деле предупредил? А что если они меня таким вот путем решили сломать? Морфий подослал специалиста, и тот меня обработал психологически? Ну зачем кому-то просто так за здорово живешь рисковать собственной головой, лезть в эту кашу, чтобы выручить давно пропавшего лабуха Валька?!»

В полной темноте подсобки вдруг зазвучала

искристыми брызгами жига, которую Валек сочинил в лучшие свои годы. Валек зажал уши. Но музыка фонтанировала, словно шампанское из бутылки. Пахла виноградом — этим духом вечного веселья и удачи.

Человек в сером плаще и темной широкополой шляпе, надвинутой на глаза, уже полчаса маячил на пустынной Набережной.

— Хозяин. Я уж думал — он смылся. Гляну в окно — нет. Пришлось сбегать на улицу. Ждет на воздухе.

— Принято,— ответил Морфий и тут же поднялся.— Проследишь потом, что дальше будет. А сейчас исчезни к своим тарелкам.

Человек в плаще, увидев приближающегося Морфия, сорвался с места и быстрым шагом двинулся прочь.

— Валек! Куда ты? — весело окликнул убегающего Морфий.— Постой же!

Убегающий прибавил шагу. Вдруг резко свернул и по ступеням спустился к самой воде.

— Ну ты и мастак бегать, брат,— одышливо сказал подошедший Морфий.

— Не брат, а шурин,— сдавленным голосом последовало в ответ.

— Какая разница? Я к тебе всегда относился

по-братски. Но ты сам не захотел. И потому ты мне не брат и не шурин. Теперь ты никто.

В этот момент «Никто» резко и сильно ударил Морфия в лицо. От неожиданности Морфий покачнулся. «Никто» кинулся прочь — по ступеням наверх, к Набережной.

— Назад! — закричал не своим голосом Морфий, в несколько скачков настиг беглеца и длинной рукой достал до его спины.— От меня не уйти, шурин.— Жертва медленно поворотилась и грудью повалилась на коротко блеснувшее влажное острие.

Морфий бережно обнял свою жертву и повел-потащил, словно перепившего в ресторане приятеля, к лавочке. Посадил смертельно послушного на присыпанную первым снегом доску. Заглянул под шляпу, пробормотал: «Неузнаваемый видок! Смерть и впрямь не красит!» И пошел прочь, бросая взгляды на спокойно ворочающееся за парапетом море. Море было не по-январски тихим и маслянисто-гладким.

Небольшой этот курортный городок оглушила новость: из городской больницы пропал труп. Тяжелораненого мужчину средних лет «скорая» доставила в реанимацию сразу после полуночи. К утру, не приходя в себя, пострадавший скончался.

Вымотавшиеся вконец реаниматоры, сообщив куда следует, заперли труп в боксе, а сами отправились попить чаю. Спустя час, когда вызванный эксперт-патологоанатом явился, тела на месте не оказалось.

Все, кто соприкасался с умирающим, срочно были собраны в следственном отделе городского управления милиции, где фоторобот быстро воссоздал портрет покойного, то есть без вести пропавшего мертвеца. Дальше дело не сдвинулось ни на йоту. И было бы оно сдано в архив как безнадежное, если бы через несколько дней в милицию не поступило заявление об исчезновении скульптора Арусса.

Большую часть времени этот Арусс проводил в мастерской, которую он арендовал вместе со своим приятелем живописцем Коляней. Поначалу на исчезновение Арусса серьезно не отреагировали. Где-нибудь загулял, одно слово — богема. В местном творческом союзе этот скульптор слыл довольно амбициозным, неуживчивым человеком, с которым считались лишь потому, что за него горой стоял этот самый Коляня, довольно авторитетная, в отличие от своего приятеля-скульптора, фигура, преподаватель теории мастерства и рисунка в художественном учили-

ще. Арусс был за ним как за каменной стеной. И поскольку у последнего зачастую не было денег даже на стакан вина, хотя оно в этом городе текло рекой и стоило копейки, Коляня, как правило, сам оплачивал аренду просторной старинной трехкомнатной квартиры-студии.

С Коляней поговорили. И от этого разговора, пожалуй, и потянулась ниточка следствия. Она хоть и не привела никуда, однако оставила на память причастным к этому расследованию несколько совершенно необъяснимых петель и узелков, которые иначе как мистическими не назовешь.

— Когда вы в последний раз виделись со своим приятелем? — спросил следователь Синаний, на котором висело дело о пропавшем трупе.

Коляня с сочувственным пониманием,— законная жена решила проучить отбившегося от дома супруга, поэтому и подала заявление в милицию — безоблачно глядя в глаза следователя, ответил:

— Арусс жив и здоров.

— На каком основании вы это утверждаете? — оживился пребывавший в полной безнадеге лейтенант Синаний.

— Дело в том,— доверительно продолжал живописец,— дело в том, что Арусс не ладит с

супругой, вследствие чего постоянно обитает в мастерской.

— Вы его там видели, когда? — устало вздохнул Синаний.

— Не видел.

— На каком же основании утверждаете, что скульптор жив и здоров? — стал выходить из себя следователь.

— Сегодня утром до занятий я забежал туда взять альбом репродукций Дали, а на кухне — чайник с кипяточком. Я даже кофейка растворимого успел дернуть. Судя по всему, Арусс ночевал там и вышел, видать, перед самым моим приходом.

— А что, кроме вас и Арусса, больше никто не может бывать в мастерской?

— Никто. Там ведь у нас немалые ценности. Мои картины, его работы. Исключено! Хотя...— вдруг замялся Коляня, затеребил кончик своей золотистой бороды, стал поглаживать уютную проплешину на макушке.

— Кто же еще бывает в мастерской?

— Деликатный это вопрос, лейтенант.

— В нашем деле все вопросы деликатные. Итак, не терзайтесь сомнениями.

— Видите ли, у Арусса есть женщина. Его, так

сказать, пассия... Она бывает в мастерской. Но только вместе с ним. Сами понимаете, без него ей там делать нечего.

— Как ее найти?

— Мне известно только имя этой женщины. Видел я ее только однажды, случайно. Вошел, а они там... Неудобно получилось. После этого Арусс мне стал звонить, чтобы предупредить об очередной встрече. Я сам его об этом после того случая просил. Неудобно, знаете ли, когда...

Беседа продолжалась в мастерской, куда по просьбе Синания Коляня вынужден был, отпросившись с занятий, пригласить нежданного гостя. Переступив порог студии, пропахшей скипидаром и смолами дорогих пород дерева — Арусс работал в основном с древесиной,— Синаний покорил Коляню своим полным непрофессионализмом. Он хлопнул себя по ягодицам и с неподдельным сожалением в голосе проговорил:

— А ведь я забыл взять санкцию на обыск! Придется вам подождать, пока я смотаюсь за этой по сути дела формальной бумажкой.

— Пустяки! — поощрил растяпу Коляня.— Я сам рассеянный. Но у меня есть одно, компенсирующее мои недостатки качество. Я не терплю формальности и условности. Надо вам обследо-

вать мастерскую, валяйте без санкции!

Синаний распахнул платяной шкаф и замер в стойке, напоминающей боксерскую, издав тихий протяжный свист. Теперь и Коляня увидел. В шкафу висел окровавленный импортный плащ стального цвета.

Дальше действие стремительно набрало скорость. Коляня, потрясенный тайной своего шкафа, дрожащей от волнения рукой в течение нескольких минут набросал портрет женщины, которую случайно видел здесь. Он хорошо ее запомнил, поскольку Сандра — так зовут эту женщину — была необыкновенно привлекательная особа. С картона на Синания смотрело и впрямь красивое создание. Зеленоглазное, округлое лицо с чуть вздернутым носиком, темно-каштановые распущенные волосы. Высокая шея и длиннопалая изящная рука.

Потом Синаний и Коляня пили кофе из того же чайника, из которого, возможно, еще утром брал кипяток для бритья и на чай без вести пропавший скульптор. Следователь и свидетель, как теперь протокольно именовался Коляня, вынуждены были сидеть в мастерской, ожидая, пока весь горотдел разыскивал таинственную Сандру. Синаний ждал только ее. А Коляня втайне не терял

надежды, что откроется дверь и в мастерскую войдет сам Арусс и все тут же прояснится с этим плащом.

Однако Арусс так и не появился ни в этот день, ни вечером, ни ночью, ни в последующие утра, дни, вечера и ночи. Зато под вечер привезли Сандру, вполне спокойно сообщившую, что именно эту ночь она и провела здесь с Аруссом и что ушли они отсюда вместе. Где он теперь, она не знает. О следующей встрече не уславливались. Арусс всегда звонит накануне, если нужно, а заранее они никогда не договариваются.

Синания никак не устраивало ее безмятежное спокойствие. И вот почему. Женщина, тем более любящая, едва только милиционер начинает интересоваться ее мужем, мужчиной, тотчас сама учиняет следователю допрос: что с ним случилось, что натворил, почему меня вызвали?.. Сандру же эти вопросы совершенно не взволновали. Это и настораживало Синания.

Подойдя к шкафу, он распахнул его.

— Вам знаком этот плащ?

Сандра, взглянув на окровавленный плащ, побледнела. Ее даже качнуло. Коляня усадил ее на диван, принес воды. А Синаний ждал, внимательно наблюдая и фиксируя все метаморфозы

Сандры. Когда она пришла в себя и прошептала: «Какой ужас!» — сыщик констатировал:

— Вам знаком этот плащ. Он принадлежит Аруссу?

— У него никогда не было этого плаща. Такой плащ ему не по карману...

— Правда,— включился Коляня.— Да и не любил он дорогих тряпок.

— Не мешайте! — оборвал Коляню Синаний.

Коляня засопел, словно обиженный мальчишка, и ушел на свою половину мастерской.

— Тогда чей это плащ? — продолжал Синаний.

— Впервые вижу его,— ответила Сандра. Она довольно быстро справилась с потрясением. И Синаний понял, что момент упущен, что она, конечно же, многое знает, однако ничего сегодня, а скорее всего и никогда, следствию не покажет. Перекинувшись еще несколькими малозначащими фразами. Синаний и Сандра расстались. Не ошибался прозорливый сыщик и в другом: Сандре окровавленный плащ знаком, и весьма хорошо.

В самом деле. Еще два дня назад плащ этот висел в прихожей ее квартиры. Но вот как здесь — в мастерской — он очутился, да еще в таком жутком виде, этого Сандра не знала, да и не хо-

тела знать. Знала Сандра, что горячий чайник на печке, о котором спросил Синаний у Коляни, оставил ее любимый и единственный Арусс. Вместе с ним она пила здесь чай, здесь они провели почти целые сутки. Встретились после большого перерыва. Но никогда не узнать сыщику и другого, что накануне в мастерской побывало еще одно лицо. Здесь они — Арусс и этот дорогой Аруссу незнакомец — впервые повидались, ибо до этого у них не было никакой возможности познакомиться.

После разговора со следователем Сандра со всех ног кинулась домой. Оставалось каких-то всего полчаса до обусловленного Аруссом звонка. Сандра никогда не подводила Арусса. А сейчас тем более не могла опоздать. Она должна была во что бы то ни стало предупредить Арусса о нависшей над ним опасности.

Но что же было накануне?

После муторной ночи слегка кружилась голова. Перед глазами клубился розоватый туман. А сквозь сознание текли слова, невесть откуда пришедшие: «Я желаю исполнить волю твою, Боже мой, и закон твой у меня в сердце».

Арусс ждал Сандру. Он ждал ее в этот час как

никогда до сих пор. Он хотел видеть ее только что родившегося ребенка. Исчезнуть из этой жизни, не повидав долгожданного малютку, было бы величайшей несправедливостью. Арусс огляделся и только теперь обратил внимание на то, что вокруг него творится, стояло совсем другое время года. Конечно же, это был совсем не январь, как вчера вечером. Вчера? Господи! Совсем что-то я... Арусс поднял глаза, чтобы на электронном календаре узнать время года, день и число.

Арусс похаживал по пустынной Набережной. Шторм и сырой ветер сделали этот проспект безлюдным. Протянувшаяся вдоль плавно изгибающегося залива, сейчас вспененного и ревущего, в иное время маслянисто-гладкого, односторонняя улица хорошо и далеко просматривалась. Арусс увидел женщину. Он встрепенулся, хотя фигурка с развевающимися на ветру короткими волосами, полами незастегнутого легкого плаща была довольно далеко. Нет! Не она! Арусс разочарованно отвернулся. У этой походка легкая. А у той, которую он ждал, походка усталая, хотя с момента рождения ребенка не прошло и месяца. Правда, в эти дни и недели он видел ее только однажды. Но того мимолетного свидания хватило, чтобы понять: былого не вернуть. Той Сандры,

веселой и покладистой, легкой на подъем — больше нет и не будет. Перед, ним предстала какая-то неповоротливая с отвисшими животом и грудью пятнистая баба. Доставила же ему эта Сандра в свое время беспокойства! Сперва своей совершенно неожиданной заявкой, что беременна. Этим она, конечно, сразу же оттолкнула его от себя. И он быстренько убрался из ее жизни. Казалось, что навсегда. Он даже не думал о ребенке. Знал — то забывая, то вспоминая,— что родится. Иногда досадовал на свою память: ну вот, опять вспомнил о Сандре, злился на нее. Но не сильно и не очень долго. Знал, что сам виноват, сам же умолил Бога. Нисколько не сомневался, кстати, и Сандра тоже, что родится у них сын. О сыне и молил все годы. И явилась ему эта блажь вместе с любовью к одной девчонке — теперь это тоже вчерашний сон. Милое — не то что безрассудная Сандра — создание. Деликатное, малословное. Она и сбежала от него без объяснений — уехала в другой город. И все. А он любил ее. И хотел, чтобы она родила ему сына. Правда, жениться на ней он не собирался. Видимо, уяснив это, она и рванула без оглядки... Сандра же, встреченная им случайно, сама семейная, при молодом муже, казалась ему совершенно безопасной во всех смыслах. И вдруг

заявка: беременна и хочу родить, именно от тебя хочу ребеночка. Но ведь у тебя уже есть дочка? Что с того, что есть? Сына хочу, от тебя именно. Ну и рожай! В конце концов минул положенный срок и Сандра позвонила. Обрадовала? Да! Неожиданно для себя он и в самом деле обрадовался. Тут же побежал на свидание. И увидел какую-то смесь бабы и жабы. Сиреневого какого-то младенчика. Он даже подумал тогда: как хорошо, что дитя где-то в другом месте, в ином измерении. Он глядел на голубоватое личико младенца и не находил в нем никаких своих черт. Сандра эта усекла и, нахально усмехнувшись, выдала: «А мне начхать, что ты не признаешь его. Главное, я знаю, что он твой. Сейчас не видно, а вот через три-четыре месяца сам увидишь, что он твой!»

И вот не выдержал. Нет, не удостовериться на этот раз потянуло: мой, не мой. Повидать захотелось. Самым натуральным образом потянуло к ребенку. Позвонил. Сандра согласилась. Назначили день и час. Почему-то Сандра настояла на раннем утре. Тоже мне конспирация! Что ж, это пока цветочки. Будет тебе и ягодка горькая. Повидаться с сыном не имеешь права, когда хочется, а с оглядкой на дядю чужого. Чужого? А ведь твой сын — кстати, как она его хоть назвала? — будет

называть его папой. Не тебя, а его. Значит, не чужой он ему будет. Да и сейчас уже свой. Они дышат одним воздухом, спят в одном доме. Любят одну женщину; сын — маму, муж — жену. И тут, на мокрой, продутой соленым ветром моря Набережной Арусс вдруг испытал невыносимое чувство. Никогда женщин своих так не ревновал, как сына, к чужому мужику. Выходит, я люблю своего ребенка? Думалось, что это чувство непременно придет. Но потом, позже, когда-то. Ан нет. Оно уже есть, оно выходит, было в тебе, с тобой. А что если это чувство зарождается вместе с ребеночком? Он в утробе, а любовь твоя к нему — на свежем воздухе... Его я люблю. А как быть с ней? Ведь она мне теперь безразлична. Теперь, да! А тогда? Выходит, что я ее любил. Пусть недолго, пусть не очень, но искренне. Конечно, она была дорога и тем, что скрасила печаль разрыва с той молчуньей. А окончательно она тебя, брат, доконала, когда заявила, что будет рожать. Ты, ошарашенный, так не понял ничего ни в ней, ни в себе. Ты не прислушался ни к себе, ни к ее дыханию, кинулся наутек. Но от любви, как от истины, не уйти. Что ж, твой черед настает. Плати. Не ей. Она не нуждается в твоих бабках. Там не семья — золотое дно. Кому же платить-то?!

Как же он меня называть будет, когда вырастет? — этот вопрос буквально оглушил. И тут же успокоительное: все будет зависеть от нее. Она не позволит сыну от отца отречься. Иначе бы зачем ей было затеваться с родами?

Арусс еще раз оглянулся. С противоположного конца улицы все шла легконогая, взветренная женщина. И подумал: не придут они, погода неподходящая, побоится парня простудить. Никудышная весна нынче: то ветры, то дожди, а то и заморозки. Тоже мне субтропики. Еще раз оглянулся: женщина, идущая к нему, очень похожа на Сандру. Ту, какой она была, когда он встретил ее.

— Заждался? — спросила она.— Извини! Не хотела его будить. Ждала, пока сам проснется. Потом — пока умывались, кормились...

— А где же он? — недоверчиво оглядывая женщину, спросил Арусс. Пигментные кляксы, растянутый еще недавно живот — исчезли. Сандра стояла перед ним — розовощекая, подтянутая, на высоких каблуках.

— Он в скверике. Я не стала тащить его сюда. Ветрено и сыро у воды.

— В скверике? Ты что, его там одного бросила?

— А что такого? В коляске. Лежит себе, дремлет.

— Ненормальная! А если его...

— Кому нынче нужен чужой ребенок! Своих-то не жалеют, бросают прямо в роддоме.

— Чокнутая дура,— крикнул он, схватил ее за руку и потащил за собой. Сандра громыхала следом на высоченных каблуках. Потом вырвалась, сбросила обувь и обогнала его. Он глядел ей вослед. Она бежала, по-женски ставя ноги. И ему захотелось ее. Когда остановились, сказал об этом. А потом, смутившись, отпустил комплимент, мол, ты такая стройная, как будто бы и не рожала... Она, тяжело дыша, прежде всего отреагировала с виноватой улыбкой на комплимент:

— Это я пояс нацепила, заграничный. Кажется, французский.— И лишь после этого глянула на него, как на психа, только глаза круглыми стали, и согласилась: — Хорошо! — и пошла дальше, покраснев.— Только мне придется по этому поводу отлучиться. Я ненадолго. Посиди тут.— Сандра вывела коляску с клумбы, где та стояла чуть ли не на самой середине, среди апрельских крокусов, и быстро пошла в сторону Кизиловой горки.

В сквере было затишно и ароматно. Пахло молодой, буйно проросшей хвоей, растопленной вчерашним солнцем, смолой кипарисов и кедров. Он приподнял кисею, нависавшую над

коляской, и увидел круглое молочно-розовое личико. На этот раз было хорошо видно, что дитя его. Было в этих неясных еще черточках нечто весьма знакомое. Словом, это был несомненно он. Свой, нашенский. Арусс опустил тюль. Отошел, закурил. В кроне голубой ели тенькала какая-то пичуга. По ветвям платана носилась белка, фыркая и цокая. Горько пахло долетающим с моря воздухом. Весна! Господи! В который уж раз, а все как бы впервые! Выкурив сигарету, он оглянулся. Сандры не было. Что это она?

Малыш завозился, коляска покачнулась. Силен, восхитился папаша. И тут же испугался: а что если ребенок начнет кричать? Принялся покачивать коляску. Сандры все не было. И куда запропастилась? Вдруг ему показалось, что Сандра больше не придет. Отдала ему его сына, а сама смылась. Навсегда. И даже имени ребенка не назвала. Подарила. На миг стало нехорошо. Куда деваться, если так? Домой везти? Как же, обрадуются там. Вот вам дорогие — жена и дочка — новый член семьи. Прошу любить и жаловать. Как зовут? Промашка вышла. Не знаю. Нет! Сандра не такая. К тому ж она наверняка его еще грудью кормит. Грудных не подбрасывают... Подкидыш! Надо же! Он снова оглянулся. Сандры не было.

Явилась она минут через сорок. Уже после того, как малыш, накричавшись, переодетый неловкими руками папаши, с трудом отыскавшим в багажнике коляски запасные пеленки, благодарно затих, но не заснул, а с пристальным вниманием рассматривал кусок проясневшего неба с белым облачком, ветвь кедра ливанского, взлохмаченную голову попавшего в зону обзора своего спасителя.

— Извини, милый! Впопыхах забыла вещи. Пришлось бегать домой.

— Я так и думал,— ответил он, облегченно закуривая.

— Плакал? — участливо наклонилась Сандра над коляской. И он увидел, как лопнули, поползли на тугих ее ляжках колготки. Сандра почувствовала аварию.— Вторая пара за неделю. Пропасть какая-то.

— Худеть надо,— сказал он.

— Куда двинем? — весело осведомилась Сандра.

— Куда, куда? А то не знаешь, куда можно сейчас пойти...— пробормотал он и тут же, спохватившись, спросил:

— Звать-то как? Я ж до сих пор не знаю...

— Мог бы и сам бы догадаться или подсказать

матери, как назвать сына...

— Догадаться? Что у меня голова — Дом Советов?

— Максим,— Сандра рассмеялась и с превосходством поглядела на его. Она всегда так глядела, когда была уверена в себе.

— Максим? С какой стати?

— Ну как же? Не догадываешься? Ведь мы его сотворили с тобой на улице Максима Горького.

— И в самом деле...— ответил он.— Именно по этому адресу мы сейчас и направляемся. Только хотел бы я знать, как мы назовем второго сына, которого сейчас сотворим.

— Второго? — Сандра незнакомо как-то посмотрела, но тут же рассмеялась.— Насчет второго сына я пока не думала. Да и не получится. Я кормлю этого грудью. И, пока кормлю, я в безопасности. А если что — не проблема. Назовем Алексеем, настоящим именем Горького.

— Согласен,— ответил он.

— А в мастерской сейчас никого?

— Коляня на службе. Я позвоню на всякий случай. У тебя нет двушки?

Сандра выудила из кармана плаща горсть монет. Он отыскал среди них нужную и пошел звонить.

Пока он шел к будке, пока звонил, она разглядела его. Походка какая-то не такая, скованный. «Видать, переживает, что не сразу принял меня и Максика,— подумала Сандра снисходительно,— Но ничего, оттает. Все пройдет, подзабудется. А может, он болеет? Надо бы его к хорошему врачу повести. Живет, как в воду опущенный. Никому нет до него дела. Дочка — еще ребенок. А жене он и даром не нужен. Все! Баста. Теперь мы с Максиком о нем заботиться будем, никому в обиду не дадим».

Сандра катила голубую с развивающейся занавеской коляску. Арусс едва поспевал за нею. Шагал, вслушиваясь в стук Сандриных каблуков. Сандра — шумная женщина. Одежда на ней шумная. И когда одежды на ней нет — Сандра поет. Не голосом. Но голосом души. А сейчас слышен голос тела ее. Отдохнувшего, полного соков, которыми кормится маленький. Разве жена она мне? Но ведь она мать моего сына... Он шел за ней как за нитью иголка... И вдруг ощутил иную силу, более властную. Она замедлила ему шаг. Велела оглянуться.

В тупичке мощеной кривоколенной улочки, на бутафорском фоне каких-то низких старинных строений, под только что зацветшими деревьями

стояли две пожилые женщины. Арусс глянул в этот тупичок, когда проходил мимо,— там никого не было еще мгновение назад. Женщины смотрели вослед уходящей с сыном в коляске Сандре. Потом перевели взгляд на Арусса. Старшая осенила путь Арусса и матери с ребенком крестным знамением. А та, что моложе, протянула руку, словно звала всех троих вернуться к ней... Арусс разглядел их лица, хотя и были они довольно далековато от него. И узнал этих женщин. И как только узнал, запекло у него сердце. И они — печальные, недоступные, утомленные, но светлые — ответили на вопрос, что занимал его в этот час. Не словами. Слов он на таком расстоянии не расслышал бы. Сказанное ими долетело до Арусса ветерком, шумнувшим в кронах цветущих миндаля, вишни и персика. Густо-густо полетели бело-розовые лепестки. А когда опали на мостовую, в тупике никого не было. А сердце Арусса успокоилось... Он облегченно вздохнул и бросился догонять Сандру и, одобренного только что свыше, ребеночка своего.

Вскоре счастливая троица по-хозяйски разместилась в мастерской. Так новорожденный завершил свой первый жизненный цикл: очутился по адресу, где был зачат и благодаря коему

получил имя собственное...

— Знаешь, я сегодня с ночи не в себе. Из-за моего. Такой он у меня чокнутый. Прибегает часа в два — и давай шебуршиться. Обычно на цыпочках тихо явится, ляжет. Неслышно уснет. А тут свет включил. Максима потревожил. Ну я и вышла из себя.,.

— Сандра, не серчай. Я смываюсь.

— Куда, зачем?

— На меня охотится Морфий. Совсем озверел...

— Охотится? На тебя? С какой такой стати?

— Хотел меня к своему делу приобщнуть, а я не согласен. Вот он и взъелся.

Мне стало жаль мужика. Все ж таки родной человек. Отец моей дочки. Ну, думаю, пойду к Вальку тут же. Стала собираться. Я ему говорю ложись спать, отдыхай, я все улажу. Он как заорет:

— Не ходи никуда. Не рыпайся! Хуже будет.

Ну, думаю, совсем рехнулся. Запуганный окончательно. Морфий кого хочешь до ручки доведет. Но только не меня. Я над ним могу власть свою поставить. Другой раз у самой душа в пятках. Главное, не показать ему, что боюсь. Знаю с ним, гаденышем, главное дело — потверже держаться... Ну а мой лабух на колени передо мной бухнулся.

— Не ходи к нему, Санечка. Не ходи ни сейчас, ни потом. Пусть думает, что это он меня кокнул. А я от тебя и детей не откажусь. Я буду вам писать до востребования. Переводы слать. Авось пройдет время, и все забудет Морфий. А сейчас не ходи. Он же думает, что ухлопал меня.

Слушаю я, а волосы шевелятся. Чокнутых с детства боюсь. А этот, вижу, съехал.

— Пить бы тебе не надо бы совсем; алкаш ты мой нечесаный. Бросай кабак. Тоже мне — руководитель оркестра. Самая должность, чтобы спиться под музыку...

— Нет. Дело, я думаю, не в питье. Я нормален. Он меня психологически достал. Придет, сядет в зале напротив и наблюдает за мной. Измором решил взять. Я ему, видишь ли, показался подходящим для дела. Конечно, я был бы надежным курьером. И свой, то есть родственник, и вид интеллигентный. А я не согласился. Вот он и стал меня терроризировать. Придет, усядется, бельмы выпучит... Смотрит, ухмыляется и молчит. А вчера заявил, если я не соглашусь, то он меня пришьет.

— Тебе интересно? — Сандра уткнулась подбородком ему в грудь, смотрит исподлобья.— Если надоело, я заткнусь.

— Что ты! Напротив, очень интересно. Просто детектив, продолжай.

— Ну и вот. Собрал он монатки. Побросал в вещмешок. Сел на пол у двери. А меня прямо слезой прошибло — таким несчастным увиделся мне он. Я уж решила звонить в «Скорую». А он:

— Я чудом спасся. До сих пор прийти в себя не могу. Вернее, не сам я себе помог. А один... Я его не знаю. Видел, помнится, пару раз в городе. Пришел он к нам в оркестр, с черного хода вошел. Поманил меня пальцем. Я подумал, вот он — мой палач, манит выйти, а там и пришьет. Однако пошел за ним. А он просит у меня плащ и шляпу. Я за тебя пойду к Морфию, говорит. А ты сиди здесь. Смена кончится, а ты не вылазь. До последнего кантуйся тут, пока не услышишь шума. Я, ничего не соображая, отдал ему свой болгарский плащ — тот самый, что ты подарила на день рождения, и шляпу — коричневую с большими полями. Он ушел, а я себя ругать: олух, балда, да ведь тебя раздели. А потом вспомнил, что меня ждет, успокоился; все равно помирать. Я тебе это рассказываю на всякий случай. Может, потом пригодится, если... Если меня все-таки эти подонки достанут. У них руки длинные. Поэтому я не оставляю тебе адреса. Позвоню, когда доберусь

до места. Это не близкий свет... Ну и... Работаю. Вида не подаю. Хотя играю из рук вон... Как никогда. Ребята на меня смотрят. Понять не могут, что это со мной. В перерыве окружили: уж не заболел ли. Я шучу, мол, заболел. И, видать, часа через два концы отдам. Смеются, наливают. А я, веришь, поднес рюмку коньяка к губам — и такое отвращение, будто и в жизни не пил, не нюхал даже. Кое-как доработал смену. И сделал вид, что на выход направляюсь. А сам на кухню, забился в подсобку, как таракан, сижу ни жив ни мертв. Наши все давно разошлись. Посудомойки тоже кончили дело. Тут прибегает баба Соня, уборщица. Кричит: девки, на набережной человека убили. Я туда. Смотрю, грузят его в «Скорую». В моем плаще. Весь в кровище. А шляпу не заметили. Она под бордюром осталась. Я ее хотел взять, да передумал. Зачем она мне...

— Он мне все это говорил. И я видела, как ему страшно. Думаю, Валек сильно задолжал Морфию. Выпить он не дурак. А в последние месяцы замечала, что колоться он стал. Словом, Морфий пристрастил его. А взамен потребовал работу. Любишь кататься, люби и саночки возить. Морфию нужны не просто курьеры, экспедиторы. Ему нужны свои люди, близкие. Вот он и решил

приобщить шурина. А шурин и передрейфил... И рванул куда глаза глядят.

Сандра рассказывала. Арусс прикрыл глаза и увидел: Молодая, с отрешенным лицом, красивая женщина, заросший дикого вида мужчина держат за руки хрупкого, сияющего, словно в ауре, ребенка в длинной белой сорочке. У мамы волосы темно-золотые, а у ребенка — белые. И храм белый позади них.

— Ах! — вырвалось у Арусса.

— Что? Что ты? — прервалась Сандра.

— Да так. Только что вдруг свой храм увидел.

— Храм?

— Есть у меня храм. Одни стены остались от некогда изящной базилики. Она мне снится — белая, словно облако. Я эти руины люблю, потому и называю: мой храм. Я хотел бы восстановить этот храм. Иногда просто мечтаю. А сейчас вдруг увидел его. Целый целехонький... Извини. Рассказывай дальше.

— Поцеловал детей. Руку мне облобызал. Когда-то этой своей манерой он меня махом купил. И был таков. Я часа два глаз не сомкнула. А потом, поуспокоившись, вспомнила о тебе. О нашем свидании. Плюнула на все и заснула. Чуть не проспала. Максик разбудил. Уехал, ну и скатер-

тью дорога. Оно даже к лучшему. Теперь я совсем вольная птаха. Да?

— А то ты была подневольная. Жила, как хотела. Все сама решала...

— И то правда. Слушай. Ты не заболел ли? Какой-то ты не такой. Что-то в тебе не так. Поутру, спросонья думала, что показалось. Да ты никак поседел. И довольно заметно. С чего это?

— Поседел? Может быть...— Он встал, подошел к зеркалу. Долго всматривался.

А ей показалось, что не себя он разглядывает, а что-то другое, отдаленное что-то, о таком обычно говорят: так далеко, что отсюда не видать.

— Значит, переживал... Дал мне развод и запереживал. Знаю тебя. Хотел покончить наши отношения одним махом. Да не сумел. А я тебе — сына. Тут ты и скис. И постарел, да? — Сандра рассмеялась. Вскочила, обняла его. И они увидели себя в зеркале.

— Чем не семейный портрет — обронил Арусс.

— Все хочу у тебя спросить, что это у тебя за колечко? С глазком каким-то?

— Деревянное...

— Вижу, что деревянное, но из какого дерева?

— Сам не знаю. Представь себе, полгода ношу, а до сих пор не разобрал.

— Так это не твоя работа?

— Мне подарила его одна...

— Можешь не продолжать. Небось молоденькая дурочка. Они теперь шустрые. И все норовят на старого повеситься. Гипнотизируете вы их, что ли?

— Значит, я старый? Ну спасибо!

— Да нет! Это они так называют вас — охотников на маленьких. Себя они называют маленькими, а вас... стариками. С вас можно что-то поиметь. Я имею в виду сармак, гонорар.

— Наверное, ты права насчет малышек с Набережной. Но мне подарила это кольцо вот она.— Он посмотрел на фигуру из красного дерева.

— Эта! — Сандра поднялась, пошла неодетая к полуметровому изваянию, замершему посреди мастерской, прикоснулась к смуглому телу скульптуры.

Он глядел на них. Обе нагие — в свете, бьющем из широкого окна, они рассматривали друг друга, словно подруги, доброжелательно и восторженно.

— Ничего баба. Ты с ней был?

— У тебя всегда одно на уме.

— Можешь не продолжать. Я тебя знаю достаточно, чтобы самой разобраться... Стала бы просто

так дарить она тебе что-то. Тем более кольцо. Из такого дорогого дерева. Кольцо — подарок со смыслом...

— Хочешь я тебе расскажу, как все было.

— Расскажи...

Тут в коляске завозился маленький. Сандра наклонилась к нему. И так вот неловко, стоя, дала своему чаду грудь. Ребенок сосал, чмокая. А мать, не имея возможности обернуться, время от времени протяжно говорила: — Да отвернись ты от нас. Не смотри.

И он отвернулся. И вспомнил, почти увидел тот переполненный сентябрьский троллейбус... И когда Сандра освободилась, а малыш успокоенно засопел, принялся рассказывать.

Она замечательно сложена, и, наверное, поэтому я сразу же обратил внимание — колготки на ней драные.

Но оглянулся я на голос. И некоторое время не мог понять, почему никто не замечает эти ее неприличные, даже хулиганские реплики. Подумал: кажется, у нее не все дома. И успокоился. В троллейбусе никто не реагировал на ее реплики, видимо, из-за духоты. Я стал украдкой разглядывать ее. Точеная шея. Свежий золотистый загар. Лицо — чистое, молодое, не траченное

страстями. Сильный, но изящный изгиб талии. «А этот уставился. И что за люди — ни стыда, ни совести»,— услышал я и сразу же понял — в мой адрес. Мне стало жарко. Я поднял глаза от ног в рваных колготках и встретился с ее магнетическим взглядом.

— Баб любишь? — спрашивала она меня на весь троллейбус.

Я отвернулся и попытался переместиться от нее подальше. Но эти иссиня-зеленые глаза меня не отпускали.

— Куда же ты, красавчик? Ах, мы испугались огласки? Похвально, похвально! Хоть так, хоть этим еще можно тебя прищучить. Но лучше было бы, если б все-таки из стыда, чтобы от уколов совести...

Я глядел в ее лицо. Оно было овальное с чуть вздернутым носиком, на переносице и под глазами припорошенное рыжими крапинками веснушек. Я рассматривал это лицо помимо воли. И вдруг почувствовал легкое головокружение. Сердце замерло на секунду и пошло, спотыкаясь. Господи, губы... рот... Не шевелятся губы. И рот не открывается. Она говорит с закрытым ртом?!

«Да! Наконец-то дошло, как до жирафы,— снова услышал я ее резкий насмешливый голос.— Да

кроме тебя меня никто тут больше не слышит. Я думаю, а ты слышишь. Нравится?»

«Может, я того...» — пронеслась паническая мысль.

«С головой у тебя все в порядке. Ни жара, ни духота в салоне тут ни при чем. Просто я вошла, и мы с тобой совпали, пижон».

«Почему пижон?»

«Не нравится — не надо. Но как-то же я должна тебя называть...»

«У меня есть имя...»

«Твое имя не годится. Имя должно быть наше: мое с тобой общее. Одно на двоих».

«А при чем тут ты... вы?»

«Можешь называть меня на «ты». Ведь ты и я — по сути одно... И не стремись все сразу понять. Постепенно, со временем непонятное прояснится. Но не все, ибо непонятное неисчерпаемо. Откроется же тебе оно настолько, насколько ты достоин и способен постичь открывающееся тебе...»

«Бред какой-то...»

«Но ведь ты говоришь со мной. И никто не слышит нас. Ты ведь тоже говоришь сейчас с закрытым ртом. Почему же бред? Хотя.... Я знала, какой ты. И потому не удивлена... Мне с тобой не повезло, потому что ты такой... и тут ничего

не поделать».

«Какой такой?»

«Если бы ты был другой...— в голосе появилась нотка сожаления.— Я бы тебя расцеловала».

«Другой? Что значит другой? И почему бы тебе не расцеловать меня таким, каков я есть, если мы с тобой так хорошо друг друга... слышим?»

Меня вдруг понесло что называется по кочкам. Я видел перед собой молодую женщину, весьма, правда, странную... Я знал, что слегка странные женщины весьма пикантны, с фантазиями... С ними очень и очень бывает интересно, хотя надолго меня с такими не хватает. Я приблизился к ней вплотную. От нее пахнуло каким-то поразительным ароматом. Снова закружилась голова, и сердце опять споткнулось.

«Наваждение какое-то»,— пронеслось испуганное.

«У тебя грязные мысли. Бррр... Гадость какая! Работы с тобой будет! — нараспев протянула она.— Прямо хоть сейчас начинай...»

В глазах у меня потемнело. Я вдруг увидел салон в каком-то полумраке. Вокруг меня теснились голые люди. Потные обезображенные возрастом и жиром, тощие, мохнатые, склеротические тела... Это было ужасно. Я зажмурился, прижался

лицом к стеклу. Троллейбус качнуло. Я открыл глаза и увидел свою собеседницу на тротуаре. Она стояла — светлая в белом нитяном платьице, в каких-то шлепанцах, надетых на драные колготки. Я кинулся к выходу. Люди с неудовольствием сторонились, ворчали, толкали меня в спину. Протиснувшись к двери, я со стоном вывалился на тротуар. Дверь с лязгом захлопнулась, и, пока троллейбус трогался с места, я увидел: моя собеседница хохочет за окном салона. Укоризненно жестикулируя, я шагнул следом за откатывающимся троллейбусом. А она высунула руки и что-то обронила мне под ноги. Я наклонился. На тротуаре лежало деревянное колечко.

Спозаранку на пляжах царит суета. Желающие устроиться поудобнее прибежали и столбят место под солнцем. Именно в этот момент, когда курортному люду не до любования морем, не до рассматривания кораблей или игры вод с небесами, в дикой части побережья из воды вышел стройный, спортивного вида немолодой человек. Этот нагой человек шел, покачиваясь, видимо, далеко заплыл — не рассчитал силы, переоценил себя. Это бывает. На его счастье море в то утро было спокойным. Окажись сей чудак вдали от берега хотя бы при двух-трех баллах

волнения — не выбраться ему. Сколько таких — дорвавшихся и зарвавшихся — нашли себе жуткую погибель в глубинах прекрасного, теплого залива. Этот же счастливчик, благополучно выбравшись, упал на гальку возле кучки своей одежды и, наверное, полчаса лежал неподвижно. Отдохнув, вполне бодро оделся и уже через несколько минут был в самой оживленной части городка — на Набережной. Ел мороженое. Пил газировку. Шел расслабленной походкой. Судя по всему, в карманах его модных полотняных брюк имелись деньги; и с жильем он уже устроился; а по тому, как хладнокровно проходил мимо зазывно-ароматных забегаловок общепита, легко было сделать вывод относительно и этой стороны его благополучного бытия. Он выделялся среди праздно дефилирующих мужчин тем, что не обращал никакого внимания на женщин, которых здесь несчетно и на всякий вкус, а внимательно присматривался к мальчишкам, сновавшим по Набережной.

Субъект добрался до конца Набережной. И вскоре очутился на Кизиловой горке, некогда утыканной частными домиками, а ныне тесно застроенной высотными жилыми зданиями.

«Где ж она теперь живет?» — озадаченно

пробормотал он и, оглядевшись, направился к телефонной будке. Справочная служба выдала ему необходимый номер, и он тут же набрал его.

В трубке раздался девичий голосок:

— Слушаю вас.

— Девочка, мне надо поговорить с Александрой Александровной.

— Я не девочка,— ответила трубка.— А мама на работе.

— Все ясно. Сколько же тебе лет, мой мальчик?

— Девять. А что?

— Надо же! — обрадованно выдохнул в трубку пловец.

И, словно испугавшись, что трубку на том конце повесят, заторопился: — А где же твоя мама работает?

— На почтамте, до востребования. А вы кто?

— Я — друг твоей мамы. Друг молодости...

— Значит, вы не местный?

— Когда-то жил тут.

— Вы не найдете ее. Давайте я вам объясню.

— Не нужно. Я найду.

— Тогда поспешите. Мама сегодня в первую смену. Скоро она кончит, и вы можете не застать ее на работе.

Мужчина повесил трубку и пошел назад. На

Набережную. Спустился к дому. Долго стоял там, слушая, как кричат чайки, споря о кусочке хлеба, брошенного на воду катающимися на морских трамвайчиках отдыхающими. Когда оглянулся на Набережную, электронные часы показывали тринадцать. На экране появилась и другая информация: температура воды, воздуха, балльность волнения, день недели, число, год. Спохватившись, мужчина побежал. Прохожие оглядывались на высокого, дорого одетого, с ослепительной шевелюрой человека. На подступах к почтамту он перевел дыхание. В зал вошел неторопливо. Направился к отделу «До востребования». За барьером сидела полная рыжеволосая женщина. Он отметил: «Перекрасилась!» Подошел. Сине-зеленые глаза скользнули по нему. На мгновение в лице женщины что-то дрогнуло.

«Постарела. Особенно руки. Смотрит, словно под гипнозом».

Он быстро отвернулся и вышел на улицу. Сел неподалеку в скверике. Стал ждать.

«Скоро пересменка. Пойдет домой. Подойти?»

Минут через десять появилась она.

«Подойти?» — все еще решал он.

Она шла легко. В рост она не была такой полной, как показалось в зале за барьером.

«Длинные ноги. Походка та же».

Он уже решился подняться и подойти. Но что-то в последний момент удержало его.

«Нет! Зачем? Да и как объяснить? Перепугается».

Мужчина поперхнулся. Глаза защипало.

«Господи! Все, как раньше. Я думал, что давно уже все отмерло. Не как у людей...»

Из кустов выскочили двое ребятишек. Загорелые, светловолосые.

— Мама! — завопил один из них. Нос и щеки в веснушках.

«Этот подходящий. Этот, пожалуй, тот. Мой!»

Встал и пошел за матерью с сыном. Крадучись, сторонясь и боясь упустить из виду.

Но вот мальчишки отстали. Женщина ускорила шаг и вскоре пропала в аллее Приморского сквера.

— Ну что, парни! — окрикнул он ребятишек.— Какие проблемы?

— Проблем хватает,— ответил тот, которого он выбрал.

— Может, я помогу?

— Бабки нужны,— хитро сощурился конопатый.

— Тоже мне проблема!

— Если для вас бабки не проблема, то мы с вами дружим,— ответил второй.

— А зачем вам бабки?

— Цирк приехал,— ответил конопатый.— Билетов не достать. Но тут один обещает за тройную плату.

— И что, интересный цирк?

— Там фокусник один. Он пилит бабу на виду у всех. Настоящей пилой. А потом она срастается, снова живая становится. Охота посмотреть.— Глаза конопатого горели. Он даже взмок от предвкушения счастья.

Мужчина дал мальчишкам денег. Наказал взять билет и на его долю.

Ждать пришлось недолго.

Размазывая по лицу пот и слезы, оба выскочили из-за угла, стали наперебой жаловаться, что Козел их надул. Деньги забрал, а им еще и пинкарей навтыкал.

Пришлось идти разбираться. Козел — невысокий вертлявый неопределенного возраста человек, увидев, что мальцы вернулись с заступником, пытался улизнуть. Но разве от пацанов скроешься. Тогда он решил идти ва-банк. Подлетел к заступнику и давай брать его на испуг. Пришлось поставить беднягу с ног на голову и

вытряхнуть из него все содержимое — деньги и пачку билетов в цирк. Козел вопил, брыкался. А потом, когда заступник выпустил его из железных своих рук, предпринял козырную атаку.

— Пусть пацаны берут свои билеты, остальное отдай, иначе не обрадуешься.

Но деньги и билеты были уже подобраны. Судя по всему, их никто не намеревался отдавать.

— Длинно-белый. Ты, я вижу, приехалом. Имей в виду, Морфий тебя накажет. Не слыхал про такого? Ну подожди, услышишь. Вертай бабки и квитки по-хорошему, иначе...

— Что? — передразнивая Козла, воскликнул один из мальчишек.— Морфием пугаешь? Это тебя Морфий наследства лишит, если я ему расскажу, как ты хотел нас надурить. Да, да! Морфий — мой дядя. Понял, Козел?!

После этих доводов Козел исчез. А троица пошла к Цирку и, к восторгу оставшихся без билетов, стала раздавать их бесплатно. Начиналось дневное представление. И троица с наслаждением смотрела, как фокусник пилил девицу. Сам проваливался сквозь землю. Спускался с неба в кубическом ящике. И всякое другое творил — невероятное, несусветное.

После цирка Длинно-белый провожал прия-

телей домой. Один из них жил тут же, на Набережной. Другой подальше. Когда Длинно-белый остался наедине с конопатым, он обнял его за плечи, поднял и поцеловал.

— Что это за новости сезона? — вывернулся из рук мальчишка.

— Извини, брат,— смущенно пробормотал мужчина.— Это я так. Больше не буду.

— Ладно, извиняю,— пробормотал мальчишка. И вскоре забыл об этом инциденте, который, судя по дальнейшему, нисколько не убавил его интереса к Длинно-белому.

— Где это вы так ловко изучили приемчики, которыми скрутили Козла? — спросил конопатый.

— Да было дело,— уклончиво ответил мужчина.

— А кто вы? Откуда? — не унималось любопытство мальчишки.

— Ну что ж, давай знакомиться. Тебя-то я уже знаю, как звать. Мак?

— Мак.

— Что ж, вполне иностранное имя. Я тоже иностранец. Только что из Франции. По заданию.— Глаза его улыбались. И Мак недоверчиво спросил:

— Неужели шпион?

— Боже избавь. Я прибыл сюда, чтобы спасти хорошего человека. И другого — только другой человек плохой, очень неважный, надо сказать, типус.

— Значит, вы из Интерпола. Я читал, что эта полиция помогает тем странам, которые сами не могут со своими бандитами справиться. Да?

— Что-то вроде того,— нахмурился иностранец.

— Какие же тут в нашем городе могут быть преступники?

— Есть и у вас. Да еще какие!

— Вы, наверное, имеете в виду наркоманов?

— Ты угадал.

— Ясно! — заключил Мак и пристально взглянул на Длинно-белого.— Мне надо бежать. Мама не любит оставаться одна по вечерам. Спасибо вам за цирк...

— Мы еще увидимся, Мак?

— Ладно, - чуть подумав, решил Мак. И побежал прочь.

— Только у меня одно условие,— крикнул вослед иностранец.

— Какое?

— Приходи на мол. Но только один, без приятеля.

— Ладно. А почему?

— Сам понимаешь, конспирация у меня. В тебя я верю, а вот приятель может проболтаться и все испортить. Я имею в виду мое задание.

— Согласен,— ответил Мак уже на бегу.

Всякий раз, возвращаясь, он как бы предчувствовал, куда возвращается. В калейдоскопе уходов и возвращений он не видел никакой закономерности или системы. Выныривая из небытия чаще всего в новом для себя месте, он тут же ориентировался во времени и пространстве. Шел туда, где был необходим, сразу же находил пару: убийцу и жертву. И, не теряя ни минуты, начинал работать. Зачастую времени не было не только на отдых, но и на размышления. Уходы порой следовали один за другим. И тогда он воспринимал все происходящее с ним как мучительно затянувшийся сон,— тяжелый и изнурительный. Обычно после такой серии он попадал на какое-то время в родной город. Здесь отдыхал, иногда довольно долго: неделями, а то и месяцами.

Где его только не носило, какими только способами его не отправляли на тот свет! В последний раз в него всадил всю обойму из автомата чернокожий наркоман, захвативший частную аптеку в предместье Лиможа. Арусс только приступил к

службе. Взяли его подменным патрульщиком в дорожную полицию, и поступил сигнал о захвате аптекаря с женой и дочерью. Когда прибыла группа захвата, Арусс предложил комиссару полиции свой план. Мол, он с мегафоном пойдет прямо к парадному входу в аптеку, а ребята, пока он будет переговариваться с захватчиком, ворвутся через черный ход. Для пущей важности Арусс надел жилет. Короче, он беседовал с черным наркоманом до тех пор, пока не увидел, что ребята вошли в помещение. Тогда Арусс бросил матюгальник, начал стрелять и вламываться в аптеку с улицы. Его сочли ненормальным, однако проверить это не представлялось возможным, так как прямо от аптеки его повезли в морг, откуда он благополучно испарился.

Еще в ушах пробуждающегося Арусса звучало: «Призри, услышь меня Господи, Боже мой! Просвети очи мои, да не усну я сном смертным», а сквозь тяжелые веки уже текло солнечное земное сияние. Ушные раковины наполнялись шумом, так памятным какой-то пока не определившемся в сознании гармонией.

«Все возвращается. Скоро я все увижу и пойму».

И тут сверкнула радостная искорка: «Домой

еду!»

И дернулся, и вышел на поверхность того, что глухо и отдаленно шумело, и задышал.

«Дома!»

Сюда он возвращался всегда морем. Выходил нагишом где-нибудь на диком пляже. Шел именно туда, где ждала его одежда. Одевался — и в город. В карманах всегда находились деньги. Он не торопился, гулял, рассматривал заметно изменившийся облик города. Вспоминал.

На следующий день они встретились. Катались на морском трамвайчике. Поднимались в горы по канатной дороге. Рассматривали город и море в подзорную трубу. Обедали в ресторане на скалах. А когда вернулись в город, Арусс почувствовал, как накатила стерегшая его все это время тоска.

— А кто у тебя отец? — все-таки вырвался этот вопрос. Стоило только зазеваться — он и вылетел, словно птичка из клетки.

— У меня знаменитый отец,— ответил Мак. И было в его голосе нечто неведомое Аруссу, но такое необходимое. Что оно такое? Всего несколько слов. Короткая фраза, а столько в ней этого самого... что Аруссу захотелось схватить мальчонку, вцепиться в его щуплое тельце, полное будущего, дышать ароматом родным. И говорить ему. И

внушать ему что-то. Пусть поймет, пусть запомнит, что этот Длинно-белый, надежный человек, и есть его отец.

— Чем же он знаменит? — только и спросил Арусс.

— Он был скульптором. Только рано умер. На выставке, устроенной после его смерти, были показаны все его деревяшки, его хвалили и почти все раскупили. За большие деньги. Осталась самая малость, у Коляни. Коляня сказал, что отдаст мне, когда я стану совершеннолетний.

— А ты был на той выставке?

— Нет, я тогда совсем малой был. Это мне Коляня недавно пересказал, да и мамка кое-что сообщила. У Коляни осталась одна, как все говорят, шедевральная статуэтка. Когда вырасту, заберу ее. А пока она стоит в мастерской.

— Что же это за статуэтка?

— Женщина из красного дерева. Очень красивая. Из дерева, а как живая.,. Я даже боюсь в той комнате, где она, один оставаться, такая она...

— Что ж! — пробормотал Арусс.—Я рад за тебя! Как же фамилия твоего отца, ну и твоя, конечно?

— У нас разные фамилии. Мама не успела с первым мужем развестись. Жила с этим нелегально. А когда он умер, тогда ей было все равно, какая

фамилия у меня будет. Неправильно она сделала. Надо было записать меня на фамилию моего отца. Когда стану совершеннолетним, возьму себе его фамилию. Так я решил. Правильно?

— Правильно, малыш! — Арусса качнуло.

Заметив это, мальчишка сказал:

— Пойдем в тенек. Посидим в парке. Жара сегодня несусветная. Да и день такой.

— Какой такой день?

— Магнитные бури. У мамки всегда накануне реакция. Ее тоже качает.

— А у тебя?

— Меня не берет. Мне эти бури нипочем. Я весь в отца. А мамка никогда через перевал не ездила, в море не выходила даже в штиль. А самолета и в глаза не видала, качки не переносит.

Придя в парк, Арусс и Максим уселись под старым раскидистым ливанским кедром. Глядели на море и горы. Дышали духом древней хвои. И младшему из них казалось, что они уже однажды вдвоем под этим самым деревом сидели. А старшему вспоминалось их первое свидание под этим деревом, возле этой клумбы, когда впервые плоть породившая соприкоснулась с плотью рожденной, чтоб запомнить этот контакт навеки.

Арусс обнял ребенка. Мальчишка приник к

нему лицом, слушал сердце и, казалось, узнавал его по гулкому стуку.

— Ты скоро уедешь?

— Завтра-послезавтра.

— А я это почувствовал сегодня.

— Ты не хочешь, чтобы я уезжал?

— Не хочу.

— А чего бы ты хотел?

— Чтобы мы жили вместе: ты и я... и мамка. Ты не думай! Она у меня красивая. Знаешь, как на нее мужики оглядываются! И добрая она... и умная.

— Спасибо тебе! — прошептал Арусс.— Я знаю... То есть я так и подумал, что она у тебя такая.

— А почему ты так о ней подумал?

— Потому что твой отец не полюбил бы никогда некрасивую, злую и глупую.

— Ты тоже умный, раз так рассудил. И с виду ничего... Но для мужика быть красивым необязательно.

— Это с чего ты так решил?

— Это Коляня так считает. А я с ним согласен.

— А почему ты с ним согласен?

— Во-первых, он друг моего отца. Во-вторых, отец его любил... Он сказал, а мамка подтвердила.

— Ну поженились бы они с твоей мамкой.

— Что ты! Коляне нельзя. У него своя семья. Но не только поэтому нельзя. Он вообще считает, что художнику жениться вредно. Семья ему мешает свободно творить. Да и другое есть, что помешало бы им пожениться.

— Интересно, что это — другое?

— Коляня мал ростом, бесхарактерный. А мамке моей нужен авторитетный мужик. Чтоб глянул, сверкнул глазами — и все. Это она сама мне так объяснила. Понимаешь?

— Не совсем.

— А я понимаю мамку. Очень хорошо понимаю.

Арусс слушал этот голос. Дышал рыжей макушкой своего малыша. Дышал до спазмов в горле и сердце. Душа его пела и плакала. И он боялся, что смятение его души как-нибудь почувствует мальчишка. На счастье, душа ребенка пребывала пока еще в стесненном состоянии, подобно туго свернутой спирали. И доступны ей были те лишь сигналы извне, которые она ждала и хотела услышать.

— Слушай, я тебе еще хочу кое-что сказать напоследок.

— Говори, слушаю тебя.

— Я хотел тебя заложить Морфию. Он ведь мне дядя, мамкин брат, и ко мне хорошо относится. Матери помогает. Если его арестуют, то все пропало.

— Что все?

— Все его богатство накроется. А он обещал, когда постареет, все свои деньги мне отдать.

— И ты возьмешь?

— А ты бы не взял?

— У Морфия не взял бы...

— Так ты приехал, чтобы арестовать его?

— Я никогда никого не арестовываю. Тюрьмой, наказанием ничего не исправить в человеке.

— Значит, ты не тронешь Морфия?

— Нет.— Арусс наклонился и, глядя в глаза Мака, спросил: — Ну и почему ты не заложил меня Морфию?

— Он бы тебя убил. А я против убийств.

— Я тоже против убийств,— повеселел Арусс. И поднялся, и вздохнул,— Ну что, прощай и не поминай лихом. Помни меня, малыш, и не обижай мать.

— Постараюсь,— ответил Мак и шмыгнул носом.

— Будь счастлив, перебежчик!

— Почему ты назвал меня перебежчиком?

— Да так, вспомнилось кое-что. Однажды одной женщине приснился, а у другой родился один и тот же ребенок. Он как бы перебежал от одной к другой. То был мой сын. Ты мне напомнил его. Понимаешь?

Арусса разбудил телефонный звонок. Звонила жена Коляни. «Несусветная женщина», как прозвал ее сам Коляня, разбудила ни свет, ни заря! И чего ради? Ну, не ночевал муж дома. Что ж он не имеет права переночевать где захотелось? Он художник. Ему свободы хочется. А тут контроль... Арусс тогда едва сдержался, чтобы не нагрубить. Посоветовал отправиться «несусветной женщине» в мастерскую, полагая, что Коляня заночевал именно там. Всегда так делает, когда малость переборщит в питии. Только положил трубку, собственная жена на хвост упала. Сон ей, видите ли, приснился. Ну и что за сон? А сон поразительный. Идет «якобы она в полном тумане. И видит, стоят две женщины: сочувственно на нее глядят. Она подходит к ним и говорит: помогите мне, у меня такое горе, я сына потеряла... Женщины переглянулись, ни слова не сказали. Старшая осенила ее троеперстием. Младшая руку простерла — путь указала, куда ей идти...

Она могла бы родить Максимку. Но потеряла такую возможность. Ибо дети рождаются в любви. В ненависти ничего не рождается, кроме горя. Она потеряла, а Сандра нашла.

Арусс вернулся в мастерскую, где всю ночь точил из моржового клыка кольцо...

И лишь под утро решился позвонить. Сначала той, что потеряла. Потом той, что нашла.

Ответил незнакомый, довольно приветливый голос. Он и объяснил, что теперь по этому адресу живут другие. А прежние хозяева переехали в разные места. И мать, и дочь повыходили замуж и разъехались.

Арусс облегченно вздохнул. И позвонил той, что так больше и не вышла замуж.

— Сандра, ты слышишь меня?

— Кто это? Кто звонит?

— Не узнаешь? Сандра, давай повидаемся. Завтра я... Словом, у меня остается меньше суток. И я не могу не повидаться с тобой.

— Арусс?

— Только пе пугайся. Приходи скорее...

— Куда?

— Я тебя жду там, где всегда...

— В мастерской?

— Да, да! Жду, приезжай.

— Ой господи! Я боюсь...

Арусс положил трубку. Пошел на кухню. Поставил чайник. В мастерской все оставалось по-прежнему. Старый друг оказался верным другом. Сохранил работы. Сам же автор смотрел на свои произведения — главным образом деревянные статуэтки, небольшие горельефы...— совершенно чужими глазами. Он приходил сюда ночами. Коляня, как правило, допоздна не засиживался, принципиально не работал при электрическом освещении. Арусс после его ухода открывал дверь своим ключом, благополучно пролежавшим все эти годы в тайничке под крыльцом, забирался под крышу некогда милого пристанища и точил из моржового клыка перстень-близнец своему деревянному.

Сандра влетела в мастерскую, как бывало некогда,- тяжело дыша от волнения, граничащего с обмороком. Арусс шагнул к ней. Она замерла, поставив перед собой руки.

— Не подходи.— И перекрестила его троекратно.

— Этого-то я и опасался прежде всего,— пробормотал Арусс.

— Какой же ты старый! Ты зачем явился, Арусс? — Сандра, не сводя с Арусса полных страха глаз,

попятилась к стулу, села на краешек.

— Ты думаешь, я с того света явился? — Арусс тоже сел — возле стола, стараясь и движением больше не тревожить и без того потрясенную Сандру.

— Господи! Откуда ж тогда? — прошептала опа.

— Ты к общем-то недалека от истины. Но все-таки я живой. Я не привидение, не тень. Я человек. И не мог покинуть этот город, не повидавшись с тобой,— Арусс хотел было коснуться Сандры. Она вскрикнула и потеряла сознание.

Арусс поднял ее и положил на диван, побрызгал на лицо водой. Со стоном Сандра открыла глаза.

— Завом ты явился, Арусс? За мной? Но ведь я еще не старая. И ребенок у меня пока еще маленький. Всего девять, десятый... Арусс! Ну что я тебе плохого сделала?

— Успокойся, Сандра. Милая! Не нужна ты мне! То есть очень нужна. Я люблю тебя. Ты, как теперь вижу, остаешься единственной женщиной, которую я любил, люблю... Вот не мог, не повидавшись, уйти! Прости! Мне ничего не надо. Поверь, ничего не грозит ни тебе, ни нашему мальчику...

— Ты! Ты что и с ним хочешь... или уже? — Сандра приподнялась, пытаясь сойти с дивана.

— Не волнуйся, Сандра. Ты ведь была такой смелой, отчаянной. Ну что ты в самом деле?.. Да, я видался с Максом. Мы с ним даже подружились. Хороший пацанчик растет. Смотри за ним. Не подпускай к нему Морфия.

И вот эти слова, эта житейская опаска отца за сына как-то отрезвили перепуганную Сандру. Она глубоко вздохнула, села, спустив голые ноги под пол.

— И ты признался? То есть он знает, кто ты?

— Нет! Он так ничего и не узнает. Просто мы провели вместе несколько замечательных дней. Вот и все, что позволено мне. Сандра!..

— Все! Все! —исступленно кричал ее шепот.— Будь ты хоть мертвяк, сатана, тень на плетень...— С тобой! Вместе. Никуда больше не пущу. Не пущу! Все!

— Ладно! Ладно, Сандра. Угомонись. Ну вот... Молодец моя! Золотая моя девочка... Сладкая... Радость моя.

Сандра вдруг заплакала.

— Я забыла,— срывающимся от рыданий голосом бормотала она.— Я забыла все твои слова. Да и какая там девочка. Сорок лет скоро. Дочка замужем. Скоро внуком наградит. А ты мне: девочка... Господи! Не отдам тебя больше никому.

Ни за что...

...Ты очень постарел, Арусс! — после долгой паузы раздалось в темноте.

— Таков закон неба,— ответил Арусс. И тут же спохватился.

— Закон чего? Неба? — Сандра приподнялась на локте. И кошачьи ее глаза полыхнули, как в прежние времена.

— Не знаю. Наверное, я не должен тебе был это говорить. Но меня относительно этого не предупреждали, и я хочу тебе кое-что рассказать. Помнишь, когда-то здесь на этом диване я рассказывал тебе об этом вот деревянном колечке.

— Да! Хотя я тебе тогда не поверила. Значит, правда, если вспомнил. Выходит, это она — та баба — тебя и захомутала. Забрала тебя у меня?

— Она, но...

— Ты знаешь. Я все эти годы так и думала, что ты с нею.

— Она-то она. Да все не так, как ты думаешь. Хочешь, я расскажу тебе дальше?

— Хочу, милый. Хочу... Но только... не сию минуту. Чуть позже, позже, позже...

— В следующий раз мы встретились с нею осенью. Я пошел в горы — поискать древесины.

— Так ты завтра, то есть уже сегодня должен к

ней вернуться?

— Не перебивай. Прошу тебя, послушай...

— Если не хочешь отвечать — значит к ней. Здорово же она тебя захомутала! И как это у них получается? Умеют же! Есть же такие бабы.

— И к ней и не к ней. Да и не баба она!

— А кто же? Девица? — Сандра горько рассмеялась.— Или ангел?

— Ты недалека от истины, Сандра.

Легкий морозец высушил окрестности. Кончился слякотный период, начался звонкий и прозрачный. Среди слегка отстекленевших ветвей скачет крохотная пичуга. Она посвистывает. Клюет что-то среди покрасневших веточек. И лапки у нее тоже ало-золотистые.

«Пусть бы так всю жизнь»,— всхлипнул кто-то рядом. Я оглянулся и понял, кто это. Так у меня уже бывало. Свой внутренний голос и даже вслух произнесенные самим же слова вдруг покажутся прозвучавшими извне.

«Господи! Наверное, такова вечность!» — пробормотал я. И услыхал: «Ты недалек от истины...» Голос был мне знаком, хотя и не походил на мой собственный. Во всяком случае, я его уже слышал. Я хорошо помню, где, когда и как это было. Я обрадовался. Прошло почти три месяца с тех пор,

как я увидел эту странную женщину в троллейбусе. Все это время я ношу на безымянном пальце ее колечко. Из какого оно дерева, выяснить не удалось. Местные специалисты так и не пришли к единодушному выводу. Кто-то предположил, что оно из можжевеловой древесины, кому-то показалось, что это красное дерево. Один ювелир предположил даже саксаул... Кольцо было необыкновенным. Оно все время блестело, как платиновое, и пахло. От него постоянно исходил приятный, ни на какой другой не похожий аромат.

Я снова оглянулся и никого не увидел. Однако голос подал.

«Значит, недалек от истины. Так всегда — не хватает какой-нибудь малости до полного счастья».

«И все равно этого не так уж и мало, даже, быть может, много для... Мне теперь трудно судить. Истина — я знаю наверняка — не угадывается, а познается. И то, что кто-то сумел приблизиться к ней, совсем не плохо. Надо ждать. Ощутишь свет в душе, притаись и жди. Возможно, тебе посчастливится в этой жизни...»

«В этой? Выходит, что была или будет еще другая?» И тут я ее увидел. Она была в том же наряде:

вязаное платье едва достигало загорелых колен. Короткая русая коса, темно-зеленые глаза.

— Почему ты босая? — вырвалось у меня.

Она стояла на фоне розовокожего куста жасмина, по которому только что бегала птичка.

— Ты уже прожил семь раз по семь... Йота. Мое имя Йота. Наше с тобой имя.— Она поднесла руки к своему лицу, подышала на них. И пальцы ее засияли, словно подсвеченные.

— Семь раз по семь? — воскликнул я, чтобы хоть как-то отвлечься, потому что светящиеся кисти рук ее меня напугали.

— Сорок девять жизней из ста восьми.

— Значит, осталось,— пытался я подсчитать, но, к удивлению своему, никак не мог справиться с элементарным арифметическим действием.— Осталось не так уж и мало.

— Пятьдесят девять раз осталось,— уточнила Йота.

— Ну и что с того? — подосадовал я.— Разве я что-нибудь помню из того, что со мной было в те сорок девять раз?

— А ты бы хотел помнить? Все?

— Зачем же все! Но самое лучшее из прожитого.

— Ишь какой! Лучшего. Так не бывает. Запо-

минается только то, что полезно. И не всегда поэтому лучшее.

— И что же запоминается?

— В первую очередь рождения и смерти...

— Это должно быть ужасно... потому что больно.

— Да. Рождаться и умирать больно. Но не это главное. А то, что при этом видится. Что видится в такие моменты, то и с тобой остается навсегда. Рождения и смерть закрепляют этот опыт. И чувство утраты. Оно непременно в обоих случаях.

— Утраты? Ладно, при умирании — это я понимаю, это чувство естественно, но при рождении?

— Рождаясь человеком, ты покидаешь вечность, то есть теряешь бессмертие, как же тут не сокрушаться. То, что потеря эта временная, человек не знает. Он не знает об этом, потому что не способен понимать сущность бессмертия. Потому же ему не дано помнить, что было с ним в прежние жизни. Это знание ему без надобности, даже вредно.

— Неправильно! Несправедливо! — От возмущения меня перестали пугать неподвижность Йоты, ее сияющие уже до локтей руки.— Не ведая о прошлом, забыв о своих ошибках, человек никогда не станет лучше. Он обречен повторяться,

то есть топтаться на месте.

— Человек никогда не повторяется. От жизни к жизни идет — то медленно, то быстро, у кого как получается — к своему совершенству.

— И кто же это о нас так позаботился? Кто же это нас так жалеет, оберегает? Прямо святая ложь какая-то...

— Будто бы не знаешь...— улыбнулась Йота.— Только не думай, что это правило абсолютное. В нем есть исключения для желающих.

— То есть, если я захочу, мне будет позволено помнить?

— Вспомнить.

— Уж не ты ли спросишь у меня о моем желании?

— Именно я, ты не ошибся.

— Тогда я прошу тебя ответить прежде всего на такой вопрос. С какой стати ты выбрала меня?

— Просто пришел твой срок: ты жил сорок девять раз.

— Но что такое сорок девять раз? А почему такая честь не оказывается, скажем, после сорока восьми, или тридцати девяти, или на сотом разе?

— Потому что семь раз по семь!

— Выходит, это единственный шанс?

— Шансов несколько. Они возникают при

переселении великих цифр: тройки, семерки, девятки.,.

— Значит, у меня в запасе по крайней мере еще два шанса: шестьдесят третья и восемьдесят первая жизни. Жаль, что так мало,

— Кроме этих, у тебя в запасе еще семьдесят седьмая и девяносто девятая жизни. О чем ты сожалеешь?

— О том, что раньше ты не появилась. Жаль мне предыдущих упущенных возможностей,

— Ты сам их упустил. Но ты не помнишь об этом. Ты трижды отказывался.

— Отказывался? Странно. Тогда почему я сейчас готов согласиться?

— Потому что ты пока не знаешь, что за это придется заплатить.

— Заплатить?

— В первый раз ты сказал, что еще не нажился, что у тебя еще будут шансы? Во вторую нашу встречу ты отказался, потому что у тебя все пошло на лад. Ты двигался на редкость успешно. Ты был — как никто другой из твоих ровесников — близок к цели. Тебе оставалось всего одно-два возвращения, чтобы достичь абсолютного. И в тот раз ты был прав. Мы это поняли. В третий раз, когда шла тридцать третья жизнь, все пошло

прахом. Ты был отброшен к началу.

— Что ж я такого натворил, что пришлось начать сначала?

— Ты убил.

— Я? Кого же?

— Теперь это неважно.

— Но я хочу знать.

— Ты узнаешь все, но при условии.

— Каком?

— Тебе придется пожертвовать всеми оставшимися жизнями.

— Всеми?! Это же больше половины. Ничего себе!

Какой-то посторонний звук остановил Арусса на полуслове. Оба затаили дыхание. И услышали, как открылась дверь. В прихожей вспыхнул свет.

— Это Коляня! — облегченно выдохнул Арусс.

— Господи! Этого нам как раз и не хватает.

— Не переживай. Он — пьян. Слышишь, мастерская настежь.

В прихожей было подозрительно тихо. Арусс тихонько поднялся и выглянул. Убедившись, что Коляня и в самом деле лыка не вяжет — то есть лежит в стельку,— Арусс захлопнул входную дверь. Затем бережно перенес Коляню в другую половину мастерской, где и уложил на топчан.

Но едва только сам вернулся к Сандре, как на половине Коляни что-то грохнуло, послышался неистовый невнятный возглас и, ударившись о косяк проема, на половине Арусса появился Коляня.

Щелкнул выключатель. Щурясь в неярком свете, Коляня с изумлением всматривался в негаданных постояльцев, нахально разместившихся на его — теперь его — диване. Жмурился, кряхтел, дергал себя за бороду, изрядно поседевшую за последние девять лет.

— Арусс! Это ты...— спросил, как ответил сам же на свой же вопрос. Отвернулся, слова глянул с хитрецой, махнул рукой, благодушно улыбнулся: — Арусс! На этот раз ты мне не снишься. А если снишься, то как-то не так, как раньше. Во-первых, старый ты какой-то. Слушай, брат, что-то ты сильно постарел! Это что? Это у вас там такая геронтология? Или ты сам выбрал себе этот возраст? Значит, решил взять этот возраст, чтобы отказаться от женской зависимости? — тут Коляня хихикнул и погрозил пальцем.— Шалишь! Меня не обманешь. Вижу! Кто это у тебя за спиной прячется? Баба! Значит, причина в другом. То-то! Ладно! Раз тайна, не говори! Вековуй там себе. Но все-таки странно, что ты такой старый, а с бабой.

Это, во-вторых! А я ее знаю. Ее зовут... Дай бог памяти! Вспомнил! Массандра! Ну коль явились вы мне оба, запечатлею вас. Художник я или не художник? Давно хотел. Да все откладывал. А теперь напишу я тебя, брат ты мой, вместе с нею. Не возражаешь?

Арусс кожей почувствовал, что Сандра намерена голос подать. Прижал палец к губам. Прошептал ей в самое ушко: «Ни звука, иначе он поймет, что мы живые. И его хватит кондрашка. Пусть считает, что это галлюцинация».

Коляня притащил мольберт и холст. Принялся выдавливать краски на круглую палитру. Он красил холст. Он мазал. Он писал. И трезвел с каждым мгновением работы.

Арусс так увлекся, наблюдая за своим феноменальным другом, что не заметил, как заснула Сандра. Очарованный таинством творца, он и сам стал подремывать. И, наверное, тоже бы уснул, если бы не грохот. Это упал вконец обессиленный художник. Арусс поднялся и приблизился к холсту.

«Невероятно,— пробормотал Арусс,— ничего подобного нельзя было бы и вообразить!»

Этюд был практически готов. Особенно удалась Сандра. На холсте было ее и вместе с тем лицо

всех женщин в любви. Это было ее и одновременно роскошное тело всех женщин мира. Чуть увядающее и оттого еще более сладостное. Во всяком случае для тех, кто понимает в этом толк.

«Меня он по памяти допишет»,— подумал Арусс. И отнес на вторую половину мастерской мольберт с холстом, кисти и палитру. Затем аккуратно вытер пол на своей половине, поставил чайник, разбудил Сандру. Они молча выпили чаю. И навсегда покинули это свое прибежище.

— Ну а теперь ты куда? — Сандра крепко вцепилась в него обеими руками.

— Теперь мы расстаемся, золото мое.— Арусс отвел взгляд. Смотреть в лицо этой женщины у него больше не было сил. «Жена твоя, как плодовитая лоза в доме твоем; сыновья твои, как масличные ветви, вокруг трапезы твоей»,— пронеслось печальным мотивом.

— Никуда я тебя не пущу!

— Это невозможно, Сандра!

— Невозможно, что?

— Мне остаться.

— Тогда я с тобой!

— А это тем более невозможно.— Но видя, что глаза ее наполняются решимостью безумия, сдался.—Ладно, можешь проводить меня. Но только

до определенной черты. Я тебя возьму, если ты пообещаешь послушаться. Когда я побегу, ты останешься. Попятно?

— Да! Все, что говоришь, сделаю. Все будет потвоему. Только не уходи сейчас, не бросай меня совсем.

Она не понимала. Она не могла понять, постичь и йоты из того, что он ей пытался рассказать, объяснить минувшей ночью.

«Что ж, такова природа людская: жить не ведая, что это такое жизнь»,— подумал Арусс и сказал: — Иди домой. Отдохни. Потом я позвоню.

— Нет! — Сандру трясло,— Не надо звонить. Говори сейчас, где и когда мы встретимся. По телефону ты откажешься, а я не смогу тебя удержать.

— Ладно. Приходи к восемнадцати часам в парк на наше место. Помнишь? Только оденься получше, в парикмахерскую загляни. Я хочу тебя видеть в полном блеске. Понятно?

— Да! — Она жалко улыбнулась, сжала ему руку и сказала: — Вот теперь я вижу, что ты не обманываешь меня.

В половине седьмого вечера у комплекса «Интурист» остановилось такси. Из него вышли броская, довольно еще молодая женщина и пожилой с элегантными усиками представитель-

ный мужчина. Пара эта машину не отпустила. Водитель, проводив их озабоченным взглядом, развернул свой лимузин и поудобнее припарковался чуть в сторонке.

Однако в зал ресторана, напоминающий зимний сад — так много экзотической зелени наполняло его,— женщина вошла без сопровождавшего ее джентльмена. Благородного вида пожилой мужчина из вестибюля свернул в курительную комнату.

Писателя Сандра увидела сразу. Он сидел, как и объяснил Арусс, за двухместным столиком один и был удивительно похож на Арусса. Такого же роста, с такой же седой шевелюрой, с такими же усиками. Сандре, приблизившейся к нему, внезапно захотелось убедиться: настоящие ли они у него или такие же бутафорские, как у Арусса.

— Можно к вам? — весело спросила Сандра.

Писатель поднял старые свои глаза, слегка уже хмельные, и Сандра отметила, что глазами он с Аруссом не похож. «Сейчас как погонит!» — вдруг подумалось Сандре и она оробела. Но по тому, как загорелись эти мгновение назад пустынные глаза, Сандра поняла, что перед ней еще один совершенно заброшенный, никому не нужный

человек.

— Откуда вы такая? — вскочил писатель.— Ради бога садитесь. Как вас зовут? — Он с каждым словом оживал, распрямлялся. И, не дожидаясь ответов, задавал все новые вопросы: — Вы читали мои книги? Вы меня знаете? Разве мы уже встречались? — наконец он иссяк и потупился.

— Вас ждет в курительной комнате один человек. Он ваш друг,— тихонько проговорила Сандра.

— Друг? А почему он там?

— У него к вам экологическое дело. И он бы хотел сказать вам о нем, но не здесь. Тут много глаз и ушей.

Писатель сразу же поднялся и пошел. Сандра осталась, поудобнее расположилась в кресле. Когда вошел Арусс, она — как ей казалось — интеллигентно обмахивалась фирменным меню в золотом тиснении. Для всех сидящих в зале вернулся не кто иной, как тот элегантный столичный гость — писатель, выступавший всю неделю с беседами о вреде, который будет нанесен природному комплексу в урочище Синяя бухта, чем страшно огорчил местную кооперативную строительную фирму, успевшую заключить взаимовыгодный контракт с одной из английских

корпораций.

А в это время то самое такси, которое не больше четверти часа назад привезло к отелю великолепную пару, на всех парах везло в аэропорт человека в сером плаще и темной широкополой шляпе, через полтора часа благополучно улетевшего в Москву.

— Он, этот писатель, сломал им тут всю игру. Ставки в этой международной пульке оказались настолько высоки, что оставаться столичному лектору-экологу нельзя было ни минуты. Сегодня я целый день трудился, чтобы отправить его отсюда побыстрее. У нас, милая Сандра, остаются буквально минуты.

— Поработать? — похолодевшими губами пошевелила Сандра. Она поняла его слова о минутах правильно и, чтобы хоть как-то удержать этот удар, спросила о первом, что пришло на язык.— А как же! Заказать билет на самолет отсюда да еще в разгар сезона — дело немыслимое. Я никуда не езжу. А самолетов боюсь как черт ладана,— тараторила Сандра, все крепче вцепляясь длинными своими пальцами в руку Арусса. И тут она вспомнила о колечке, которое обнаружила у себя на пальце, когда пришла домой после ночи, проведенной в мастерской.— Арусс! А я и не

заметила, когда ты мне нацепил эту прелесть! — почти истерично вскликнула она.— Откуда у тебя оно? Неужели сам соорудил? Давай сравним с твоим. Ну! Невозможно отличить. Тот же тон, тот же глазок.

— А вот и наш Серенький Козлик писательский заказ тащит,— воскликнул как ни в чем не бывало Арусс.

В подошедшем щуплом, низкорослом официанте трудно было узнать давешнего спекулянта билетами. Арусс с любопытством разглядывал этого — еще одного своего убийцу. Козел, поставивший бутылку вина и закуски, внезапно поднял глаза, словно почуял подмену. Убедившись, что не ошибся, побледнел. Дрогнувшим голосом спросил:

— Что принести даме?

— Спасибо, ничего не надо. Не до того мне сейчас,— встретив взгляд Арусса, Сандра на полуслове смолкла. Арусс тем временем налил вина в два бокала и, подмигнув официанту, предложил и ему: выпьем, мол, за компанию.

— Извините, не пью,— задушевно пробормотал Козел и хотел было смыться.

Арусс перехватил его на первом же шагу и, любезно улыбаясь, приподнял за подмышки и

тихо в опрокинутое лицо проговорил:

— Поди к ним и доложи, что писатель выпил свой херес.

— Зачем вы его спасли? — не своим голосом спросил официант.

Отпустив официанта, Арусс выпил свой бокал и спокойно проговорил:

— Я не его, а тебя, дурашка, спасаю.— И, больше не глядя на серого, совершенно потерянного человечка, взял Сандру под руку, говоря: — Все, Сандра! Пошли на улицу, на воздух, на волю...

Сандра увидела, как побледнел Арусс.

— Зачем, зачем ты выпил? — почти кричала она, догоняя Арусса, устремившегося к выходу.

Он летел в темноту Приморского парка, в самую гущу его. Но везде, куда ни бросал гаснущий взор свой, мелькали лица. Всюду гуляли люди. Арусс несся все дальше, уже не видя и не слыша этой жизни. А следом, задыхаясь от слез и горя, бежала Сандра, обдирая на гравийных дорожках парка лак со своих лодочек на высоком каблуке.

Она летела, чтобы увидеть. И она увидела все — от начала до конца. То самое кольцо на его руке вдруг засветилось, словно накаляясь. Затем вспыхнуло ярким фиолетовым сиянием и тут же брызнуло, словно бенгальский огонь. Еще

несколько мгновений — и лежащее ниц нескладное тело Арусса было охвачено этим беззвучным стремительным огнем...

Уже бордовая муть нависла в зрачках и жизнь разверзлась до полноты вечности, когда он, едва шевеля губами, начал и успел выговорить то, что поддерживало его сознание: «Скажи мне, Господи, кончину мою и число дней моих, какое оно, дабы я знал, какой век мой».

Тесный сырой мощеный двор. Большая тяжелая женщина в халате неопределенного цвета развешивает на невидимом в вечернем полумраке шнуре белье, неловко наклоняясь над жестяным тазом. Прямоугольные пятна белья зависали на фоне сиреневого неба. В старом обшарпанном доме кричала радиола. Переругивались базарными голосами невидимые соседки. Брехала собачонка... Женщина услышала позади себя шаги, гулко отразившиеся от унылых стен, но не обернулась. Вошедший во двор бродяга, в кепке, спортивной фуфайке и холщовых штанах, остановился неподалеку от женщины, ожидая, когда она обратит на него внимание. Услышав покашливание, женщина нехотя обернулась.

«Как изменила ее жизнь!» — поразился бродяга. И снял кепку, обнажив яйцеобразную лысину.

— Снова ты. И не надоело тебе являться? — устало проговорила женщина и отодвинула таз ногой. Таз громыхнул. Ноги у женщины были голые, в синих хризантемах склеротических сосудов.— А что теперь тебя привело? — спросила она.

— Я и сам не ожидал, что снова окажусь тут,— ответил старик хрипло.

— Но как ты нашел меня?

— И в самом деле... Ты ведь раньше не здесь жила.

— Пришлось разменяться,— женщина усмехнулась.— Дочка замуж вышла... А когда в доме две семьи, ничего не остается как разъехаться.

— Дочка счастлива?

— А почему ты не спросишь, счастлива ли я?

— Не слепой, и так вижу...

— Ну и что ты видишь? — она уперла руки в толстые бока, и на миг из глаз, обесцвеченных временем, пахнуло на бродягу далеким, но незабытым светом.

— Говоришь уклончиво. Не бойсь. Мне давно уже не больно и не обидно.

— Как же ты живешь? Здесь?

— По-всякому. Если бы не Коляня, который... Ну, словом, сошлись мы с ним. Нелегально, конечно, он помогает.

— Коляня? Это... замечательно. Слушай, я так этому рад...

— Ладно, ладно. Не суетись. Как можем, так и устраиваемся. Жить-то надо.

— Конечно. Я понимаю. Просто спросил.

— Аж оттуда притопал, чтобы спросить? Вспомнил? Ну и ну! Что ж так долго вестей от тебя не было? Ни посылки, ни письма. Увы. Теперь я другому отдана и буду век ему верна. Так, кажется, в песне поется. Опоздал, милый.

— Я же тебе объяснял, что собою не распоряжаюсь.

— Может быть, и объяснял. Только я не помню ничего. Когда мужа потеряла, началось у меня это. Ничего не помню,— Навалившись массивным животом на колени, она всхлипнула, выхватила мокрое в дырах полотенце, стала утирать рыхлое свое лицо.— А мужик пропал. На моих глазах погиб. Я ж его любила. Души не чаяла в нем. А поделать ничего не могла. Потеряла сыночка.

— Как? — бродяга присел на корточки рядом.— Что ты говоришь? О ком?

— О мальчике моем. Сгорел он синим пламенем. В третий раз в принудиловке лежит. Видал бы ты его! Старик стариком. Мне было двадцать, ему тридцать пять, когда мы познакомились.

Они очень похожи: отец и сын. Первый сгорел на моих глазах. И второй догорает. Старик, старик, старик...— Она покачнулась и, потеряв устойчивость, рухнула на колени.— Я боролась. Не хотела отпускать. А он, упрямый, мне сказки стал рассказывать, мол, я должен, у меня — задача. Все впустую. Вынес из дому все, что можно было продать. А когда уже нечего было продавать, мужеву работу отнес — статуэтку красного дерева. Коляня говорит, что цены ей нет.

Бродяга вздохнул, состроил понимающую гримасу.

— Ну что ты кривишся? — Женщина встала на ноги, принялась развешивать оставшееся белье. Управившись, села на перевернутый таз и сказала почти спокойно: — Ну конечно, тебе должно быть обидно...

— А где он лежит?

— В том и дело, что трупа не нашли. Я побежала за людьми. А когда вернулась, ничего. Пустое место. Я сильно кричала тогда. Ну вот все и сочли, что я спятила... держали в клинике. Я ни в какую не соглашалась с диагнозом, но в конце концов Коляня меня убедил, чтобы я поддалась. Мол, чем тебе плохо — пенсию дадут. Ну и присвоили мне вторую группу. Дали сто рублей. Все равно не хва-

тает. А когда с ним это началось, меня тут и взяло по-настоящему. Пока я находилась в лечебнице, он попался на крючок.

— Я хочу поговорить с ним...

— Ты хочешь узнать, почему это случилось? А кто ты такой? Да, кто ты такой? — спросит он тебя.— Чего ты в душу лезешь? Да пошел ты отсюда,— скажет он. Вот и все, чего ты добьешься. Помочь ему невозможно. За него только отомстить остается. Но это не для тебя. Ты — старый бродяга... А для такого дела нужен ловкий, молодой, храбрый человек.

— Пойдем к нему.

— Куда? Он уже пошел мстить. Его теперь не найти. О нем узнают, когда он достанет этого подонка Морфия. Мальчик поклялся мне. И я его благословила. Он за всех с ним рассчитается.

— А Морфий, где он теперь обитает?

— Всюду. Он везде. Иногда его можно застать у моей дочки. Сначала он ее сломал и сделал своей наложницей. Так он называет своих баб — наложницами. А потом моего мальчика в сети свои завлек. Не горюй, мол, успокаивал он меня, мы ж не чужие. Я сделаю твоего парня наследником. Все движимое и недвижимое его будет. И успокоил. Я уши развесила. Когда ж я увидела,

в кого превращается мой мальчик, кинулась к Морфию, умоляла, на коленях просила спасти дитя. Он и бровью не повел, а только сквозь зубы цедил: «Кто же знал, что он у тебя таким хлипким окажется. Я вот всю жизнь потребляю и ничего». Вот тогда я и сказала ему, что на всякого палача удавка припасена. Он думал, что на него управы нет. И вот пришло время. Дни его сочтены.— Она достала папиросу. Жадно закурила.— Мой мальчик его прикончит. Он у меня смышленый... И он дал мне слово.

— Но ты сказала, что он лежит...

— Да! Он залег. Он в засаде. Не зря мы его с тобой сотворили. Ой, не зря! — Сандра яростно рассмеялась и пошла прочь в темный подъезд, ни разу не оглянувшись на Арусса.

Какой дорогой Фазан пойдет убивать спрятавшегося в горах Морфия? Возможно, и сам виновник переполоха в то раннее утро до конца не решил, с какой стороны лучше подбираться к логову главаря наркобанды. Узколицый жилистый блондин вышел из пещеры, где провел ночь, умылся в ручье; его бледное с воспаленными глазами лицо в тени пробуждавшегося леса казалось старше своих лет. Чуткая и сильная рука насладилась тяжестью и холодком почти

новенького «Макарова», перекочевавшего из вещмешка за ремень под футболку. Оружие холодило живот. Разгоряченное жаждой правого суда нутро Фазана благодарно успокаивалось под этим увесистым холодком. Парень съел плитку шоколада, запил этот свой завтрак холодной водой ручья. И пошел.

Маршрут знал, кроме самого Фазана, еще один человек... Пожилой, лысый бродяжьего вида мужик знал, что мальчишку надо перехватить заранее, то есть до первой заставы, которыми окружил свое убежище полубезумный Морфий, иначе очумевшие от бессонницы боевики поднимут такой шум, что никаких концов не спрятать. Или шустрого Фазана придется вычислять снова. Каждый охотник желает знать, где сидит Фазан. А рассчитывает точно всегда тот, кто спокоен. Молчаливый старик, которому, судя по всему, спокойствия не занимать, Фазана на этом маршруте просто предвидел. Не важно, как ему это удалось. Важно, что именно такой человек вызвался помочь Морфию.

— Тебя рекомендовали достойные люди,— первое, что сказал при встрече ему Морфий.— Твое имя меня не интересует, а какое ты впишешь в свой международный паспорт, о котором ты меч-

таешь, знать не хочу. Мы встретились с тобой, потому что понадобились друг другу. Итак, по рукам? — Морфии не пожал ему руку, а только ударил своей по его открытой ладони. И сказал в каком-то порыве отрешенности: — Такое состояние чаще всего свойственно людям, одержимым какой-либо неутолимой страстью, мучимым какой-либо неизлечимой болезнью. Когда накатывают приступы такой страсти или болезни, нм говорить трудно, смотреть больно, двигаться тяжко.— Словно в мигрени, щурил Морфий глаза, выборматывал слова. Провисшее в гамаке между двумя березами немолодое, изувеченное судьбой, бесполого вида существо вещало: — Мальчишка опасен, но к счастью, наивен. Он думает, что я спрятался от него. Пускай думает. Пусть ищет. Пусть олухи из моей охраны не спят ночей. Пускай все, кто посвящен, все время талдычат себе и друг другу, как опасен мальчишка, как напуган я. Для чего? А для того, мой милый, чтоб ты — никому не известный в этих местах человек — мог спокойно еще на подступах к моей даче остановить этого сумасшедшего малолетку. И уйти. Спокойненько уйти.

Пусть подозрение падет на меня. На кого еще? Начнут таскать меня, моих ребят... Таскать им

не перетаскать! Ни я, ни мои подсобники ни под гипнозом, ни под наркозом не проговоримся, потому что чисты. Мы не убивали...

А вот тебе твое главное оружие. Если же мальчик остановится, начнет прислушиваться к тебе, подпустит к себе, расстарайся, изловчись, дорогой мой, но введи ему эту вполне детскую дозу. Я бы хотел обойтись без кровопролития: не чужой он мне. Потом он постепенно войдет во вкус и сам ничего другого не захочет прежде, чем не ощутит головокружительного поцелуя белого жала. Паспорт я тебе принесу сам. Туда. На место. Подождешь там, ко мне не поднимайся.

Арусс вышел на Фазана, как и предполагал, в овраге. Парень буквально носом к носу столкнулся с Аруссом. Тут же выхватил «Макарова», но, разглядев, что руки Арусса пусты, успокоился.

— Кто ты? И чего тут шляешься? — воскликнул с хрипотцой Фазан.

— Какой же ты однако недружелюбный и невежливый, Фазан! — мягко ответил Арусс.

— Ступай своей дорогой. И не оглядывайся. А не то получишь свинцовую оплеуху.

— Это от кого же получу? От тебя или от Морфия?

— Ах вот оно как! — Фазан вскинул пистолет,

навел его на Арусса.— Одна, значит, компания. Тем хуже для тебя.

— Морфию ничего не стоит тебя уничтожить. Подумай, почему он этого до сих пор не сделал?

— Я исчез. Меня нигде нет. Но я всюду.

— Исчез. Как знакомо мне это.

— Я ушел от людей. Я ненавижу ваш мир. Я туда не вернусь.

— Будешь, как Робинзон, жить?

— Я должен уничтожить Морфия. Это моя цель. А потом неважно, что и как будет.

— Ты не знаешь своей цели. Мало кто знает ее. Убить человека — это не цель. Это — незнание. Зачем ты хочешь убить? И разве этим что-то можно поправить? От людей уйти невозможно, если ты человек. Тебе кажется, что ты ушел, спрятался. А я ведь вычислил тебя без особого труда.

— Видать, Морфий, знал кого нанимать. Сколько он тебе заплатил, дед? Что ж ты так промахнулся? Почему не напал на меня? Или Морфий послал тебя для другого: отговорить меня от покушения? Не верю.

— Он сказал, что не хочет пролития родной крови. Он что, твой родственник?

Фазан заозирался по сторонам:

— Если ты мне заговариваешь зубы, имей в

виду, как только они появятся, первым, в кого я стреляю, будешь ты.

— Все равно не успеешь. И вообще нам лучше не поднимать шума. Да и стреляют они лучше. Уж ты поверь мне. Повидал я стрелков.

— Не пугай! Я обязан увернуться. И я увернусь. Только они меня и видели. У меня хороший слух. Я их услышу заранее.

— Ничего такого не будет. Никого поблизости нет. И мы с тобой скоро уйдем отсюда. Я не хочу, чтобы ты убивал. Моя задача — остановить тебя. Любой ценой.

— Но кто вы?

— Я — искупитель.

— Искупитель?

— Я пришел, чтобы искупить твой шаг. Не ты не должен убить, ни тебя не должны убить.

— Я не боюсь смерти.

— Ты не чувствуешь страха, потому что не знаешь.

— Чего не знаю?

— Просто: не знаешь. Нет в тебе знания. А я знаю, и мое знание — оберечь тебя.

— Ты ангел? Хранитель? Для ангела ты старовато выглядишь.— Фазан отступил и, прикрытый, широким стволом кедра, намерился броситься

в овраг, заросший густо лещиной и папоротниками.

— Постой, малыш. Еще пару минут... Я хочу дать тебе знание.

Фазан нехотя, словно помимо своей воли, остановился. Он услышал, а потом и увидел сон:

«Господи! Но ведь это и есть вечность!» — то был голос старика ангела.

«Ты не далек от истины».— А это был голос какой-то женщины, которая смотрела сначала на этого ангела.

Когда Фазан перевел взгляд на ангела снова, тот уже не казался престарелым. Он помолодел на глазах. И стал похож на Макса.

«Не далек? Снова не хватило самой малости, чтобы познать ее?» — спросил ангел.

«И этого не так уж мало. То, что приблизился к ней, не так уж и мало. Притаись теперь и жди. Быть может, посчастливится тебе и ты продвинешься в своем познании еще на йоту, чтобы больше никогда уже не начинать сначала».

«Что ж я такого натворил, что пришлось начать сначала?»

«Ты убил».

— Я? Кого же?

— Узнаешь все, но при условии. Тебе придет-

ся пожертвовать всеми оставшимися своими жизнями.

— Всеми пятьюдесятью девятью? Это же больше половины! Во имя чего или кого такая невероятная жертва, разве знание своего прошлого стоит того?

— Знание, конечно же, ценится весьма высоко. Но не настолько — ты прав. Ты погибнешь и воскреснешь пятьдесят девять раз в течение этой жизни для того, чтобы спасти отброшенных.

— Отброшенные — это те, кто, как некогда я, нарушили заповедь.

— И тебя спас Некто. Погибая от твоей руки, он искупил твою вину. Потому ты живешь дальше.

— А если бы этот Некто не...

— Ты бы исчез из поколения... Пока ты нарушал иные заповеди, ты откатывался к началу ненамного. «Не убий» — заповедь, которая отбрасывает всякого к «нулю», если есть Жертвователь. Такая жертва, конечно, компромисс. Но что делать? Люди оказались не такими паиньками, как думалось в момент творения.

— А если бы мне не досталось Жертвователя — такое бывает?

— Ты бы не успел к Абсолютному, потому что был бы отброшен слишком далеко. Дальше «ну-

ля». Иными словами, ты был бы просто убит. Убивая человека, он гибнет навсегда, потому что сущность его становится иной. Она исчезает из своего поколения. Ее отбрасывает в предыдущее, а возможно, еще ниже.

— Это как понимать?

— Люди — одно поколение. Потом — звери, за ними птицы, затем рыбы и так далее — насекомые, черви... Они ждут, когда мы уйдем, освободим для них тропу разума. Пока мы здесь, они не могут стать теми, кем являемся мы.

— Но ведь я так далек еще от цели...

— Не так уж и далек. Всю землю ты уже видел. В тебе течет кровь всех рас и народов. Ты был и женщиной, и святым, рабом и повелителем, поэтом и воином... Словом, ты успел немало, ты уже знаешь главное — себя. И если ты примешь это предложение, все остальное уже не твоя забота.

— И кем я стану в конце концов?

— Конца концов нет.

— Но ведь есть же начало начал.

— Да! По это не значит, что должен быть всему конец. И по спрашивай больше. Никогда не опрашивай о награде. Иначе тебе не будет воры. Кто слуга, кто ученик, кто апостол, кто ангел — неведомо никому, пока Там тот или иной из

нас не понадобится.

— Но кто же ты?

— Насельница. Мы все Там насельники и большего не ведаем. Каждый ни нас опекает каждого из вас. Вот и вся наша забота. Но любой из Нас может быть призванным. Лишь тогда призванному открывается, кто же он есть. Тебе могу открыть: высот особых тебе дано не будет, потому что ты убил.

— А разве есть такие, кто не нарушал эту заповедь?

— И немало.

— И все они апостолы?

— Зачем же! Апостолов двенадцать. Больше не надо.

— А куда же деваются праведники?

— Они набирают себе учеников и покидают наш абсолютный мир. Уходят в иные. И там творят все, как это было здесь.

— Значит, здесь мало кто остается.

— Сюда возвращаются те, кто устал — кто сотворил свое в своем мире. Возвратившись к началу начал, отдыхают, чтобы снова уйти надолго.

— Значит, покоя нет нигде.

— Ты согласен?

— Но я же ничего не знаю.

— А что тут знать. Смотри в оба и ты увидишь. Ты все увидишь, если будешь внимателен. Главное, не пугаться. Бесстрашный, ты не допустишь, чтобы люди убивали друг друга.

— Допустим, такой убьет меня... Но разве это не преступление? Он убьет, и это сойдет ему с рук. И тогда, оставшись безнаказанным, он убьет еще кого-нибудь и потом еще, еще...

— Ты рассуждаешь по-человечески, по логике земной жизни... Да! Ему ничего не будет, потому что ты через несколько минут встанешь и уйдешь. Никто не будет убит. Человек же, свершивший это с тобой, в ужасе убежавший от тебя — бездыханного — прочь, никогда не забудет о своем преступлении. Он никогда не забудет о содеянном. Душа его будет болеть. А это самая невыносимая боль — душевная.

— А как я узнаю, что срок мой кончился, что все пятьдесят девять раз позади?

— Для этого и дано тебе колечко... Когда останется одна жизнь, то есть на предпоследнем разе, кольцо тебе подскажет.

— Как?

— Оно покинет тебя.

— Неужели никак нельзя иначе спасти? Непременно через пролитие крови?

— Без крови нет жизни земной. Без боли — тоже. Зверя, и птицу, и рыбу добывает человек, чтобы жить. И цена этому — кровь и боль. Рождение девушки из девочки, женщины из девушки — все через боль и кровь. И самое главное в людском мире искупление — тоже через пролитие крови и смертное страдание. Потому-то по сей день вкушаем мы плоти и крови Заступника нашего. Иного же причастия к нему нет у нас.

Осознав свой путь, он принял новую свою участь, и хандра покинула его. Теперь он был светел и легок, потому что у него появилась неизбывная забота о других, подобных ему и вместе с тем нуждающихся в его участии...

— Ты что-нибудь понял, малыш? — услышал Фазан голос старика и открыл глаза. Снова зажмурился. Потряс головой. Засунул «Макарова» за пояс.

— Ты иностранец?

— Нет. Я тутошний.

— Там ты молодой. И очень похож на одного человека. А кто она, с которой ты разговаривал?

— Насельница она.

— Не понимаю, что значит насельница.

— Поселенка вечности.

— Но как это можно?

— Сам не знаю, как это можно.

— Я не верю тебе. Ты ловкий старик. Я ухожу, иначе ты меня охмуришь окончательно, а я должен достать Морфия.

— Подожди! — со стоном позвал Арусс.— Ты не ответил мне: за что ты его хочешь убить?

— Он, конечно, тебе не объяснил, с чего это я начал на него охоту. Еще бы! Так слушай. Он погубил моих брата и сестру. Вколол ей вполне детскую дозу, а брата сделал своим подручным. Теперь Мак за поцелуй белого жала на что хочешь пойдет. Он и меня пристрелит. Пристрелил бы, если бы... Сейчас он на принудительном лечении. Ему всего-то двадцать пять лет, а выглядит не моложе тебя. А о сестре я и вовсе молчу. Мать заговаривается от горя. Он и меня хотел приобщить. Даже вколол как-то вполне детскую дозу. Но я не слабак. Я вырвался и объявил ему войну. Так что не держи меня.

Арусс почувствовал, что сейчас он, этот угловатый, жилистый мальчишка, уйдет. И не решался остановить его так, как было задумано.

— Постой еще чуток,— воскликнул Арусс, приветливо помахивая рукой.— Скажи напоследок, что это у тебя за имя такое? Откуда?

— Фазан — это для краткости. Да и понятнее:

птица такая. А имя у меня немного не так звучит — Усфазан я!

— Странное имя? Кто тебя так назвал?

— Когда я родился, мама, говорят, очень застрессовала. Боялась, что я не выживу. Кто-то и посоветовал окрестить меня. Вот в церкви и дали мне такое имя. Маме было все равно, а там, видно, больше свободных имен в тот день не оставалось. Все? Можно идти?

— Скажи, а как зовут твою маму? Брата, сестру?

— Похоже, старик, ты хочешь потянуть время. Ждешь Морфия? Извини, я пойду. У меня свой план встречи с дядюшкой!

— Да нет. Просто меня заинтересовала твоя семья, малыш!

— Хватит заливать, дедуля. Ишь ловкач, семья его моя заинтересовала! Не лезь ты в чужую семью. Не лезь! — Фазан рванулся, намереваясь убежать за дерево, чтобы затем под его прикрытием броситься в овраг.

Арусс выхватил огромный белый маузер и, бросившись следом, теряя на бегу куртку, несколько раз выстрелил.

Фазан замер. И через мгновение рухнул в папоротники.

— Ну ладно! Не прикидывайся. Вставай. Я же знаю...

В этот момент и раздался выстрел Фазана. Теперь уже Арусс, обронив оружие, повалился наземь.

— Ну что? — Фазан подошел к Аруссу. Поднял с земли его маузер и стал недоуменно вертеть странное оружие в руках.— Ну что? — машинально повторял он несколько раз, не веря глазам своим,— Ну что? — и, отбросив пистолет, кинулся к Аруссу.— Как же так, дед? Я же не знал, что...

— Уходи отсюда, малыш! — прошептал Арусс.— Сейчас они сюда придут.

— Зачем ты так?

— Хороша игрушка, не правда ли? Я ее купил, потому что надежнее «Макарова». Хлопает, как настоящая, а пуль нет. А ты сплоховал, малыш. Придется тебе еще раз...

— Сплоховал? Еще раз?

— Возьми свою пушку и поскорее стрельни еще раз, чтоб я умер...

— Нет! Нннет!

— Вот видишь: убить человека — дело не простое. Не бойся теперь!

— Не могу! — Фазан зажмурился и затряс головой. И брызнул слезами на бледное лицо Арусса.

— Не бойся, Фазан! За это тебе ничего не будет. А мне облегчение сделаешь. Ну же, сынок!

— Никогда! Я сейчас пойду, побегу, тут недалеко пансионат. Позову людей...

— Не надо. Стрельни в меня и исчезни отсюда. Не теряй время. Они уже на пути сюда. Я не хочу твоей смерти. Не могу допустить ее. И я бы не допустил, если бы... А, да что теперь.

— Нет! Я остаюсь. Пусть они делают со мной, что хотят, лишь бы тебе помогли.

— Да нет же! Они не помогут мне. Рана тяжелая. Да и не нужен я им. Они сделают то, о чем я тебя сейчас прошу, а потом за тебя возьмутся.

— Мы будем защищаться. У меня еще обойма имеется.

— Ну что с тобой делать? Ведь не уйдешь. Раз так, возьми у меня в куртке шприц, ампулу и вкати мне дозу. Больно мне.

— Значит, и ты...— Фазан уронил пистолет. Взобрался на кручу за курткой. Нашел шприц и ампулу.

Когда делал укол, Арусс увидел на его руке кольцо из моржового клыка.

— Твою маму зовут Сандра? — спросил он.

— Сандра,— Фазан отбросил шприц, наступил на него, растоптал.

— Тогда твоего брата зовут Максим.

— Мак!

— А сестра старше Максима па три года. И она вам не родная.

— Неродная. Морфий пригрозил ее отцу, и он смылся. Так мать рассказывала.

— А кольцо это она тебе дала и сказала, что оно в память об отце.

— Об отце. Но я не верю. Мать — она у нас вообще, сколько помню, странная, в последние годы вообще не в себе. На инвалидности она по психике. Конечно, отец был. Как же без него? Все же остальное ее фантазии. Конечно, она его сильно любила. Еще до несчастья с сестрой мать говорила, что виделась с отцом уже после его смерти. Якобы отец к ней приходил оттуда и оставил ей это кольцо на память. Сказка. Мать говорит, что мы с Максом родные. Отец умер, когда Максу и года не было. А я родился спустя десять лет. Ну и что с того, что мы с братом очень похожи! Бред все это.

— Не так все просто, сынок,— проговорил Арусс.— Все совсем непросто. А матери надо верить. Верь и позаботься о ней. Ты должен рассказать ей обо мне, обо всем, что тут было. Как только ты ей расскажешь, что видел меня и что я

узнал это кольцо, она выздоровеет. Только не говори, что я погиб. Скажи, что исчез. Она поймет.

— Ты Арусс? — Фазан вдруг заплакал.

— Да! Но ты не плачь, сынок. А лучше послушай меня.

Я испытал десятки смертей. И каждая не походила на другую. Были мгновения, полные ужаса, но были и упоительно-страстные. Задыхался в невыносимой тоске, безболезненно проваливался во тьму: то как бы взрывался изнутри, извергаясь огнем, то уносился ускорением, пьянящим, низводящим естество до мизера, превращающим материальное «я» в абсолютное ничто. Нечто подобное ощущалось и тогда, когда тело — уже парализованное, бездыханное — мгновенно разрасталось во Вселенную. Распятое в бесконечности, оно становилось невесомым и невидимым. А однажды без боли, страха, сожаления недвижно лежал и слушал июнь; перезванивались кузнечики, стрекотали и посвистывали пичуги, пахло зрелой травой; невероятно, ибо умирал я в тот раз в какой-то подворотне в лютую январскую полночь. .

— Ты Арусс...

— Да. Арусс — так в древности прозывалось наше с тобою племя...

— Что делать?

— Сейчас появится Морфий. Отдай мне «Макарова». А сам отыщи мою игрушку и сделай вид, что я тебя... понимаешь ли, приколол. За меня не бойся. Во-первых, я сам хочу, во-вторых, если что... Я при оружии.

Фазан ушел в глубь оврага. Упал там в зеленых зарослях так, что сверху, с кручи обрыва, Морфий сразу же увидит: опасность устранена.

Воздетые руки Йоты сияли кончиками пальцев:

— Без крови нет жизни земной. Без боли —тоже. Рождаются, становятся женщинами — все через боль и кровь. И слава стоит крови. А в причастии вкушаете вы плоти и крови заступника нашего. Осознай свой путь, страх покинет тебя. Теперь он светел и легок будет у тебя, потому что кончится наконец долгая твоя забота о других, подобных тебе, нуждающихся в твоем участил. И скупил ты их преступления страданием плоти своей, крови своей пролитием.

— Но ведь с болью ухожу я отсюда. И не будет мне покоя там — знаю. Там, в папоротниках, чадо мое, мне неведомое до последнего часа, с исстрадавшимся и полным ярости сердцем. Разве чужой он мне? Почему я, отдавший столько жизней сво-

их за других, не могу спасти плоть и кровь мою?

— Не можешь, ибо не твое это дело. Рождение второго сына твоего не одобрялось, но прощено. А это немало. Знай! И облегчай этим знанием страдание свое.

— Но ведь погибнет он!

— Не ведаю о том. И мне не всякое знание ведомо. А ты свое выполнил. Ты чист и высок. Не оглядывайся назад. Там тлен и страсти. Изгони из себя плотское, земное. Недостойны они тебя отныне, ибо внешнее и временное все, что во плоти и на земле.

— Выходит, мой ребенок мне чужой, если плоть — это нечто внешнее, временное? К душе же его я имею никакого отношения. Тогда почему я испытываю к этому ребенку такую нежность? Почему я скучаю, тоскую почему? Почему испытываю болезнено-сладкое состояние, когда хрупкое это создание прижимается ко мне?

— В жизни не так, как в вечности. В жизни реальна плоть, а душа — миф. Там же эфемерна плоть... Потому-то ты любишь своего малыша, что он — человек. Пока ты и он — люди, ты души в нем не чаешь.

— А Там? Разве я не смогу его любить Там? Разве мои мать и бабушка не любят меня Там? Тогда

зачем они приходили?

— Они приходили?

— Я видел их, как тебя сейчас вижу.

— И что? Вы разговаривали? Ты их слышал?

— Они молчали. Но я их слышал. Они одобрили меня и благословили. За сына... Я был рад этому. Ведь я сомневался, не знал как мне быть. Я просил сына. И он мне был дан, но жил не со мной. И они меня одобрили.

— Так было, так будет всегда. Такова юдоль земная. Ничего не изменишь. Такова, значит, судьба твоего ребенка.

— Без отца родиться, расти, жить?

— Но ведь и ты родился безотцовщиной.

— Неродной у меня был получше иного родного.

— Однако все же не родной... И почему ты думаешь, что у твоего сына отчим можем быть хуже, нежели был твой?

— Я хочу, чтобы он вырос человеком.

— Ты бы как раз и испортил дело.

— Я?!

— Ты бы из великой своей нежности создал бы для своего чада такие условия, что в конце концов из него ничего бы путного не получилось. Слишком ты любил его, потому и любил

его на расстоянии. На Земле этого достаточно. А Там... Там в любви не нуждается никто. Там все как раз и держится на любви всех ко всем. Любовь Там и есть способ существования. Бессмертие и есть способность всех любить. Сто восемь возвращений на Землю как раз и есть тот минимум, который делает человека способным к бессмертию.

— Да он никак помирает,— Арусс услышал эти слова и открыл глаза.

Морфий стоял над ним. Один. Еще двое направлялись к Фазану. Кто-то еще маячил на круче обрыва.

— Мы так не договаривались. Ты обещал один,— прошептал Арусс.

— Что-то я не дотумкаю,— продолжал свое Морфий.

— Все, как условились. Я... Мне удалось его уколоть...

— Он тебя тоже... И, как я понимаю, основательно уколол. Ловкий пацанчик. Моя порода! Приучу, гаденыша. Послужит дяде родному. А то — ишь ты — террор объявил. А ты, старик, молоток. Жаль, конечно, тебя. Но ничего не поделаешь. Не так я хотел тебе помочь.— Морфин полез в карман,— Это твой паспорт. Вот твоя фот-

ка — наклеена, придавлена печатью. И написано: международный. Осталось только заполнить его твоими данными. И, клянусь, все так бы и было, но ты сам подкачал. В таком виде тебя никакая заграница не примет.— Морфий бросил на Арусса взгляд, в котором и в самом деле было неподдельное сожаление. И отвернулся, чтоб уходить. Но тут же обернулся. Теперь его лицо было полно слез. Они хлынули и обожгли побледневшие вмиг щеки и смешались с кровью. Когда Морфий упал навзничь, так и не сообразив, что с ним. Выстрела он не слышал. А не слышал потому, что не ожидал ничего подобного от умирающего лысого бродяжки, мечтавшего выбраться куда-нибудь подальше за границу.

Потом последовали еще несколько выстрелов. Арусс с облегчением принял их тяжесть: «На Бога уповаю, не боюсь, что сделает мне человек?» Это услышал он в себе. А потом спросил жалобно: «Что ж, все напрасно?» И ощутил, как падает в долгую бесчувственность навзничь. И все прислушивался, ожидая тот единственный голос, пока не услышал: «За то, что возлюбил Меня, избавлю его, защищу его, потому, что он назвал имя Мое...». Значит, не напрасно!» — сказалось Аруссу его же голосом. И в самый последний миг

прилетел к нему голосок насельницы Йоты в одном слове коротком: «НЕТ!» И в этом слове он услыхал ее радость — радость, которую дает еще более короткое слово «ДА!»

Опять весна. И вновь цветут яблони. И пространство, и рассеянный свет. И соловьи и прочие птахи слышны. И вдали — храм. Изящная базилика. Белая, как облако. А окрест — сколько хватает взора — домики, домики в острых под красной, оранжевой, розовой, золотистой черепицей. И над каждым желтые и белые антенны.

— Где это мы?

Глаза ее светились каким-то злато-зеленым светом.

— Спасибо тебе,— сказал Арусс.

— И тебе спасибо,— ответила она. И добавила: — Сейчас я уйду. А ты чего хочешь?

— Творить хочу.

— Ты будешь творить золотом. Не позволяй себе трудиться серебром. Оставь серебро до той поры, когда иссякнет золото. Станешь старым — серебро пригодится. Но медью никогда не созидай, даже в старости. Золото — это поэзия. Серебро — мастерство. Медь — подделка. Только поэзия продукт духа.

— Значит, и здесь старость?

— Да, и здесь. Но это не то, что ты знаешь... Не спеши — все в свой час. Теперь тебе спешить некуда и не надобно. Чего хочешь еще?

— Увидеть Землю...

— Зачем? — Насельница изумленно уставилась на Арусса. Недоуменно рассмеялась. И сказала: — Ты удивительный. однако, тип. Смотри!

И Арусс увидел:

Пунцовый вертолет завис над оврагом. Бегущие по лесу, отстреливающиеся люди. И светловолосый парень, сидящий около большого с черным лицом и тонкими руками распростертого тела.

— Сынок! — прошептал Арусс.

Парень поднял голову, и Арусс увидел его сухие, вопросительные глаза.

— Прости меня.

Глаза оставались непонимающими.

Арусс заплакал и прошептал: «Сильно угнетен я, Господи, оживи меня по слову Твоему».

— Зачем? — закричала Йота.

Арусс оглянулся. И не увидел ее. Только златозеленый свет брызнул ему на лицо. И пахнуло морским ветерком.

Ведь понимаешь, что снится тебе это падение с огромной высоты, навзничь, а все равно жутко. Сначала стремительное, постепенно оно замедля-

ется и превращается в полет. И тут же начинает звучать пение. Я давно знаю эту музыку: песня рабов из «Набуко» Верди. Какой совершенный хор! Я его слышал Там. Он Оттуда, где сейчас вековует бессмертный Джузеппе. Собрал под свое начало всех лучших певцов мира. И они поют эту музыку сфер...

Какой хор! Если бы не этот сигнал, какой-то диссонирующий рядом с гениальной мелодией... Звонок. Оп все портит. Убивает.

Болит голова. Ноют суставы плеч. Подкашиваются ноги. А тут еще эти звонки!

«Проснись! Ну проснись же! Пааапа! К телефону тебя». Какой капризный голос! Или испуганный? Дочка! Слышишь голос, а глаза не открываются. Какое-то вязкое бессилие.

Наконец возвращается способность говорить:

— Ну что там? В такую рань!

— К телефону скорее иди! — Дочка, розовая, дылдастая, вздыбленная какая-то.

— Слушаю... Кто? Понял. Коляню не видел. Давно не видал. В мастерской? Не был. А что? Дома не ночевал? Значит, в мастерской. Нет в мастерской? Странно!

Пошли гудки отбоя.

— Что там стряслось? — Жена, тоже вздыблен-

ная, усталая, словно тоже всю ночь не спала.

— Коляня дома не ночевал.

— Коляня! Никогда бы не подумала. Божий одуванчик! Значит, и он туда же... Твоя школа!

— При чем тут это? Что ты сразу... с утра пораньше начинаешь!

— Да пошел бы ты! — Жена начинает метаться.

«Господи! Какая же она стала невыносимая. И куда все подевалось? Ведь было же, было и совсем недавно: и свет, и нежность, и что-то похожее на счастье».

— Мне скоро сорок лет! Теперь бы жить и радоваться. Дочка выросла. Учится. А я старуха.— Жена расшвыривает створки двери в спальню. Слышно, как там о чем-то говорит с дочерью. Долетает внятное: — Надоело!

Снова звонит телефон:

— Слушаю.

— Привет, Ваня! Что молчишь? Не узнал?

— Узнал! Чего уж...

— Поздравляю тебя!

— С чем это?

— Ни с чем, а с кем.

— Чтооо?

— А то! Сын у тебя народился.

— Давно?

— Скоро месяц...

— Ты где, где ты?

— Все там же.

— Жди. Я сейчас.

Разлетаются двери спальни:

— Куда это ты так рано? Может, позавтракаешь?

— Да нет! Коляня пропал. Надо... бежать.

— Да не ври ты хоть! Куда денется твой Коляня! Ладно. Беги, беги! И когда уже совсем уберешься отсюда? Надоело.

Некудышная весна. Тоже мне субтропики. На Набережной пусто. Ветрено. Море бьется о бетон. Пыль соленую несет с мола. И на том краю улицы, кажется, показалась наконец счастливая мамочка.

Она ли в самом деле? Ну и новость. Поздравленьице, так поздравленьице!

— Заждался? — спросила.— Извини, что без него. Не хотела будить. Ночь выдалась сумасшедшая.

— Здравствуй, Шура.

— Здравствуй, Ваня.— На высоких каблуках. По лицу жуткие эти пятна беременности, отвисший живот. Голова недочесанная.

— Что ж ты, Шура?

— А что я?

— Ну так вот. Перед фактом ставишь. Нате вам подарочек! Можно ж было посоветоваться, решить вместе.

— «Вот я в беззаконии зачат, и в грехе родила меня моя мать». Так что ли? От этой печки пойдем плясать? — Шура сдернула с шеи косынку. Расстегнула малиновый плащ. Оказывается, он малиновый, а когда подходила, казался серым.

— Ну и весна нынче! — попытался перевести разговор на другое.— Апрель называется.

— Это мое дело: быть или не быть ребеночку. Ты, конечно, меня извини, что я решилась на это, тебя, не спросясь...— каждое это слово прямо-таки прыскало горячим. Шура из последних сил сопротивлялась обиде. Он хорошо знал ее и потому видел, что у нее на душе и чего ей стоит этот разговор. Чужая боль нередко нам открывается не в ощущении, а зрительно. Вот хотя бы эти полные горечи уголки губ...

— Я мечтал. Я даже просил Бога,— ответил он.

Губы залило тоской, таившейся в уголках рта. Нос покраснел. Ресницы оплавились и потекли синей слякотью.

Ее трясло, наверное, с полчаса. Она не могла и

слова выговорить. Мычала, словно заика.

Он гладил ее по спине, плечам, голове, целовал мокрые руки. А когда она смогла идти, он повел ее на пирс и умыл водой моря. От этого руки ее стали еще горше.

— Пойдем, пошли к нам. Ты увидишь их: маленького, бабку, деда...

А он добавил:

— И мужа!

Муж — фьють! Смылся ночью. Прибежал, набуровил сорок бочек арестантов. Покидал вещички в мешок и был таков. А я и рада. Совсем бы никогда не вертался. А знаешь чего набуровил? Якобы мой брат пригрозил ему кишки выпустить... Так что пойдем к нам. Ты увидишь, какое гнездышко у твоего птенчика. Золотое место — Кизиловая горка. Прямо над морем. Сдаем курортникам летом полдома и веранду. Можно, не работая, прожить. Пошли же...

— А меня тоже сегодня ни свет ни заря подняли. Жена моего приятеля позвонила. Да ты его знаешь: Коляня. Дома не ночевал. Я знаю, где он — в галерее. Выставка там сегодня открывается. Вот он и пашет там всю ночь. Там и его картинки будут. Слышишь, Шурик, пойдем, а потом — будь по твоему — к тебе, к вам. Надо Коляню

предупредить, что он в розыске. Жена у него ненормальная. Скандал может учинить. К тому же увидишь там одну вещицу. Коляня нас с тобой изобразил.

— Когда это было, что-то не помню?

— А однажды застал нас в мастерской, когда мы уснули, и набросал, а потом доделал по памяти.

— Голыми?

— Да не волнуйся ты. Мы там неузнаваемые. И знаешь. почему? Он написал нас не в том возрасте. Мы там с тобой старше, чем есть. Так что никто и не узнает.

— А я вспомнила. Ты мне тогда еще вот это колечко подарил...

— Колечко? Не помню... Покажи-ка.

— Ну как же, из моржового клыка. С глазком. Ты тогда еще присказку говорил: «Смотри в оба, зри в три!»

— Моя работа! Но убей не помню, когда делал, когда дарил...

— Правда? Ну ты даешь...

— Я давно замечаю в себе какие-то чудеса с памятью. Помню, чего не было, и не помню, что было.

Они шли по Набережной, размашисто шагали против ветра. Ее черно-блескучие волосы играли.

Глаза светились синим огоньком. Пигментные кляксы вдруг исчезли. Шура дышала шумно, сильно стучала каблуками, крепко держалась двумя руками за его локоть.

— Жуткая, Ваня, новость. Слышала, когда ехала сюда в троллейбусе: якобы из больницы мертвяк сбежал.

— Чушь какая-то. Вот уж люди, как выдумают чего.

— Я тоже так думаю, Ванечка.

Внезапно оп остановился. И, встревоженно глянув на Шуру, сказал:

— Шурик, подожди меня тут минуту. Я загляну в мастерскую. Может, Коляня там?

— Ну ты ж говорил, предполагал...

— Все-таки я сбегаю, тут рядом. Подожди.

— Тогда и я с тобой.

— Не стоит. Я мигом. А потом — в галерею.

— Нет уж. Я с тобой.

— Ладно. Пошли.

Достав из тайничка свой ключ, Иван открыл мастерскую. И первая туда вошла Шура.

— А тут человеческим духом пахнет,— сказала она. И направилась на кухню.

Иван же прямым сообщением бросился на половину Коляни. открыл шкаф. Там висел серый

окровавленный импортный плащ.

— Ваня! — кричала с кухни Шура.— Тут совсем еще горячий чайник на печке.

— Значит, все в порядке, ничего с Коляней не случилось плохого,— ответил Иван, оглядываясь и запихивая злосчастный плащ в один из старых вместительных этюдников Коляни.

Тут и раздался звонок. Иван не успел дух перевести, как Шура уже впускала в мастерскую незнакомого парня. Он бесцеремонно обежал все комнаты мастерской, ринулся к шкафу и лишь после того, как заглянул в него, представился:

— Следователь Синаний Валентин Антонович, лейтенант милиции. А вы, как я понимаю, Арусс Иван Митрофанович?

— Вот именно.

— Мне поручен розыск без вести пропавшего художника Коляни Степана Степановича...

— Чем могу, помогу,— Арусс оглядывал молодого сыщика. И он ему не нравился. То ли из-за отсутствия военной выправки, то ли оттого, что был этот Синаний низкорослый и щуплый. То ли потому, что начал с обыска, не представив никакой на то санкции.

— Когда вы последний раз видели своего товарища?

— В последний раз? Затрудняюсь сказать.

— Да жив Коляня,— вмешалась Сандра.— Мы чуть было его тут не застали. Только что он был здесь. Чайник па плите горячий. Чашка, из которой он пил кофе, помытая.

— Чашка? Это интересно.— Синаний бросился на кухню — Где же она? Чашка немытая?

— В буфете,— ответила Сандра.— Я ее помыла и спрятала. Не разводить же мух.

— Жаль! — вышел из кухни Синаний,— Можно было бы дактилоскопировать чашечку.

— Да не волнуйтесь вы,— продолжала Сандра,— Сейчас мы его вам покажем. Мы знаем, где он. Пойдемте с нами. Правда, Ваня?

— Конечно. Отчего же не пойти. Выставка ожидается что надо,— пробормотал Арусс и бросил взгляд на старинный этюдник Коляни.

Стали собираться. Сандра размашисто натягивала на себя свой розовый балахон. Взмыло над коленями широкополое платье. Обнажились ляжки, обтянутые дырявыми колготками. И Арусс перехватил взгляд Синания, воровато пробежавший по небрежно прикрытым прелестям восхитительной Сандры...

Виталий Бабенко
ВСТРЕЧА

I

«Изготовленный в Йемене заводским способом опытный образец буя, стойкого к воздействию окружающей среды и работающего на атомной энергии... косить...

Том... гарантированно... огнестрельная боевая техника... в случае аварии буя ядерные подрывные средства... поправка часов 21... блестящей выход на цель... большой приз... зрительная сигнализация... точная копня... 5 сверху... комитет вооружений... сторожевой корабль 914 Северный Йемен 923... средства связи работают в режиме «только передачи»... ядерный взрыв в воздухе... несамоходный беспалубный лихтер... главная действующая база... курс корабля 38... «местоположение сомнительно» .. Британская европейская авиатранспортная компания... наблюдатель № 15 угандийской зоны... «хайла»... настроения предательские... атомный потенциал... радиотехническая разведка... О.»

Я читал и перечитывал эту ахинею, тонкими зелеными штрихами написанную на индикаторе комка, и ничего не понимал. Два часа я бился над шифрограммой, нашел ключ, даже два ключа — и все впустую. Получалась какая-то чушь, не лишенная, впрочем, известного смысла.

Судя по этой расшифровке, речь шла о морской

операции. точнее, о морских операциях, вероятно, с применением ядерного оружия в водах, омывающих Аравийский полуостров. И еще здесь как-то была замешана Уганда.И почему-то БЕАК.

И, разумеется, «комитет вооружений» - прекрасно законспирированная «ложа», представители которой неизменно ускользали от нас при длительных контактах.

Я рассмотрел и противоположный вариант: вполне вероятно, кодирование пошло по ложному пути, и тогда передо мной - абсолютная абракадабра. Нет, вряд ли.

В Йемене, в частности, на Сокотре, действительно собирали опытный образец «экологического» буя, снабженного атомной энергоустановкой. Этот буй только назывался«экологическим», на самом деле контроль над его производством был установлен наших Комитетом. Когда мы запустим серию и разбросаем подобные буи по всем океанам планеты, любая активность военного характера во всех средах неизбежно будет попадать в поле нашего зрения.

Но что такое «хабла»? И перевеете «mood rat» как «предательские настроения» можно лишь с большой натяжкой Ну какой из меня дешифровщик? Краткий курс декодирования, который я

прошел за неделю до вылета на аукционы, да давнее юношеское увлечение числами Фибоначчи - вот все, что у меня есть в активе. Плюс, разумеется, компьютер с радаром,— без этих приборов я вообще не получил бы в руки шифрограмму. А в пассиве — дефицит времени, слабое знание американских военных сокращений и военного слэнга и напряжение, в котором приходится работать. Не хватало еще, чтобы Олав засек, какого рода деятельностью я занимаюсь, спокойно сидя в кресле «Стратопорта». И очень уж угнетающе действует на нервы неуверенность. Ну нет, нет у меня гарантии, что криптограмма декодирована однозначно, а без такой гарантии работа дешифровщика оборачивается пустым звуком.

Я стер с индикатора русский вариант и вызвал из памяти компа английский текст.

«Prefab Yemen AE PEB mow
Tom garand FE bouy EMG
ADM WE U wo T kudo
VS do e IE MB DE iad N YEM
ibc SO AB YT MOB shch
PD BEA O ae UG Z nabla
mood rat APOT ER O»

Нет, однозначности — никакой. Если первая

строчка для меня ясна полностью (исключая последнее слово - «косить»), то для четвертой строки напрашивается совершенно иное прочтение: «противолодочная эскадрилья... «дело» (в смысле - бой)..., 5 — оценка обстановки по данным разведки... бомбардировщик-ракетоносец... противолодочный корабль... 914 Северный Йемен..» Тоже, конечно, чушь, но чушь лишь на первый взгляд. Какой-то смысл во всем этом обязательно есть.

В пятой строчке и дальше — опять-таки сплошные разночтения. «SO» может обозначать и «только передача», и «особое распоряжение, специальный приказ», а воздушный ядерный взрыв» — AB — способен обернуться «авиационной базой». «shch» я перевел как «курс корабля 38», произвольно заменив буквенные обозначения цифровыми, а ведь это вполне может быть английской передачей русского «Щ», и тогда дело принимает совсем уж оригинальный оборот: ведь моя фамилия — Щукин. Впрочем с той же долей вероятности эта четыре буквы — SH CH — я готов истолковать как «ship's heading Channel», то есть «курс корабля — Ла-Манш».

Наконец последние строки. «UG» — это Уганда, и, кажется, ничего больше здесь не придумаешь.

Но «Z nabla» можно расшифровать как «зона 812 - пусковой район», тогда дальше: «главным боевой приказ 4... ракета-торпеда... ядерный снаряд.. радиотехническая разведка... О.» В этом варианте текст тоже заканчивается на О, что для меня безусловно: это означает «Олав» или «Ольсен». Вот он сидит впереди, в пятом ряду — Олав Ольсен, мой старый знакомый и одновременно незнакомец. Его золотая шевелюра, совершенно не тронутая сединой, видна из любой точки салона. В Ольсене ровно два метра, поэтому все самолетные кресла дли него малы.

Итак, «О» — это Олав. На всякий случай, у меня есть еще один запасной вариант расшифровки, где аббревиатура имени информанта в конце отсутствует. Вот он: «LA mood RA TA PO Ter O». Что означает «пусковая зона... тональность.. разведывательный самолет (или, может быть, радиус действия) ...район цели.. территория первоочередного наступательного удара — 15...» Можно расшифровать и совсем коротко - бред!

Два часа назад я взялся за дело с воодушевлением. Казалось бы, и чем речь? У меня — мощнейший карманный компьютер, задача имеет решение, значит, я его получу. Раз, два и...- удача! Я догадываюсь, что от двоичного кода надо

перейти к четвертичному. Еще усилие - и я раскалываю главный орешек: меня осеняет, почему матрица имеет такую странную форму - прямоугольную и с «хвостом». А потом - осечка за осечкой Я запутался в военных аббревиатурах, и смысл шифровки ускользает от меня

Между тем времени осталось не так уж и много - до Нассау всего два часаю «Стратопорт» уверенно несет меня к цели и... крадет минуту за минутой. Сейчас от нас отрываются «челноки», идущие на Филадельфию, Балтимор и Вашингтон, а через несколько минут мы будем принимать и норфолские «челноки».

Проклятые аббревиатуры! Как же они навязли на зубах! Последние полчаса я не могу отделаться от мысли, что теперь уже мне никогда не придется говорить нормальным, «несекретным» языком, во всем будет мерещиться тайный смысл.

«М ойдя ДЯС а мы ХЧЕ сти ЫХПР ав ИЛ...»

...Золотая копна над креслом в пятом ряду начинает шевелиться. Очевидно, Олав надумал встать. Интересно, в каком кармане пиджака он держит компьютер — в наружном или внутреннем? То, что Ольсен где-то распрощался со своим «кейсом», я заметил давно.

Я выключаю комп, прячу его во внутренний карман пиджака, откидываюсь на спинку сиденья и закрываю глаза. Точнее, делаю вид, что закрываю. Надо расслабиться и переключиться с криптограммы на что-то другое...

II

Я вспомнил аукцион в Рейкьявике - первую распродажу военной техники, на которой мне довелось побывать. Аукцион состоялся всего три дня назад, а память уже отнесла это событие в далекое прошлое. Я запутался в часовых поясах, мне все время хотелось спать, и лишь лошадиные дозы кофе - напитка, которого я в принципе не люблю, отдавая предпочтение крепкому чаю, - держали меня в повышенном тонусе. Сердце реагировало на кофе учащенным биением, и мне это не нравилось.

Аукцион проходил в гостинице «Борг». Народу было немного. Присутствовали человек двадцать представителей военных ведомств Северной Америки и Европы, примерно столько же «байеров» — официальных покупателей, представлявших международные организации, - и около пятидесяти экспертов Комитета по разоружению, в число которых входил и я. К моему

удивлению, пресс-группа оказалась немногочисленной. Впрочем, удивление это было чисто субъективного свойства. Аукцион только для меня был в новинку, на самой же деле систему наладили уже давно. Первые торги, действительно, собирали огромные толпы телевизионщиков, видеорепортеров и газетчиков, ажиотаж был огромный, теперь же военные распродажи катились по накатанной колее и вряд ли сулили неожиданности.

В перерывах между заседаниями аукциона я бродил по Рейкьявику и наслаждался уютом этой маленькой столицы. Красные, зеленые, синие черепичные крыши радовали глаз. Все улицы неизменно выводили меня к зданию альтинга — видимо, единственному парламентскому зданию в мире, стены которою украшают барельефы духов — орла дракона, великана и быка. Это не просто духи, а покровители страны, и в Исландии их положено уважать.

Надышавшись свежим воздухом, я возвращался на площадь Лайкьярторг, входил в «Борг» и свои усаживался в облюбованное кресло в зале заседаний.

В одном пункте программы рейкьявикский торг отличался от своих многочисленных пред-

шественников. Впервые с аукциона шла атомная ракетная подводная лодка системы «Трайдент» — «Огайо». На нее претендовали три «байера» — Международный центр эксплуатации океанов (солидная фирма, я бывал в штаб-квартире Центра, она размещается во французском городе Сен-Назар), Международный институт прикладною системного анализа (зачем им понадобилась ПЛАРБ — я понятия не имел, по крайней мере, Лаксенбург, в котором расположен институт, — сугубо континентальный австрийский городок, спутник Вены) и Международная комиссия по новым и возобновляемым источникам энергии, базирующаяся в Дар-эс-Саламе. ВМС США — продавец лодки — заломили астрономическую начальную цену, по меньшой мере, в два раза превышающую истинную стоимость ПЛАРБ (разумеется, без вооружения - ракеты «Трайдент-2» (Д-5) продаются на отдельном аукционе), торг шел вяло, обещал быть затяжным, и я не надеялся дождаться его окончания.

Здесь я должен остановиться на важной особенности аукционов. Итоги сделки, по международным правилам, остаются строгим секретом, разделяемым лишь продавцом и «байерами». Исключение делается только для узкого круга экс-

пертов КОМРАЗа. Что касается представителей прессы, то их к подобной информации не допускают. Мировая печать, национальные системы телевиденья и радиовещания имеют право знать только одно: такой-то объект продан, он вышел из рук конкретного военного ведомства и поступил в распоряжение сообщества наций. А куда именно он попал, в какой комитет, комиссию или институт, - это уже тайна. В мире еще много сил, противодействующих разоружению, и пути перемещения военной техники, пусть даже частично и распотрошенной, не должны быть преданы широкой огласке.

Кстати, моя конкретная задала как эксперта из отдела безопасности КОМРАЗа — именно недопущение подобной огласки.

Итак, продажа «Огайо» обещала тянуться несколько недель, а может быть и месяцев, зато всю остальную программу аукциона удалось выполнять поразительно быстро. На нее ушел, по сути, день.

МАГАТЭ — в лице его сенегальского представителя — довольно дешево купило нейтронную начинку тридцати противоракет «Спринт» системы «Сейфгард». А Международное управление по вопросам солнечной энергии приобрело

десять бомбардировщиков B-52G. Их должны были перебросить из штата Нью-Йорк на остров Снятой Елены. Там, близ Джеймстауна, создан специальный производственный центр по переоборудованию самолетов стратегической авиации для использования в мирных целях. Наконец, лозаннское подразделение ИЮПАК — Международного союза теоретической и прикладной химии — закупило — страшно представить! — два миллиона литров зарина и VX; эти американские запасы боевых отравляющих веществ хранятся в западногерманском городе Фишбахе. Не знаю уж, как в Лозанне собираются расправляться с этими нервно-паралитическими газами, но что-то они придумали. Наверное, их можно разлагать на неядовитые соединения, которые легко утилизируются. Не будет же ИЮПАК выбрасывать деньги на ветер.

Короче, эти сделки быстро закончились, я проследил за выполнением всех правил режима секретности и уже вечером мог сесть на «челнок», который осуществлял рейс Рейкьявик - «Стратопорт». Следующим пунктом в моей личной программе значился Галифакс, а финиш этого инспекционного турне должен был наступить на Багамских островах.

Калейдоскоп лиц, которых я увидел в Рейкьявике, так и остался бы калейдоскопом, если бы не Олав. Его лицо с крупными чертами — лицо, которое хотелось назвать одутловатым, если бы не поразительная гибкость мимики, отличающая прекрасного актера, - выделилось на общем фоне, в моем сознании сразу прозвенел сигнал тревоги, и цепочка вопросов, родившихся в мозгу, замкнулась в круг — круг, из которого в уже второй день ищу выход.

Что здесь делает Олав? Кого представляет? Каковы его задачи и какова цель? Аукцион? Тогда какая именно сделка? Кто-нибудь из присутствующих? Тогда кто — продавцы или «байеры»? Или эксперты? Или я сам? Вероятно ли это,— чтобы Ольсен был приставлен ко мне? Тогда его руководители явно промахнулись — у Олава слишком запоминающаяся внешность.

А если мы с ним встретились здесь случайно — узнал ли он меня? Во мне начало расти «древо» вариантов. Если «да» - значит то-то и то-то. Если «нет» — тогда так-то и так-то. Плохо, если Олав засек меня. Поскольку он здесь наверняка по спецзаданию и поскольку о моей роли он должен догадываться, то вывод однозначный: Ольсен обязательно попытается вывести меня из игры.

Где и когда?

А если он не узнал меня? Все-таки со времени нашего знакомства прошло восемнадцать лет. Вторая же встреча были и вовсе мимолетной. Нет, конечно, надежда на забывчивость Олава — это из области иллюзий. Последние пять лет, что я работаю в КОМРАЗе, он не раз проходил по ориентировкам. Как же — Олав Ольсен. независимый шведский журналист, автор многих сенсационных публикаций, связанных с делами об отравлениях и ядовитых выбросах в атмосферу (это — информация широкого профиля). И он же — кадровый офицер ЦРУ, профессионал высокого класса, крупнейший знаток систем лучевого оружия (а это - только для посвященных). Но о том, что Ольсен должен быть на рейкьявикском аукционе, я не звал. Наши контактеры в Швеции наводки не дали.

А может, и я проходил перед глазами Ольсена по ориентировкам, с которыми знакомили спецов в его фирме? И мой прилет в Исландию они тоже упустили? В любом случае по лицу Олава я не угадаю ничего. Надо быть очень осторожным. И я ни в коем случае но должен «узнавать» его первым. Что бы ни произошло. До той поры, пока я не узнаю, зачем Олав прилетел в Исландию.

III

С Олавом я познакомился в Югославии. Тогда я работал экспертом-токсикологом в Институте судебной экспертизы, от которого и был командирован на симпозиум по токсикологии. Он проходил на Адриатическом побережье, в чудном месте под названием Макарска Ривьера.

Три дня мы - несколько десятков токсикологов, съехавшихся со всей Европы - жили в роскошной гостинице в местечке Тучепи, обсуждали свои профессиональные проблемы и наслаждались пейзажами Адриатики. Помнится, погода нас не радовала. Хотя май в тех краях, лежащих на широте Сухуми, - это уже лето, но в тот год именно в дни симпозиума с прибрежных гор скатывалась,налетала не по сезону активная бора, вода в море была ледяной, и купались - с риском для здоровья - лишь самые отъявленные смельчаки из приезжих. Местные жители смотрели на них как на душевнобольных. Вдобавок ко всему, тучи ходили кругами над неправдоподобно зеленым, малахитовым морем и регулярно проливались дождями именно над курортными поселками. По ночам в море били молнии и землю трясло. Год был сейсмический.

На третий день все послеобеденное время было свободным, и я решил пешком направиться в соседний городок Макарска - центр благодатной Ривьеры. Макарска славился по всему побережью ювелирными лавками и маленьким, но поместительным музеем морской фауны.

Я прошел километра два, и вдруг мое внимание привлек маленький траурный памятник на обочине дороги. Каменный столбик, фотография в черной рамке, букетик увядших цветов. Такое часто видишь на югославских дорогах. Все ясно без слов: когда-то здесь машина потеряла управление, или неосторожный водитель сбил пешехода — случайная трагедия, нечаянная смерть, и рядом с дорогой возникает очередное надгробие - память о мертвых и назидание живущим.

Несколько минут я стоял, погрузившись в раздумья возле фотографии молодого мужчины, погибшего всего месяц назад. Тут-то и нагнал меня шведский журналист, огромный рост и отменную физическую силу которого я отметил еще в первый день Майской Скупы, когда сошел с «Боинга» в Сплите. В последующие два дня мы с ним виделись на всех заседаниях и дискуссиях, но познакомиться так и не удалось.

Олав Ольсен — так он представился — тоже на-

правлялся в Макарска. На вид он выглядел моим ровесником, лет 28–30, не больше. Мы еще постояли у памятника, а затем двинулись дальше, беседуя на ходу. Английский — скажем так: «американский» — был у Олава совершенно чистый, даже более чем чистый, в нем присутствовала та доля неправильности, которая и отличает человека, говорящего на родном языке, от способного к языкам иностранца. Манера речи выдавала в Ольсене южанина: скорее всего, он долго жил во Флориде или Миссисипи — только там растягивают слова именно так, как это делал Олав.

Мы дошли до Макарска, побывали в музее, купили для домашних коллекций по нескольку штук высушенных морских ежей и звезд, потом пили пиво, затем стояли на пирсе и долго ворчали по поводу радужных разводов нефти, тут и там видневшихся на акватории маленького порта.

В Тучепи мы вернулись уже добрыми знакомыми. И всю ночь сидели в номере, который снимали Олав и его жена Мерта, беседовали. Олав рассказывал, какую реакцию среди шведской общественности вызвали его материалы о выбросе в атмосферу диоксина при взрыве на заводе фирмы «Филипс — Дюфар» в Амстердаме в 1963 году (материал был опубликован через

десять лет после аварии и все равно произвел эффект взорвавшейся бомбы — молодой журналист Ольсен был талантлив и популярность набирал стремительно), о трагедии Севезо 1976 года, об утечке нервно-паралитического газа VX на Дагуэйском полигоне в американских Скалистых горах...

Словом, симпатичным парнем оказался этот шведский журналист.

Лишь в Москве, много позже, когда я перешел на другую работу, я узнал, что Олав Ольсен — такой же швед, как я - китаец. Мок догадка, что он — американец с юга, подтвердилась полностью. Терри Лейтон — вот как звали его на самом деле. А хрупкая изящная женщина с чистыми глазами, которая сопровождала «Олава» в путешествиях, была действительно шведкой. Она разъезжала под собственным именем, только никаких матримониальных уз между ней и Ольсеном не существовало. Мерта Эдельгрен была на четыре года старше нас с Олавом, и ее собственный стаж в ЦРУ уже тогда насчитывал десять лет.

Самым циничным во всей этой истории было вот что. Той ночью в гостинице «Тучепи» Олав Ольсен распинался передо мной, советским экспертом, о бесчеловечном производстве отрав-

ляющих веществ, о подготовке армий США и стран НАТО к химической войне, о варварском и циничном химическом оружии: мол, современные химические агенты не имеют ни цвета, ни запаха и могут «незаметно» и в то же время мучительно скосить миллионы людей, поставив планету на край экологической катастрофы. А за две недели до симпозиума... Это я узнал опять-таки гораздо позже. За две недели до симпозиума крупный специалист по лучевому оружию Терри Лейтон присутствовал на секретнейшем совещании в Ливерморской лаборатории радиации близ Сан-Франциско, где речь шла о первых шагах по осуществлению программы «Эскалибур» — созданию космических рентгеновских лазеров, действующих на энергии ядерных взрывов, которые в будущем должны были служить для нанесении лучевых ударов по Советскому Союзу.

Я до сих пор не знаю, какую цель преследовал Олав Ольсен, приехав той весной в Югославию. Скорее всего, никакой цели не было. Просто представилась возможность использовать свое прикрытие шведского журналиста и отдохнуть на Адриатике, а потом покататься на автобусе по красивой стране.

Через пять лет после симпозиума в Югосла-

вии я попал во Вьетнам — на Международный научный симпозиум по проблемам изучения последствий применения токсических веществ на организм человека и окружающую среду. Это было в Хошимине, в середине января 1983-го.

Я видел выставку на улице Во Ван Тан, рассказывающую о преступлениях военщины США, которая широко применила во Вьетнаме химическое оружие. Я разглядывал гранатометы, кассетные химические бомбы, приспособленные для разбрасывания отравляющих веществ, самоходные бронированные машины, на которых были смонтированы мощные распылители. В залах висели фотографии и схемы, показывающие последствия применения ОВ: кошмарные позы изуродованных людей, начисто уничтоженные леса, жуткие раны земли...

Я до сих пор помню наизусть вывод, к которому пришли на симпозиуме крупнейшие специалисты в области экологии, ботаники, химии, медицины: «Операция „Рэнч хэнд“ была по существу химической войной с применением гербицидов в широких масштабах в пространстве и времени, первым таким массированным применением в истории войны. Она совершенно отличалась от взрывов или несчастных случаев

на химических заводах».

Потом я был в хошиминском госпитале «Тызу». В светлых палатах я видел детей, у которых война отняла возможность ходить в школу, играть со сверстниками, читать книги, познавать мир. Эти дети уже не знали войны, но на их родителях военные, жившие в другом полушарии, «отрабатывали» действие агентов, получивших цветные названиям — «оранжевый», «белый», «голубой»... За этими безобидными обозначениями стояли 2,4-D и 2,4,5-T, никлорам и какодиловая кислота — стойкие высокотоксичные яды, несущие людям смерть.

Я вышел на галерею, идущую по второму этажу госпиталя, и, прислонившись к резной укосине, стал бессмысленно разглядывать двор, залитый ослепительным тропическая солнцем. Внезапно сердце у меня екнуло. По двору шла группка людей, в которой выделялся двухметроворостый мужчин с золотистой копной волос. Олав! Что он здесь делает?

Наведя справка, я выяснил, что Ольсена тоже интересовала последствия применения токсических веществ на организм человека и окружающую среду Но интересовали — с особой колокольни. По некоторым параметрам, воз-

действие ОО на человека, животных и растения схоже с воздействием лучевого оружия.

Опять передо мной был оборотень. Журналист Олав Ольсен приехал в Хошимин, чтобы выразить сочувствие вьетнамскому народу и рассказать миру о зверствах американских военных.

А эксперт Терри Лейтон изучал опыт своих коллег, работавших в отделе химического оружия

Я постарался сделать все, чтобы не столкнуться с Олавом на улицах Хошимина в те дни. В залах заседаний симпозиума мы тоже не встречались. Кажется, Ольсен так и не узнал о моем пребывании во Вьетнаме. Хотя, когда имеешь дело с профессионалом, в таких вещах нельзя быть уверенным до конца.

IV

Тринадцать лет прошло с той встречи. Нам с Олавом уже по сорок шесть. Ольсен нисколько не потерял прежней стати. Такой же красавец, силач, великан. Очень опасный лев. Смертельно опасный…

Впрочем, и я не терял эти годы даром — набирал свой опыт.

Когда я узнал, что при ООН создается сеть

национальных комиссий, призванных обеспечить создание Международного Комитета по разоружению, сразу же попросился туда. На удивление быстро я прошел все необходимые формальности, и в конце 1989 года мне вручили удостоверение эксперта по безопасности Советской подготовительной комиссии. Почему но безопасности, а не по токсикологии? Да по той простой причине, что безопасность подразумевает умение обезвреживать не только живых врагов - агентов противника, но и взрывчатые агенты, и химические - токсины, ядохимикаты, ОВ… Химики, особенно токсикологи, были в отделе безопасности нарасхват.

Спустя два года был, наконец, утвержден статус Комитета по разоружению, и… с тех пор я практически не знаю ни отпусков, ни выходных. Дни мелькали с сумасшедшей скоростью, словно меня раскрутили в стеклянной центрифуге. Очень много навалилось работы. Непомерно много… Десятки, сотни, тысячи встреч, комиссий, совещаний, коллегий — на разных уровнях, в разных странах, в разных климатических зонах и часовых поясах. Увы, не проходило дня, чтобы КОМРАЗ не встречал активного противодействия со стороны тех, кому от слова «разоружение»

сводило скулы...

Идея аукционов родилась довольно быстро. Это был разумный ход, и возражений он вроде бы ни у кого не вызвал: раз в вооружение вложены колоссальные средства, то почему бы их хотя бы частично не возместить государствам-производителям? Но только при том условии, что **купленная** военная техника пойдет на мирные нужды. Таким образом, разговор о разоружении переводился на экономические рельсы, и это была, пожалуй, единственная платформа, на которой могли сойтись государства с разными социально-политическими системами. Не случайно в начале 90-х годов самым популярным подразделением ООН оказалась ЮНЕДО — Организация экономики разоружения. Она просуществовала всего три года, но свою роль выполнила - работала и запустила механизм аукционов.

Кто мог быть покупателем военной техники? Только международный орган мирного характера, действующий под контролем КОМРАЗа. А на какие средства он мог приобретать **бывшее** вооружение? На международные... Вот здесь и таилась закавыка. Соединимые Штаты нашли уязвимое место в системе и постарались торпе-

дировать деятельность ЮНЕДО. Надо призвать, на первых порах — успешно...

«Байеры» должны были получать ежегодные субсидии от всех государств планеты. Казалось бы, самое разумное решение — пропорциональный вклад всех народов в дело мира. Однако государственный секретарь США выступил с демагогическим предложением о паритетном вкладе всех держав, и дело сразу зашло в тупик. Целых два года мы бились головами об эту стенку, и, наконец, проломили ее. Американцы со скрипом согласились на советское предложение о «квотах на мир». Дело вроде бы шло к урегулированию: каждая страна должна была ежегодно отчислять в фонды международных невоенных организаций — тех самых «байеров» — четыре процента валового национального продукта. Бах! — снова шлагбаум. Американцы подсчитывают ВНП по-своему, мы — по-своему, системы экономических категорий не согласованы, в ясном, казалось бы, вопросе о квотах воцаряется неразбериха. И целых три года мы не вылезаем из трясины политико-экономического крючкотворства.

Впрочем, этот барьер мы тоже взяли. Торги идут по всему миру. Государства потихоньку

избавляются от вооружений, а международные научные организации день ото для богатеют — к ним поступает высокоточная электроника, мощная лазерная техника, всесильные транспортные средства, надежнейшие приборы связи и локации, расщепляющиеся материалы - всего не перечислишь...

V

Я снова бросил взгляд на индикатор компа: «...habla mood rat APOT ER O». Чертовщина какая-то! Посмотрел вперед. Головы Олава над креслом пятого ряда не видно. Я заерзал, как человек, который долго дремал в неудобной позе, встал, вышел в проход, помассировал якобы затекшую шею, покрутил головой. Олава нигде нет.

На короткую секунду я зафиксировал взгляд на Володе Фалееве, сидевшем в одиннадцатом ряду. Володя из-под полуприкрытых век смотрел - это я знал точно - на меня. Я отрицательно качнул головой — совсем незаметно, не движение даже, а намек, — чуть-чуть пожал плечами. Володя должен понять. Мол, задачка не поддается решению, на Олава компромата нет, информация наших канадских связников о нарушении режима секретности аукционов не подтверждается.

В принципе у нас с Володей контакт чуть-ли не телепатический. Мы знаем друг друга с университетской скамьи. К пятому курсу были не разлей вода. Потом наши пути разошлись. Я пришел в Институт судебной экспертизы, а Фалеева пригласили на работу во Всемирную организацию здравоохранения, которой он отдал почти двадцать лет жизни. Володя постоянно пропадал в заграничных командировках - проводил за рубежом по два, по три года, я терял его из виду, но потом мы неизменно встречались, и дружба наша только крепла.

В КОМРАЗе Володя, как и я - с первых дней существования Комитета. У нас уже было несколько общих заданна и каждый раз мы с честью выходили из положения.Кто из нас ведущий, а кто - ведомый? Роли меняются. В нынешнем инспекционном турне так сложилось, что основную работу веду я, а Володя - подстраховывает.

Ни одна живая душа на «Стратопорте» не должна знать, что между нами есть какая-то связь. Я понятия не имею, с какого «челнока» Фалеев перешел на «Стратопорт». Когда челночный самолет доставил меня из Галифакса на борт крейсера и я вошел в салон, Володя был уже там. Мы молниеносно обменялись условными знаками, и

каждому стало чуточку легче: Фалеев усвоил, что я располагаю ценной криптограммой и, будучи уверен в собственных силах, надеюсь в ближайшее время разгадать ее; я же выяснил, что пока на крейсере «чужих» нет, а если и появятся - не следует волноваться: Володя обеспечит надежное прикрытие.

На галифакском «челноке» Олава не было, я это знал точно: изучил в коротком полете всех пассажиров. Однако через полчаса после того, как я занял свое место в левом салоне крыла А, в проходе возник - словно бы материализовался - Олав. Очевидно, он сквознул из Галифакса в Массачусетс и просочился на бостонский рейс. Разумеется, я тут же «просветил» Олсена Володе.

...Итак, я стоял возле своего кресла, искал главами Олава, мысленно содрогался от смей некомпетентности в дешифровальном деле и с какой-то шизофренической злобной радостью думал, что вот сейчас лучше всего было бы подойти к Олаву сзади, ахнуть его по голове компьютером и за те полсекунды, что будут отпущены, пока Ольсен меня не срубит, успеть бросить ему: «Ну и сукин же ты сын!»

Володя по-прежнему сидел в своем кресло, не меняя позы, но какая-то деталь в его облике

добавилась. Наклон головы тот же, глаза, как и раньше, полуприкрыты веками, шея расслаблена. Рука! Кисть правой руки уже не так лежала на подлокотнике. Средний и указательный пальцы были скрещены. Опасность!

Я намеренно неуклюже повернутся всем телом. Над креслом пятого ряда снова светилась золотая шевелюра. Куда исчезал Олав? И как он исчезал? Что при этом делал? Просто сползти в кресле, устроиться поглубже он не мог позволить себе — знал, что каждое лишнее движение утроят во мне настороженность. Значит, ему очень нужно было исчезнуть, а потом возникнуть на прежнем месте как ни в чем не бывало. Мог ли он, в принципе, наклониться за какой-нибудь упавшей вещичкой, извернуться и, припав к полу, наблюдать за мной в просвет между креслами? Мог. Для агентов класса Олава нет ничего невозможного. А зачем ему это понадобилось? Засечь моего партнера? Но для этого нужно, по крайней мере, допустить, что такой партнер существует. Неужели Володя прокололся? Не может быть. С профессиональной точна зрения мы вели себя безупречно...

Ну, ладно. Раз я встал - значит имел перед собой какую-то цель. Например, размять ноги. Напу-

стив максимально беспечный вид, я направился к выходу из салона. Даже затылок Олава действовал на меня угнетающе: сковывал мысли. Надо полностью отвлечься от призрака Терри Лейтона, витающего надо мной, и побыть одному. Заодно можно прогуляться по «Стратопорту». Эти крейсеры настолько громадны что обязательно наткнешься на утолок, где еще ни разу не был.

«Стратопорты» поднялись в воздух совсем недавно - четыре года назад. Я помню, сколько было возни вокруг пустякового вопроса: как назвать эти гиганты? Поскольку проекты всех пяти ныне существующих кольцевых дистанций были международные, то и лингвистический спор принял глобальный размах. В сущности, что такое «Стратопорт»? Это **очень** большой лайнер типа «летающее крыло», беспосадочно кружащий по замкнутому маршруту, который разработан с учетом расположения столиц и крупных городов. Как ни странно, самое точное название - «летающее крыло» - не прижилось; его отбросили, перебрав русский, английский, французский, немецкий, итальянский и японский варианты.Какое-то время бытовало короткое нарицательное определение «крейсер» , грозившее превратиться в имя собственное, но

отвергли и его: посчитали неуместным заимствованием из военной терминологии (например, «крылатая ракета» на английском языке — это буквально: «крейсерский снаряд»). Британская авиакомпания предложила название «Скайпорт» — «Небесный порт», однако и тут многие страны запротестовали, усмотрев в употреблениичисто английского слова «sky» британский шовинизм. В тот период пресса то и дело публиковала статьи, где приводились летные характеристики и размеры «летающего крыла». В частности, его площадь сравнивали с площадью трех стадионов. Отсюда — название «Тристад» (вето было наложено »Аэрофлотом») и «Стратостад» (отброшено по причине омонимии со «стратостатом»). «Стратодром» тоже не пришелся ко двору, и в историю вошел «Стратопорт» — неточный термин (пассажирские гиганты летают все же не в стратосфере, а в тропосфере), единственное достоинство которого то, что он рожден нейтральной латынью.

«Стратопорты» летают по пяти маршрутам, называемым еще дистанциями. Я летал по трем из них - Североатлантической (на этой дистанции я нахожусь и сейчас), на Индоокеанской и Северо-Западной «Пасифик» . А вот на Южноатлантической в Юго-восточной «Пасифик»

летать не приходилось. В сущности, разницы в комфорте - никакой. Все дистанции обслуживаются типовыми «стратопортами» - результатом сотрудничества шести национальных авиакомпаний. Каждое «летающее крыло» — это действительно «три стадиона», снабженных восемью парами мощнейших турбовентиляторных двигателей, четырьмя доками для швартовки «челноков» (единственный канал, по которому на «Стратопорт» поступают пассажиры, грузы и топливо) и восемью пилонами, на которых укреплены четыре хвостовые плоскости.Весь «Стратопорт» сесть на землю не может - слишком тяжел и громоздок, - он способен лишь приводниться, и то с определенным риском. Именно поэтому все дистанции проложены над континентальными шельфами и архипелагами. Но зато в случае необходимости «крейсер» может разломиться на четыре самостоятельных «крыла» (обозначаемых литерами A, B, C и D), и тогда каждое крыло ведет себя как тяжеловесный, правд, но вполне маневренный лайнер. Крыло делится на три салона: в левом и правом по 132 места, в центральном — 96; таким образом, полная загрузка «Стратопорта» — 1440 пассажиров. Я, правда, еще ни разу не видел битком набитого

крейсера - часть мест неизбежно пустует. Праздный человек удивиться: зачем я держу в голове все эти данные? Ведь в любую секунду можно нажать кнопку на подлокотнике, и в наушниках зазвучит вежливый баритон, сообщающий полную информацию о воздушном корабле. Можно подозвать стюарда, и он расскажет то же самое. Ничего не поделаешь — такая уж у меня работа. Неизбежным элементом она включает и предметное знание все тех транспортных средствах, которыми мне приходится пользоваться. Так что сведения о пассажирской загрузке - лишь малая толика тех характеристик «Стратопорта», которые я обязан знать назубок. Мало того. Если возникнет надобность и я окажусь в пилотском кресле, то смогу оторвать «крыло» от крейсера и посадить его на любой аэродром с усиленной ВПП.

VI

...Я постоял на причальной галерее своего «крыла» и полюбовался работой пилота «челнока», который только-только начал швартоваться. Судя по номеру на фюзеляже, это был «челнок» из Ричмонда. Нос самолета ювелирно вошел в приемный конус, тут же сработал вакуумный

захват, пилот выпустил причальные штанги, их обхватили мягкие клешни швартовочного узла, в вот уже к люкам прибывшего борта потянулись надувные шлюзы. Потом пять минут на высадку, пять — на погрузку, вся процедура от швартовки до отчаливания длится двенадцать минут. За это время «челнок» уносится на сто шестьдесят километров от той точки, где он встроился со «Стратопортом».

На галерее больше делать было нечего, и я решил пройтись по всем салонам крейсера. Совершать время от времени такие прогулки весьма полезно: народ сейчас любит путешествовать, всеми овладела тяга к перемене мест: глядишь - и встретишь какого-нибудь знакомого. Хорошо, если доброго. а если недоброго - тоже неплохо. Прогнозируя виртуальный нежелательный контакт, можно заранее рассчитать игру на два-три хода вперед, что при внезапном развитии событий удается далеко не всегда.

Я начал обход с дальнего конца «Стратопорта». Во всех трех салонах салонах крыла Д - ни одного знакомого лица. Крыло С — тоже чисто. Крыло В… Я уже приближался к кормовому выходу из левого салона, как вдруг чей-то молниеносный взгляд, брошенный из-под ресниц, остановил

меня. Как удар бича. Или укол рапирой. Такие ошибки обычно обходятся противнику очень дорого.

Самую милость сбавив прогулочный темп, я окинул взглядом три места с правой стороны прохода. У имитатора — точеная женская фигурка. Модные миткалевые штаны (язык не поворачивается назвать этот бесформенный предмет «брюками»), замшевая «доломанка» с набивными плечиками, длинные льняные волосы перехвачены налобным шнурком. Пассажирка - на вид ей лет тридцать пять — тридцать шесть - безразлично смотрит в имитатор. Боже мой! «Хрупкая женщина с чистыми глазами!»... Мерта! До чего же хорошо она сохранилась. Мы не виделись восемнадцать лет, а «жена» Ольсена все такая же, как в далеком семьдесят восьмом, ну разве что чуточку повзрослела, сменив амплуа «инженю» на образ независимой вечной студентки. А ведь Мерте в этом году — ровно пятьдесят! Да, профилактическая ювенализация делает чудеса!..

Итак, что мы имеем? На одном «Стратопорте», следующем по дистанции, которая соединяет города аукционов, «случайно» встречаются два эксперта по безопасности из КОМРАЗа и два

«бывших» зубра ЦРУ. Точнее, зубр и зубриха. А еще точнее - не два, а неизвестно сколько, это я в лицо только двух знаю, на крейсере их может быть до ста и больше - бравых ребят с той стороны невидимого фронта

Ладно, пока будем думать о двоих. Какова их цель? За кем охотятся? За мной? за Володей? За кем-нибудь из «байеров»? Доживем — увидим. Сейчас моя первейшая задача — криптограмма. Я уже хорошо отдохнул, пора снова браться за чертову шифровку!

Из левого салона В я вышел к тамбуру, ведущему в наше крыло, быстрыми шагами пересек причальную галерею, затем замедлил движение, умерил пульс и спокойно вошел в свой салон.

Первый взгляд — в сторону Олава. Сидит на месте. Золотая копна видна над спиной кресла. Второй взгляд — на Володю. Очень странная поза. Странная - для Володи. «Стратопорт» потряхивало, я шел неровным шагом, опираясь на спинки кресел слева и справа, именно это и спасло меня от «засечки».

В двух шагах от Володи я понял, что он мертв.

VII

Сердце — бух! Потом — бух! Бух! Пауза. БУХ!!

Экстрасистола. Еще одна. Сейчас потемнеет в глазах — и… Нет. Живу. Мотор работает.

Так. Володя мертв. Продолжаю идти. Надо продолжать идти как ни в чем не бывало. Тот, кто за мной наблюдает, — а за мной обязательно наблюдают, и не только Олав, — нив коем случае не должен догадаться о нашей связи с Володей. Даже если ОН... ОНИ.. об этой связи знают , я не имею права проявить ее.

Таким вот образом. Пассажир, занимающий место 11-Д, просто спит. А еще один пассажир спокойно идет к своему месту 9-В. И его немного пошатывает. Потому что «Стратопорт» трясет. И ничего не случилось. Только тот, что в проходе, идет не к месту, а к инфаркту. А тот, кто в кресле, не спит, а убит. Убит!!!

Сработало все сразу - и опыт, и интуиция, и натренированная наблюдательность: я не заметил никакой реакции со стороны Володи на мое приближение. И еще есть признаки. Всегда найдутся признаки, по которым опытный глаз определит смерть. А глаз у меня опытный. Слишком даже. Что-то много я видел много мертвых тел за последние пять лет. Чересчур много для нормального человека. А кто сказал, что я нормальный? Разве это нормально — ковылять по

проходу мимо твоего друга и соратника, убитого несколько минут назад?!

Снова пульс зашкалило. Ничего, иду. Иду. Вот только от пота мокрый — хоть выжимай. Тот, кто за мной наблюдает, обязательно отметит: Щукин идет мимо трупа Фалеева весь в поту. А что поделаешь? Перспирацию — вещь неподконтрольная, ее не победишь никакой тренировкой.

Прохожу мимо тела Володи. Бедный ты мой парень! Ведь как котенка тебя сделали - ты даже и пальцем пошевелить не успел. Господи, Володя, это ты-то! Я лишь раз видел тебя в неогневом бою — это было зрелище суперкласса.

…Вашингтон. Мы шли из Агентства по охране окружающей среды в свою гостиницу - в тот раз нам нам забронировали места в «Чэннел» - и вдруг на углу Шестой стрит и авеню Мэн, прямо перед «Ареной», пятеро крепких ребят с цепями и ядрами. Есть такое развлечение у тамошней «золотой» молодежи — носить полуторафунтовое ядро на шнурке, привязанном к локтю, вам мило пуляют ядром в лоб, и вы долго — очень долго — ничего не помните. Если, конечно, остаетесь живы.

Дальше все было быстро. Володя крикнул: «Саша, возьми рыжего!» Я нырнул вбок, нанес в

пируэте «рыжему» удар носком левой ноги в пах, перенес тяжесть на эту же ногу, чтобы пяткой правой выбить ближайшему молодцу все зубы, и… мой каблук встретил воздух. Я еле удержался, чтобы не растянуться на тротуаре плашмя. Три человека, не считая «рыжего», лежали на асфальте, тонко и жалобно воя: у них были вывернуты все руки. Последний из нападавших сидел на корточках, подпирая штангу уличного светильника, и горько беззвучно плакал, хватая ртом воздух: видимо у него было отбито легкое и сломаны несколько ребер с правой стороны.

Подобную расправу я видел только раз в жизни - и то в кино: в фильме Акира Куросавы «Красная борода». Там примерно такими же приемами Тосиро Мифунэ в образе врача Ниидэ учил уму-разуму подонков. Только на экране все это было несколько растянуто во времени. Володя же управился за три секунды. Где он этому учился - Фалеев мне так и не сказал.

— Занятный кистень. — Володя с интересом разглядывал ядро на шнурке, захваченное в бою. — Оставлю на память. - он спрятал ядро в карман. - А теперь давай делать ноги. Сейчас «копы» приедут, начнут хватать, крутить руки, задавать вопросы, совать кулаки в лицо, я этого

не люблю.

И мы долго еще бродили по задворкам Эм-стрит, не решаясь выйти к каналу Вашингтона, на котором стояла наша гостиница…

А теперь Володя сидел в кресле - мертвый. Проходя мимо, я заметил на его шее, с левой стороны, красную точку и небольшую припух-лость — несомненно след инъекции, сделанной «летающей иглой». Кто-то шел по проходу, вы-пустил из пневмопатрона крохотную иголочку — остроконечную ампулу мгновенного яда в лег-корастворимой оболочке, - она ужалила Володю в шею, и все - конец.

Какая же сволочная у нас работа! Трижды сво-лочная. Рядом — убитый друг, а ты пробираешься к своему креслу, поднимаешь с места соседа (может быть, как раз он и убил?), вежливо улы-баешься, извиняясь, аккуратно усаживаешься, нажимаешь на кнопку, сообщаешь стюардессе, что хотел бы выпить чего-нибудь прохладитель-ное, ждешь, равнодушно постукивая пальцами по подлокотнику, стюардесса — само обаяние (а может, убийца — она?) — приносит стакан ледя-ного апельсинового сока, ты пьешь маленькими глотками, отдаешь стакан, снова улыбаешься: «Приемно благодарен!» — наконец, откидыва-

ешься на спинку кресла, всем видом изображая уверенность и полнокровное наслаждение жизнью. А сам - в поту, в поту, в поту…

Так, выждал минуту. Две. Три. Все спокойно. На меня никто не смотрит. Я тоже ни на кого не смотрю. Я гулял по крейсеру, выпил сока, теперь хочу поспать. Имею право? Имею. Я задергиваю шторку, отделяющую меня от пассажира справа. Место слева пустует. Нет, все же гениальным умом отличался тот человек, который придумал в самолетах эти шторки. Защита «прайвеси» - личной жизни - поднята здесь на должную высоту.

Господи, что делать? Что делать?! ЧТО ДЕЛАТЬ?!!

Остается только одно: сжать зубы и снова взяться за криптограмму. Месть пока придется отложить. Она будет, эта месть, но — потом. Того, кто убил Володю, я достану из-под земли.И умирать он будет у меня - медленно. Клянусь...

VIII

Я достал комп и снова включил индикатор. Вызвал из памяти матрицу криптограммы. Пока я гулял по «Стратопорту», у меня окончательно сложилась мысль: что-то я напутал с частотным анализом. Вернее, не я напутал, а компьютер. В

том, что шифр близок к разгадке, я не сомневался, матрица «раскололась» однозначно, но в то же время я испытывал сильное подозрение, что кодовый алфавит должен читаться совершенно иначе.

Попробуем еще раз. Частотный анализ гласных был произведен правильно — в этом я был уверен: комп не мог ошибиться. А вот что касается согласных — здесь, как говорится, возможны варианты. Я задал компу новую программу — перебрать все мыслимые комбинации подстановки согласных и выдать на индикатор оптимальную.

Задача, разумеется, простейшая. Через несколько секунд передо мной вспыхнул новый набор букв:

The canoe SEG AE tens RD
MR SFA hog ice nl roes FA is deld
BD Myl IRQU ire BE sn iebai goes B NV
uran OV SRN UJ VJ tin ear a ELF X JAN
WA SR RI ham at rm eh R.

Самое поразительное заключалось в том факте, что и здесь были ключевые слова, позволяющие сделать вывод о… правильности дешифровки. Эти слова сразу бросались в глаза, словно индикатор выделил их красным, хотя семантического

анализа я от компьютера не требовал и весь текст горел ровным зеленым огнем.

«The canoe» — первое слово и сразу же — знакомое секретное обозначение. Далее кодовая фраза «hag ice» — «ведьмин лед». Любопытно, что если начало второй строки прочитать как «MRS Fahag», то смысл становится еще более прозрачным: есть такая плавучая мастерская (Maintenance and Repair Ship) «Фахаг», и плавает в Индийском океане, приписана к порту Аден. Аббревиатура «IRQU» настораживает, и весьма: если не ошибаюсь, имеется в виду что-то связанное с 98-й пехотной дивизией армии США, носящей кодовое название «Ирокез». Наконец, слова «uran» (пояснения не требуются) и «tin ear». Последнее словосочетание недвусмысленно указывает на... меня. «Tin ear» — «жестяное ухо» - в переводе со сленга означает «человек с изуродованной ушной раковиной»... Мое левое ухо, если не скрывать его волосами, действительно выглядит жутковато — память о бойких ребятах, с которыми я повстречался в Туамасине. За последние три года я не раз давал себе слово лечь на косметическую хирургию, но так и не собрался.

Итак, опять текст, полный скрытых намеков и туманных указаний, и вдобавок выводящий

адресата непосредственно на меня.

В первом приближении перевод (не только с английского, но и с языка военных сокращений) выглядит так — я набрал русский текст и вывел его на индикатор:

> «Группа по технической разработке систем оружия «Каноэ»… наличие оборудования… напряженность… секретные сведения морской разведки… унитарные боеприпасы с переменным зарядом… «ведьмин лед»… non licet… «косули»… полевая артиллерия доставлена… срок готовности 12 мая… гнев «Ирокеза»… Английский банк… бортовой номер 95219 направляется на базув Северном Вьетнаме… «уран»… самолет службы наблюдения… спутниковая радионавигационная система… неопознанное реактивное топливо… эскадрилья общего назначения… «жестяное ухо» работает на чрезвычайно низких частотах… экстренная просьба обосновать полномочия на ведение переговоров… заявка на отправку грузов заводской сборки… радиоперехват… радиооператор в комнате 58… Р.»

Нет, это невозможно. Полная абракадабра с точными проблесками мысли. И с вклинившейся латынью: «non licet» — значит «не разрешается». И с архаизмом двадцатилетней давности «Северный Вьетнам». И еще изобилующая разночтениями. Например, у «Mrs Fahag» есть третий смысл: речь может идти о некоей «госпоже Фахаг». Если сочетание «Be SN iebai goes BNV» прочитать иначе, то получится: «бельгийское судно с бортовым номером 95219 пустить ко дну как несущественное». Аббревиатура ELF — «чрезвычайно низкие частоты» — может оказаться словом «elf», а при в данном контексте какие-то «эльфы», я и вовсе понятия не имею. Дальше — «XJAN». «Extra Justification for Authority to Negotiate» - «экстренная просьба обосновать полномочия на ведение переговоров»… Чушь какая-то!. Скорее всего здесь имеется в виду 24 января. А что у нас будет 24 января? Сокрыто мраком…

Наконец, последние семь знаков даже самый опытный эксперт прочитает, как минимум, семью разными способами. К примеру, так: «…донесение об аварии летательного аппарата в штате Мэн… последствия тяжелые… Р.» И кто этот таинственный «Р» — Роберт, Ричард, Ростислав, Рогволд?

Я еще раз вспомнил первый вариант прочтения криптограммы: буй, боевая техника, комитет вооружений, ядерные подрывные средства, Северный Йемен, выход на цель, атомный потенциал… Приплюсовал к этому любопытнейшему ряду новые «громкоговорящие» словечки: системы оружия, морская разведка, унитарные боеприпасы, «косули» (за этим новейшим кодовым обозначением скрываются наступательные ракеты с «конвекционными», то есть неядерными боеголовками — далекие потомки сверхсекретной бомбы БЛ-У82 «Прыжок коммандос», испытанной еще во время вьетнамской войны), полевая артиллерия, неопознанное реактивное топливо, радиоперехват… Вздохнул. Уж больно заманчиво выглядит перечень терминов: так и мерещится, что за ним кроется что-то очень и очень грозное. Как минимум - фронтальный подрыв всей деятельности Комитета по разоружению. Как максимум - большая война.

В голове зашевелились мало соответствующие текущему моменту и моей скромной роли мысли об ответственности, о бремени долга, которое вдруг взваливается на плечи одного человека, о моральных перегрузках, которые взрывают мир…

А затем я сделал вот что. Еще раз глубоко вздохнув, я стер из памяти компа оба варианта расшифровки.

Все — липа. Игра случая. Мура собачья! Не может быть в расшифровке столько двусмысленностей и неоднозначностей. Не может код строиться на аббревиатурах, каждая из которых истолковывается пятнадцатью разными способами. Ну, не пятнадцатью.. Тремя... Двумя!.. Двух прочтений тоже достаточно, чтобы сразу - **сразу!** - незамедлительно отказаться от криптоанализа данного текста.

Я сам - сам! - водил себя за нос последние полчаса. Или даже целый час. Передоверился компьютеру. А время ушло. Цепляясь за нить каверзных совпадений, я упустил инициативу. Теперь до посадки в Нассау осталось совсем немного времени. Я сижу с пустыми руками, Володя убит, Олав торжествует, сколько-то неизвестных агентов ловят каждое мое движение, Мерта…

Мерта! С Олавом мне не сладить, а от его напарницы при достаточной жесткости обращения можно кое-чего добиться.

IX

Я отдергиваю шторку, встаю, пробираюсь мимо пассажира, сидящего справа, ловлю взглядом выражение его лица - если противник, то хороший актер, реакция нулевая - и выхожу в проход.

Теперь мне надо не спеша прогуляться по «Стратопорту» таким маршрутом, чтобы оказаться с Мертой «vsi-a-vis» . То есть в проход ее салона мне надо войти с носа. Я иду по своему салону, слева вижу тело Володи, он по-прежнему «сидит» в не очень естественной позе, но подозрений у окружающих не вызывает — спит человек, забылся в дреме, вот и затекла у него рука или нога. Выхожу в кормовой коридор, причальная галерея, тамбур, снова причальная галерея — на этот раз крыла В.

Чуть дальше, там, где причальная галерея переходит в следующий кормовой коридор, находится бар. На «Стратопорте» их четыре — по одному на каждое крыло. Осторожно оглянувшись, я вхожу в бар крыла В, попутно вытягивая левой рукой из кармана пиджака универсальный ключ. На мое счастье, в тесноватом отсеке нет никого их посетителей. Стюард встает со стула, откладывая в сторону комп, на котором он что-то подсчитывал.

Левой рукой я захлопываю дверь, одновременно всовываю в скважину универсальный ключ и нажимаю на кнопку в торце рукоятки. Теперь даже сам капитан «Стратопорта» не сможет открыть эту дверь. Правая рука уже выхватила из-за пояса инъект-пистолет, легкий хлопок, и ампула впивается в щеку стюарда. Он взмахивает рукой, чтобы выдернуть иглу, но не успевает: снотворное мгновенно всосалось, бармен падает, цепляется пальцами за стойку, роняя комп, роняя шейкер, роняя фольгированную тарелку с разменной монетой… Очень много шума.

Ближайшие три часа стюард будет спать как ребенок. Точнее, как пьяный. Проснется с тупой головной болью, которая, впрочем, скоро пройдет. Этим последствия инъекции и ограничатся..

Я шарю под стойкой и нахожу то, ради чего затеял всю эту пиф-паф-операцию: адгезионную табличку с надписью «Перерыв». Открываю дверь, выглядываю в коридор: ни души. Я выскальзываю наружу, запираю дверь и пришлепываю табличку. Все четко. Теперь, чтобы воспользоваться баром, надо идти в соседнее крыло.

Через центральный салон крыла В прохожу в носовой коридор, а из него попадаю в проход левого салона.

Вот впереди справа — точеная головка с льняными волосами, перехваченными шнурком. Нестареющее красивое лицо. И опять — молниеносный взгляд, как удар бичом. На этот раз я ждал его. И остановился, изображая изумление. Словно бы в сильном волнении, приглаживаю волосы.

— Господи! Неужели Мерта?! Простите, вы - Мерта? Мерта… э-э… Ольсен?

— Мерта, — мило улыбается. — Только не Ольсен, а Эдельгрен. А вы, простите…

— Ну, конечно, Мерта Ольсен! — не слышу я ответа. — Боже мой! Восемнадцать лет прошло, а вы все такая же! Ничуть не изменились. Вот что значит настоящая женщина!

— О-о! - в глазах Мерты «искреннее» удивление. — Кого я вижу? Алекс… Да, точно, русский медик Алекс. Извините, фамилию вашу я уже не помню, русские фамилии такие… языколомные... Прошу прощения...

С полминуты мы увлеченно щебечем на два голоса. Ну как же, мы так обрадованы этой нечаянной встрече, ведь столько лет прошло, а вот на тебе— узнали друг друга, и есть что вспомнить…

— А вы, Алекс, изменились. Раздались вширь, стали массивным, я бы даже сказала — литым. Мускулы и стать. А тогда, в Югославии, вы были

рыхлым улыбчивым молодым человеком, переполненным идеализмом.

— Ну уж, вы скажите, идеализмом. Полон иллюзиями — это верно. В молодости мы все живем иллюзиями. Да, тот майский симпозиум забыть невозможно. Адриатика, бора, землетрясения… Как романтично все было!И безоблачно. В мире шла разрядка. Правда, она была уже на исходе, надвигались «жесткие» восьмидесятые, десятилетие «силового противостояния», но это нам сейчас все хорошо видно, из нашего сегодня, а тогда.... тогда настроение было все-таки безоблачным.

— Алекс, вы все такой же сентиментальный, как и прежде. А говорите, что лишились иллюзий юности.Впрочем, вы на Востоке всегда идеализировали разрядку. Что касается меня, то я с самого начала относилась к ней достаточно хладнокровно.

— Мерта, послушайте, мы так и будем здесь разговаривать? Я стою в проходе, мешаю пассажирам. Пойдемте лучше в бар. В вашем крыле бар, насколько я знаю, временно закрыт, а в крыле С должен работать. Кофе на «Стратопорте» варят отличный!

— Ну уж ради встречи можно выпить чего-ни-

будь и покрепче самого крепкого кофе. - Мерта обворожительно улыбается, вставая с места.

Мы выходим в кормовой коридор. Минуем причальную галерею Вот и дверь бара.

— Хм... Действительно, закрыто, — говорит Мерта, умудряясь окрасить эту короткую фразу множеством интонационных оттенков: здесь и искреннее недоумение, и шаловливое недоверие к моим недавним словам, сменившееся уважением и любопытством к человеку, который иногда, оказывается, все-таки говорит правду. — Может, это ошибка?

Мерта дергает за ручку двери, но та не поддается. Против универсального ключа можно бороться только универсальным ключом. А они на «Стратопорте» только у капитана, у первых и вторых пилотов пилотов и у главного стюарда. И еще у меня. Пронести такой ключ на борт постороннему человеку практически невозможно: в рукоятку вделан хитроумный маячок, на сигналы которого система предполетного контроля реагирует истошными воплями.

— Очевидно, технические неполадки, — бодро говорю я и продолжаю настаивать: — Но бар в крыле С работает. Должен работать.

Мы идем дальше. Перед нами - шлюзовой там-

бур, соединяющий кормовые коридоры крыльев В и С.

Я открываю дверь шлюза, пропускаю Мерту вперед, захлопываю дверь, тут же запираю ее универсальным ключом, совсем не по-джентльменски отпихиваю Мерту, прыгаю к дальней двери и тем же ключом фиксирую замок. Оборачиваюсь. И… получаю серию из трех хлестких ударов - в пах, в солнечное сплетение и по адамову яблочку, - которую еле-еле успеваю блокировать. Еще два удара — по надкостнице большой берцовой кости и в верхнюю челюсть. Эти «плюхи» я принимаю уже довольно спокойно, хотя удар по ноге пробивает защиту, и ребро туфли Мерты входит в чувствительное соприкосновение с моей голенью. Больно.

Теперь бью я. Несильно. Но метко. И так, чтобы Мерта приходила в себя примерно минуту. Чтобы у нее в голове стоял гул, перед глазами плавали разноцветные медузы, но чтобы голос мой доходил до сознания. Поскольку внезапность нападения не оправдала себя, Мерта словно бы теряет интерес к схватке и пропускает удар. Правда, защита у нее и без того поставлена слабовато. Или, может быть, сказывается возраст?

Итак, Мерта лежит, скрючившись на полу. Я

стою, прижавшись спиной к стене шлюза — цилиндрической камеры диаметром чуть больше роста человека, где от одной герметической двери из бронепластика до другой - всего-навсего полтора метра.

Мерта лежит неподвижно, однако я знаю, что она меня слышит. Я на всякий случай я обыскиваю ее, но оружия, как и ожидал, не нахожу.

— Я рад, что не пришлось прибегать к долгим объяснениям, — говорю я. — Тебе понятно, кто я, мне известно, кто ты. Переиграть меня тебе вряд ли удастся. Все, что от тебя требуется - это сообщить мне код шифровки, которую передал Олав из Галифакса. Вообще - секрет кода, основанного на четвертичной записи. Как видишь, мне известно и это.

Мерта поднимает голову, встряхивает ею, произнеся что-то вроде «ба-да-ба-да-ба-да», и садится на пол, прислонившись спиной к двери, ведущей в крыло С. Глаза поначалу плавают, но постепенно взор снова обретает осмысленное выражение.

Мерта переводит взгляд на меня, и в зрачках ее вспыхивают ледяные искры ненависти. Губы и подбородок шведки - в пузырящейся слюне, тонкая струйка стекает по шее — жалкое и неприглядное зрелище.

— Как видишь, я пошел ва-банк, — говорю я. — Теперь нам с тобой мало что осталось терять. Если ты раскрываешь секрет кода, мы выходим отсюда и расстаемся навсегда. Разумеется, обоюдную «засветку» нам с тобой наши конторы не простят. Но это - дело десятое. Конечно, в том случае, если кодированная информация Олава заслуживает внимания. Но не вздумай молчать или делать вид, будто ты никакого кода не знаешь. В этом варианте мы будем сидеть здесь, пока экипаж не обнаружит, что шлюз блокирован, а я постараюсь, чтобы он обнаружил это как можно скорее. Тогда крылья А и Д отваливают, наши два крыла совершают экстренную посадку на первом же пригодном аэродроме, и нас хватают контролеры ООН как двух неидентифицированных агентов, противозаконным образом вступивших во владение универсальным ключом.

— Идиот! — шипит Мерта... по-русски. Впрочем, что тут удивительного? Если я свободно говорю на трех языках, то почему Мерта - разведчик высокого класса - не может знать русского? — Не надо вешать мне лапшу на уши! Я прекрасно знаю, что ты агент КОМРАЗа, и никакие контролеры ООН тебе - не указ, и право на ношение универсального ключа у тебя есть... Но неужели

ты думаешь, будто чего-нибудь добьешься? Я ведь все сделаю, чтобы тебя взяли именно как агента, но не агента КОМРАЗа, это не предосудительно, а как советского шпиона, которому на аукционах нечего делать. Что касается меня… Какой я агент? Я просто жертва. Озверевший красный агент насилует в шлюзе «Стратопорта» пожилую шведку! Ничего «шапка», а?

— Тебе не удастся уйти в кусты! — угрожаю я.

— Почему же? На ключе — **твои** отпечатки пальцев, я к этому делу непричастна. Оружия при мне нет, компрометирующих материалов — тоже. А из тебя - если тряхнуть! - я уж и не знаю, что посыплется.

— Ты считаешь, твои шефы простят тебе, что ты так глупо засыпалась с русским?

— Разумеется, нет. Вероятнее всего, они уже сейчас просчитывают вариант, как бы разломить «Стратопорт» между крыльями В и С, чтобы избавиться от нас обоих. И полетим мы с тобой как птицы. И, может быть, я еще в воздухе постараюсь перегрызть тебе горло, чтобы ты умер все-таки от моих зубов, и наверняка. На океан - надежда слабая. Вдруг вы, русские, умеете падать в воду с десяти тысяч метров и не разбиваться?

Признаюсь, от этих слов и от интонации, с ко-

торой они были произнесены, мне стало зябко.

— Я уже сейчас предвкушаю этот полет, последний полет в нашей жизни, — в голосе Мерты появились кликушеские завывания. — Я чувствую твою кровь на моих губах, я чувствую, как ты…

Мерта резко смолкает. Голова ее падает на грудь, шведка валится набок и гулко стукается лбом о пол тамбура. Я наклоняюсь над ней. Не верю своим глазам. Что это? Обморок? Коллапс? Или, может быть... смерть?

Я хватаю руку Мерты и ищу пульс. Ни единого биения. Пульс не прощупывается. Я судорожно выхватываю компьютер, набираю команду «Анамнез», вытягиваю щуп диагностера и прикладываю к шее лежащей женщины. На индикаторе вспыхивает цепочка цифр. Пульс, давление, дыхание... — сплошь нули. И лишь температура тела — 36,5 — нарушает это однообразие. Значит - смерть. Остановка сердца. Мерту словно бы выключили...

Непрямой массаж сердца — вот единственная соломинка, которая может сейчас вытянуть шведку с того света. Я резко рву «доломанку» от ворота книзу, лишь шнуры разлетаются в разные стороны. Под «доломанной» — обыкновенный

батник. Тем же варварским движением я распахиваю и его: трещит ткань, стреляют в стены две-три пуговицы. Разумеется, на Мерте лифчика нет. Лишь мельком отметив непропорционально большие - просто огромные - ареолы, я накладываю руки на левую сторону груди шведки и начинаю качать. Вдох — раз, два, три, четыре… Выдох — рот в рот. Вдох — раз, два, три, четыре… Выдох — рот в рот. Вдох — раз, два, три, четыре… Выдох — рот в рот. Ох, и тяжелая эта работенка — делать непрямой массаж параллельно с искусственным дыханием! К тому же очень тесно. И нет никого, кто посодействовал бы... И я не имею права кричать: «Помогите!»...

Проходит минуты три. Я уже взмок. Никакого эффекта. «Завести» сердце Мерты мне не удается.

Я качаю, как автомат. Мои руки ходят, словно поршень аппарата ИВЛ, а в мыслях царит черный ужас. Я давно понял, в какую ловушку я попал. Кто-то дождался, пока мы с Мертой уединились, а потом убрал «шведку» — пусть опытная агентесса, пусть профессионалка, по ее карту в данной ситуации не посчитали козырной. И вот я в западне: заперт в шлюзе, передо мной — полуобнаженная мертвая женщина в растерзанной одежде, сейчас дверь откроется, войдет главный

стюард (это хорошо — стюарды на «Стратопорте» не вооружены) или кто-нибудь из пилотов (это хуже - дырка калибра 7,62 в голове мне обеспечена), и меня либо убивают на месте, либо грубо вяжут по обвинению в зверском изнасиловании со смертельным исходом. Надо быть полным идиотом, чтобы влипнуть в такую историю!

Я даже догадываюсь, каким образом убрали Мерту. Мне доводилось слышать об испытаниях микроволновых пистолетов — «карманных» мазеров, - но я не представлял, что когда-нибудь увижу подобное оружие в действии. Смысл его вот в чем. Направленный микроволновый луч наводится на сердце, излучение блокирует проводящую систему, и миокард перестает работать. Воздействие центральной нервной системы также отсекается. Здесь важны два фактора: точно подобранная частота и предельно меткий прицел. Если моя догадка верна и Мерту убили из карманного мазера, значит, кто-то очень хорошо представлял, где именно в шлюзе находится шведка и в каком положении она сидит.

Ну , положим, бронепластик — не преграда для мазера. Но ведь для зрения-то - преграда! Не может быть, чтобы столь точное прицеливание — и вслепую. Что ОНИ там — сквозь стены видят,

что ли? А если видят - значит, сейчас с интересом наблюдают, как я делаю непрямой пассаж сердца Мерты. И дверь вот-вот распахнется…

X

Решение созревает мгновенно. У меня не много шансов, надо использовать хотя бы одни. «Шефы» Мерты могут оказаться с любой стороны шлюза. (Конечно, есть вероятность, что они поджидают меня с обоих сторон, но такой вариант лучше вовсе не рассматривать.) В стороне крыльев С и Д мне делать нечего, надо возвращаться на свое место. Тем более Олав — там, и если я уцелею, то впереди самая серьезная схватка. Я открывав дверь, ведущую в крыло В, выглядываю... Это поразительно, но в коридоре никого нет. На двери бара по-прежнему табличка «Перерыв». Причальная галерея пуста. Что это — ИХ просчет? Или очередная ловушка? Или ОНИ считают, что смерть Мерты — в любом случае на моих руках и мне деваться некуда?

Я одергиваю пиджак, стряхиваю пот с лица, приглаживаю волосы и, загерметизировав за собой дверь тамбура, прохожу в правый салон крыла В. Сажусь в первое попавшееся пустующее кресло. Задергиваю шторку. Вытаскиваю

компьютер — мою палочку-выручалочку. Моего незаменимого помощника. Мое оружие, отмычку, память, радиостанцию, записную книжку... Теперь мне предстоит прибегнуть к самому крайнему средству. К средству, которое мне разрешается применять лишь в случае **непосредственной** угрозы смерти лично для меня или по «тревоге Д» (угроза гибели людей). Это средство именуется «телеинтерфейс». Набрав определенный код на своем личном компьютере, я могу по радио подключиться к компьютеру «Стратопорта» и потребовать от него исполнения любой команды. Для экипажа это будет выглядеть как сбой программы, а вмешаться он попросту не успеет.

Я набираю требуемый код, на индикаторе зажигается красная надпись «контакт», и я ввожу команду разломить «Стратопорт» по центральной продольной оси. Надпись «контакт» меняет цвет на зеленый. Это означает: команда принята.

Я могу представить, как сейчас разом срабатывают множество механизмов. Блокируются одни электрически цепи и включаются другие. Идет герметизация носовогои кормового шлюзов. Расстыковываются множество разъемов. Наконец

включаются сервомоторы рулей поворота, перья рулей отклоняются на точно рассчитанные углы и гигантское «летающее крыло» плавно разделяется надве половинки. Состыкованные крылья А и В, в котором сижу я, отходят влево, крылья С и Д - вправо, И никто кроме меня и загадочных «шефов» Мерты, не знает, что из кормового шлюза встречным потоком вырвало труп женщины и он понесся вниз, чтобы с шумным всплеском упав в воду где-то на траверзе мыса Хаттерас, навсегда исчезнуть в волнах Атлантического океана.

Прости, Мерта! Я теперь никогда не узнаю, можно ли было тебя спасти. Я вообще не уверен, можно ли снасти человека, сердце которого остановлено выстрелом из мазера. Но я знаю, что в других условиях качал бы сердце Мерты и десять, и двадцать, и тридцать минут — пока оно не заработало бы. Или пока я не удостоверился бы в полной бесплодности своих усилий. Однако в данной ситуации шведка сыграла роль «подсадной утки», и, видит Бог, не я уготовил ей этот сценарий. Единственное мое утешение: таинственные «шефы» принесли Мерту в жертву задолго до того, как я принял решение соединиться с компьютером «Стратопорта». Она была жертвой, уже когда шла по трапу «челнока»,

который должен был доставить ее на борт «летающего крыла».

...А в салоне уже мигали красные огоньки, и жужжал зуммер, и пассажиры недоуменно переглядывались, и кто-то уже начал выкрикивать обидные фразы в адрес пилотов, и люди по правому борту с изумлением обнаружили, что на месте имитаторов, дающих подобие картинки, которую пассажиры привыкли видеть из окна самолета, прорезались настоящие иллюминаторы, и там отчетливо видно, как от нас величественно удаляется правая половина гигантского «летающего крыла».

— Внимание, пассажиры! — внезапно раздался из динамиков спокойный голос пилота.— Наш «Стратопорт» совершает плановый маневр. Все системы работают нормально.— «Молодцы, быстро сориентировались,— отметил я про себя.— И очень вовремя взяли инициативу в свои руки». — После необходимых эволюций наше «летающее крыло» воссоединится и продолжит полет снова как единое целое.

Я прождал минут пятнадцать. Наконец половинки крейсера сошлись вместе, состыковались, красные лампочки в салоне погасли. Вроде бы все вернулось после моей «шалости» в нормальное

русло. Нормальное ли? Это я смогу узнать только на собственной шкуре. Я поднялся и медленно направился в свой салон. Пора было возвращаться к себе «домой» — в левый салон крыла А.

XI

Я снова сижу в кресло 9 В, шторка отгораживает меня от соседа справа. Включен телевизор, отсветы экрана, вделанного в спинку впереди стоящего кресла, падают на мое лицо. Любой сторонний наблюдатель, который найдет способ поинтересоваться, чем же это я занимаюсь, отметит, что пассажир из России чрезвычайно увлечен хит-парадом, организованным Би-би-си.

Пытаясь подобрать новый ключ к шифру, я одновременно размышляю, где же допущена ошибка? Почем именно моя персона привлекает столь пристальное внимание невидимого противника? Что вынуждает его на столь экстренные — и экстремальные! — шаги? Ладно, пусть мои действия не отличаются логикой — и это естественно, преследуемый вынужден петлять,— но ведь и противник ведет себя странно. Либо я не постигаю всей тонкости его замысла, либо он тоже грешен: нанизывает ошибку за ошибкой. Первое: мне дали возможность вывести из строя

бармена. Второе: разрешили увести Мерту туда, куда я хотел, а не туда, где мои действия легче было бы контролировать. Третье: подарили мне роскошный временной люфт — добрых пять минут я провел, массируя грудную клетку Мерты, и никто не ворвался, не убил меня, не арестовал... Наконец четвертое: мне позволили разломить «Стратопорт» и избавиться от важнейшей улики — трупа. Может быть, я действительно опережаю противника на один ход, и он не способен предугадывать мои действия? Или же я столкнулся с тактикой «гибкого реагирования»? В таком случае мне многое «разрешается» или «прощается» лишь по одной причине: главная задача, над которой я бьюсь, пока не решена. (Я приоткрылся, когда стал требовать от Мерты тайну кода.) Как только я расшифрую сообщение, переданное Олавом, меня сразу же начнут лишать жизни.

Да, все точно. Пока я не раскрыл секрета — я не опасен. Смысл всей бессмыслицы, что творится вокруг меня на «Стратопорте», коренится в перехваченном мной кодированном сообщении. Значит, я прокололся в Галифаксе.Ох, плохо...

Как только я узнал, что Олав тоже очутился в Галифаксе, я сразу же предпринял шаги, чтобы не повстречаться с ним и в то же время держать

старого знакомца под контролем.

Меня встретили в аэропорту и сразу отвезли в Пагоуш,где уже второй день шли торги. Местом аукциона был выбран дом Сайруса Итона -дань доброй традиции. Как известно, именно здесь тридцать девять лет назад состоялась первая международная конференция, положившая начало Пагуошскому движению.

Любопытно, что Ольсена-Лейтона я ни разу не видел ни в доме Итона, ни даже возле него. Создавалось впечатление, что этот человек вовсе не имеет отношения к аукциону и приехал в Новую Шотландию по сугубо личным делам. Однако когда мы все — продавцы, «байеры», эксперты и немногочисленные журналисты — отправились на экскурсию в Баддек, чтобы посетить музей Александра Грэхема Белла и посмотреть на то место, где братья Райт совершили свой первый знаменитый полет, я заметил в толпе гостей высокую фигуру, увенчанную золотистой шевелюрой. Помню, я еще подумал: «Хоть бы перекрасился Лейтон, что ли! Нельзя ведь настолько уж привлекать к себе внимание.»

Галифаксский аукцион, как и рейкьявикский, проходил спокойно. Правда, некоторые детали вызывали у меня недоумение, но это уже из

области субъективных ощущений, никак не связанных с нормальным ходом процедуры торгов. Например, ФАО закупила большую партию «газотопливных» бомб. У меня, разумеется, никто не просил совета, я тоже не имел права лезть не в свои дела, но в душе меня разбирало любопытство: ну зачем Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН это страшное оружие? Поразмыслив на досуге, я пришел к выводу, что ничего странного здесь, в сущности, нет: по всей видимости, бомбы предназначались для очистки труднодоступных участков суши с целью их дальнейшего сельскохозяйственного использования. В роли заказчиков, очевидно, выступали страны Полинезии, потому что бомбы надлежало доставить на склад, расположенный на острове Рождества в Тихом океане, а перевалочной базой служил остров Сокотра.

Международный институт фармакологии заключил с британским правительством контракт на покупку 100 тысяч килограммов горчичного газа. При чем здесь фармакология — я понял сразу, но масштаб торговой операции все же поразил меня. Известно, что иприт обладает и лечебным действием: если этот яд разбавить в двадцать тысяч раз вазелином, то получится

препарат псориазин, применяемый для лечения чешуйчатого лишая. Все прекрасно, но куда уважаемый фармакологический институт денет два миллиона тонн псориазина? Это ведь получается по четверть килограмма на каждого жителя восьмимиллиардной Земли! Впрочем, скорее всего, я не прав. Нечего соваться в фармакологию - область, в которой я разбираюсь слабо. Наверняка дихлордиэтилсульфид, более известный под именем иприта, можноиспользовать еще десятью разными способами. Как минимум, десятью...

Большой ажиотаж вызвала распродажа электронной начинки крылатых ракет «Томагавк». На аукционе сцепились сразу пять «байеров»: Международный научно-исследовательский институт проблем управления, Международный союз электросвязи, ЮНИАР — Научно-исследовательский и учебный институт ООН, Межправительственная океанографическая комиссия и АЛАСЕИ — Латиноамериканское агентство специальных информационных служб. Последнее особенно усердствовало — представители АЛАСЕИ настолько нуждались в точной электронике, что, казалось, готовы были тут же, прямо на месте, голыми руками разорвать «Томагавки»

и выдрать начинку, лишь бы поскорее увезти ее в панамский монастырь Санто-Доминго, где расположился Комитет действий этого агентства.

Конечно, никаких «Томагавков» в Галифаксе и в помине не было. «Потрошить» их должны были на Фарерских островах. А победила на аукционе Межправительственная океанографическая комиссия: поднатужившись, она обошла всех конкурентов, в том числе и латиноамериканских, и обиженные представители АЛАСЕИ покинули Пагуош, демонстративно выразив нежелание участвовать в прочих торгах.

Вот и еще одна забота прибавилась у КОМРАЗа. Теперь ребятам из латиноамериканского отдела придется летать в Панаму — уговаривать Комитет действий отказаться от бойкота, примирять его с действительностью, просить отказаться от обид, словом, забыть все плохое и вспомнить все хорошее. Немножко напоминает детский сад, но что поделаешь: если «байеры» начнут обижаться и устраивать демарши, то идея аукционов будет подорвана, а ведь кое-кто только этого и добивается.

Наконец еще одна мирная стычка вызвала мой живейший интерес (да, наверное, и не только мой). Вниманию «байеров» была пред-

ложена партия из пятнадцати стратегических бомбардировщиков «Стелт». Как ни странно, покупателей оказалось всего два, и оба прелюбопытнейшие (в свете того, что они собрались покупать): Всемирный почтовый союз и Всемирный центр вычислительной техники и развития человека. Зачем им понадобились «Стелты» - я так и не понял. Но, видимо, понадобилось не на шутку. ВПС и Всемирный центр вычтехники уперлись: ни одни не хотел уступать другому. Продажная цена росла, но медленно - **очень** медленно! - так что коренного перелома в ходе торга можно было ждать весьма долго. Дело зашло в тупик. Администрация аукциона пресекла это упрямство очень простым способом: отложила продажу бомбардировщиков на неопределенный срок. И то верно — должны же ведь найтись новые, более предприимчивые покупатели?!

Как только решение администрации было обнародовано, я тут же отправился в аэропорт: больше мне в Галифаксе делать было нечего.

XII

Ожидая в здании аэровокзала посадки на «челнок», я увидел в очередной раз Олава: он нервными шагами мерил пространство в даль-

нем конце зала. Вряд ли агенту можно так уж выдавать свои эмоции. Впрочем, Ольсен, вероятно, не предполагал, что за ним ведут наблюдение (по собственному опыту знаю, что предполагать такое надо **всегда**).

В руке Олав держал черный «кейс» странноватых габаритов — раза в полтора меньше стандартного дорожного чемоданчика. Я встрепенулся, как такса, взявшая след барсука. Содержимое таких «кейсов»-недомерков не отличается большим разнообразием. Либо это джентльменский набор специалиста по контршпионажу: тогда внутри должен быть скрэмблерный телефон, электронный шифровальщик, «клопоискатель» и прочие хитрые игрушки, либо в чемоданчике таится компьютер, снабженный телеинтерфейсом и аппаратурой для остронаправленной спутниковой связи.

Я безошибочно остановился на втором варианте и в душе даже пожалел Олава: шефы явно подставили его, снабдив инструментарием, который глаз профессионала раскалывает с первого взгляда. У меня тоже «на вооружении» мощный компьютер, да еще с ридаром, но все устройство умещается в кармане пиджака.

Значит, спутниковая связь… Видимо, Олав

только что получил особо важную информацию (вариант: закончил сбор сведений), и ему позарез нужно передать ее как можно быстрее. Где же он будет работать со своим чемоданчиком? В том, что Ольсен собирается выходить связь в ближайшие минуты, я не сомневался - иначе зачем же так нервничать? Вероятно, сейчас он будет искать какой-нибудь укромный уголок.

Так и есть. Решившись, Олав направился на второй этаж аэровокзала. Уединиться там довольно трудно — я знал это. Неужели я неправильно истолковал поведение Ольсена? Поднимаясь по эскалатору, расположенному в моей половине зала, я проигрывал различные варианты своих действий. Вариант первый — мы сталкиваемся нос к носу. Вариант второй — Олав уединяется в туалете (все может быть, однако вести остронаправленную передачу сквозь железобетонное перекрытие — это по-моему, тихое помешательство). Вариант третий — он разворачивает передатчик на глазах у праздной публики на открытой галерее второго этажа (для непосвященного человека — ничего будоражащего внимание: ну, сидит себе деятель, работает на компьютере, а из нежелательных «посвященных» здесь, пожалуй, я один). Вариант

четвертый...

Четвертый вариант я не успел изобрести. Эскалатор вынес меня на второй этаж. Олава нигде не было. Я не мог позволить себе метаться по всем помещениям аэровокзала, неистово «засвечиваясь», поэтому тут же, чуть отойдя от движущейся лестницы, задумался: куда мог деться Ольсен?

Нет, не так. Поставлю себя на его место. Куда бы делся я? Ответ пришел сразу: крыша! Ну, конечно, я бы сразу выскочил на плоскую крышу. Там безлюдно, можно контролировать большое пространство вокруг себя. Если появится чужак — не составит труда его немедленно нейтрализовать.

Итак, на крышу. Интересно, Олав знает, что туда можно попасть через два выхода?

Теперь главное — угадать, каким ходом проник на крышу Ольсен, и постараться не повторить его путь. Угадать это, конечно, невозможно. Ну что же, риск - пятьдесят на пятьдесят.

Я прошел в небольшой коридорчик, куда выходили двери служебных помещений. Вот и ход на крышу - дверь без номера, абсолютно не отличающаяся от прочих. Подергал ручку. Заперто. Это в общем-то ни о чем не говорит, но шансы на то, что Олав воспользовался другим ходом, увеличились. Я достал отмычку, без труда открыл дверь и

стал медленно подниматься по ступенькам.

Лестница вела в небольшую шатровую постройку, более всего походившую на будку вентиляционного колодца. Дверь. Верхняя часть ее застеклена. Откроешь - окажешься на крыше. но я не стал открывать дверь. Мои цели не требовали ни визуального, ни тем более огневого контакта с противником.

Напротив, метрах в тридцати, стояла точно такая же будочка, а рядом с ней, сидя на корточках, копошился Олав. Раскрытый чемоданчик лежал на каменном полу. Из нутра «кейса» торчал штырь антенны. Штырь этот еле заметно ходил, чуть подрагивая, - шла подстойка системы самонаведения. Ага, значит, в распоряжении у меня считанные минуты, а может быть, даже и секунды. Сейчас компьютер «поймает» спутник, на индикаторе перед глазами Олава вспыхнет сигнал, затем Ольсену останется несколько раз нажать тангенту «Передача», пакет информации уйдет по радиомосту к получателю и— все... Чемоданчик закрыт, Олав спускается по лестнице, выходит в зал и какие к нему могут быть претензии, господа?

Естественный вопрос — а почему не перехватить радиопередачу? Да по той причине, что

передо мной — не радиолюбитель, а Терри Лейтон, сотрудник ЦРУ. И у него компьютер имеет скрэмблерную подпрограмму, да плюс еще подпрограмму сжатия информации, а может быть, там есть и специальный кодирующий микропроцессор, так что ловить пакет с антенны — это значит ловить чудовищную тарабарщину, которая принципиально не поддается расшифровке. Единственный способ добраться до сути сообщения, которое сейчас будет передавать Ольсен, — это «вскрыть» память компьютера, выделить информацию per se, минуя скрэмблеры и прочие шедевры кодирующей техники.

Мне надо было очень спешить. И я достал из кармана ридар.

Ридар (не путать с «ридером») внешне похож на небольшой пистолет с широким раструбом. На самом деле это не оружие, а очень тонкий и очень сложный рентгеновский лидар. Или рентгеновский локатор. Или еще точнее: рентгеновский лазерный считыватель молекулярных голограмм. ЛИДАР - это английская аббревиатура слов Light Detection Sc Ranging. Подобными приборами мы давно пользуемся в быту и не знаем, что простенькое устройство, которым мы измеряем загрязненность воздуха в квартире или

определяем степень готовности пирога в духовке, носит такое имя. Теперь заменим в английском обозначении слово Light на Rontgen — и получим название того единственного прибора, который мог выручить меня в данной ситуации.

Действие ридара объяснить настолько же просто, насколько сложно создать этот прибор, за которым стоят целых четыре новейших направления в физике рентгеновских лучей: разработка маломощных рентгеновских лазеров (парадокс научного прогресса: создание слабых лазеров стало возможным лишь после того, как были освоены сверхмощные источники когерентного рентгеновского излучения), рентгеновское дистанционное зондирование, рентгеновская голография и рентгеноструктурный лазерный анализ.

Для чего мне нужен слабый когерентный рентгеновский луч? Им я нащупываю ячейки памяти компьютера, содержимое которого мне интересно знать. Дифрагированный луч возвращается в регистратор, встречается с основным лучом, прошедшим через «отражатель», и в результате интерференции рождается рентгеновская голограмма кристаллической решетки чужой памяти с записанной на ней информацией. Мой компью-

тер расшифровывает голографический «текст», принесенный лучом, и выдает мне на индикатор в виде, удобном для чтения. Внешне это выглядит так, будто бы я соединился с чужим компьютером через интерфейс.

Регистратор у меня в одном блоке с компьютером. Я высчитал угол дифракции и облегченно вздохнул. Пространства будки и лестничного марша вполне хватало, чтобы разнести ридар и регистратор. Я проверил работу «отражателя» основного луча, определил место для компа — оно оказалось строго вертикально подо мной на четырнадцатой сверху ступеньке лестницы, — метнулся вниз, положил аппарат (предварительно включив звуковую регистрацию приема голограммы) на пыльный бетон, потом вернулся в будку, перевел дыхание и поймал в прицел ридара нужную точку на чемоданчике Олава.

Наши движения совпали: Ольсен в очередной раз на жал на тангенту передачи, а я в ту же секунду надавил на спусковой крючок ридара. Компьютер внизу молчал. Я слегка поводил раструбом ридара. Тишина. Ольсен нажал на кнопку, и штырьевая антенна убралась внутрь чемоданчика. Еще раз тщательно прицелившись, я принялся давить на спусковой крючок,

одновременно медленно ведя невидимым лучом по спирали вокруг выбранной точки.

Удивительное дело: словно бы в те минуты мы с Олавом были подключены к какому-то синхронизатору. Внизу, на лестнице, раздалось гудение зуммера («Есть!»— мелькнуло у меня), и тут же, без всякого промедления, Ольсен, захлопнув чемоданчик, вскочил на ноги.

Он закончил передачу. Шифрованное, сжатое сообщение через спутник попало к получателю, а мой компьютер, благодаря ридару, зафиксировал в памяти голограмму кристаллической решетки, на которой это сообщение было записано.

Я кубарем скатился по ступенькам, выбежал, опережая Ольсена, в холл второго этажа, затем уже не спеша спустился в зал регистрации билетов и подошел к стойке, над которой горело электронное табло: «Halifax-Stratoport».

XIII

Через полчаса я уже летел в «челноке». Устроившись в кресле и оценив ближайших пассажиров (никаких подозрительных эмоций они у меня не вызвали), я вытащил из кармана комп и задал программу перевода рентгеновской голограммы в матрицу двоичного кода.

Вообще говоря, задание было намного сложнее, ибо для начала компьютеру потребовалось вычленить из полученной голограммы довольно небольшую часть — микросхему оперативной памяти,— поэтому мой прибор «думал» Довольно долго. Прошло минут девять, прежде чем на индикаторе зажегся цифровой текст.

Выглядел он так:

01011010110110011110110101010111

10111110101101101111101110110110

11010101111011011010101111101111

01111011011011101101101111010110

01101101010101110111011110111110

11110111101111011110011010101101

11010110101101101010010110011101

11011111101010101101111011100110

11111001010111011011100111101110

01011011011110111110100101010110

01101010111110110101010111100110

11101101010110101011011001101101

01011101010101101111101111111011

10110111011111011111101101011110

11010101010111011111011111110101

10111011101110110111101011011011

01101011111110101010111110011011

10011101011011111011111011101111

01101010111110101110111101110111

11100111101001101010101110101011

10111010101011111001111110111001

11101111110110111011011110111111

11111110111001011010110111010101

101001

Едва только бросив взгляд на индикатор, я понял, что работа мне предстоит трудная. Во-первых, интуиция подсказывала, что не все так просто будет с этим двоичным кодом, а во-вторых, о сложности задачи красноречиво свидетельствовал вид матрицы: она была неуместно прямоугольной (32X23), да еще с каким-то неприличным хвостиком внизу.

«Неужели шифровка?» — в ужасе подумал я. Дело в том, что по логике вещей Олаву **не нужно** было записывать в памяти машины кодированное сообщение: абсолютную секретность обеспечивал скрэмблер, включающийся при передаче. Мой компьютер обязан был во всем разобраться и, руководствуясь одной из многочисленных программ перевода, записанных в его необъятной памяти, выдать на экран буквенный текст. Но этого не произошло. Значит, сообщению Олава **изначально** был придан кодированный вид. Это говорило либо о том, что противник знал о возможностях разработанного у нас ридара, либо о важности сообщения: видимо, оно настолько

раскрывало все карты, что Олав для перестраховки принял тройные меры безопасности.

До стыковки со «Стратопортом» оставались считанные минуты. Необходимо немедленно переправить матрицу своим: пусть они тоже бьются над ее решением. Да и в конце концов, мало ли что может со мной случиться. Я вызвал на экран компа расписание движения спутник связи над точкой с координатами Галифакса. Черт! Удобный момент для связи я уже упустил. Спутник был над головой пять минут назад. Придется посылать сигнал вдогонку. Я собрал матрицу в информпакет, настроил систему самонаведения передатчика и, покидая «челнок» сразу после стыковки, нажал на тангенту передачи.

Честно признаюсь: чувства облегчения мне это не принесло. Спутник мог уйти слишком далеко — раз. Меня мог экранировать челнок» — дв. Впрочем иного выхода все равно не было.

Надувной шлюз, по которому я переходил из «челнока» в «Стратопорт», в данной ситуации был единственным местом,откуда я мог послать прицельный сигнал. В любом случае теперь дело чести — расшифровать матрицу самому.

Я выключил комп, спрятал его в карман и огляделся по сторонам. Вроде бы все было спокойно.

И тем не менее, ошибку я, видимо, все же допустил. Скорее всего, еще в «челноке», когда изучал матрицу. Чей-то непраздный взгляд вполне мог упасть на индикатор моего компьютера. Это тем более нетрудно допустить, что пассажирские места на «челноках» не оборудованы шторками индивидуального пользования. Впрочем, возможны и иные варианты. Кто-то то мог засечь меня позже, в шлюзе, или раньше, когда я «палил» из ридара, сгорбившись в тесной будке. Но кто? Я ведь не мог так грубо проколоться: на крыше галифаксского аэровокзала, кроме нас с Олавом, не было никого...

XIV

Перейдя из «челнока» в «Стратопорт», я прошел на свое место 9-В, задернул шторку и сразу же занялся компьютером. Вид матрицы на индикаторе нагонял тоску. Дело в том, что передо мной был код, который никак нельзя было назвать **однозначно** декодируемым. Я понятия не имел, каким образом эту последовательность кодовых символов разбить на кодовые слова, да еще так, чтобы членение кодового текста было единственно верным. Но — отступать некуда. Не ошибается тот, кто ничего не делает.

Для начала я прогнал «неправильную» матрицу через те виды криптоаналитических программ, которые мог припомнить: подстановочная программа, шифр Цезаря, шифр Тритемиуса...

Да. маловато... Конечно, возможности моего компа - чрезвычайно широки, да беда в том, что я - почти полный профан в криптоанализе. Напрягшись, я припомнил основные правила кодирования по Хеммингу, но и тут незадача: откуда мне было знать, какова длинна кодового слова в той шифровке, что скучно светилась на индикаторе. Я поиграл немного с компом, перебрав длины 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, и понял, что зашел в тупик.

Надо мной замаячил призрак Клода Шеннона{1}, и все же я решил не отступать. Наверное, во всей последующей истории главную роль сыграл именно тот факт, что я — полный профан в криптоанализе, а также уязвленное самолюбие. Ну не мог я себе простить, что не знаю, с какого конца подобраться к криптограмме. И я решил брать ее «в лоб». А мои дилетантизм сослужил

{1} Комментарии: 1

Шеннон, Клод Элвуд - американский инженер и математик, заложивший основы теории информации. Шеннон показал, как можно построить криптограмму, которая не поддается никакой расшифровке, если, конечно, не известен способ ее составления.

добрую службу в том смысле, что я задумался над формой матрицы. Я почему-то свято полагал, что матрица кода должна быть строго квадратной (видимо, в памяти всплыли какие-то понятия из университетского курса матричной алгебры: действительно, квадратную матрицу удобно транспонировать, но кто сказал, что в моем случае мне требовалось именно транспонирование?)

Размышлял я примерно так. Раз передо мной прямоугольная матрица, да еще с «хвостиком», значит, это непорядок и надо преобразовать ее так, чтобы остался квадрат (случайно я вышел на верную дорогу, но принципиально это было в корне неверно, и могло увести меня Бог знает как далеко), а «хвостик» исчез.

Я сосчитал количество знаков в строке, их было тридцать два, и решил сжать матрицу, объединив знаки по два (можно сказать и так: разбил текст на кодовые слова с длиной два). В двоичном коде двумя знаками можно записать лишь цифры от 0 до 3. Немного подумав, я перевел получившийся текст в четвертичный вид. Теперь на индикаторе появился следующий текст:

1122312132311113

2332231233232312

3111323122233233

1323123231233112

1231111313132332

3313233132122231

3112231222112131

3133222231323212

3321113123213233

1123132332211112

1222332311113212

3231112231121231

1131111233233323

2313133133231132

3111113233233311

2323232313223123

1223332222332123

2131123323323233

1222332232331313

3213221222232223

2322223321332321

3233312323132333

3332321122313111

221

Матрица осталась прямоугольной, но теперь она была вытянута по вертикали. Я отметил вот какую особенность: во всей матрице не было ни единого нуля. Я счел это добрым знаком: до сих пор передо мной была полная неразбериха, а теперь начала проглядывать какая-то система.

Но какая?

Навязчивая идея о квадратной матрице преследовала меня, и я, не долго думая, разделил криптограмму на две неравные части: вверху остался квадрат из 256 (16X16) знаков, а внизу — прямоугольная таблица с корявым хвостом.

Уже час я находился на борту «Стратопорта», а решение задачи даже не забрезжило впереди. Но с мертвой точки дело сдвинулось. Идя неверной дорожкой, я все же приближался к цели. Прошло еще минут сорок, прежде чем меня осенило: ведь нижняя часть может оказаться ключом к верхней! Вполне возможно, передо мной —редкий код с переменной длиной кодового слова, и тогда Указание на то, как варьировать длину, надо искать в самой криптограмме.

Предположим, что длина эта меняется от 1 до 3, тогда нижняя часть матрицы — запись длин, а четвертичный код выбран для того, чтобы затруднить работу дешифровщика: в этой криптограмме и основной текст, и ключ записаны всего тремя цифрами — единицей, двойкой и тройкой. Не так-то просто распознать, что есть что. Причем кодовый текст выглядит абсолютно бессмысленным, и отличить префиксы кодовых слов, на первый взгляд, невозможно.

Читая квадратную матрицу с помощью ключа (образ ключа наполнился у меня буквальным содержанием: «хвостик» превратился в «бородку»), я получил следующее:

1 12 23 121 323 111

13 23 32 23 123 323

23 1 23 111 32 3 122

2 3 32 331 323 12

323 123 21 121 23

111 131 2 13 23 32

331 323 31 32 122 23

313 122 3 122 2 112

131 31 3 322 22 31 3

23 21 23 32 111 31

23 21 323 31 123 13

23 32 21 111 212 22

3 323 111 13 212 311

1 31 111 23 323 3

323 23 131 331 332

311 323 111 11 323

32 3 3 31 12 323 2

323 1 3 2 23 12 3

Вот теперь у меня не осталось никаких сомнений: передо мной типичная — простейшая! примитивнейшая! — подстановочная криптограмма. Это классика: «Золотой жук» Эдгара По. Такой орешек мой компьютер расколет без труда. Я ввел программу частотного анализа и откинулся на спинку кресла. Сейчас я увижу текст.

И текст появился. Передо мной была абракадабра, начинавшаяся строчкой:

«prefabyemenaepebmow...»

Еще через несколько минут, грызя от досады

кулак и проклиная себя за нечеткое знание американских и британских военных аббревиатур, я разбил текст на слова:

«Prefab Yemen AE PEB mow..»

XV

И вот я снова разглядываю цифровые символы, но состояние мое уже совсем не похоже на то настроение, с которым я принимался за расшифровку. По телу время от времени прокатывается нервная дрожь. Лоб в испарине. Пульс — что-то около ста сорока. В жилах гуляет адреналиновый шторм.

Я понимаю, что времени у меня почти не остается. Примерно через полчаса зазвучит голос дежурного стюарда, приглашающего пассажиров на борт «челнока», идущего в Нассау. Если я не расшифрую текст, то расстанусь с Олавом, так ничего и не доказав. А потом — ищи-свищи ветра в поле. Даже если на Земле мои коллеги вмиг разберутся с кодом, Ольсен к тому времени уже сотрет запись сообщения в памяти компьютера, и все достанемся с носом. Олава просто ни в чем нельзя будет обвинить. Он выскользнет чистым.

Так как же разгадать этот чертов код? Единицы,

двойки, тройки уже мельтешили у меня в глазах, голову переполнял цифровой рой, и я в страхе думал, что еще немного — и я окончательно потеряю способность соображать.

Может быть, компьютер напутал с частотным анализом? Нет, вряд ли. Даже на глаз видно, что кодовое слово «23» встречается чаще всего — это наверняка гласная и, скорее всего, «е». Но основываясь именно на этом допущении, комп выдал две **разноречивые** версии прочтения текста! Значит, не «е»?

Неужели мне придется брать в руки фломастер и блокнот и решать задачу кустарным образом — уже **окончательно** уподобившись Уильяму Леграну из рассказа Эдгара По?!

Впрочем, как я ни размышлял, ничего другого в голову не пришло. Ощущая себя полным кретином и проклиная в душе собственный дилетантизм, я принялся составлять частотную таблицу:

«23» встречается в тексте 15 раз,

«323» ,, ,, ,, ,, ,, ,, 13 раз,

«3» ,, ,, ,, ,, ,, 13 раз,

«32» ,, ,, ,, ,, ,, 9 раз,

«31» ,, ,, ,, ,, ,, 8 раз...

И так далее...

Предположим, что «23» — не «е», а, скажем, «а»...

Что из этого следует, мне не дали сообразить.

XVI

Прозвучал тихий зуммер, и передо мной зажегся телевизионный экран. Цветные полосы автоподстройки сменились изображением лица дежурного стюарда нашего салона.

— Господин Щукин? — вопросительно удостоверился он.

Я кивнул.

— Прошу извинить, что нарушил ваш покой,— смущение стюарда читалось невооруженным глазом, и чувство это было искренним.— Одна дама, просившая не называть ее имени, приглашает вас переменить место и подсесть к ней. Это в нашем крыле, но салон — правый Место 17-F. Еще раз прошу меня извинить, но дама очень

настаивала. Говорила, вы поймете и согласитесь.

Занятно. После гибели Мерты у меня на всем «Стратопорте» не было ни единой знакомой женщины. Но почему бы и не согласиться? Дело, кажется, идет к развязке. Жаль, шифровка не разгадана до конца. И подстраховать меня некому. Что же, будем полагаться на собственные силы. Тем более, что, как гласит один из постулатов прикладной мэрфологии — Первый Закон Велосипедиста,— «куда бы вы ни ехали, все равно это будет в гору и против ветра».

Есть лишь одна утешительная аксиома, которая хоть как-то компенсирует действие упомянутого правила,— это Закон Паула: «Свалиться с пола невозможно».

Я поблагодарил стюарда и попросил передать даме, что присоединюсь к ней через несколько минут. Затем отодвинул шторку, вышел в проход и бросил мимолетный взгляд в сторону Ольсена. Олав был на месте. Господи, сколько можно сидеть сиднем? Уж не манекен ли там вместо живого человека? Впрочем, проверять этот домысел я, конечно, не стал. Если нам с Олавом и предстоит встретиться на ближней дистанции, то уж не по моей инициативе.

— Извините, ради Бога, вы не поможете мне?

— услышал я тихий голос, когда шел по проходу.

Ах черт, как не вовремя! Ко мне обращался пожилой человек, сидевший рядом с проходом. Седоватые волосы, простодушное лицо, расслабленная, безмятежная поза... Нет, не противник.

— Слушаю вас.

— У меня что-то не ладится с электроникой. Вызов стюарда не работает, экран не зажигается, в наушниках — шипение и треск.

Ну, старичок, совсем ты растяпа. И недалек умом, к тому же. И, конечно, в помощники ты выбрал совсем не того человека. Как бы тебе это не вышло боком.

— Попробуйте пульт соседнего кресла, тем более что оно пустует,— с легкой укоризной сказал я.— Или нажмите кнопки того места, что у окна. Вряд ли все три пульта отказали. Хоть один-то должен работать...

— Большое спасибо,— заулыбался мужчина.— И как это я сам не догадался? Вот что значит техническая слепота...

— Беда нашей цивилизации, - я по смог удержаться от саркастического нравоучения.—Техника для нас — те же пеленки. Если намокнут, кто-то должен прийти и переменить.

Неумеха опешил и, по-моему, обиделся. Но

смолчал. Хм, я на его место просто взвился бы.

Выйдя из салона, я прошел в причальную галерею и остановился у широкого окна, расположенного прямо над стыковочным конусом. Отсюда, с задней кромки «летающего крыла», открывалась масштабная панорама подернутой легкой дымкой голубой бездны, в которой тут и там висели стерильные клочья облачной ваты.

Я машинально отметил — в который раз в своей жизни! - что океан с высоты десяти километров — не такое уж скучное и унылое зрелище. Видна его непонятная жизнь, заметны фиолетовые, зеленые, темно-синие подводные «острова», смутные тени на большой глубине, змеятся какие-то «дороги» — то ли течения, то ли границы температурных аномалий...

Что же скрывается за приглашением перейти в другой салон? Я был убежден, что найду пустым не только предложенное мне место, но и все соседние. А чем они характерны, эти места? Они расположены в правом салоне, значит, там по правому борту, который примыкает к крылу В, нет иллюминаторов — их функцию выполняют имитаторы. Следовательно, если даже я очень захочу, то не увижу, что делается в воздушном океане под «Стратопортом». Неужели в этом и

заключается смысл моего переселения? Странно... Тогда какой сюрприз мои «друзья» могут готовить мне извне? Непонятно...

Я решил выждать еще несколько минут. В конце концов причальная галерея пока пуста, зевак здесь, кроме мня, нет, никто не гонит и не угрожает...

Шли секунды... Минута... Вторая... И — мне опять повезло! Повезло в том смысле, что погода стояла ясная и облачности почти не было. С одной стороны, я и сам старался ковать удачу — выжидал, размышлял, старался расколоть предстоящий сюрприз, а с другой стороны - атмосфера просматривалась во все стороны на десятки километров. Я не знаю, как развернулись бы события, если бы мы шли над облачностью.

Короче, я увидел... ракету!

XVII

Из ниоткуда — из пустого океана и пустого воздушного пространства — к «Стратопорту», догоняя его, приближался крылатый снаряд. Я, кажется, зря назвал его ракетой. Судя по конфигурации крылышек и по размерам (хотя здесь я мог ошибаться — трудно было выбрать масштаб), по нашему крейсеру ударили «копперхедом» — «мед-

ной головкой» — крылатым артиллерийским снарядом, который наводится микрокомпьютером по обратному рассеянию лазерного луча. Правда, для того, чтобы «копперхед» отправился в полет, нужны, по меньшей мере две вещи: лазерное наведение на цель и ствол орудия, из которого «медная головка» должна вылететь. Неужели я проглядел в воздухе чужой самолет?!!

Эти мысли пронеслись у меня в голове в доли секунды. Я окаменел. Вот сволочи! Ведь сейчас рванет — и крыла А как не бывало. Триста шестьдесят пассажиров — ну, триста, загрузка неполная — загремят с высоты в океанские волны. Счастье для остальных, если экипаж успеет вовремя отломить крыло. Но я представил и другой — самый страшный — вариант. Грохот, рваная дыра в днище, разгерметизация, турбуленция, «Стратопорт» встает на дыбы и — как осенний лист на ветру, рыская из стороны в сторону, падает в океан.

Это уже похоже на ведение необъявленной войны. Против кого? Против МЕНЯ?!! Может ли такое быть, чтобы на чьих-то дьявольских весах моя скромная жизнь «уравновесила» жизни трех сотен человек?

Словно в ступоре, я смотрел, как «копперхед» скрылся под днищем «Стратопорта». Сейчас!

Сейчас...

И ничего не произошло...

Неужели не сработала боеголовка?!

Ничего не понимая, я собрался с силами и медленно вошел в правый салон. Смотрю по сторонам. Пассажиров много, но пустые места есть. В частности, весь 17 ряд, как я и предполагал, не занят. Приближаясь к нему, я ощутил, как под правой лопаткой запульсировала теплая точка. Ага, заработал вживленный под кожу радиометр. Когда я оказался между креслами С и Д семнадцатого ряда, пульсация на спине превратилась в нестерпимое жжение. Да, здесь действительно горячо. Интересно, сколько я получил за эти секунды? Двести рад? Триста?..

Боль под лопаткой придала ясность мыслям. Я вдруг мгновенно понял, что произошло. По креслу 17-F, где должен был сидеть, нанесли лучевой удар колоссальной мощности. Я сразу сильно вырос в собственных глазах. Это надо же - по моей персоне и лупить из орудий **таких** калибров!

Теперь понятно: тот снаряд, что я видел из окна причальной галереи, вовсе не был «конперхедом". Я наблюдал «Маверик-IV» - малую крылатую ракету с телевизионным наведением. И оснащена опа была не обычной боеголовкой,

а гамма-лазером с гравитационным прицелом. Снабженная присоской ракета подошла снизу к «Стратопорту», прикрепилась точно под тем местом, где располагается кресло 17-F, а потом строго вертикально вверх ударил мощный пучок гамма-лучей.

XVIII

Так. Самое главное сейчас — обезопасить пассажиров. Я прошел правый салон насквозь, выскочил в носовой коридор, оглянулся — никого! — и шагнул к двери, ведущей в кабину экипажа. Спокойно. Еще спокойнее... Пульс... Дыхание... Максимальная собранность... С пилотами шутки не шутят. Малейшая промашка — и получишь пулю в лоб. Я открыл дверь универсальным ключом, впрыгнул в кабину, захлопнул за собой дверь и, упреждая выстрел второго пилота, который уже разворачивался ко мне с послушностью автомата, одновременно выхватывая из лямки «магнум-45», выбросил вперед руку с зажатой в ней карточкой эксперта КОМРАЗа. Карточка ярко переливалась характерными радужными бликами. Это включилась голограмма, после того как мой большой палец вжался в печатку дактилоскопического сенсора

— КОМРАЗ. Безопасность,— не не свойственным мне басом сказал я.— Сбросьте газ, ребята. Не нужно делать лишние дырки в моей голове.

Напряжение спало. Расслабившись, пилоты заулыбались.

— Значит так, на вашем блистательном крейсере, ребята, происходят странные вещи. Например, разлом по линии B - C.

— Сбой компьютера,— кратко пояснил первый пилот.А крылатую

— Хорошо,— согласился я.— Допустим. А крылатую ракету видели?

— Какую еще ракету? - первый пилот сделал квадратные глаза.

— Ракету класса «Маверик», вооруженную гамма лазером. По правому салону нанесен лучевой удар.

Второй пилот и штурман попытались что-то сказать, но я не дал себя перебить.

— Введите программу радиационной опасности и высветите на дисплее активные точки правого салона.

Поняв, что медлить опасно, второй пилот пробежался пальцами по клавишам компьютера. На экране вырисовалась схема салона. Место 17-F полыхало на ней ярко-красным светом. Штурман

вызвал главного стюарда и в двух фразах объяснил ситуацию.

Хорошо, с этим покончено. Сейчас стюард спокойным голосом объявит по громкой трансляции какую-нибудь липу о «нарушении центроплана в результате досрочного прибытия грузового «челнока», пассажиры правого салона клюнут и, повинуясь указаниям, перейдут на свободные места в соседних салонах.

— Еще одна просьба, ребята,— попросил я тоном, не терпящим возражений.— Дайте мне на большой экран телеобзор левого салона.

Включились микрокамеры, установленные под потолком пассажирского отсека, и на экране стали появляться лица — ряд за рядом.

Вот! Этого я и ожидал. Кресло 5-С пустует. Значит. Терри Лейтон не выдержал — он окончательно расстался с маской Олава Ольсена, сорвался с места и ищет меня. Разумеется, Лейтон догадался, что я избежал лучевого удара. Догадался или узнал доподлинно... От кого?..

Три кресла слева, проход, три кресла справа... Следующий ряд... Камбуз и буфет... Снова три кресла слева... Я вздрогнул. Хоть и знал, что сейчас увижу Володю, все равно холодок побежал по спине. Фалеев сидел все в той же неизменной

позе, только глубже осел, и рука свесилась, но я-то знал, что это была поза мертвеца!..

А вот и тот пожилой неумеха, что просил меня о помощи. Господи, не может быть!..

— Крупный план! — выкрикнул я.

Бортинженер нажал на две кнопки одновременно, фиксируя план и включая трансфокатор. Лицо пожилого мужчины заняло весь экран. Сомнений не оставалось. Он тоже был мертв. И я готов был поклясться, что эта очередная смерть — дело рук Олава.

Удержать маску бесстрастности в этот раз мне было очень тяжело. Вся «вина» пожилого заключалась в том, что он обратился ко мне. Наша «связь» тут же была засечена, пассажира посчитали моим сообщником и решили убрать - просто чтобы одним неизвестным в уравнении было меньше. Получалось что я — носитель заразы. Или источник радиации. Все, кто попадал в мое «поле», кто входил со мной в контакт, тут же заражались, превращались в носителей смертельной угрозы для Олава и его невидимых «шефов» и таким образом подлежали ликвидации. Володя... Мерта... Бедный неизвестный неумеха... Кто следующий?..

Может быть, только сейчас я со всей оче-

видностью осознал, что ИМ пора бы, наконец, разобраться и с непосредственным источником угрозы. То есть со мной. До этой минуты возможность реальной гибели — не засыпки, не провала, не прокола, не ареста, а именно смерти — я старался исключить из прогностических расчетов. И вот, окончательно лишившись иллюзий, понял: в ближайшие пять-десять минут меня будут убивать ВСЕМИ способами. Рубикон перейден. На тех дьявольских весах ценность информации, заключенной в моем мозгу и моем компьютере, окончательно превысила бесценные жизни почти полутора тысяч пассажиров и восьмидесяти членов экипажа. Кто знает, не летит ли сейчас к «Стратопорту» очередная ракета «Маверик» — уже не с гамма-лазером, а с термитной боеголовкой? Единственный вопрос, который мучил меня в ту секунду, был: почему, *почему* ОНИ не убрали меня раньше? Как получилось, что я — целый, а Володя и пожилой мертвы? Или по какой-то причине меня нельзя убрать? Или же у НИХ не получилось? Бред какой-то... Дешевый кинодетектив с неистребимым суперагентом...

План действий у меня сложился сразу. Первое. Надо вывести из-под удара экипаж, а для этого покинуть кабину, обведя вокруг пальца возможных

соглядатаев. Нет, это будет второе, а первое — проверить, не меченый ли я. Если меченый — тогда у меня вовсе никаких шансов. Я скинул пиджак и быстро ощупал все швы, складки и кромки. Точно! В правой пройме обнаружилась небольшая булавочка. Микроскопический шарик на ее конце - это и есть изотопная метка, по которой меня можно отыскать где угодно. Куда бы я ни укрылся, иголочка будет сигналить, выдавая мое местопребывание. Укрылся... Это и было третьим пунктом программы. Найти ма-а-аленький тайничок для крупного человечка. Легко сказать...

Единственное, что я мог сказать наверняка в данной ситуации, это то, что Олава в левом салоне, крыла А не было: камеры показали все пространство салопа. Поэтому путь к отступлению мог лежать только там.

Поблагодарив экипаж крыла и посоветовав им не следить за моим маршрутом с помощью микрокамер (обычно параллельно с подачей на экран изображение записывается на видеодиск, а как знать, кто **первым** получит доступ к видеодиску, на котором запечатлены мои перемещения), я вышел в коридор и быстрым шагом направился по проходу левого салона. Минуя труп несчастного неумехи — он все еще не вызывал подозрений

у пассажиров, мало ли народа дремлет в полете! — я незаметным движением всадил изотопную булавку ему в рукав пиджака. Прости, старик! Тебе, к несчастью, уже все равно, а мне решительно некуда девать эту метку. Посигналь немножко вместо меня — послужи прикрытием...

XIX

Как я ни ломал голову, а уголка укромнее туалета на «Стратопорте» не нашел. Сознаю, что решение банальное (агент, скрывающийся в сортире,— это для плохой комедии), но зато... оптимальное. Трюмы — отпадают: туда ведут всего четыре люка, которые легко контролировать. Камбузы, бары и буфеты? Двенадцать отсеков — проверить их тоже не составляет труда. А туалетов на крейсере — семьдесят два. Чтобы обойти их, надо потрудиться. А я получаю хоть небольшой, но выигрыш во времени.

Конечно, и для этой ситуации есть соответствующее правило из области мэрфологии — оно называется Закон Хоу и формулируется следующим образом: «Каждый способен изобрести план, который не сработает». Но, с другой стороны, есть же Закон Буба, гласящий: «То, что вы ищете, вы найдете в самом распоследнем месте».

Почему бы не предположить, что второй закон писан не для меня, а специально для Терри Лейтона?..

Итак, я заперся в туалете — в одной из трех кабинок», расположенных в срединной части левого салона крыла С и снова раскрыл свой блокнот.

На чем я остановился? На предположении, что кодовое слово «23» соответствует букве «а». Примерно минуту подумывал этот вариант и... отбросил его. Мне не нравилась концовка текста. Третья от конца буква — очевидно, гласная, тогда две последние— согласные.

Почему бы не предположить, что это «OLS» — сокращенно от «Ольсен»? Эту версию я счел вполне рабочей. Значит, «23» — это «о», «12» — «I», а «3» — «s». Правда, «3» встречается 13 раз, многовато для буквы «s», ну да ладно, если я на ложном пути — это выяснится очень быстро.

Итак, начнем сначала. В первой строке сочетание второй и третьей букв дает нам «lo». Пятая буква «323» — определенно гласная. Может быть, «е»? Тогда первые шесть букв очень похожи на слово «flower» — «цветок». Я подставил найденные буквы в текст и понял: получается! Да здравствует «Золотой жук»!

Через семь минут на странице блокнота красовался целиком расшифрованный текст.

«Flower got one o forts bd St.
Helena
Worms got heatbombs bd Xmas
via Socotra
Ocean got cruiser guts rip up
Faroes eom
Hypejets sale def sd Ols»

Понятно, почему компьютер не справился с расшифровкой. Руководствуясь стандартной программой частотного анализа, он упорно считал наиболее часто встречающееся кодовое слово буквой «е» (как и положено в английском языке), а в данном тексте рекорд частоты держала гласная «о».

Я готов был прыгать от радости, но, увы, теснота туалетной кабинки не позволяла сделать это. Да и острота ситуации не располагала к проявлению слишком бурных эмоций. Конечно, связность текста была очень высокой, адекватность расшифровки тоже не вызывала теперь сомнений. Но все же оставались кое-какие неясные места.

— Разберемся. «One o» — это, очевидно, цифра 10. «Bd» — сокращение от «bound». «Xmas»

- «Christmas», Рождество, ясно, что имеется в виду остров Рождества. «Eom» — очень распространенная аббревиатура: «end of the month». Дольше всего — минуту или две — я ломал голову над трехбуквенным сочетанием «def». Дело в том, что в английском языке около сотни слов, начинающихся на эти три буквы, из них штук тридцать вполне «работают» на расшифровкую Я остановился на глаголе «define» — определять Наконец, «sd» - вероятно означает «someday».

Вот и настал тот момент, когда я смог занести в память компьютера перевод криптограммы:

> «Цветок» получил десять крепостей, направление - Святая Елена. «Червяки» получили тепловые бомбы, направление — остров Рождества через Сокотру. «Океан» получил начинку крылатых ракет, потрошение состоится на Фарерских островах в конце месяца. Дата распродажи сверхзвуковых бомбардировщиков будет определена нескоро. Ольсен.»

Надо ли говорить, какой важности сообщение было у меня в руках! В нем — в концентрированном виде - содержались секретнейшие данные двух аукционов — рейкьявикского и галифакс-

ского. Жаргонные словечки имели очень простое толкование. «Цветок» — это, конечно, Международное управление по вопросам солнечной энергии: его эмблема — цветок подсолнечника, а под «крепостями» разумеются стратегические бомбардировщики «B-52G», кодовое обозначение «Stratofortresses». «Червяками» определенные вредоносные круги пренебрежительно называют представителей ФАО. А ведь именно Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН закупила в Галифаксе крупную партию «газотопливных» («тепловых») бомб. «Океан» — совсем прозрачно: имеется в виду Межправительственная океанографическая комиссия, получившая право на «потрошение» «Томагавков». Ну и под «сверхзвуковыми бомбардировщиками» следует понимать «Стелты», продажа которых так и не состоялась.

Мне уже неважно было, кто получатель этого сенсационного сообщения. Главное — вот что: я имел на руках неопровержимые доказательства, что в мире на самом деле действует тайная милитаристская организация — пресловутая «ложа» Комитета вооружений, — которая тщательнейшим образом собирает сведения о транспортировках и складировании демонти-

рованного или «распотрошенного» вооружения. Видимо, готовится к тому, чтобы в один прекрасный день наложить на оружие свою костлявую руку и объявить планете ультиматум. Кто состоит в этой организации — пока неизвестно, но один факт на вызывает сомнений: среди многочисленных агентов «комитета вооружений» встречаются бывшие сотрудники ЦРУ.

XX

Теперь предстояло решить последние две задачи: минимум — ознакомить с моим открытием весь мир, максимум — отобрать у Лейтона его компьютер. «Что, из обороны переходишь в наступление?» - спросил я себя. И сам себе ответил: «Пожалуй, пора. Хотя программа максимум выглядит, конечно, горячечным бредом...»

Как же дать весть миру? От успеха этой задачи зависят и тактика моего контакта с Лейтоном. Правда, если сейчас по «Стратопорту» долбанет ракета, никакая тактика уже не поможет. Однако с ракетой ОНИ что-то подозрительно медлят. Ракета... Ракета. Стоп Я понял откуда она взялась. Не из самолета — чужой самолет мгновенно засекла

бы система IFF{2} «Стратопорта». По нашему крейсеру пальнули с подводной лодки. Какая-нибудь незарегистрированная подводная лодка всплыла в открытом море, произвела ракетный выстрел и снова ушла на глубину. Это объясняет, почему не было второго выстрела: извините, скорости не те. Не изобрели еще подводную лодку, которая соперничала бы в скорости с воздушным лайнером. Так. Отлично. Значит, «Стратопорт» будет жить. А мы... а мы еще поборемся.

И все же — как быть с сообщением? Я осмотрелся в поисках хоть какого-нибудь намека на решение. И тут меня осенило. В очередной раз. Я же в туалете? Это очень хорошо! Ассенизационная система «Стратопорта» работает следующим образом. Нечистоты собираются в шлюзовом накопителе, а потом автоматически выбрасываются сжатым воздухом за борт. Пневматический автомат, насколько я помню, срабатывает после пятидесяти нажатий на педаль спуска воды.

Я включил звуковой канал компьютера и короткими емкими фразами наговорил о сути моего открытия. Это заняло минуты две. Я выложился, но уместил в эту запись все: и способ перехвата

{2} Комментарии: 2

[1] IFF - Indentification friend or foe - система опознавания «свой — чужой».

с помощью ридара, и суть шифровки, и убийство Фалеева, и гибель Мерты, и несчастного неумеху, и даже мифическую даму, пригласившую меня на место 17-F, которое вскоре подверглось лучевому удару. Упомянул я и про подводную лодку, указав, в каком квадрате океана ее выуживать. Свой текст я заключил словами: «Иду на Ольсена»

Теперь оставалось немногое. Я задействовал программу цифрового сжатия пакета информации, включил репетир и перевел радиостанцию на передачу по всем диапазонам. Сквозь корпус «Стратопорта» сигналам не пробиться. Тут-то мне и должна была помочь ассенизационная система. К счастью, у меня был в кармане целехонький пластиковый пакет (давнее правило: все необходимое ношу с собой). Я сунул в него компьютер, который превратился в широковещательную станцию, и заварил пластик металлической расческой, нагрев ее в пламени зажигалки.

Ударом ноги я пробил фаянсовое дно унитаза и в расширившееся отверстие бережно опустил загерметизированный комп. Мой верный компьютер, обладатель бесценных качеств... Затем я принялся давить на педаль. После тридцать шестого нажатия я услышал приглушенный всхлип

пневмопровода. Комп провалился в бездну.

Он будет лететь, кувыркаясь, полторы минуты и а это время успеет раз пятьсот выстрелить по всем диаиазонам информацию, которая так нужна миру. И Миру...

По громкой трансляции объявили о посадке на «челнок», идущий в Нассау. Мой рейс. Я должен быть в Нассау. Меня там ждут на очередном аукционе. Вот только вопрос: дадут ли мне сесть на этот «челнок»?

— Приглашаем на посадку,— повторил стюард по трансляционной сети.

И в этот же момент кто-то с силой дернул снаружи ручку двери.

Понятно. «Начинаем передачу для ребят...» — была в моем детстве такая радиопесенка.

Дверь в этом туалете сдвигается влево. Хорошо. Значит, я отжимаю защелку, а честь открывания двери пусть уж принадлежит Лейтону. Как только створка уходит влево, я тут же наношу четверной удар справа — ребром ладони, локтем, коленом и ребром стопы. Левой рукой и поворотом туловища блокирую встречные удары. Я мысленно нарисовал фигуру Лейтона за дверью, обозначил болевые точки. Перевел дыхание. Положил левую руку на защелку.

Интересно: кто кого срубит?

А может, сделать не так? Пригнуться, выскользнуть, увернувшись от ударов, в коридор и, когда Лейтон (если это Лейтон!) увидит дыру в унитазе и в мгновение ока все поймет, повернуться к нему и сангвинически заорать на весь «Стратопорт»:

— Господи, кого я вижу? Неужели это Олав? Олав Ольсен! Ба!!! Вот так встреча! Здравствуй, милый Олав! - выволочь его, хлопая по плечам, в проход салона, и обнять, и сдавить так, чтобы затрещали кости,и, брызжа слюной, вопить про восемнадцать лет, и про Адриатику, и про токсикологию…

Примет Лейтон игру или нет? А если да - то на каком этапе он поймет, что его компьютер перекочевал ко мне? До посадки в нассауский «челнок» или ПОСЛЕ, когда я уже буду (буду ли?) лететь к Земле?

Я еще раз глубоко вздохнул, как перед прыжком в воду, и отжал защелку…

Виталий Бабенко
ЧИКЧАРНИ

I

Вопрос: что делать с трупом?

Пожалуй, на этот раз я по-настоящему влип. Взять бы лучше собственную голову за уши и открутить ее напрочь. Тогда действительно по-

лучится: две головы — пара.

Надо же — сам себя загнал в тупик. В совершенно незнакомой стране, на совершенно незнакомом острове, в совершенно незнакомом городе, с чудовищной видеомонеткой в кармане, из-за которой меня, верно, давно разыскивают очень серьезные люди в пиджаках свободного покроя,— а теперь к тому же труп на руках. В совокупности лет на двести тянет. И плюс триста «по рогам». Если бы еще в зале суда давали выпить эликсир бессмертия...

Как же я не распознал Аллана с самого начала, идиот! Где были мои глаза? Господи, скоро полтинник стукнет, в КОМРАЗе уже семь лет работаю, а все не научусь элементарной физиогномике. Сейчас-то, на мертвом лице Аллана, все видно: в уголках глаз — «гусиные лапки», подчеркнутые загаром, кожа пористая, состояние подбородка и щек выдает многолетнее знакомство с бритвой. А я верил парню и держал за студента. Полагал — ему двадцать, от силы двадцать два. Куда там! Аллан всего на пятнадцать лет моложе меня. Был моложе, поправляю я себя, не сводя глаз с распростертого тела. В хорошей поре был человек — тридцать три года, Христов возраст. И в хорошей форме. Я ощупываю ребра. Нет, вроде

целые, переломов пет. Но больно — ужасно! И во рту - такое ощущение, будто долго жевал стекло. Двух зубов нет. Бровь рассечена. Сильно тянет внизу живота — словно туда зашили мешок дроби. Ну да ладно - живы будем, не помрем. Вот только об Аллане этого уже не скажешь.

Ох и жилистый мужик! Кстати, это ведь тоже не юношеская характеристика. Мальчики с такими жилами мне что-то не встречались. Другое дело, что конституцию Аллана я впервые оценил лишь во время драки. Но зато когда он орал на нас с Лесли возле самолета — я уж точно должен был сделать определенные выводы. Лицо кирпичное, вены на висках взбухли, жилы на шее — словно два каната, меж которых, как поршень, ходит кадык. Впрочем, артист из Аллана был отменный. Он играл тогда взбешенного юнца, и роль ему удалась: мне и в голову не пришло заподозрить, что под личиной недоросля, угнавшего самолет, скрывается опытный и коварный враг.

А самый главный прокол —- нашивка. Ну почему, почему я был так уверен с самого начала, будто это «инь» и «ян»? Аргумент «каждый-знает-что-это-так» не имеет никаких оправданий. Я-то ведь не каждый. За столько лет не усвоить, что две жирные запятые, соединенные в круг, это не

только символ древнекитайской натурфилософии, но и эмблема 29-й легкой пехотной дивизии национальной гвардии США,— нет, таких лопухов надо убивать... Кстати, Аллан это и пытался сделать. В духе той самой древнекитайской философии. Если, конечно, «инь-ян» трактовать как «быть или не быть».

Аллан носил нашивку на правом рукаве куртки. Когда мы с грехом пополам приземлились на набережной Стэффорд-Крика, когда нас выкрали и отвезли в Хард-Баргин, когда нас допрашивали в странном кубическом здания, я разумеется, и не вспоминал о нашивке. Но во время плавания на «содьяке» мы познакомились поближе - если, конечно, необходимость совершать совместные действия в подобной ситуации можно назвать «знакомством», - и тогда, в открытом море, качаясь в надувной лодчонке над непостижимой бездной Языка Океана, я спросил Аллана о происхождении и назначении круглой эмблемы на его рукаве.

Он ответил в традициях восточной дипломатии — уклончиво, многословно и с оттенком высокомерия: если собеседник распознает цитату - хорошо, если нет - же хуже.

— Когда в Поднебесной узнали, что красота —

это красота, появилось и уродство. Когда узнали, что добро - это добро, появилось и зло. Вот почему бытие и небытие друг друза порождают, трудное и легкое друг друга создают, короткое и длинное друг другом измеряются, высокое и низкое друг к другу тянутся, звуки и голоса друг с другом гармонируют, предыдущее и последующее друг за другом следуют. Вот почему мудрец действует недеянием и учит молчанием...

Я не стал изображать из себя всезнайку и спросил прямо:

— Откуда это, мудрец?

— Книга «Даодэцзин»,— кратко ответил Аллан.

Самое удивительное, что мне этого хватило. Я успокоился и окончательно поверил в «востокоманию» Аллана. Как будто офицеру 29-й легкой пехотной дивизии уставом запрещено увлекаться даосизмом и цитировать по памяти отдельные фрагменты из «Книги о Пути и Добродетели», приписываемой великому Лао-цзы.

Я посмотрел на часы. До наступления темноты еще часа три. Как-нибудь дотяну, а там нужно будет решать, что делать с трупом.

Я еще и еще раз перебираю в памяти наши беседы с Алланом. Неужели у меня не возникало подозрений? Нет, честно признаюсь, не возника-

ло. Он вел себя очень чисто — вплоть до разговора о Штутгарте. А вот на Штутгарте подорвался, словно на мине-ловушке. До сих пор не могу понять, как это у *них* произошло. Во всем остальном — безупречная подготовка, багамский москит носа не подточит, и вдруг на тебе. Нагромождение нелепостей. Неужели они не знают, что я был в Штутгарте? Неужели в досье, собранном на меня, такие изъяны? Некрасиво, братцы. Непрофессионально. Нескладно...

Я сразу и не вспомнил, с чего это вдруг наш разговор перескочил на Штутгарт. Мы с Алланом вошли в гостиницу «Уильямс», зарегистрировались под чужими именами, получили ключи. Номер был средней руки. Впрочем, красиво жить мы и не собирались. Наших соединенных капиталов едва хватало, чтобы, затаившись, прожить в Николс-Тауне несколько дней, а затем добраться морем до ближайшего безопасного пункта. Я мечтал попасть в кубинский порт Кайбарьен - до него по прямой, если двигаться почти строго на юг, менее полутораста миль. Аллан, как я теперь понимаю, мог помышлять только о Майями, - это немногим больше ста миль на запад.

В общем, если бы мы не схватились в гостинице, на катере, который мы собирались арендовать,

в любом случае возникли бы определенные трения.

Итак, мы вошли в номер, заперли дверь, плюхнулись в кресла и только теперь смогли перевести дух. Наши глаза встретились, и мы расхохотались.

— Настоящий детектив! — восхитился Аллан.

— Голдстингер! — подхватил я, намекая одновременно на старый фильм про Джеймса Бонда и на ракету, которая чуть было не отправила нас на тот свет.

Аллан сначала не понял каламбура — или сделал вид, что не понял,— а потом закивал головой и согнулся в новом приступе хохота.

— Октощусси! — просипел он, давясь смехом, и выкинул в мою сторону правую руку со сжатым кулаком и оттопыренным вверх большим пальцем. Это, видимо, означало — отмочил так отмочил!

Теперь была моя очередь закатывать глаза и панибратски хлопать Аллана по плечу, одобряя ответный каламбур — не очень, правда, изящный: один из фильмов бессмертной «бондианы» назывался «Октопусси», а замена согласной в слоге с ударным «у» должна была, очевидно служить намеком на мою фамилию — Щукин.

— Слушай, кто же все-таки эти деятели, а? — спросил он, отсмеявшись.— Сначала — ракета, потом — наш арест. Столько крови пролито... И Дадли уже нет... Сдается мне, главная фигура во всей этой истории — ты. То есть сначала ты гонялся за мной, а потом роли поменялись, и кто-то стал преследовать тебя. Так вот, что ты можешь сказать об этих «кто-то»?

Я молчал, соображая, надо ли мне рассказывать студенту университета Таллахасси Аллану Бетелу подробности деятельности Комитета вооружений?

Нет, конечно, история возникновения КОМРАЗа всем известна, основные его задачи также понятны большинству прогрессивных людей и разделяются практически всем человечеством: Комитет разоружений проводит в различных точках земного шара аукционы, на которых военная техника переходит из рук производителей в руки неправительственных мирных международных организаций, после чего разряженное и демонтированное оружие поступает на нужды мировой экономики, науки, культуры... Есть, конечно, и такие виды вооружений, которые не поддаются перелицеванию, к ним не применишь девиз«перекуем мечи на орала»,— тогда их

просто уничтожают:в мировой практике разоружения уже много случаев,когда одни ракеты шли под пресс, другие — взрывались (разумеется, без начинки), когда отравляющие вещества сжигались, а радиоактивные материалы, упакованные в контейнеры, запрятывались глубоко-глубоко под землей. Впрочем, все это — о деятельности Комитета разоружений. Я же, поглядывая на Аллана, размышлял о другой организации — нелегальной, неуловимой, таинственной, о международной милитаристской организации, поставившей целью сорвать разоруженческие процессы, исказить идею аукционов, перехватить как можно больше военной техники и сконцентрировать ее в каких-то Богом забытых местах, чтобы в нужный час она смогла заработать по прямому назначению. Знал ли Аллан об этих потайных пружинах мировой политики? Не выйду ли я за рамки отведенных мне полномочий, рассказав Бетелу о некоторых операциях, проводимых Комитетом вооружений?

— Вот, помню, в Штутгарте я тоже попался — туши свет! — вдруг сказал Аллан, не сумев удержать разговор в прежнем русле.— Три дня не выходил из «Графа Цеппелина». И зарегистрировался — как сейчас — под чужой фамилией: помогло

водительское удостоверение моего дружка.

Я внутренне встрепенулся.

— Штутгарт? — небрежно переспросил.— Это интересно. А что ты делал в Штутгарте?

— Дурака валял,— безмятежно ответил Аллан.— Захотелось по старушке Европе поболтаться. Вот и проехал автостопом от Ольборга в Дании до Неаполя. Красота!

— Что — деньги девать некуда было? — поинтересовался я, еще не подозревая «липы», а лишь недоумевая: «Граф Цеппелин» — лучший и самый дорогой отель Штутгарта, первый в категории А. В мою бытность там - это шестнадцать лет назад — за номер в «Цеппелине» надо было выложить от 130 до 200 марок.

— Какие деньги у студента? Перебивался кое-как. Воплощал тягу к путешествиям в чистом виде.

«Перебивался, значит? — подумал я.— В лучшем отеле города?»

— А почему скрывался?

— Героин хотел толкнуть. У меня несколько пакетиков припасено было. На черный день. А тут подвернулся случай. Ну, «петухи» - полицейские, то есть — нас и застукали. Пришлось уносить ноги. Я бежал от телебашни до самого ландтага,

не останавливаясь ни на секунду. Чуть не умер.

Да, умереть можно, прикинул я, телебашня в Штутгарте весьма далеко от центра.

— От какой телебашни? — невинно спросил я.

— Будто их там десять! — огрызнулся Аллан.— От единственной в мире Штутгартской телебашни..

Я так и не понял — ни тогда, ни теперь,— зачем Аллану понадобилась эта чудовищная ложь. То ли, раз соврав, он не мог остановиться — такое бывает с людьми (но только не с агентами). То ли с ним не проработали как следует легенду. То ли он настолько вошел в образ «студента-путешественника», что и сам верил всему, о чем говорил. Для меня же очень быстро стало ясно, что в Штутгарте Аллан никогда не был и изучал этот город только по открыткам. Любой человек, побывавший в столице земли Баден-Вюртемберг, должен знать, что там две телебашни — одна собственно телевизионная, а вторая обслуживает дальнюю связь почтового ведомства. Она так и называется — «Фернмельдетурм дер Пост».

— А почему прибежал к ландтагу? — спросил я.

— Так просто. Случайно получилось. Остановился, язык на плече, пот льет градом. А ведь лето,

жара, да еще безветрие, флаг на шпиле ландтага висит тряпкой. Я отдышался и понесся к отелю.

Еще один прокол. Здание ландтага в Академическом саду — плоское, как стол. Стекло, металл. Там никакого шпиля, насколько я помню, нет.

— Что же, так Штутгарт и не удалось посмотреть?

— Почему же? Пока не ввязался в историю с наркотиками, я по нему походил немало. В сущности, кроме Альтштадта, там смотреть нечего. Но сам Старый город очень красив. Великолепная Приютская церковь на рыночной площади, старинная ратуша...

Аллан словно вздумал издеваться надо мной. Что ни фраза — то чушь. Ратуша в Штутгарте никакая не старинная, а новая, современной архитектуры, с часовой башней, представляющей собой сильно вытянутый параллелепипед. А Штифтскирхе стоит не на Рыночной площади, а на Шиллерплац, по правую руку от бронзового Шиллера. На Рыночную площадь выходит как раз ратуша...

Есть города — их очень много,— которые вовсе не оставляют в душе ни малейшего следа. А иные западают в память в мельчайших деталях. К таким принадлежит и Штутгарт — по крайней

мере, для меня. Я там пробыл всего неделю в 1982 году, а помню так, словно вернулся оттуда вчера. Жил, конечно же, не в «Графе Цеппелине», а в скромной гостинице «Пост» в окраинном местечке Плининген. Местечко одновременно тихое и шумное. Тихое - с точки зрения психологической: фахверковые бюргерские дома, башенки со шпилями в германских предместьях всегда вызывают у меня ощущение молчаливой замкнутости. А шумно было в самом прямом смысле: по другую сторону автострады А 8 — рукой подать — располагался Штутгартский аэропорт. Если проехать по А 8 километров двенадцать — четырнадцать, можно было добраться до развилки Штутгарт — Вайхинген. Туда мне, для собственного спокойствия, лучше было не соваться: в Вайхипгене располагается штаб-квартира всех видов вооруженных сил США в Европе.

Перейдя через речку Кёрш, можно было от Плининген пройти к внушительному Гогенгеймскому дворцу, где располагается Немецкий сельскохозяйственный музей. Впрочем, сельское хозяйство имело минимальное отношение к моим занятиям. Каждый день я вставал в пять утра и ехал через весь город на головной завод автомобильного концерна «Даймлер-Бенц», где

незадолго до того произошла крупная авария. Во время пожара, причина которого так и осталась неизвестной, взорвалось несколько цистерн с краской. Семь человек сгорели на месте, но самое страшное заключалось в том, что взрыв выбросил облако сильно ядовитого газа, которое накрыло два цеха. Одна из цистерн была с новым типом красителя — конечно же, проверенным на токсичность и испытанным в лабораторных условиях,— однако никто не предполагал, что смесь продуктов горения разных красок может прореагировать и произвести на свет смертоносное соединение, отличающееся стойкостью и длительностью действия. Пятьдесят рабочих и служащих получили тяжелые отравления, врачи боролись за их жизни, а ситуация на заводе и в его окрестностях несколько дней продолжала оставаться критической. Разумеется, производство было остановлено, жителей ближайших кварталов пришлось эвакуировать. В довершение всех несчастий в Музее «Даймлер Бенц» в те дни проходила встреча директоров европейских автомобильных компаний, и несколько высокопоставленных лиц тоже оказались в больнице. Разумеется, тут же была создана международная комиссия, куда вошел и я.

В момент аварии я находился в Берлине. Получив известие о взрыве на заводе «Даймлер-Бенц», я тут же вылетел в Штутгарт. Помех мне никто не чинил: по счастью, в среде токсикологов я уже тогда пользовался хорошей репутацией...

Воспоминания нахлынули на меня. Я словно еще раз прошелся по широкой, зеленой, похожей на бульвар, торговой Кёнигштрассе, где под светильниками, выполненными в виде «летающих тарелок», всегда людская суета. В голове моей была полнейшая мешанина. Перед глазами вставал Штутгарт, который я видел и хорошо помнил, а в ушах звучал голос Аллана, продолжавшего безбожно врать о городе, в котором он никогда в жизни не был — «бронзовый Меркурий на колонне, а под ним — пластмассовый флюгер» (на самом деле, гигантский модернистский «Кальдер-пластик», установленный на Дворцовой площади, стоит довольно далеко от Меркурия), «здание Коммерческого банка на углу напротив вокзала» (опять фальшь: банк смотрит на Кальдер-пластик, а вокзал — в нескольких кварталах от Дворцовой площади, в конце Кёнигштрассе). И в каком-то уголке сознания я беспрестанно прокручивал — параллельно ко всему — два коротких вопроса: «Кто такой Аллан? Кем он

подослан? Кто такой Аллан? От кого он?»

— Ты совсем не слушаешь! — упрекнул меня Аллан, сложив губы в гримасу детской обиды.

— Слушаю, слушаю. Ты рассказывал про Кёнигштрассе...

Вот что бы мне откусить себе язык всего на два слова раньше! Но все — вылетело. Я проговорился. Сколько их, непростительных ошибок, я сделал за последнее время? Аллан ни разу не упомянул Королевскую улицу. Впервые назвал ее я, обнаружив знакомство со Штутгартом. Если Аллан не дурак, он поймет, что в этом городе я побывал. В отличие от него.

Аллан дураком не был. Он внимательно посмотрел на меня, и я увидел в его взгляде смену выражений, которую, наверное, не забуду до конца дней. Как будто гигантская страшная тень поднялась из морской пучины: завиральная безмятежность (конечно же, вызванная стрессом, разрядкой после жуткого напряжения последних дней, когда мы несколько раз чудом уходили от смерти) сменилась обреченностью человека, приговоренного к казни, которому — его ли убьют, он ли растерзает палача — все одно пропадать.

Аллан начал медленно подниматься. Я мгновенно окинул комнату — уже новым взглядом,

оценивая ее как поле боя. Окно. Далеко. Письменный стол. Мешает. Кресла. Громоздкие. Стул. Неудобно стоит — замаха не получится. Пепельница. Легкая. Настольная лампа. ТЯЖЕЛАЯ

Это в кино драки длятся очень долго — там свои законы, своя логика, свое — экранное — время. Мужчины в кино, как правило, необыкновенно выносливые: их бьют в самые уязвимые точки, а они встают как ни в чем не бывало и наносят противникам столь же сокрушительные удары. И все это длится *часами.*

Впрочем, в жизни драка тоже может продолжаться бесконечно. Но бой — настоящий бой, насмерть — идет секунды. Особенно если встречаются два (или больше) профессионально подготовленных человека. Причем профессионализм заключается не столько во владении боевым искусством, физической подготовке или безукоризненном знании анатомии человека, сколько в применении на практике одного простого правила: все средства хороши.

Пока Аллан летел ко мне, я успел вскочить, дотянуться до лампы и парировать удар ноги, шедшей мне в лицо. Однако тут же почувствовал удар второй ноги в грудь и страшный прямой в челюсть. Падая и разворачиваясь, чтобы уберечь

голову, я краем зрения уловил красные брызги, веером летящие во все стороны, и не сразу понял, что это моя собственная кровь. Во время боя человек превращается в робота. Это не трюизм, это констатация факта. Мои глаза словно перешли в режим самонаведения. Как бы ни перемещался в воздухе Аллан (а он еще не успел приземлиться и изготовиться для новой серии), я неотступно держал в прицеле его ноги. Крупно: голень, десять сантиметров ниже коленной чашечки. В эту точку и ударила массивная подставка настольной лампы. Я даже не обратил внимания, чем же это достал меня Аллан — в пах словно вонзилось пушечное ядро,— ибо сосредоточился на одном: болевой шок от перелома большеберцовой кости должен хотя бы на несколько секунд «вырубить» его. Так и произошло: Аллан, страшно визжа, переломился пополам и рухнул на пол между столом и стеной. Я налег на стол и в каком-то пароксизмальном рывке двинул его так, чтобы заклинить моего противника, намертво прижать его к стене...

Видимо, я все же не рассчитал силу. Или у робота, сидящего внутри меня, сломался дальномер. Или как-то изменилась геометрия пространства. Короче, угол тумбы стола пришелся как раз про-

тив шеи Аллана. Раздался хруст. И вся кончилось. Жизнь вышла из Аллана сразу и бесповоротно.

Я некоторое время лежал, обвиснув, на столе. Прислушивался. В гостинице тихо. Слышал ли кто шум драки и визг Аллана? Неизвестно.

Медленно, медленно, задыхаясь, как астматик, я отодвинул стол. Вид Аллана являл тяжкое зрелище. Шея была неестественно вытянута, словно в ней вообще не осталось костей. Голова лежала под острым углом к линии плеч, как бы и не принадлежала больше этому телу. Только одно сравнение пришло мне на ум. Давным-давно, в детстве, наша семья приехала на лето в украинское село — на родину отца. И там на моих глазах кто-то из родни, готовясь к праздничному обеду, свернул курице шею. Для психики городского мальчика трех лет от роду это было чересчур. У меня случилась истерика, курица с вывернутой головой долго еще преследовала меня во снах. Вот Аллан и был сейчас такой курицей. Нелепым курочеловеком, которому какой-то кошмарный великан свернул шею.

С момента боя прошло уже часа три. Никто не пришел. Никакая завывающая машина не остановилась у подъезда. Кажется, пронесло. Но вопрос остается: что делать с трупом? Видимо,

оптимальная тактика — дождаться ночи, угнать машину, вывезти тело за город и постараться утонить его в море. Технически все это очень сложно, но выполнимо.

Что же, буду ждать темноты.

II

Николс-Таун — небольшой городок на северной оконечности острова Андрос. Здесь всё и все на виду, новый человек сразу привлекает внимание, и если чужак хочет сотворить что-нибудь тайное, ему надо идти на немыслимые ухищрения. Угон машины — событие. И хотя полиция здесь не очень-то вооружена новейшими средствами поиска и обнаружения, она разобьется, чтобы найти похитителя. И найдет. В общем, шансов избавиться от тела у меня было очень немного, а вероятность выйти сухим из этого «мокрого дела» (увы, на язык просился именно такой жаргон) стремилась к нулю.

Остров Андрос в восемнадцатом веке имел прочную репутацию пиратского логова. И не только Андрос — весь Багамский архипелаг пользовался у джентльменов удачи большой популярностью. В свое время пиратам объявили здесь настоящую войну, и присланный для

этой цели губернатором капитан Вудс Роджерс одержал верх над морским братством. После чего Багамам был дарован лозунг «Экспульсис Пиратис Реститута Коммерциа» — «Пираты изгнаны, коммерция восстановлена». Местная топонимика цепко хранит память о тех временах. Здесь есть утес Моргана, Крысиная отмель, мыс Болвана, остров Уильямса. Думаю, не ошибусь, если скажу, что последний остров был назван не по имени какого-нибудь сгинувшего в море рыбака, а в честь знаменитого пирата: был такой морской разбойник Уильямс, который в давние времена наводил ужас на здешних жителей. Эта же легендарная личность увековечена и в названии гостиницы, куда мы вселились с Алланом, удрав из Хард-Баргина. Вселились — чтобы через полчаса вступить в безжалостный бой с предопределенным смертным исходом для одного из нас.

Вдобавок ко всему, у меня ведь еще есть одна бредовая видеомонетка, на которой записано, как я — я! — вхожу, предъявив пропуск, на секретную шпионскую базу западных разведок на горе под зловещим названием Черный Засов. Я не знаю, каким дьявольским способом получено на ней изображение, но догадываюсь, что у моих

«друзей» с того света есть копии — причем в достаточном количестве. Конечно же, уничтожение видеомонетки ничего не даст. Надо разыскать где-нибудь видеомагнитофон с большим экраном, посмотреть внимательно весь сюжет еще раз — от начала до конца! — и крепко подумать, что это может означать. Надо, надо, надо... Господи, как же у меня скованы руки! Тот факт, что я скрывающийся иностранец, практически полностью лишает меня свободы маневра. Да еще этот равнинный, малонаселенный Андрос. Туристский рай... А ДЛЯ меня — ад!

Темнота наступила неожиданно и быстро — хоть это преимущество дарует воображаемая линия, именуемая тропиком Рака. Она проходит всего в 175 километрах южнее Николс-Тауна. Еще два часа я сидел в темноте, слушая голоса. Наконец все смолкло. Разумеется, выходить через освещенный холл, где сидит портье,— полное безумие. Я открыл окно. Хорошо хоть номер дали на первом этаже. Но все равно до земли — метра два. И внизу — полоса скрипучего гравия, опоясывающая дом, ширина ее — не меньше трех метров.

Я снял с Аллана куртку — ту самую, на рукаве которой была нашита эмблема 29-й дивизии,— и

привязал один рукав к металлической ручке оконной рамы, достаточно прочной на вид. Теперь — если ручка выдержит — можно будет использовать куртку как страховочный конец. Крепко держась за второй рукав куртки, я выбрался наружу и осторожно — как мне казалось, даже бесшумно — опустился на гравий.

Тишина. Темень. Впрочем, яркие тропические звезды дают достаточно света, чтобы ориентироваться. Я не решаюсь обогнуть дом — фасад, выходящий на улицу, наверняка освещен. Здесь, на задах гостиницы, стоят четыре машины. Меня больше всего устраивает «плимут». У него вместительный багажник. На панели управления я замечаю дисплей компьютера. О большем и мечтать нельзя.

Вытащив из кармана универсальный ключ — его называют на жаргоне «кимп», это слово-кентавр, составленное из «ки» — ключ, и «компа»,— я тихонько отпираю дверцу машины. Сигнализация молчит — все правильно: ее блокировал мой компьютер. Вставляю щуп кимпа в замок зажигания. Маленький экранчик моего компьютера загорается зеленоватым светом. Ага, значит, компьютерная защита задействована и здесь. Минут десять я «беседую» с кимпом, который помогает

мне оптимизировать поиск нужных кодов, и наконец нащупываю код доступа. После чего можно приступить к составлению программы — «червяка». Надо же, я — как последний тать электронного века — применяю на практике то, с чем приехал на Багамы бороться. Будучи запущена в недра автомобильного компьютера, эта программа «выест» память защиты и тогда «плимут» можно будет заводить безо всяких хлопот. К сожалению, я не могу быть уверенным, что от «червяка» не пострадает остальная память автомобильного компьютера.

Вылезаю из машины и осматриваюсь. Паркинг устроен таким образом, что выезд со стоянки имеет положительный наклон в сторону улицы. Это меня очень устраивает. Я снимаю «плимут» с тормоза и, не включая двигателя, сталкиваю с места, навалившись всем телом. С натугой вертя руль, разворачиваю машину, подвожу ее к выезду со стоянки. Теперь, стоит легонько подтолкнуть «плимут», он поедет под уклон сам. Эта работа отнимает у меня много сил. Минуты три я отдыхаю. Затем подхожу к своему окну, забираюсь внутрь.

Аллан был невысокого роста, но весит тело, оказывается, прилично. Я подтаскиваю труп к

окну и переваливаю через подоконник. Ослабляю узел на рукаве куртки. Затем вылезаю наружу, спускаюсь на землю, сдергиваю куртку с оконной ручки и выволакиваю тело. Взвалив его на себя, медленно иду к «плимуту» — приходится ставить каждую ногу на гравий плоско и переносить тяжесть очень осторожно. На путь в двадцать метров уходит несколько минут. Уложив тело в багажник, я, упершись руками в стойку кузова, сталкиваю машину с места, на ходу запрыгиваю в кабину и бесшумно выезжаю на улицу. У подъезда гостиницы — никого. Метров тридцать я еду очень медленно, затем движение ускоряется. Оказывается, улица тоже имеет уклон — и немаленький. Ну что же, хоть в чем-то мне должно повезти! Глаза уже полностью адаптировались в темноте. Впереди поворот. Сворачиваю. Когда освещенный подъезд гостиницы исчезает из зеркальца заднего вида, я наконец-то поворачиваю щуп кимпа в замке зажигания. Двигатель просыпается, даже не дождавшись, когда я доверну щуп до упора.

Несколько минут езды по улочкам Николс-Тауна, и вот уже последние дома остались позади — как я говорил, это совсем крохотный городок. Дорога пустынна: никто меня не обгоняет,

встречные машины тоже не попадаются. Проехав примерно с километр, я останавливаю «плимут» на обочине. Надо в конце концов разобраться, где я и куда следует двигаться. К счастью, компьютер в машине — старенький «Макинтош», с ним можно вести беседу в нормальном диалоговом режиме. Куда хуже, если бы здесь оказался какой-нибудь новомодный «Игл» — в них встроены «характеры», и чужаку они могут не отвечать из чистого упрямства.

«КТО ТЫ?» —

печатаю я вопрос и вывожу его на дисплей.

«МАКИНТОШ ШСХ. А ТЫ?» -

зажигается надпись. Не долго думая я отвечаю:

«ДРУГ»
«ЧТО ХОЧЕШЬ»
«ДАЙ КАРТУ АНДРОСА»
«ОШИБКА»

Я подумал-подумал и догадался, в чем тут дело.

«ДАЙ КАРТУ АНДРОСА
ПОЖАЛУЙСТА»

«ЕСЛИ ХОЧЕШЬ, МОЖЕШЬ
ПЕЧАТАТЬ «А» ВМЕСТО АНДРОСА» —

великодушно предложил компьютер, и тут же на дисплее зажглась карта острова. Северная часть была изображена подробно — и это меня очень обрадовало, зато к югу от Мокси-Тауна карты просто не существовало — всю нижнюю часть экрана занимала мозаика из желтых и зеленых пятен неправильной формы.

«ГДЕ КЕМПС-БЕЙ?» -«ГДЕ КЕМПС-БЕЙ?»
-

напечатал я.

«ОШИБКА,» -

отреагировал компьютер.

Я попытался перевернуть изображение, чтобы юг оказался вверху. Остров стал разворачиваться, а вместе с ним — желто-зеленые пятна. Все ясно: «червяк» успел прогрызть в памяти компьютера самые неожиданные ходы.

Вернув картинку в первоначальное положение, я ткнул курсором в точку рядом с надписью «Николс-Таун» и дал команду на увеличение.

Теперь весь экран занимала северо-восточная часть острова.

От Николс-Тауна дорога шла почти строго на запад, в четырех километрах была развилка, там ответвлялся проселок, уходящий в северном направлении — к утесу Моргана, а километром дальше трасса поворачивала строго на юг — к городу Сан-Андрос.

Я решил ехать к утесу Моргана. Если там разжиться каким-нибудь плавательным средством, погрузить в него тело и выгрести подальше от берега, то под килем разверзнется бездна, в которой можно утопить с концами не только мертвое тело, но и оба здания нью-йоркского Центра международной торговли, поставленные друг на друга. Эта бездна носит название «Язык Океана», или «ТОТО». Она представляет собой глубокий каньон, врезавшийся в мелководную Большую Багамскую банку. Менее чем в двадцати милях от Николс-Тауна — на полпути до острова Нью-Провиденс - глубина достигает рекордной отметки — 2595 метров. А ближе всего Язык Океана подступает как раз к утесу Моргана. Судя по карте, 600-футовая изобата проходит всего в километре от берега, а крутой подводный обрыв начинается совсем близко от кромки воды.

В три часа ночи я въехал прямо на утес Моргана. Небо уже посветлело. Внизу на берег накатывались ленивые океанские валы. Метрах в пятистах слева располагался рыбацкий поселок из нескольких домиков. Если я очень потороплюсь, то успею незаметно воспользоваться чьей-нибудь лодкой. И тут — словно в насмешку надо мной — в одном из домиков поселка зажегся свет.

Черт! Черт, черт и черт! Рыбаки — народ трудовой, они уже начали подниматься. Рабочий день в поселке наступил, и значит — плакала моя затея. Теперь надо думать о том, где бы укрыться и переждать день.

Я вышел из машины и спустился к воде. Влево идти не было смысла, поэтому я побежал вправо. Если бы меня ничего не остановило, то я мог бы бежать таким образом все пять километров до Николс-Тауна. Однако очень скоро я перешел на шаг — впереди черным пятном вырисовывалось какое-то строение. Я подошел поближе. Дом. Точнее, огромный сарай. Или эллинг. Или склад для сетей. В общем, что-то в этом роде.

Я отыскал дверь. Заперта. Постучал. Ни звука в ответ. Надергал дверь посильнее. Не открывается. Повел ладонью по косяку в поисках замка и обнаружил шляпки гвоздей. Очень хорошо. Просто

прекрасно! Дом не просто заперт — он заколочен. Значит, можно войти внутрь, закрыться и провести там, например, день, не очень опасаясь, что заявятся хозяева.

Следующий час — небо стремительно голубело — я потратил на то, чтобы расшатать и вытащить гвозди и наживить их с обратной стороны двери. Затем я бегом вернулся к машине, варварски съехал по камням на пляж и подрулил к сараю. Было совсем светло. Где же поставить машину? Несколько кокосовых пальм — слабенькое укрытие. Лучшее, что я мог придумать, это поставить машину за сараем так, чтобы она не просматривалась от поселка. В остальном следовало положиться на судьбу.

Я выволок из багажника труп и затащил в сарай. Осмотрелся. Большое, совершенно голое помещение. Свет пробивается сквозь несколько запыленных окошек, расположенных выше человеческого роста. Потолок из нестроганых досок. Выше — очевидно, чердак. Туда ведет лестница, приставленная к стене. Ее верхние перекладины скрываются в черноте распахнутого люка. Я поднялся наверх. Действительно, рыбацкий склад. Только какой то странный. Весь скарб на чердаке. Да и скарб-то хилый: ссыпающиеся

в труху старые сети, несколько бухт канатов, обломки киля небольшой лодки. Ладно, перезимуем. Я спустился вниз. Можно было закрывать дверь.

Стоп! Все ли я сделал? Ну конечно же, нет. Как я мог забыть про Эдика? Разумеется, по-настоящему я о нем не забывал ни на минуту. Но возможность связаться с Эдиком как-то выпустил из виду.

«Макинтош» в машине, безусловно, имеет выход в компьютерную сеть Андроса, а та связана с универсальной компьютерной сетью Багамских островов. Эдик сейчас должен быть в Нассау. По крайней мере, пока Эдик с Володей не разузнают, что со мной, они никуда оттуда не денутся. Сложность, конечно, в том, что я не знаю, к какому компьютеру они имеют доступ и в какой файл я должен загрузить электронное письмо, но зато ребятам известен мой код доступа, а это уже очень много.

Я бегом вернулся в машину и включил комп. Через несколько секунд вышел на связь с сетью Андроса, а спустя какое-то время, которое показалось мне часом, отыскал вход в универсальную сеть Багам. Теперь необходимо составить программу-«бродягу». Она будет бродить по сети Нассау, пока кто-нибудь, знающий код доступа,

на нее не наткнется. Сообщение засекречу моим личным шифром — это исключит случайное прочтение. А к коду доступа добавлю еще одну короткую подпрограмму, которая обеспечит самоликвидацию электронного письма после первого же прочтения.

Идеальное развитие событий мне представлялось таким. Проснувшись утром, Эдик включает какой-нибудь доступный ему компьютер в Нассау и проверяет, нет ли от меня вестей. Набрав код доступа и получив подтверждение, он выводит на дисплей текст и читает шифрованные строчки, которые, вспыхнув на несколько секунд, тут же гаснут. После чего сообщение исчезают из сети навсегда. Это идеальное развитие. Хуже, если моя программа наткнется на какого-нибудь «бага» и , подорвавшись, не дойдет до адресата. И совсем плохо, если кто-то чужой владеет моим кодом доступа и шифром. Впрочем, в моей ситуации не рисковать —значит идти на самоубийство.

Итак, я составил текст, где подробно объяснил свое местоположение и дал понять о нависшей надо мной угрозе, и отправил его «бродяжничать». После чего из памяти «Макинтоша» были стерты все следы моих с ним бесед.

Возвращаясь в сарай, я прихватил с собой гаеч-

ный ключ, найденный в багажнике. Польше там ничего не обнаружилось. Пуст был и бардачок, хотя я, признаться, мечтал найти в машине хоть плитку шоколада. Не беда. Затяну потуже ремень — и дело с концом. Уж с чем, с чем, а с голодом как-нибудь справлюсь.

Уничтожив следы на песке, я вошел в сарай, забил гаечным ключом наживленные гвозди и отрезал таким образом себя от окружающего мира. Перебьюсь до ночи, а там схожу «по музыке», как говорят зэки,— уведу лодку или катер и устрою, наконец, Аллану морские похороны.

Неудачно то, что я совершенно лишен обзора. Интересно — а что видно с чердака? Я поднялся наверх и обнаружил, что там всего лишь одно окошко, и то смотрит на море. Пришлось выломать две доски с двух сторон, чтобы можно было наблюдать и за поселком, и за «плимутом».

Зной стал ощущаться очень быстро. Все-таки двадцать пятый градус северной широты. И хотя стоит март — жарко, как в июне. Впрочем, это ведь еще Джордж Вашингтон назвал Багамы «островами вечного июня». Жара меня, однако, не очень беспокоила. Хуже было то, что от трупа пошел запах. Просидеть часов двадцать в запертом помещении с разлагающимся мертвым

телом — кислое удовольствие. Хорошо еще, что на чердаке я проделал дыры в кровле — теперь там гулял сквозняк.

В одиннадцать часов утра, обливаясь потом, я выглянул в дыру, обращенную к северу. И увидел на пляже цепочку людей, направлявшихся в мою сторону от утеса Моргана. Прочесывают! — ужаснувшись, понял я.— Ищут машину! Или меня. Или Аллана...

Следующие полчаса лучше не описывать вовсе. Взвалив на плечи смердящий труп, я еле-еле поднялся с ним на чердак и свалил на груду прогнивших сетей. Затем втащил лестницу. Захлопнул люк. Привалил его двумя бухтами каната. И обессиленно опустился рядом. Несло от меня так, что не блевал я лишь из полного отвращения ко всему происходящему. Казалось, от этого запаха я не смогу уже отмыться до самой смерти.

Вскоре послышались громкие возгласы. Все ясно. Полицейские — в том, что это были полицейские, я не сомневался — нашли машину. Минут пять четверо мужчин осматривали ее — видимо, никак не могли понять, зачем кому-то понадобилось угнать «плимут» и бросить в столь уединенном месте. Потом послышались удары.

Так. Взламывают дверь. Сейчас полицейские обнаружат, что она заколочена изнутри, и мне некуда будет деваться. Придется выкинуть белый флаг. Оказывать сопротивление представителям власти я не собирался.

Что-то было странное в ударах. Я прислушался. Вроде бы они доносились не от двери. Да, точно. Дверь выходит на море, а стуки слышались с противоположной стороны. Неужели там еще одна дверь, которую я, возясь с трупом, не заметил? Так и есть. Голоса ворвались в сарай, и я понял, что мое предположение подтвердилось. Полезут на чердак или не полезут?

Внизу разгорелась дискуссия. Басовитый голос утверждал, что здесь никого нет. Кто-то хриплый, напротив, настаивал, будто преступник — то есть я — где-то близко. Вмешался совсем юношеский голос, предлагавший обследовать кокосовую рощу и береговую линию: мол, наверняка, тип, угнавший «плимут», ушел на катере. Странно, но никто не предложил забраться наверх. Поспорив минут десять, полицейские удалились. Хлопнула дверца «плимута». Взревел мотор, и машина, поднимая буруны песка, умчалась.

В воздухе явственно запахло плохо поставленной мелодрамой. Почему они не полезли на

чердак?! Я сел на бухту каната и уставился на свои руки. В правом кулаке была зажата увесистая дубинка — кусок шпангоута, который я безотчетно подобрал с пола...

Трудно описать, как я провел этот день. Весь в поту, раздевшись до трусов, я сидел на чердаке, привалившись к скату крыши, и дышал теплым солоноватым воздухом, который вливался в проделанные мною дыры. Страшно хотелось пить, а вот голода я практически не ощущал: пищевой рефлекс притупляется от жары, да, признаться, я ничего бы и не смог съесть в данной ситуации. Все-таки Аллан крепко вмазал мне в живот — внутренности представлялись мне вместилищем горячей жидкости, сквозь которую время от времени пробулькивали пузырьки перегретого пара.

Наверное, только сейчас, на сорок восьмом году жизни, я понял по-настоящему, что такое жажда. Во рту скапливалась горькая слюна, я пытался проглотить ее и не мог, глотательные движения никак не удавались, и тогда я вскакивал и делал несколько шагов, чтобы хоть как-то помочь слюне пройти внутрь, - в такие секунды мне казалось, что я задыхаюсь и вот-вот упаду замертво, так и не сделав глотка. В воображении постоянно

представлялась струйка холодной воды. Не банка пива, не холодная бутылка «кока-колы» — просто струйка воды. Безумие жажды усиливалось близостью моря. Волны накатывались на песок, я видел их, слышал их, какая-то часть сознания, сопротивляющаяся умопомрачению, нашептывала, что это не вода, ее нельзя пить, это соль, соль соль, СОЛЬ, но я не хотел прислушиваться к голосу здравомыслия, я мечтал: вот еще секунда, и я пробью тонкие доски, крытые пальмовым листом, спрыгну с трех метров на землю, промчусь по обжигающему песку, плюхнусь в воду и буду ею дышать, впитывать всем телом. Однако проходила секунда, и боль в бессознательно прокушенной руке возвращала меня к реальности, а липкая жидкость на губах напоминала, что соли и во мне самом предостаточно. От вкуса крови на губах пить хотелось еще сильнее...

Я не знал, есть ли в округе источник, но верил, что он должен быть. Иначе мне каюк. Я представлял одну и ту же картину: вот падает темнота, я выбегаю из сарая, вскарабкиваюсь на холм и на склоне его нахожу тонкую ниточку журчащей воды.

Самое интересное, что так и произошло. Когда сгустились сумерки, я, шатаясь от жажды,

издавая горлом какие-то непередаваемые курлыкающие звуки, вышел наружу и пополз по склону холма вверх. Куртка с документами, деньгами, кимпом и видеомонеткой была скручена в жгут и завязана прочным узлом на животе. Я добрался до вершины. Встал на ноги. И стал спускаться по противоположному склону. Пройдя метров сто, услышал бульканье. Я присел и стал шарить руками по земле. Пальцы ощутили сырость и вдруг — это было именно вдруг! — окунулись в воду. Крохотный ручеек — порождение карстовой гидромеханики — подарил мне жизнь.

Я пил медленно и очень долго. Останавливался, дышал, сопел, хрюкал, дрожал от удовольствия и снова пил. Потом стащил через голову рубашку, провонявшую трупным запахом, и стал не спеша полоскать ее в воде. Вот теперь неплохо было бы окунуться в море, но я не стал рисковать. В океанских волнах, да еще в темноте,можно нарваться на кучу неприятностей. Например, получить стрекательный удар от медузы. Здесь есть такие экземпляры, что без врачебной помощи от ожога не оправиться. А где ее взять, эту врачебную помощь?

Словом, я выкупался в том же ручье. Если, конечно, можно на звать купанием ползанье ужом

по руслу ручья глубиной сантиметров десять. Однако это принесло мне облегчение. В мыслях появилась ясность.

Что же мне сейчас нужно? В первую очередь — лодку. Нет, лодка - это вторая очередь. А в первую очередь опять требуется машина, чтобы вывезти тело. Не оставлять же труп Аллана в этом сарае, куда завтра снова — это уж обязательно! — нагрянет полиция. Итак, машина. На повторный угон может решиться только идиот. Значит, автомобиль следует арендовать. Где? Разумеется, не в Николс-Тауне — там у меня определенная репутация — и не в Сан-Андросе, где меня наверняка ждут какие-нибудь милые друзья.

Я вспомнил карту. Километрах в одиннадцати к востоку от Сан-Андроса лежит симпатичный прибрежный городок Нью-Таун. Хотя бы одна контора по прокату автомобилей там обязательно есть. От утеса Моргана, с которым я теперь прочно связал свою жизнь, до Нью-Тауна добрых двадцать пять километров. Пять-шесть часов ходу. Ну что же, в путь. Самое опасное место — Сан-Андрос. Его никак не миновать. Сквозь этот город я обязан пройти, как шило сквозь бумагу. А дальше никаких препятствий вроде не намечается.

Я миновал Сан-Андрос и удалился уже от него километра на три, как вдруг услышал сзади легкие шаги. Обернулся — никого. Постоял минуту. Нет, ничего не слышно. Двинулся дальше — шаги возобновились. Сразу подумалось почему-то, что вообразил бы на моем месте багамец. Он наверняка счел бы, что его преследует чикчарни — неизменный герой здешних сказок и легенд. Это злобный и коварный трехпалый эльф с человеческим лицом, мастер на всяческие козни, которому местные жители испокон веков приписывают все то, что не могут сами объяснить. Багамцы искренне верят в существование чикчарни и боятся его до дрожи в коленках. Я улыбнулся своим мыслям и сделал несколько шагов в обратном направлении. Кто-то отскочил в сторону. Бог ты мой, да ведь это козел! Полуодичавший козел-недотыкомка, сбрендивший от одиночества и решивший составить мне компанию. На Багамах мало живности и главные представители фауны — козы да куры. Фу ты, дурачок какой! Ну, пошли вместе, если тебе так хочется, козлище.

В пять утра я вошел в Нью-Таун. Рубашка на мне давно уже высохла. Ноги еле слушались, но я старался держать бравый вид и топал как ни

в чем не бывало, насвистывая какую-то легкомысленную мелодию. В пять десять я подошел к бензоколонке и спросил у сонного заправщика, где можно нанять машину. Еще час я выжидал, чтобы ранним визитом не вызвать излишнего подозрения. В шесть ноль-ноль я приблизился к большому гаражу, служившему ремонтной мастерской и пунктом техобслуживания.

Как ни странно, моя просьба никого не удивила. Можно было подумать, здесь каждый день на заре появляются чужаки с нью-йоркским выговором и берут напрокат автомобили. Владелец гаража - опрятно одетый, гладковыбритый мулат, скорее всего, гаитиец, поэтому его следовало бы называть мюлатром — предложил мне три машины на выбор. Я остановился на модели «Форд Бронко П». Главным обстоятельством, повлиявшим на мое решение, было наличие в машине компьютера. Впрочем, тот факт, что «Бронко» представляет собой универсал с приводом на оба моста, также не мог не радовать. Я арендовал автомобиль на неделю и уплатил всю сумму вперед, практически полностью исчерпав таким образом свой наличный капитал. В шесть тридцать я уже выехал из Нью-Тауна, а около семи, оставив машину в кустах в полукилометре от утеса Моргана,

я уже, крадучись, входил в сарай.

Вроде бы все спокойно. Никаких следов. Никаких намеков на присутствие чужих. Лестница на чердак стоит в том же положении, в каком я ее оставил. Три незаметных сторожка, устроенных мною в разных местах, не тронуты. Трупный запах заметно усилился. Я тихонько поднялся по лестнице и вошел на чердак.

Цинннь! В моей голове словно лопнула тонкая струна. Такого ошеломления я не испытывал никогда в жизни. На трухлявых сетях по-прежнему лежал труп человека. Но это был труп не Аллана, а совсем незнакомого пожилого мужчины.

III

Примерно минуту, находясь в состоянии полного ступора, я разглядывал труп. А потом метнулся к дыре в кровле чердака. Так и есть! От поселка в направлении моего жалкого обиталища не спеша двигалась машина. Я бросился ко второму отверстию. С противоположной стороны метрах в семидесяти стояла группка мужчин, напряженно посматривавших в мою сторону. Обложили! Надо же так попасться. А еще «комразовец»! Как это я не заметил слежки?! Неужели и в «Бронко» сейчас сидит какой-нибудь дядя в стетсонов-

ской шляпе и, поджидая меня, курит жирную сигару, держа палец на спусковом крючке тяжелого «кольта»? Значит, они вели меня с самого начала... Нет, не может быть. Слишком хитрая получается игра. Аллан, конечно, «подсадная утка». Но владелец гаража в Нью-Тауне — вряд ли. И «Бронко» вовсе не похож на мышеловку. Наверное, здесь все завязано на Аллана. А когда я случайно убил его, планы моих противников спутались. Зачем же мне подсунули новый труп? Осел!!! Ну, конечно же. Кто такой Аллан? Пришлый. Подозрительная личность. Угонщик военного самолета. Ясное дело — террорист. Если бы даже удалось доказать, что убил его именно я, засадить меня за решетку было бы трудновато: неспровоцированное нападение, поединок с бандитом, необходимая оборона...— любой суд меня оправдает. Зато убийство местного — чудовищное преступление, не имеющее оправданий. В том, что на чердаке лежал убитый из местных, я не сомневался. Какой-нибудь рыбак англосаксонского происхождения с типичной для здешних жителей аристократически надменной фамилией, указывающей на древность рода,— некий, к примеру, Хатчинсон-Постьюлант.

Словно ледяная бездна распахнулась под но-

гами — мной овладела неожиданная яростная скорбь по этому человеку, ставшему жертвенной пешкой в игре безжалостных сил. Скорбь, требовавшая немедленного отмщения. Но что я мог поделать? Тиски сжимались. Машина продолжала медленно — издевательски медленно — двигаться по пляжу.

Итак, убийство местного. И убийца, обнаруженный на месте преступления. Скорее всего, по замыслу невидимого режиссера этого спектакля, от неотвратимого суда Линча меня могло спасти только какое-нибудь важное признание или согласие работать на *них*. Труп неизвестного, лежащий на «моем» чердаке, должен был полностью деморализовать меня и побудить к капитуляции. Если все так, то меня окружила не полиция, а оперативники АрмКо, Комитета вооружений, и этот театр под открытым небом — лишь продолжение шантажа, начатого в Хард-Баргине, я *им* очень нужен. Вряд ли мои противники доведут дело до суда Линча. Если бы требовалось просто убрать меня, они могли бы придумать менее гнусный способ, не обязательно подразумевающий убийство невинного лица. Значит, последуют разговоры. А мне остается быть предельно осмотрительным. Пока я споко-

ен и собран — жизнь продолжается. Но любое резкое движение наверняка повлечет за собой автоматную очередь.

Мысли, которые я излагал сейчас столь долго, промелькнули в моей голове со скоростью падающей звезды. Просто удивительно, как опасность спрессовывает время. Очень может быть, что машина ехала с нормальной скоростью. Но мне казалось — она еле ползет. В считанные мгновения я успел перебрать несколько вариантов поведения, просчитать десяток моделей возможного развития событий. Вереницей ярких кадров на экране моей памяти промелькнули все перипетии прошедшей недели. А машина продолжала ползти...

Неделю назад, пятого марта, я в компании Володи Фалеева и Эдика Касабяна вышел из багамского «челнока» и спустился по трапу на летное поле аэропорта Нассау. Наш прилет в «столицу атлантических аукционов» на этот раз вовсе не был связан с продажей военной техники. Мы должны были принять участие в международном совещании по компьютерному гангстеризму. Этот вид диверсионной и вредительской деятельности в последнее время получил небывалое распространение. Про-

граммы-«вирусы», программы-«черви», «жуки», «скворцы», «пестициды», «вампиры», «черные дыры», «потрошители», «мины», «торпеды»...— каких только ухищрений не придумали мастера информатики для того, чтобы взломать защиту чужого компьютера, найти ходы в тайные анналы своих противников. Программы-лазутчики проникают в секретные базы данных и черпают оттуда информацию, одновременно портя компьютерную память или попросту уничтожая ее. При этом выходят из строя линии управления промышленностью и энергетикой, ученые получают ложную информацию и делают на ее основе ложные выводы, вооруженные силы готовятся к нанесению ошибочных боевых ударов (были случаи кровопролитных столкновений, вызванных компьютерными провокациями), политики строят кошмарные предположения - словом, на планете воцаряется информационный хаос. Мировая политика всегда была беременна подозрительностью, а сейчас атмосфера домыслов накалилась до предела, и того и гляди — цивилизация опять скатится к глобальной военно-политической конференции. Иначе, мы снова вернемся к тому аду, от которого так долго и мучительно уходили. Вот и собираются

лучшие компьютерщики планеты на совещания, где постоянно ставится один и тот же вопрос: как положить конец этому безобразию?

Нас с Володей не назовешь асами информатики. Впрочем, мы здесь и не для того, чтобы заниматься «софтвером». Присутствовать на подобных совещаниях нас обязывает статус экспертов КОМРАЗа по безопасности. А вот Эдик — самый настоящий компьютерный гений. Нет такого компьютера, с которым он не смог бы договориться. Нет такой машины, которую он не знал бы как свой бумажник. Нет такого компьютерного языка, которым он не владел бы как родным армянским. Основное место работы Касабяна — всесоюзное объединение «Информатика» в Москве, где он трудится обыкновенным программистом и о высоких должностях слышать не хочет. Однако ни одно международное совещание по компьютерному гангстеризму не обходилось без Эдика. На его боевом счету — десятки обезвреженных «мин» и «торпед».

Я лично в Нассау во второй раз. Известно: запахи активируют память. Лишь только мы отъехали от аэровокзала и я вдохнул сладковатый аромат цветущих растений, воспоминания обрушились на меня. Эх, если бы можно было по

желанию выключать память!

Мой первый прилет в Нассау был совсем не радостным. Тогда я изрядно наломал дров, и меня вполне могли бы выпереть из КОМРАЗа, но вступился Фалеев, и я получил лишь строгое взыскание, плюс отстранение на год от оперативной работы.

Фалеев... Старый добрый друг Володька Фалеев, которого я мысленно успел похоронить, увидев неподвижным в салоне «Стратопорта». А он был лишь «отключен» и парализован кураре-подобным ядом: сработала растворимая иголка, которой кто-то — теперь-то я знаю, кто! — выстрелил в Фалеева из инъект-пистолета. Впрочем, то, что я спутал беспамятство со смертью, было не единственным моим промахом.

Главное — я прокололся и нечаянно дал моим противникам понять, что владею важнейшей информацией. Все дальнейшие события - беготня по «Стратопорту», гамма-пушка и страшная угроза, нависшая над пассажирами, псевдосмерть человека, коего я прозвал неумехой (нет, все же это был удивительный театр! особенно хорошо выглядел я - в роли марионетки), проистекли исключительно из моего прокола, и понятно, что винить я мог только самого себя. А чего стоит

возня в туалете с компом и полиэтиленовым пакетом! И последовавший комический эпизод, который преврати драматическую дуэль профессионалов в фарс. Я ведб чуть не убил старушку-американку, которая рвалась в туалет, из последних сил сопротивляясь поносу. Я не нанес ей увечий, но все же сшиб с ног, а испуг и победившая диарея поставили точку в этой истории.

Тогда я не уехал дальше аэропорта Нассау. Меня задержали прямо на летном поле и препроводили в полицию, где я узнал о предъявленных мне обвинениях. Немотивированное вмешательство в работу экипажа «Стратопорта», создавшее критическую ситуацию, нападение на бармена, нанесение ущерба имуществу авиакомпании, наконец, атака на пассажирку...— этого хватило. Потом я долго замаливал грехи, доказывая честной рутинной работой, что еще могу пригодиться КОМРАЗу. А попав, наконец, снова в рабочий кабинет в женевской штаб-квартире Комитета по разоружению, я первым делом отыскал свой личный файл и вызвал на дисплей терминала мое собственное досье. Изумление мое было весьма велико. Да, факт взыскания нашел свое отражение в файле. Но одновременно с этим, оказывается, я был удостоен медали Покровского

— это высокая честь, ибо сию награду, именуемую «Самая последняя война», вручают только за выдающиеся заслуги в деле избавления человечества от глобальной военной угрозы. Я затаил обиду на своих коллег в Москве, которые не соизволили сообщить мне о таком событии, и одновременно преисполнился гордостью. Значит, вся эта эпопея в «Стратопорте» была не напрасной. Значит, мои муки с шифровкой Олава имели какой-то смысл...

...Машина, предоставленная нам оргкомитетом совещания, довезла нас до Туристского центра. Здесь нашей маленькой группе предстояло прожить несколько дней. Четно говоря, я надеялся не только поработать, но и немного отдохнуть. Предшествовавшие несколько месяцев были весьма насыщенными, а здесь, в Нассау, я получал как бы случайную передышку: мои непрофессионализм в компьютерном деле служил определенного рода индульгенцией.

За несколько дней я весьма неплохо научил Нассау. Обошел все магазины на главной торговой улице — Бейстрит. Побывал в каждом из трех старых английских фортов. Несколько раз переходил по мосту на остров Рай — разглядывал это феерическое скопище отелей, курортов, казино,

игорных домов. Скупил массу безделушек из листьев серебристой пальмы на Соломенном рынке. Каждый вечер обязательно навещал порт - нигде больше я не ел таких вкусных, сочных омаров, как в порту Нассау. Впрочем, скорее всего, в этом впечатлении было больше от психологического моего тогдашнего состояния, чем от реальных багамских омаров, травимых хлорной известью. Да-да, багамские краболовы охотятся на этих десятиногих ракообразных с помощью хлорки. Ловля с применением динамита категорически запрещена, а с хлоркой — пожалуйста. Рыбаки впрыскивают в коралловые рифы известь, и омары выбираются на открытые места, стремясь избежать отравы. Тут их и ловят. А рифы гибнут. Кораллы становятся снежно-белыми, хрупкими, мертвыми...

В порту и застало меня известие, которое резко оборвало нечаянные каникулы и надолго лишило «отпускного» настроения.

Истошно заверещал кимп. Я выхватил его из кармана и включил речевой канал. На крохотном дисплее появился Родерик Мургейм — руководитель сектора безопасности конференции, а значит, мой непосредственный начальник в данной командировке.

— Слушаю,-— сказал я, внутренне собираясь, словно перед прыжком.

— Сергей,— сказал компьютер по-русски голосом Мургейма, который, разумеется, русского не знает.— Ситуация «Че». Только что с военного аэродрома двумя молодыми людьми угнан «Страйкмастер»

— Да? — удивился я, не выказывая, впрочем, особого интереса.— А какая связь со мной?

— На пилонах у него — четыре контейнера «эм-тридцать четыре»

— Ну и что? Они же все разряженные.

— Вы тратите время,— в компьютерном голосе послы гналось раздражение.— *Эти* не разряженные.

— Что вы хотите сказать? — я все никак не мог врубиться, никак не мог отстроиться от каникулярного настроения.

— Только то, что каждая из семидесяти шести бомб контейнера начинена килограммом бинарного зарина.

— Бросьте! «Эм-тридцать четыре» никогда не заполнялись бинарным зарином. Там нет смешивающих агрегатов. В подобных контейнерах содержался обычный зартн. И все они, повторяю, разряжены.

— Вам что, обычного зарина мало?! — рявкнул компьютер.

И тут я прозрел. Включился. Осознал: где-то в воздухе летит учебно-боевой самолет английского производства, который несет почти четыреста килограммов сильнейшего нервно-паралитического отравляющего вещества. Как специалист, я понимал: это не очень много, настоящие химические атаки ведутся с куда большими количествами ОВ. Но, с другой стороны, именно как специалист, я понимал и обратное: четыреста килограммов зарина могут наделать больших бед, если их сбросить над густонаселенным районом, да еще при благоприятном ветре.

— Нет времени объяснять, откуда у нас эта информация,— продолжал Родерик.— Факт есть факт: самолет угнан. Он взял курс на восток. И это странно — там же открытый океан. Словом, полет нужно пресечь. Но сделать это необходимо грамотно. Без последствий. На авиабазе готовят для перехвата звено «Ф-15» «Игл».

— Что я должен делать? Я никогда в жизни не летал на «эф-пятнадцатых».

— Это от тебя и не требуется. Полетишь в «спарке». Перегрузки должен выдержать. И вообще не думай о том, что летишь на боевом истребителе.

Твоя забота — ОВ. Лучшего специалиста по химическому оружию у нас здесь нет.

Пока шла беседа с Родериком, я параллельно совершал какие-то действия, совершенно не отдавая себе отчета — какие именно. Серия движений, отработанных до автоматизма. И только когда Родерик дал отбой компьютерной связи, бросив: «До авиабазы тебе четверть часа езды. Постарайся быть там через десять минут. Жми», я смог увидеть себя как бы со стороны. Оказывается, ноги сами вывели меня к паркингу, я вскочил в арендованный мною «додж», рванул с места и теперь мчусь к авиабазе со скоростью двести двадцать километров и час. На дорогу у меня ушло не десять, а семь минут. Еще через семь минут я уже сидел, привязанный ремнями, в задней кабине истребителя «Ф-15» «Игл» и получал минимальный предполетный инструктаж от очень нервного и раздраженного майора ВВС. Инструктаж свелся к тому, что я несколько раз повторил вслух порядок покидания самолета в воздухе, дал обязательство нажать на «цыплячью жопку» — кнопку катапультирования —- только в случае крайней опасности и поклялся ничего не трогать, в радиообмен не встревать, никакие ручки не крутить, никакие рычажки не нажи-

мать. Все, что мне нужно будет увидеть, я увижу на дисплее бортовой ЭВМ, заверил меня майор.

Он шлепнул меня по шлему, спрыгнул на землю, техники убрали лесенку. Взревел двигатель. Мы покатили по рулевой дорожке. На взлетно-посадочной полосе пилот включил форсажные камеры — я отметил, насколько быстро, всего за несколько секунд, мы перешли с режима малого газа на форсаж,— и самолет, коротко разбежавшись, прыгнул в небо. Следом за нами взлетели еще два истребителя.

Земля провалилась, потом встала вертикальной стеной справа, а еще через несколько секунд вокруг нас было только голубое небо. И тут я сообразил, что начисто забыл имя и фамилию пилота.

Все-таки удивительные вольты делает иногда судьба! Еще полчаса назад я был в порту, ни о каких ОВ не думал, о реактивных самолетах вовсе не помышлял — ждал прихода рыбацких судов со свежим уловом. И вот — лечу. Причем не просто так, а на перехват. И не на учебный перехват, а на операцию против боевого самолета, несущего химическое оружие.

— Какое вооружение у «Страйкмастера»? — спросил я по переговорному устройству.

— Не дрейфь, эксперт,— раздался в наушниках веселый голос пилота, молодого, улыбчивого, насколько я мог заметить, парня.— Там всего два пулемета 30 калибра. А у нас и пушка, и управляемые ракеты... Задавим!

— Тебя как зовут?

— Забыл уже? Лесли.

— А меня — Сергей,

— Отлично. Послушай, Сергей... Ого... Стоп. Те ребята снова резко меняют курс. Смотри картинку.

На индикаторе боевой обстановки появилась цветная карта Багамских островов. Четкая красная линия обозначала курс «Страйкмастера». Поначалу угонщики повели самолет на восток, затем повернули на север, прошли около трехсот километров, а теперь сделали еще один поворот - опять на девяносто градусов. Сейчас «Страйкмастер» летел строго на запад. Впереди у него по курсу был остров Большой Абако, затем Большая Багама, а далее - полоса чистого океана вплоть до самой Флориды, Если их не остановить, угонщики выйдут прямехонько на Уэст-Палм-Бич. А южнее — Майами. Майами... Может быть, это и есть цель их полета? И одновременно мишень? Тогда дело пахнет серьезнейшей про-

вокацией. Последствия химической атаки на крупный курортный американский город я не берусь предсказывать. Но за мир на планете не поручился бы...

На дисплее выстраивались колонки цифр: это компьютер выдавал информацию о «Страйкмастере» - курс, скорость, высота, постановка помех. Три точки на индикаторе обозначали наше звено, точки ползли на северо-запад, и линия их движения пересекала курс «Страйкмастера» восточнее порта Марш-Харбор на Большом Абако. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы бой развернулся над сушей. Только над морем. И чем дальше от берега, тем лучше.

Сильный толчок встряхнул самолет. К горлу подступил горький комок. Не оконфузиться бы...

— Звуковой барьер.— прокомментировал Лесли.— Рандеву через восемь минут.

На мой взгляд, в кабине было ужасно душно. Впрочем, это мне могло только казаться. Психологически я чувствовал себя очень неуверенно. Возраст есть возраст. Сбросить бы сейчас годков двадцать — я и без Лесли справился бы, благо необходимый налет часов у меня есть. Но в сорок восемь лет без всякой подготовки пересаживаться из комфортабельного «доджа» в кабину боевого

сверхзвукового истребителя — согласитесь, есть в этом элемент какого-то трюкачества.

Я взмок от пота: времени на переодевание у меня не было, поэтому пришлось натянуть комбинезон поверх одежды, бывшей на мне.

— Скорость один и три Маха, — раздался голос Лесли. — Шесть минут до встречи. Мы превосходим их по скорости в два раза.

— Как будем действовать?

— Сначала предупредительная очередь из пулемета. Затем боевой разворот. На встречном курсе обстреливаем из пушки — разумеется, не прицельно. Если не сбрасывают кассеты в море, снова ложимся на основной курс и выпускаем AIM-120. После чего совершаем траурный облет места происшествия и сообщаем на базу координаты участка, зараженного ОВ. Сатана! — вдруг вскрикнул Лесли без всякого перехода.

— Что случилось?

— Картинка исчезла!

Действительно, по индикатору боевой обстановки струилась цветная рябь. Дисплей компьютера выдавал мигающую надпись: «Атака!» На экране бортовой РЛС метались зеленые зигзаги.

— Активные помехи космического наведения! — догадался Лесли.— Кто-то мешает нам с орбиты.

Это может быть началом большой заварушки.

— Попробуй отстроиться.

— Не получается. Перехожу на визуальный поиск. Какая высота была у «Страйкмастера» — помнишь?

Я попытался вызвать данные из памяти компьютера — ничего не вышло. Дисплей не реагировал.

— По-моему, пять тысяч, но высота резко снижалась.

— То-то и оно. Судя по всему, они попытаются идти на малой высоте. Для нас это плохо. Лететь над неспокойным морем в режиме огибания рельефа местности — крайне опасно. Надо найти «Страйкмастер» как можно скорее.

IV

Что же это получается? — размышлял я.— Двое неизвестных угоняют военный самолет. Ладно, маловероятно, но допустим. Под крыльями у этого самолета почему-то оказывается запрещенный — скажем так: невозможный! — груз: кассеты с зарином. Причем невесть откуда известно, что заряды — бинарные. Фантастика, однако, допустим и это. Самолет берет курс на побережье США. Полное безумство. Организуется

преследование звеном истребителей, на одном из которых находится эксперт по химическому оружию. И вдруг на перехватчиков обрушиваются мощные помехи, наведенные из космоса. Это уже просто мистика! Дальнейшую картину составить не сложно. Если «Страйкмастера» не остановит береговая охрана и ПВО, он сбросит груз на какой нибудь крупный город побережья. Изопропиловый спирт соединится в кассетах с метилфторфосфоновой кислотой, компоненты зарина прореагируют, ОВ выплеснется в воздух, и облако смертоносного аэрозоля накроет густонаселенный район. Это будет почище выстрелов в Сараево...

— Вижу цель! — проревел в наушниках голос Лесли.

— Где? —- встрепенулся я.

— Сейчас, сейчас... Доверну самолет... Так! Даю трассу.

Ярко-красный пунктир протянулся в воздухе из брюха «Игла». Я продолжил линию и увидел далеко впереди, еле заметный на фоне бликующих волн, крохотный силуэтик. Пятнистая раскраска почти идеально маскировала самолет. Как Лесли рассмотрел его — уму непостижимо.

Силуэтик стремительно увеличивался в раз-

мерах.

— Даю предупредительную очередь,— произнес Лесли.

— Когда сблизимся, сделай так, чтобы я разглядел брюхо «Страйкмастера»,— попросил я.— Очень важно понять, что он несет.

— Сделаем,— с этим словом Лесли нажал на кнопку управления огнем. Очередь прошла чуть выше «Страйкмастера», а через секунду мы проскочили под ним. На пилонах висели контейнеры. Только странные контейнеры. Не похожие на «эм-тридцать четвертые». И вообще не похожие на контейнеры.

Зафиксировав зрительный образ груза, укрепленного на пилонах, я стал перебирать в памяти все, что мне было известно о боевых средствах заражения воздуха.

Мы развернулись и легли на встречный курс.

— Собаки! — воскликнул Лесли.— Они снизились до самой воды. Почти что стригут волны. Ну, погодите!

Раздался звук, будто кто-то взмахнул гигантской трещоткой. Это пробудилась пушка. Лесли — прекрасный стрелок,— отметил я про себя. На бешеной скорости, причем на встречных курсах, при молчащем компьютере и не работающей

комплексной системе управления полетом и оружием он умудрился прицелиться так, что цепочка взрывов пропахала воду прямо перед носом летящего на низкой высоте самолета.

Мы промчались над «Страйкмастером», и Лесли пошел на новый разворот.

— А где наши ведомые? — вдруг вспомнил я.

— Потерялись,— в голосе Лесли послышались нотки превосходства.— Радиообмен прекратился сразу после начала помех. По-моему, по нам ахнули из высокоэнергетического лазера. Впрочем, не уверен. Но с таким синхронным выводом из строя практически всех электронных систем я сталкиваюсь впервые.

— Вспомнил! — сердце у меня екнуло и забилось еще быстрее, хотя я считал, что тахикардия и так приличная. —Это не контейнеры «эм-тридцать четыре». И там содержится вовсе не зарин.

— А что же? — Лесли вроде бы испытал даже разочарование.

— Это бомбовые кассеты CBU-16/A для создания аэрозольного облака. Типичное содержимое их — EA4923.

— И с чем это едят? — поинтересовался Лесли.

— Лучше всего с противогазом.

Шутка получилась корявая, но мне было во-

все не до шуток. EA4923 — очень летучее боевое отравляющее вещество психохимического действия. Оно относится к бензилатам и считается несмертельным, однако вызывает состояние, подобное психозу. Боевой эффект EA4923 основывается на том, что человек временно или навсегда — все зависит от дозы — теряет контакт с внешним миром.

Тоже веселенькое дело! Город, охваченный безумием,— вот что могло ждать нас впереди.

— Что будешь делать? — спросил я Лесли.— Сбивать?

— Поздно. Впереди — Большой Абако. Остров. Туристский рай.

Лесли сосредоточился больше прежнего, речь его стала скупой и отрывистой. Чтобы не потерять «Страйкмастер», мы сбросили обороты и летели сейчас примерно на равных скоростях: наш «Игл» шел, отстав на полкилометра. Лесли держал минимальную высоту, но «Страйкмастер» шел все равно ниже. Изогнутую полоску суши, называемую островом Большой Абако, мы пересекли за минуту.

— Может, сейчас? — снова не утерпел я.

— Нет,— отрезал Лесли.— Кругом острова и рифы. Могут быть люди. Есть другое решение.

Буду сажать его в аэропорту Фрипорта.

— Сажать в международном аэропорту?! — ахнул я. — Ты с ума сошел!

— Я уже сообщил в порт. У них есть двенадцать минут. Успеют провести эвакуацию.

— Ты один не справишься. «Страйкмастер» уйдет

Характерный щелчок, раздавшийся в ответ, свидетельствовал, что Лесли в ярости отключил переговорное устройство. Мне оставалась лишь,роль пассивного созерцателя.

А созерцать было что. Я увидел работу аса. Более того - почувствовал ее всеми печенками.

Грозно ревя - Лесли перешел с первого режима на второй, - «Ф-15» устремился к самой воде. Я понял, что пилот отключил систему предупреждения об опасно малой высоте полета, и внутренне сжался. На мелководье ходили барашки, ветер срывал с них кисейную пыль. На стеклах кабины появились капельки воды. Через несколько секунд «Игл» ювелирно прошел под брюхом «Страйкмастера». «Что ты делаешь? хотелось мне крикнуть Лесли,— Ведь сейчас нам по головам ударят сразу из двух пулеметов!» — но я сдержался: все равно переговорное устройство отключено. Втянув голову в плечи, я прижался к

бронированной спинке кресла, прекрасно сознавая, что многослойный прозрачный фонарь не спасет от прямого попадания. Внезапно «Игл», едва выйдя из-под преследуемого самолета, свечой пошел вверх, и только тут я понял замысел Лесли. Сейчас «Страйкмастер» попадет в нашу реактивную струю. Если угонщик — опытный летчик, он выправит самолет; если нет — «Страйкмастер» ухнет вниз и взорвется при ударе о воду.

Перегрузка вжала меня в кресло. Затем «Игл» лег на крыло. Вывернув голову, насколько позволяла спинка кресла и добавочные «же», я нашел на фоне волн «Страйкмастера». Нет, он не упал в океан, а продолжал лететь на запад. Совершив головоломный разворот, Лесли снова пошел на снижение и опять нацелился на просвет между брюхом «Страйкмастера» и водой. Мы повторили маневр. На этот раз я увидел, как горбатая прямокрылая машина попыталась уйти в сторону, но Лесли был начеку. Он шел под «Страйкмастером» как привязанный и вторично вынырнул у него из-под носа, тем самым обрекши угонщиков на новый удар реактивной струи. Но и здесь «Страйкмастер» удержался.

Это была какая-то странная чехарда, нечто среднее между игрой в «кошки-мышки» и «пят-

нашками». Ныряя под брюхо «Страйкмастера», мы шли на огромный риск, а потом подвергали страшному испытанию угнанную машину. Не думаю, что Лесли всерьез рассчитывал свалить «Страйкмастера» в море. Скорее, это была психическая атака, призванная сломить волю преступников.

Совершив тот же маневр в третий раз, Лесли сменил тактику. «Страйкмастер» шел уже, заметно рыская. Он набирал высоту и тут же проваливался до самой воды, видимо, рули плохо слушались летчика. До аэропорта Фрипорта оставалось минуты две полета. По усилившемуся мельканию цифр и слов на дисплее — компьютер дублировал возобновившийся радиообмен, который Лесли вел с диспетчерами (я так думаю, что именно сам компьютер и помог восстановить связь, отыскав в электронике разладившиеся системы и заменив их дублирующими), — я понял, что наступила кульминационная фаза нашей погони. Воздух над Фрипортом был давно расчищен. Летное поле — тоже. Лесли шел на посадку с ходу, не совершая обычной «коробочки». Наш «Игл» теперь навис над «Страйкмастером» и стал медленно опускаться, повторяя все эволюции преследуемого самолета. Со стороны могло со-

здаться впечатление, будто Лесли старается сесть на «Страйкмастер» верхом. На самом деле он прижимал его к воде. Наверное, примерно так же сокол бьет голубку, нападая на нее сверху. Хотя это сравнение было весьма приблизительным: уж на что, на что, а на голубку «Страйкмастер» — с его хищным горбатым силуэтом — никак не походил.

Справа тянулся уже остров Большая Багама. Отчетливо видны были туристские городки на южном побережье — Маклинз-Таун, Пеликан-Пойнт, Люкайя. В памяти всплыло, что «люкайя» — это одно из названий племени араваков, истребленного белыми в течение первых трех десятилетий после высадки Колумба в Новом Свете.

Прямо по курсу лежал Фрипорт. Под нами ушел назад Большой Люкайянский водный путь — лабиринт каналов, дорог, складов... Лесли, притирая «Страйкмастер» в земле, едва не касался его колесами — он уже выпустил шасси,— шел точнехонько на взлетно-посадочную полосу. Я полагаю, он не остановился бы и перед тараном. И на «Страйкмастере» это поняли. Угонщики вовремя опустили элероны, вовремя отработали закрылками, и вот уже «Страйкмастер» катится

по полосе, а мы с ревом проносимся над ним.

Новый заход на посадку, теперь уже по всем правилам, после чего наши колеса тоже коснулись бетона. Взвыл двигатель, переходя на режим торможения. Лесли, выпустив парашют, умело сбросил скорость и вдруг, нарушая все инструкции, съехал с бетона. Хорошо, грунт был плотный, окаменевший от жары, иначе мы поломали бы стойки шасси. Наш «Игл» подкатил прямо к «Страйкмастеру», застывшему на рулевой дорожке. Я ожидал, что вокруг самолета будут толпиться пожарные и санитарные машины, полицейские фургоны и армейские грузовики, и сильно удивился, что ничего такого нет. «Страйкмастер» стоял совершенно один. Видимо, страх перед химическим оружием был столь велик, что аэродромные и полицейские службы предпочли пассивное выжидание, граничащее с дезертирством, геройскому безрассудству.

Около «Страйкмастера» копошились дне фигуры. Они что-то делали с кассетой, подношенной на крайнем левом пилоне. Лесли отодвинул фонарь нашей кабины, выбросил свое сильное, ладное тело наружу и, спрыгнув с приличной высоты, помчался к угонщикам, размахивая пистолетом и грозно выкрикивая ругательства.

Я отстегнул ремни и немного помедлил. Не нравилась мне эта ситуация, очень не нравилась! Я открыл лючок справа и извлек кислородный прибор с двумя баллончиками. Снял шлем и подшлемник. Маску повесил на шею, а баллоны и часть шланга засунул в косой карман с правой стороны комбинезона. Вот теперь можно идти. Лесли уже подбегал к «Страйкмастеру». Я вылез из кабины на скошенный кожух воздухозаборника, а с него уже спрыгнул на землю.

Лесли был человеком действия. Добежав до угонщиков, он первым делом врезал ближайшему из них прямым в челюсть. Тут уж припустил и я. Сейчас Лесли придется туго. Впрочем, драка не разгорелась. Один угонщик согнулся в поясе, прижав руки к лицу, а второй... принялся орать.

— Не смей! — исходил он криком.— Не смей нас бить! Сволочь! Дерьмо! Педераст долбаный! Не смей! — лицо его налилось кровью, вены на лбу вздулись, голос давал петуха.

Боже, подумал я, это же совсем мальчишки. Им лет по двадцать, наверное, не больше. Наркотиков нанюхались, что ли? Впрочем, откуда у наркоманов химические бомбы? Леваки? Экстремисты? Ура-революционеры? Неонацисты?

Лесли, опешивший поначалу, опомнился и

решил было поучить крикуна тоже. Он размахнулся, но тот дернул рукой, выкрикнул что-то, и оба угонщика, как подрубленные, рухнули на землю.

Моя реакция сработала мгновенно.

— Лесли, ложись! — заорал я, падая. — Газы! — Моя правая рука автоматически прижала маску к лицу.

На крайнем левом пилоне «Страйкмастера» что-то вспыхнуло, рвануло с глухим звуком, и из кассеты повалил густой желтый дым.

Я поднял голову. Угонщики, лежавшие на бетоне, были уже в противогазах, Лесли продолжал стоять в какой-то странной растерянности, словно бы потеряв нить событий. Вряд ли такой ас мог столь быстро потерять ориентацию. Скорее всего, с ним что-то случилось еще до того, как взорвалась кассета. Я вскочил и метнулся к Лесли, на бегу прилаживая маску таким образом, чтобы ее не нужно было придерживать рукой. Так. Сделано. Это первое. Второе: обезопасить Лесли. Хоть какой-нибудь кусок материи найти! Лоскут, платок, тряпицу... Комбинезон сделан из могучей синтетики, парашютная ткань, ее не то что разорвать, — проткнуть трудно. Есть! Спасительная мысль пришла мне в голову. Наверное, со

стороны мои действия могли показаться чистым кретинизмом, каким-то шутовским издевательством над всем происходящим. Бежал человек, бежал — и вдруг останавливается, начинает прыгать на одной ноге, срывает ботинок, стаскивает носок и пытается засунуть его кляпом в рот своему же товарищу. Клянусь, так все и было. Я понял, что носок — единственная «тряпица», которая мне доступна в данной ситуации. Черт с ней, с эстетикой! Не до гигиены!

Добежав до Лесли, я крепко обхватил его левой рукой, а правой прижал к лицу носок, расправив его, как некое подобие защитной маски. Поздно! Судя по всему, Лесли уже вдохнул желтой гадости. Глаза его закатились, лицо превратилось в костяную маску. Вдобавок ко всему под пальцами левой руки я ощутил сырость. Неужели кровь? Передвинул пальцы. Легонько нажал. Лесли судорожно дернулся. Да, осколок угодил Лесли в грудь. Вот почему он не среагировал на мой крик — его парализовал шок.

Что же делать? Я озирался по сторонам. Где машины? Где хоть один сволочной бронетранспортер? Вояки, называется... Трусы! Предатели! Придется взваливать Лесли на себя и бежать к зданию аэровокзала. Угонщики? Хрен с ними!

Далеко не уйдут.

Внезапно тело Лесли напряглось, он словно бы одеревенел. И тут его скрутила страшная судорога, спина выгнулась аркой. Мы рухнули на землю. Я навалился сверху, пытаясь сдержать бьющееся тело. Куда там! Лесли изгибался, колотился головой, бил по бетону пятками. Как я ни старался, мне не удавалось распластать его на плитах — тем более что одной рукой я продолжал удерживать злосчастный носок. Лесли рвался из моих объятий с нечеловеческой силой. Еще немного — и я ослаблю хватку. Что тогда?

Раздался оглушительный выстрел. Пуля, угодив в бетон, с жужжанием отрикошетила в воздух. Господи, пистолет! Как же я забыл о нем?! В руке Лесли — пистолет со снятым предохранителем. Я чудом избежал ранения. Вторая пуля может запросто угодить в мою голову. Как мне удалось разжать каменные пальцы Лесли и выхватить пистолет — я толком не знаю. Но оружием все же овладел.

Эта наша борьба «в партере» на бетоне Фрипортского аэропорта — одно из самых жутких впечатлений в моей жизни. В комбинезоне, которой представлялся мне сделанным из жести, под палящим солнцем, обливаясь потом от жа-

ры, натуги и ужаса, что вот-вот слетит маска и я вдохну яд, желтое облако которого расползалось над нами, я сдерживал бьющегося в агонии человека и мысленно гнал от себя темный призрак близкой смерти.

А-а-пфф! — я задушил свой собственный крик: от пронзившей меня боли я готов был заорать в полные легкие, но инстинкт самосохранения все же сработал. Если бы я разинул рот — никакая маска не спасла бы. Боль была такая, словно я сунул палец под асфальтовый каток. Это Лесли в кататоническом возбуждении стиснул челюсти на моем пальце, случайно попавшем ему в рот. По-моему, раздался даже хруст. Сломал, перекусил или откусил напрочь? Я так и не смог этого понять — меня отвлекли самым варварским способом: на голову обрушился страшный удар.

К счастью, сознание я не потерял — это меня и спасло. Я повернул налившуюся ртутью голову, и в помутневших глазах моих запечатлелась гнусная харя со стеклянными глазами и отвратительным рылом. Это был один из угонщиков — «крикун» в противогазе. В правой руке он сжимал увесистую дубину непонятного вида и происхождения (я до сих пор не знаю, откуда на ровном, чистом летном поле могла взяться эта

деревяшка). Еще один удар, я потеряю сознание, тогда с меня сдерут маску — вот вам и вторая жертва боевого отравляющего вещества, носящего кодовое обозначение ЕА4923.

Мне было очень больно и очень плохо. Но все же я сообразил, что нужно сделать. По-прежнему прижимая носок к лицу Лесли — палец был зажат в зубах пилота, как в тисках, — я поднял вторую руку с пистолетом и прицелился. Угонщик отпрянул. Нет, я не буду в него стрелять. Убивать нельзя. Категорически. Насколько мог, я попытался поймать мушкой конец крыла «Страйкмастера». Пистолет хороший, надежный — «Магнум». Если в нем еще и пули СВАР — совсем замечательно. Мне очень нужно, чтобы пуля была бронебойной. Такая пуля, которая на семи метрах пробивает стальной щит толщиной до четырех миллиметров. Или головку блока цилиндров автомобиля.

Лесли как раз прекратил биться. Секундная пауза. Я задержал дыхание и нажал на спусковой крючок. Взрыв. Сильный взрыв. Все точно. Пуля попала-таки в конец консоли крыла и пробила металл. Теперь все зависит от того, насколько хорошо угонщики знают машину, на которой летели. Если им известно то же, что и мне,— мы

с Лесли пропали. Если же нет — они должны хорошенько испугаться. И удариться в бегство.

Я напряженно наблюдал за угонщиком — за тем, кого впоследствии я буду называть именем Аллан. Полуобернувшись, он смотрел в сторону «Страйкмастера». Лицо скрыто под противогазом. Какое там выражение — я мог только гадать.

Ура! Угонщик отшвырнул дубинку, которой собирался проломить мне череп, и со всех ног бросился бежать. К нему присоединился второй преступник. Ну, конечно. Внешне это выглядело очень страшно. Начало гореть крыло. А запас топлива «Страйкмастера» находится в крыльевых баках. Еще несколько секунд — и взрыв всего самолета. И разлетаются на мелкие кусочки кассеты CBU-16/A, предназначенные для создания аэрозольного облака. И весь запас EA4923 выбрасывается в воздух. Да, тут запаникуешь. Если, конечно, не знаешь, что на концах крыла «Страйкмастера» устанавливаются дополнительные баки, надежно отделенные от основных. Разумеется, риск был. Огонь мог перекинуться на интегральный и мягкие баки, но ведь риск — это один шанс из многих, а не сто из ста. Что поделаешь, если, кроме риска, у меня другого оружия в данном случае не было

Да, юнцы, мать их! (Тогда я только так о них и думал — «юнцы». А сейчас благодарю судьбу за то, что она подкинула мне в виде Аллана офицера пехотной дивизии, человека хоть и профессионально подготовленного, но с ограниченным кругозором. Слава узкой специализации!) Если бы не маска, я с удовольствием сплюнул бы. Совсем зеленые юнцы. Ведь шли на верную смерть. И не только свою — несли смерть тысячам, десяткам тысяч людей. Конечно им было наплевать на машину. Откуда этим молокососам знать устройство крыльевых консолей, если они с грехом пополам научились управлять самолетом? Откуда им знать, что интегральный бак — самопротектирующийся, а дополнительный — нет?

Вон как славно бегут юнцы! И ведь в противогазах. Спринтеры! Я лежал на застывшем в ступоре Лесли, скрипел зубами от боли в затылке и стиснутом пальце и ждал, когда же все-таки на нас обратят внимание аэродромные службы.

Огонь, охвативший конец крыла «Страйкмастера», погас. Теперь из консоли шел только черный дым — хорошо шел, густыми клубами. Я снова перевел взгляд на угонщиков. Что это? Они возвращаются. Бегут назад большими скачками. Значит ли это, что они поняли мою уловку и воз-

вращаются, желая добить нас? Пожалуй, сейчас мне все-таки придется стрелять в людей. Я перевалился через Лесли, закрыл его своим телом и изготовился, прочно уперев локоть правой руки в бетонное покрытие. Судя по тому, как молокососы подорвали авиационную кассету, у них есть гранаты. Интересно, сколько?

Боже мой, неужели я так и не услышу райской музыки пожарных сирен?

V

Не прибавляя скорости, чужая машина двигалась к моему сараю. В этой ее замедленности была какая-то жуткая неотвратимость. Неотвратимость западни, когда колышек уже выбит и крышка начинает захлопываться. Группа мужчин, стоявшая с другой стороны сарая, получила, видимо, сигнал по рации. Двое куривших бросили окурки в песок, и тогда штатские, словно ждали именно этого, двинулись к сараю, расходясь широким веером. Э-эх, куда деваться-то? Разве что в море. Так ведь вытащут. Был бы хоть один шанс — я бы его использовал. Вон кровля какая непрочная —- дранка, крытая пальмовым листом. Двумя-тремя хорошими ударами проделать дыру, отодрать пару досок, протолкнуть

тело наружу, съехать по скату, приземлиться и... И дальше что? В том то и дело, что дальше — ни-че-го.

Зрение и слух мои были обострены, как у зайца в чистом поле. Так, наверное, чувствует себя смертник на электрическом стуле, когда все приготовления уже сделаны, а напряжения все не подают. И, видимо, подобным же образом осознает себя картинка в анатомическом атласе, изображающая нервную систему человека: каждый нерв обнажен и готов взорваться болью от малейшего прикосновения.

Поэтому урчание автомобильного мотора я воспринял как рев стратегического бомбардировщика. Что? Еще одна машина? Не много ли техники на меня одного?

Сразу же этот автомобиль впрыгнул в поле моего зрения. Он словно свалился сверху — на самом же деле невообразимым цирковым манером съехал с крутого склона, примыкавшего к задней стене сарая. Я — буквально! — вылупил глаза. Это был «форд» «Бронко». Мой «форд». Арендованный мною «Бронко». Дверца распахнулась, и из кабины спокойно вылез Эдик. Эдуард Геворкович Касабян собственной персоной. Или коварный бес чикчарни, перевоплотившийся в Эдика.

Касабян прислонился спиной к кузову «форда» и стал спокойно прикуривать. Ни приближающиеся к сараю мужчины, ни люди, находившиеся в ползущей машине, не отреагировали на него как на чужака. Словно бы в создавшейся мозаике причин и следствий Эдик прочно занял полагающееся ему место, каждым своим жестом, небрежной манерой держаться подчеркивая, что место это принадлежит ему по праву. Только одному человеку чужеродность Касабяна в данной ситуации была очевидной — мне.

Повинуясь какому-то нелепому капризу психики, мое сознание выхватило из всего этого невероятного стечения событий только одну деталь — видимо, по причине ее полной несообразности. «А ведь Эдик-то некурящий!» — словно вспыхнуло у меня в голове и осталось гореть.

«Эдик — некурящий!» — фраза распухла и заняла все пространство мозга, вытеснив прочие мысли, а мышцы мои снова действовали как будто автоматически, выполняя очень важную работу. Как хорошо, что минуту назад я просчитал даже самые нелепые варианты бегства — теперь мое тело работало по четкой программе. Двойной удар кулаками плюс удар пяткой (на долю секунды во внутреннем зрительном поле

возник образ татами и кого-то темного, сильного, быстрого, в белом кимоно), летят щепки, руки рвут тонкие доски, как картон, впившись пальцами в щели, я подтягиваюсь, выбрасываю вперед ноги, локти прикрывают лицо, голова прошла, я качусь, сгруппировавшись, по скату крыши, слышу, как где-то близко бьют палкой по пустой железной бочке, лечу,удар, валюсь на бок, перекатываюсь на спину, ноги идут верх, рывок, по брюшному прессу пробегает зигзаг боли, не страшно, я снова в вертикальном положении, в двух метрах распахнутая дверца машины, Эдик уже за рулем, инстинкт самосохранения истошно вопит, я падаю, снова очень близко бьют железной палкой по бочке, это же выстрелы, приходит запоздалая мысль, подтягиваю ноги для прыжка, возле моей щеки лежит дымящаяся сигарета, «Эдик же некурящий!», о-о-о-п-п-а!

Я лежу в машине между сиденьями, ноги почему-то выше головы, задняя дверца распахнута, вихляя по песку, мы несемся на страшной скорости, хорошую машину я все-таки выбрал, мотор надсадно ревет изо всех своих ста сорока лошадиных сил, преодолевая уклон, вслед нам палят из пистолетов, дззз-ыннь, стекло задней торцевой дверцы разлетается, меня осыпает осколками...

Ко мне толчками возвращается способность соображать. Словно бы сознание находилось в дискретном состоянии, и сейчас оно восстанавливает связи, дергаясь при несовпадении контактов.

— Привет! — говорит Эдик, который, кажется, никогда не теряет присутствия духа.— С приехалом тебя.

— Это тебя с приехалом! — пытаюсь улыбнуться я, но что-то не получается.

— Держи, — говорит Эдик и бросает назад «кольт».— Если будут догонять — стреляй. Но, ради Бога, не попади в кого-нибудь. Если уверен в себе — бей по шинам. А лучше всего — в воздух.

— Хорошо,— соглашаюсь я, внутренне примиряясь с приказным тоном Эдика и с собственным подчиненным положением. С интересом ловлю себя на том, что какая-то часть моего воображения еще не занята и она, эта часть, находит неописуемо комичным, как всего за несколько дней энергичный, очень талантливый московский программист (кстати, в домашней обстановке — страшный сибарит) превратился в супербоевика а-ля Джеймс Бонд.

Я беру в руки «кольт», и в этот момент кто-то снова ударяет железной палкой. Только теперь

уже не по бочке, а по моей голове.

Я очнулся. Было темно и звездно. В машине не горело ни единого огонька. Несмотря на пульсирующую боль в висках и затылке, я отметил, что в раскрытые окна вливается пряный воздух и доносится шум прибоя. Я лежал в заднем отсеке машины, ощущая под забинтованной головой что то мягкое. Эдик сидел в водительском кресле, уткнувшись лбом в рулевую колонку.

— Где мы? — прохрипел я и только тут понял, что смертельно хочется пить — Что со мной?

— Отвечаю в порядке поступления,—тихо прогудел из-под локтя Эдик, не поднимая головы.— Мы стоим в нише у забора, ограждающего Атлантический центр испытаний и оценки подводного оружия и гидроакустических средств ВМФ США.

«К югу от Андрос-Тауна,— вспомнил я карту.— Утес Моргана отсюда километрах в восьмидесяти. Неужели никто не попытался нас догнать?»

— Место, где, по моим расчетам, нас будут искать в последнюю очередь. Оторваться мне удалось только потому, что я свернул с шоссе и, включив оба моста, долго петлял по болотам,— Эдик словно отвечал моим мыслям.— Два раза мне казалось, что мы тонем, но машина вывез-

ла. Впрочем, больше всего я опасался, что ты истечешь кровью. Рана не опасная, пуля лишь стригнула тебя по черепушке, но ведь остановиться я не мог. Голова твоя моталась, и кровь заливала все вокруг. Прямо как в кино...

Эдик хмыкнул.

— В дешевом кино,— отозвался я.— Дай попить.

Эдик пошарил под передним сиденьем и протянул мне банку пива, сорвав язычок на верхнем донце.

— Это тебе промочить горло.

Я влил в себя пиво, но вкуса не почувствовал.

— А это,— Эдик вложил мне в пальцы откупоренную бутылку,— вместо лекарства.

Приложив бутылку к губам и сделав хороший глоток, я чуть не задохнулся. Наверное, такой же вкус имеет раствор колючей проволоки в царской водке.

— Ну-ну,— сказал Эдик, когда я смог перевести дух.— От хорошей порции рома еще никто не умирал.

— Это не ром,— буркнул я.— Это напалм.

— Обижаешь,— рассмеялся Эдик. Видимо, он тоже пришел в себя.— Это не просто ром, а Ром с большой буквы. Есть только одно место на

земном шаре, где делают настоящий ром,— на острове Мартиника. Эта бутылка оттуда.

— Черт с ней, с бутылкой! И с Мартиникой тоже! — Ром, действительно, оказал целительное действие - пульсация в затылке стала уменьшаться.— Лучше расскажи, как ты оказался у утеса Моргана.

— Где?

— Ну, у утеса Моргана, там, где меня должны взять.

— Ми-и-илый,— с оттенком превосходства в голосе протянул Эдик,— благодарить ты должен исключительно самого себя. Ты оставил в «онлайн» такие точные координаты, что не найти тебя смог бы только идиот. Неужели ты думаешь, что последние ночи мы с Володей спали? Мы шарили по компьютерной сети всеми доступными и недоступными, кстати, тоже — способами. Как только открылось твое послание, я тут же отправился на Андрос. Вертолет КОМРАЗа был у нас наготове. Я сел на развилке, с помощью компа разведал обстановку, все остальное — дело техники.

— Ничего себе техника! — удивился я.— Ты вел себя, как главное лицо во всей операции. Можно было подумать, будто ты и есть босс этой шайки.

Объясни, каким образом ты туда затесался. Я ничего не понимаю.

— Тебе русским языком говорят — я разведал обстановку. Это значит — ввязался в их радиообмен. Коды доступа я раскусил почти сразу, систему паролей — чуть погодя. Понял: у них приказ взять тебя живым или мертвым. Лучше — мертвым. Ты же вроде убийца, значит, общественное мнение будет успокоено. Их, главным образом, бесило, что ты уколол этого Аллана. В машине ехала группа захвата, мужики на пляже — группа поддержки. Если бы ты вышел из дверей сарая, тебе сразу же прострелили бы ноги. Дальнейшее в зависимости от твоего поведения. Я включился в связь. Назвал свой номер — разумеется, я придумал его на ходу, но использовал их правила кодирования. Объяснил, что придан им для захвата твоей машины. Они, как ни странно, поверили. Дальнейшие переговоры я вел с помощью автомобильного компа.

— Ты просто кудесник,— засмеялся я.— Когда у тебя в руках комп, ты можешь все. Но скажи, с каких пор ты начал курить?

— С той минуты, как вышел из твоего «форда» и понял, что вот-вот начнется пальба. Видишь ли, сигарета тоже входила в их знаковую систему.

Если куришь все идет нормально. Затаптывание окурка — переход к активным действиям. Если отбрасываешь сигарету щелчком — значит, ситуация вышла из-под контроля. Они очень боялись, что полиция нарушит нейтралитет и вмешается.

— Погоди, это что же получается, они — не полиция?

— Конечно, нет,— даже в темноте было ясно, что Эдик посмотрел на меня, как на фрагмент скульптуры «Доктор Даун со своими пациентами» (без главного персонажа).— У тебя разве оставались сомнения на этот счет? Полиция была в курсе операции и обещала прикрыть банду в том случае, если бы тебя пришлось убрать. Для облегчения действий полиции они и придумали подмену трупа...

— Так кто же они? — заорал я, видимо, полностью подтверждая скульптурное сходство.

— Не кричи. В пяти метрах — территория американского военно-морского центра, очень непростого, надо сказать. Если нас засекут — хана. Никакие пукалки не помогут. Нет, у тебя определенно мозги сдвинулись — видать, пуля нелегкая попалась. Заладил — «кто они?», «кто они?» Комитет вооружений, конечно, кто же еще? Неужели перипетий, произошедших с тобой,

недостаточно, чтобы понять это?

— Я думал, что оторвался от них...— пробормотал я.

— «Думал»,— передразнил меня Эдик.— Колумб тоже думал, что в Индию попал. А приплыл, между прочим, сюда, к аравакам, на Багамы. Кстати, тебе страшно повезло, что тобой занялся именно АрмКо, а не полиция. Уж кто-то, а багамская полиция тебя точно не отпустила бы. И с ходу разгадала бы весь мой компьютерный маскарад. А вот Комитет вооружений вынужден действовать скованно, с оглядкой, у них секретность, пароли, которые меняются каждый день. Ничего удивительного, что на каком-то этапе я переиграл их. А завтра, может статься, они переиграют нас... Выпей-ка еще. Ты, вон, дрожишь весь...

Меня действительно знобило. Тряска выдавала напряжение, скопившееся за последние дни. И ведь конца пока не видно. Более того — ситуация осложняется. Мы получили только временную передышку. В двух шагах от нас — колючая проволока, за которой важная американская военная база. Эдик прав — в этом испытательном Центре шутить не будут. Здесь испытывают подводное оружие. Может быть, как раз сейчас, в эту минуту под водой разыгрывается учебный бой между

боевыми субмаринами — рядовой для данного Центра бой, но очень опасный для всех нас - бой, в ходе которого испытывается новое оружие.

И я в очередной раз подумал о сложной расстановке сил в современном мире. Да, есть мы, Комитет по разоружению, организация, родившаяся в муках и в муках же очищающая мир от оружия. Мы проводим аукционы, на которых демонтированная военная техника переходит в мирные руки. Разумеется, мы не можем ликвидировать всю военную технику разом, как не можем одним махом установить мир на Земле. Поэтому продолжают работать военные заводы, продолжают пополняться арсеналы, продолжаются военные игры и учебные бои. Со стапелей, с конвейеров сходит новая смертоносная техника, которая завтра, может быть, будет демонтирована, разряжена, дезактивирована и продана с аукциона, чтобы стать мирным инструментарием в руках ученых, промышленников, земледельцев. А может быть, будет пущена в бой. Есть еще третья сила, тайная и грозная, — Комитет вооружений, который вовсю старается, чтобы этот бой состоялся. И кто победит — пока еще большой вопрос...

Как же нам теперь выбраться с Андроса? Ведь

на всех аэродромах — как пить дать! — дежурят люди из АрмКо.

Ладно. Будет утро — будет и кофе. Я закрыл глаза, намереваясь поспать хотя бы часок. По телу расходились горячие волны от выпитого рома, и дрожь, казалось, уступала алкоголю.

— Э-э, нет, так не пойдет,— вдруг забеспокоился Эдик.— Спать я тебе не дам. Возьми себя в руки.

— Это еще почему?

— Мне надо, чтобы ты был в боевой готовности. Ситуация может измениться каждую минуту. Вдруг понадобится срочно рвать когти или устраивать какой-нибудь фейерверк для отвода глаз. Лучше займись сидячей разминкой, чем кемарить. Да заодно расскажи-ка мне в подробностях все, что с тобой произошло после вылета из Нассау.

Резонно. Я мог только согласиться с Эдиком, нашим новоявленным «Джеймсом Бондом». И, разминаясь — напрягая и расслабляя поочередно все мускулы тела, из пальцев ног до мимических мышц,— я пересказал своему другу и спасителю все события последних дней.

Я вспомнил в деталях, как оказался в самолете, как познакомился с Лесли, как мы поднялись в воздух и во главе трехсамолетного звена ис-

требителей пустились в погоню за угнанным «Страйкмастером», как по нам ударили электромагнитным пучком из космоса («Повтори-ка, повтори, — встрепенулся тут Эдик,— это очень важно»), и мы потеряли ведомых, как Лесли мастерски посадил «Страйкмастер» во Фрипорте и как угонщики ручной гранатой подорвали кассету с газом ЕА4923...

Пожарная и полицейская машины успели все же раньше. Тяжелые струи воды ударили в дымящее крыло «Страйкмастера», вооруженные люди в противогазах взяли в кольцо угонщиков, несколько человек бережно, но в хорошем темпе подняли нас с Лесли и, уложив на носилки, бегом направились к стоявшему неподалеку белому микроавтобусу с красным крестом на борту. Я, разумеется, тут же взбрыкнул и спрыгнул на землю, потому что мог передвигаться без посторонней помощи, да и вообще был практически здоров — ушиб головы и почерневший палец не в счет. Самое важное сейчас — спасти Лесли. Лицо его уже закрывала маска, рядом на носилках лежал мой злосчастный носок — самый вызывающий респиратор за всю историю применения боевых отравляющих веществ.

Я не знал, есть ли в госпитале Фрипорта гра-

мотный токсиколог, поэтому счел необходимым принять свои меры. Жестами привлекши внимание людей, которые несли моего пилота, я выхватил из кармана комп и на ходу набрал следующий текст:

«Mexamini 0.5 per os cito».

Это означало, что Лесли должен срочно принять внутрь полграмма мексамина, он же 5-метокситриптамин,— препарата, который служит эффективным антагонистом психотомиметических ядов, нарушающих обмен серотонина в организме. По поводу дальнейшей терапии можно было спорить, но начать следовало, на мой взгляд, с мексамина — и немедленно. Если, конечно, он есть в госпитале.

Я увидел, что у бежавшего рядом со мной санитара — как еще можно было назвать этих людей? — из нагрудного кармана торчит блокнот. Не долго думая, я выдернул его, вырвал листок и вложил обратно. Остановился, сунул листок в цель компа и нажал на кнопку термопринтера. На бумаге бесшумно отпечатался набранный мною рецепт. Как раз в эту секунду санитары подбежали к микроавтобусу. Я догнал их и в последний миг успел сунуть листок одному из них. Носилки въехали внутрь, задняя дверь микроавтобуса захлопну-

лась, и машин включив сирену, умчалась.

Я несколько секунд смотрел им вслед, а затем отправился к полицейскому фургону, куда уже затолкали угонщиков. На летном поле и в здании аэровокзала начали разворачиваться работы по дегазации. Нам же предстоял путь в полицейское управление Фрипорта, где можно было снять маски и противогазы и побеседовать с веселыми молодыми людьми, чья увлекательная воздушная прогулка едва не обернулась мировой катастрофой

Аллан Бетел и Дадли Олбури — так звали этих ребят. Точнее, так они представились. Оба по их словам — уроженцы острова Большой Абако. Даже не самого острова, а цепочки маленьких островков, охватывающих в кольцо Малую Багамскую банку. На Багамах они зовутся «киз» — от аравакского «каири», «остров» — иусеивают все пространство архипелага от островов Бимини до группы Теркс и Кайкос. Я в свое время интересовался историей Багам, поэтому хорошо представлял себе людей, населяющих Большой Абако.

Киз, окаймляющие его с северо-востока, носят забавные имена: Грин-Тертл — Зеленая Черепаха, Уэйл — Кит, Грейт-Гуана — Большая Ящерица,

Мэн-О'Уор — Военный Корабль, Элбоу — Локоть. На них живет любопытная публика. В основном это потомки лоялистов, бежавших с континента после победы Североамериканских штатов в войне за независимость. Народ весьма консервативный, придерживающийся старых порядков. Здесь очень долго сохранялось рабовладение. Причем белые предпочитали жить на киз, а подневольную рабочую силу держали на «Большой Земле», как тут издавна именовали Большой Абако.

Население киз делилось на враждующие кланы, между которыми то и дело происходили кровопролитные стычки. Типичным поводом для междоусобицы была кража рабов. Кланы сохранились по сей цепь. На Военном Корабле живут Олбури, на Зеленой Черепахе — Сойеры и Лоу, на Локте — Малоуны и Бетелы. Судя по нынешней ситуации, Военный Корабль и Локоть больше не враждуют друг с другом. Если, конечно, Дадли Олбури — это, действительно, Олбури. А Аллан Бетел — на самом деле Бетел.

Увы, я плохой Холмс. К великому сожалению, сомнения не закрепились во мне. В полицейском управлении перед нами стояли два щуплых юнца, которые, казалось, всем своим видом под-

утверждали данные ими объяснения: студенты, учатся во Флориде, в университете Таллахасси, летным делом занимаются в авиационном клубе Марш-Харбора. На Аллане Петеле была свободная куртка с наливкой «инь-ян» па рукаве, одежда Дадли Олбури состояла из легкомысленной распашонки с рекламой жвачки «Трайдент» на спине и затертых джинсов.

И всему этому я, старый идиот, поверил!

VI

— С какой целью вы угнали самолет? — в пятый раз задал вопрос полицейский комиссар.

И в пятый раз студенты повторили, что хотели привлечь внимание к небрежному хранению химического оружия на авиационных базах, оставшихся без внимания КОМРАЗа, что они ни в коем случае не хотели распылять ядовитый бензилат ЕА4923 над побережьем Флориды — «как можно?! нам такое и в голову не могло прийти! кошмар!» — что они хотели приземлиться в Уэст-Палм-Биче и сдать кассеты с отравляющим веществом администрации города.

— Но ведь вы не прорвались бы к аэродрому! — комиссар уже кричал, и его можно было понять.— Зенитные комплексы сбили бы вас еще на

подходе к побережью, и тогда выброс яда в воздух был бы неминуем.

— Мы не задумывались над этим,— твердил Дадли Олбури, пилотировавший самолет.— Надеялись пройти на малой высоте.

А его напарник и друг Аллан Бетел напирал на высокий политический и гражданский смысл их акции.

— Поймите, на складах по всему земному шару лежат сотни тысяч, если не миллионы тонн взрывчатых и отравляющих веществ, которые никто пока не собирается дезактивировать. Говорят, мол, руки не доходят. Не верю! Кому-то важно, чтобы вся эта смертоносица оставалась в боевой готовности. А охрана зачастую поставлена настолько слабо, что подходи и бери — никто пальцем не шевельнет. Я все равно считаю, что мы поступили правильно. Теперь-то уж этими складами займутся наверняка!

— Господи, какие кретины! — полицейский комиссар грохнул кулаком по столу.— Вы же запалили фитиль от этих складов, неужели непонятно?! А пилот истребителя, который может остаться дебилом навсегда? А нападение на эксперта КОМРАЗа? —он выбросил руку в мою строну. - А попытка взрыва кассеты?

— Мы оборонялись! - воскликнул Дадли Олбури - Мы плохо соображали, что делаем.

— А помехи, наведенные из космоса, тоже объясняются аффектом? - вставил я.— Вся наша электроника исвязь вышли из строя. Мы ориентировались визуально и едва вас не потеряли.

— Какие еще помехи? — возмутился Аллан Бетел. Искренне, казалось, возмутился.— Ничего не знаем. Паши приборы работали нормально..

В общем, мы топтались на месте часа два. А потом связались по радиотелефону с Министерством национальной безопасности в Нассау, и начальник полицейского управления Фрипорта получил приказ: отправить угонщиков на вертолете под усиленной охраной в столицу.

Я был свободен в своих действиях, поэтому решил лететь тем же вертолетом, тем более что мое присутствие в Нассау в качестве свидетеля было крайне необходимо. Нам выделили хорошую машину — противолодочный вертолет ЕН-101 в транспортном варианте. И вечером мы вылетели на юг. Тринадцать человек нас было: четверка экипажа, два угонщика, я и шесть солдат британской морской пехоты в качестве охраны — бравые ребята, рослые, невозмутимые, тяжеловесные, словно вытесанные в какой-то ка-

меноломне стратегического назначения. Лететь нам предстояло не больше часа.

Мы уже прошли над островами Берри и, обменявшись радиоприветствиями с диспетчером аэродрома на Чаб-Ки, взяли курс на Нью-Провиденс. Под нами лежал Язык Океана. Вода отливала тяжелой синевой, на нее непостижимо — в нарушение всех законов цветовой гармонии — накладывалось золотое сияние солнца, неотвратимо скатывавшегося туда, где воды Гольфстрима, казалось, должны были подхватить его и унести на север. Справа виднелась пенная бахрома прибоя на рифах, ограждающих остров Андрос, и бахрома эта тоже была подкрашена золотисто-розовым. Словом, редко мне доводилось видать более красивое зрелище.

И вот в такую минуту ракета «Стингер», управляемая инфракрасной головкой самонаведения, вошла в выхлопную струю газотурбинного двигателя нашего вертолета.

Два события произошли одновременно. «Стингер!» - выкрикнул штурман, наблюдавший за морем сквозь стекло кабины, и тут же раздался взрыв. Видимо, сработал лазерный неконтактный взрыватель, потому что ракета ахнула в нескольких метрах от вертолета. Разорвись она

при контакте - никто из нас не уцелел бы.

Словно гигантской дубиной поддали по вертолету снизу. В уши ударил грохот и следом скрежещущий дробный звук, выворачивающий внутренности. Машина подскочила на несколько метров, а зятем резко пошла вниз, словно проломив хрупкий невидимый лед, который только и поддерживал ее над воздушной бездной

«Конец?» — мелькнуло у меня.

Кто-то страшно закричал. Упал на дно кабины морской пехотинец, залитый кровью. Я с трудом удержался на сиденье. Аллан бросился к Дадли —- я сначала не понял, зачем.

Вертолет выровнялся. Двигатель, смолкший было, заработал снова — завыл на каких-то немыслимых оборотах. Позже я узнал, что нам вырубило два движка из трех и до посадки мы тянули на одной турбине.

Судьба слепа, но в своей слепоте она бывает изобретательна. У нас в грузовой кабине было четыре трупа. В живых осталось шестеро — и на них ни единой царапинки. Дадли Олбури и три пехотинца — в том числе командир группы, сержант — погибли на месте, пораженные вольфрамовыми шариками. Среди экипажа потерь не

было. Осколочно-фугасная начинка «Стингера» изрешетила стенки кабины, но не вывела вертолет из строя, не привела к пожару.

Теряя высоту, мы шли к ближайшей точке суши, где нам могли оказать помощь,— городку Стэффорд-Крик на острове Андрос.

Вертолет грузно шлепнулся на набережной — искать более подходящую площадку было затруднительно. Вой турбины стих. Распахнув дверцу, мы с Алланом выпрыгнули на землю и приняли у солдат, оставшихся в кабине, тела убитых. Смерть словно бы сблизила нас. На какое-то время мы с охранниками забыли о роли Аллана во всей этой истории. Он был теперь равный среди нас: морские пехотинцы потеряли половину своего маленького отряда, и Аллан тоже потерял друга — Дадли.

Подлетела «скорая помощь». Подъехали еще какие-то машины — с военными, гражданскими, полицейскими. Центром кристаллизации образовавшейся толпы стал экипаж «ЕН-101» — летчиков расспрашивали, добиваясь четкой картины атаки на вертолет. Мы с Алланом стояли чуть в стороне. Бетел совсем ушел в себя, потускневшие глаза его не выражали ничего

Возле пас остановилась машина черный «край-

слер ле барон» 1987 года. Из нее вышел невысокий человек лет сорока пяти самой заурядной внешности

— Мистер Щукин? осведомился он

Я подтвердил

— Мистер Бетел?

Аллан ело заметно качнул головой.

— Прошу следовать за мной,— и человек махнул в воздухе радужно засветившейся карточкой КОМРАЗа.

Странно. Этого мужчину я видел впервые в жизни. Мы с Алланом сели в «крайслер», захлопнули дверцу и машина резко взяла с места. Через десять минут мы, не снижая скорости, пронеслись через городок Стэньярд-Крик, а еще через десять минут въехали в Хард-Баргин.

«Трудная сделка»,— мысленно перевел я название городка, совершенно неотличимого от десятков других багамских курортных поселков.

Машина остановилась у двухэтажного здания, представлявшего собой идеальный в геометрическом отношении куб. Абсолютно ровные плоскости стен с широкими поляризованными стеклами окон, не пропускающими внутрь чужих взглядов, абсолютно ровная — так казалось снизу — крыша, лишенная даже антенн.

Мы вошли внутрь, и здесь я испытал, пожалуй, самое сильное потрясение за последние годы.

В большой, полной света комнате, у низкого столика, заставленного напитками, в глубоком кресле сидела... Мерта. Мерта Эдельгрен, женщина с которой я дрался в тесном тамбуре «Стратопорта», которую убили на моих глазах, которую я безуспешно пытался оживить и труп которой я лично сбросил с десятикилометровой высоты, заставив крылья «Стратопорта» разойтись в стороны. Нет. Чушь какая-то. Двойник?

— Ничего подобного,— говорит эта женщина спокойным голосом, угадав мои мысли.— Не двойник, не загримированная актриса, не сестра-двойняшка. Я — это я. Мерта. Здравствуй, Щукин.

— Здравствуй, Эдельгрен,— в тон ей говорю я, изо всех сил стараясь казаться невозмутимым — И как там, на том свете?

— Нормально. Как везде,— Мерта наливает в высокий стакан виски «Олд Грэнд-Дэд», бросает туда несколько кубиков льда и медленно пьет. - Садись. Поговорим.

Я вижу, что в комнате стоит несколько кресел. В углу — видеосистема «Сильваниа суперсет». Рядом микрокомпьютер не известной мне модели.

— А почему ты решил, что я была на том свете? — Мерта вдруг широко распахивает глаза, ей страшно нравится дурить меня.

— Ну, как же, «Стратопорт», 96 год... Разве не твое сердце остановилось тогда, и разве не ты летела все десять километров до самой воды?

— Нет, не я,— поставив стакан, Мерта блаженно потягивается, на ее губах мерцает сладострастная садистская улыбка.— Правда, Олав?

Я вздрогнул? Или сумел погасить дрожь? Неужели и Олав здесь? Спиной я чувствую, как в комнате появляется еще кто-то. Их двое. Медленно поворачиваюсь.

Здрас-с-сьте! Вся компания в сборе. Рядом с Олавом — тот самый жалкий старичок из «Стратопорта», в смерти которого я считал себя повинным. Значит, и он — в АрмКо? И к тому же не совсем старичок, а вполне крепкий дядя. Прелюбопытная история...

— Правда, Мерта,— впервые за долгие годы я слышу баритон Олава.— Старина Щукин, видимо, считает, что он действует только наверняка. Но ведь мы тоже кое-что умеем. Например, умеем выключить сердце, а потом включить его. И еще умеем открывать шлюзы «Стратопорта» с той стороны, с которой захотим. И выдергивать тела

наших сотрудников из ловушек, даже если кому-то хочется, чтобы эти тела разбивались о воду и размазывались красным джемом по синим волнам.

— Итак, друзья встречаются вновь,— мне не остается ничего другого, как иронизировать.— Похоже, что изотопную булавочку не кто иной, как вы мне подсунули? — обращаюсь я к «неумехе».

— Да, я. Но вы успели мне ее вернуть. Ловкач! — ядовито усмехается он.— Впрочем, нам, кажется, пора познакомиться. Осгуд Теш. Бывший полковник.

— Сергей Щукин,-— я встаю и щелкаю каблуками, будущий генерал.

Все смеются.

— Кстати, я тут не один. Со мной был один парень, студент. По имени Аллан. Где он?

— Успокойся, Щукин,— Мерта стирает с лица последнюю тень мерцающей улыбки.— Алланом занимаются наши коллеги. В другой комнате. Нас *т о ж е* интересует вся эта история с самолетом, — она подчеркивает «тоже».

— Что касается вашего генеральства, — подхватывает Олав,— то оно зависит от вас. Захотите нам помочь - будете генералом. Не захотите — мы

постараемся, чтобы вы о звании рядового мечтали как о недосягаемом почете.

— Фу, какой пошлый шантаж, Терри! — восклицаю я.— Вы ведь Терри, правда? Никакой не Олав Ольсен,а Терри Лейтон, бывший офицер ЦРУ, ныне — оперативный работник Комитета вооружений. Так вот, чтобы вы знали. Насчет генерала — это шутка. Я человек штатский, эксперт КОМРАЗа, нахожусь на своем уровне компетентности и выше прыгать не хочу, поэтому о воинских званиях могу рассуждать лишь абстрактно. В сущности смысл работы нашего Комитета в том и заключается, чтобы воинские звания ушли в прошлое. Навсегда.

— Это ты будешь рассказывать в Москве. По Центральному телевидению,— обворожительно улыбается Мерта.— Когда станут показывать публичный процесс над изменником Родины и шпионом Сергеем Щукиным. Бывшим экспертом КОМРАЗа.

Весь этот разговор мне уже безумно надоел. Дешевка от начала до конца. Если им есть что мне предъявить — пусть предъявляют. Видимо, я им очень нужен, раз они пошли на такие ухищрения — вплоть до киднэппинга! — чтобы меня заполучить.

— Ладно, хватит трескотни,— говорю я, опускаясь в кресло и наливая себе «Олд Грэнд-Дэд» («Гулять так гулять! Мне в конце концов тоже нравится карамельный привкус этого виски.»).— Чем вы меня там хотите порадовать?

— Извольте,— говорит Олав и подходит к видеосистеме. В руках у него появляется комп и «монетка» — крохотный видеодиск. Он опускает «монетку» в щель компа и подключает машинку к телевизору видеосистемы.

Загорается экран. Я вижу спину удаляющегося от камеры человека. Он подходит к воротам в ограде из колючей проволоки. За оградой высится круглая бетонна башня высотой с десятиэтажный дом — вся в металлических лесах, усеянных какими-то яйцеобразными предметами. Отчетливо видно огромное количество торчащих во все стороны антенн, которые придают башне зловещий вид.

Человека встречают двое в форме без знаков различия. Мужчина вынимает из бокового кармана пропуск и показывает охранникам. Те коротко козыряют. Человек бросает взгляды вправо и влево, затем оборачивается и пристально смотрит прямо на нас.

В моих жилах кровь превращается в горячую

ртуть. Этот человек — я.

— Стоп-кадр! — командует Мерта.

Изображение застывает. «Суперсет» работает от голоса. На экране — действительно я. Нет никаких сомнений. И походка была моя. И характерная для меня манера оглядываться.

— Где это — спрашиваю я.

— Бавария,— улыбается Олав.

Я никогда в жизни не был в Баварии.

— А точнее?

— Гора Шварцригель.

«Черный Засов».— машинально переводит название с немецкого какое-то лингвистическое устройство в моем мозгу. «Подходящий топоним для шантажа,— добавляет сознание.— Только безвкусицы и здесь — через край.»

— Ну, дальше,— тороплю я.

— Это одна из секретных баз БНД и ЦРУ. Здесь занимаются электронным шпионажем,— с готовностью объясняет Олав.— Прослушивают Восток всеми возможными способами. Допуск высшей категории секретности. Сюда могут войти немногие смертные — у пультов сидят определенные лица из ЦРУ, считанные сотрудники БНД, некоторые офицеры разведки ВВС Германии. Специально для вас мы разработали

легенду, которую с удовольствием приложим к этой видеомонетке. Легенда объясняет, когда именно вас завербовали в АрмКо, каким образом осуществляется связь с нами, как часто вы бывали в подобных секретных центрах и во время каких конкретно командировок.

Дьявол! Один из тех редких случаев, когда я не твердо знаю, как себя вести. Налицо фальшивка, но очень тщательно сработанная. Как повести игру?

— Зачем вам это все нужно? — спрашиваю я, изображая на лице дикое изумление.

— *Э т о* нам не нужно,— тут же реагирует Олав, он же Терри.— Хотя, не скроем, ради получения этой видеомонетки мы пошли на определенные затраты. Нам нужны вы, Сергей. Вы даже не представляете, как вы нам мешали последние два года, занимаясь тихой кабинетной работой. Несколько раз вас пытались убрать, но вам везло. Вы об этом и не подозреваете вовсе. Кстати, я всегда был противником вашей смерти.

— Спасибо, дружище,— любезно кланяюсь я.

— Убийство видного человека всегда поднимает слишком большие волны,— не замечает Лейтон моей ремарки.— Вы нам нужны живой. Подчеркиваю: именно нужны и именно нам.

В настоящее время у нас нет в КОМРАЗе своего человека вашего уровня подготовки.

Я отмечаю мысленно «в настоящее время» и «вашего уровня».

— Вы специально привезли меня в городок с таким говорящим названием — Хард-Баргин? — я уже взял себя в руки, ко мне вернулась растаявшая было ирония.

— Нет, это вышло случайно,— отмахивается Мерта

— Ой, смотрите,— я стучу пальцем по столу.— Любовь к театральным эффектам вас погубит. И Шварцригель — тоже перебор. Пока что я имею в виду только название. Натуральный кич. Повторите запись.

И снова вижу, как на экране человек поворачивается, и в меня упирается пристальный, как из зеркала, взгляд — мой собственный.

VII

— Покажи «монетку»,— попросил меня Эдик.

Я порылся в кармане, нашел там кругляш, нашарил в темноте руку Эдика и вложил в нее видеодиск.

Эдик включил автомобильный комп. Засветился дисплей.

— Что ты делаешь? — встрепенулся я,— Нас накроют через две минуты. Сквозь стекла кабины дисплей виден за километр.

— Ша, девочки! — Эдик иногда употребляет словечки из лексикона одесского Привоза, и откуда это у армянского интеллигента — я не знаю.

Он почти уткнулся лицом в дисплей и что-то накинул на себя — стало темно. Я ощупал правое сиденье машины и понял, что Касабян снял с него чехол. До моих ушей донеслись тихие шелестящие звуки — это пальцы Эдика забегали по клавиатуре компа. Началось священнодействие, в котором я при всем желании не могу участвовать: Эдик расценивал диалог с машиной как очень интимный процесс, и вмешиваться в него с моей стороны было столь же бестактно, как вламываться ночью в спальню молодоженов с требованием к ним вести себя тише.

Я попятил не имел, что Эдик хочет получить от видеозаписи. Впрочем, ему виднее. Кто из нас компьютерный ас, в конце концов?

— Да, кстати, высунулся Кясабян из под накидки, — Не вздумай спать. Пока я работаю, ты наши глаза и уши. А чтобы не скиснуть - продолжай тихонько рассказывать о своих приключениях. Шехерезада ты наша,— желчно добавил он.

- Синдбад мореход, мать твою...

Теперь, когда я мог упорядочить в памяти чехарду последних дней, я отчетливо видел все накладки, все швы, строченные белыми нитками, все комедийные мизансцены и драматические случайности. Не только я действовал наспех, мои противники — люди, у которых я встал на пути, — тоже действовали наспех, и посему наши разведывательные контакты, сближения и расхождения напоминали плохо отрежиссированный спектакль или неуклюжий танец с непременным отдавливанием ног и взаимными оскорблениями партнеров.

Я очень легко ушел от моих противников в Хард-Баргине — теперь я видел, что мне дали уйти.

Я прихватил с собой Аллана, которого тоже считал жертвой обстоятельств,— понятно, что и здесь со мной сыграли в поддавки.

...Придя в себя от шока, полученного при просмотре видеозаписи, я попросил Олава показать мне «монетку».

— Элементарный видеотрюк, комбинированная съемка, удачный грим,— снова и снова твердил я, прокручивая запись.

Три моих тюремщика только улыбались в от-

вет, переглядываясь между собой.

Меня отвели в небольшую комнату, где тоже была видеосистема — на столике рядом с кроватью. Нехитрая обстановка, включавшая крохотный санузел, наводила на мысль, что хозяева дают мне возможность пожить в этой камере и обдумать их далеко идущие предложения.

Войдя в комнату, я первым делом опустил «монетку» в щель компа и подключился к телевизору. Ограда, башня, охранники, моя собственная персона. Нет никакой зацепки. Все очень реалистично. Нет и намека, что изображение поддельное...

— Сделано очень чисто,— подтвердил Эдик глухим голосом из-под покрывала.— Это не видеотрюк. И не монтаж. Что-то иное. По-моему, я начинаю догадываться... Ты говори, говори...

Пленник я или нет? Этот вопрос тоже занимал меня. С одной стороны, меня вроде бы не охраняли, что вполне объяснимо: «видеомонетка», по замыслу стратегов АрмКо, должна была держать меня лучше всяких цепей. Но с другой стороны, надзор вполне мог быть незримым и жестким. Так это или нет — следовало проверить экспериментально.

Солнце уже ушло в воды Гольфстрима. Золо-

тые перья облаков на глазах розовели и наливались алым. По мере угасания дня все больше светлело поляризованное стекло-«хамелеон» моей камеры. Если я и был пленником, то пленником обеспеченным. Часов в десять вечера вошел здоровенный мулат с подносом в руках — принес отменный ужин, включавший салат из ракушек, вареных береговых крабов, бананы, сочные плоды манго...

Наевшись от души, я лег и уговорил себя заснуть, не забыв поставить свои внутренние часы на пять утра. Ночь прошла без приключений — по крайней мере я ничего не слышал. А ровно в пять я был уже на ногах. Можно было, конечно же, запрограммировать комп, чтобы он сыграл роль будильника, но я привык полагаться на тренированного «сторожа» в собственном сознании.

Сделал интенсивную зарядку, бесшумно размялся, облился водой в тесном душе за пластиковой ширмой, оделся. Проверил карманы: деньги, документы на месте. Комп — главное — при мне. Судя по состоянию «секретки», ночью его никто не трогал. Я выщелкнул «монетку» и положил ее отдельно в потайной — на мертвой «липучке» — карман брюк. Так, ну что же, вперед.

Выглянул в коридор. Пусто. Прошел в холл, где

вчера встретился со старым знакомым Олавом и двумя выходцами с того света — Мертой и Осгудом. Тоже пусто. Толкнул входную дверь. Хм. Не заперто. Осторожно-осторожно, стараясь издавать звуков не больше, чем тень Петера Шлемиля, я выскользнул на улицу. Ни души.

Утро было чудесное. Легкий свежий ветер дул с моря, солнце, омытое за ночь Гольфстримом и прочими водами океана, сияло, как тысячелепестковая дантовская роза. По обочинам улицы горели, не сгорая, ярко-красные костры царских делониксов — поразительных деревьев, придающих неповторимую красоту здешней флоре.

Крадучись, я обошел вокруг дома. Опять-таки никого. Краем глаза я уловил какое-то движение. Медленно повернул голову. На втором этаже кубического здания за просветленным зеркальным стеклом стоял Аллан и отчаянно жестикулировал, привлекая мое внимание. Уловив, что я смотрю на него, он стал бешено тыкать правой рукой в сторону моря, размахивая левой таким образом, словно бы изгонял бесов. Затем опустил руки и навалился на стекло. Огромная плоскость дрогнула, зеркальное изображение на ней поехало вниз.

Я все понял. Аллан догадался, как открыть

окно, и что-то высмотрел на берегу. Я медленно отошел в сторону от дома, но, как только продрался сквозь живую изгородь из цезальпинии красивейшей, со всех ног помчался к воде. Обернувшись на бегу, я увидел эффектную картинку, которая намертво отпечаталась у меня в памяти: черный провал в ряду зеркальных окон второго этажа — видимо рама проворачивалась на центральной горизонтальной оси — и вытянутый в струну Аллан со вскинутыми руками, застывший в воздухе в трех метрах от земли.

Так. Пляж. Волнение нулевое. Начинается прилив. Пустынно. Две фигуры у кромки воды. Что имел в виду Аллан? Ага, в сорока метрах от меня на песке лежит «содьяк» — маневренная надувная лодка с мощным мотором. Между «содьяком» и водой — еще метров двадцать. Две фигуры — парень и девушка, купающиеся голышом в утренней прохладной воде,— видимо, хозяева лодки. Молодые крепкие тела. Брызги. Адам и Ева. Красиво. Только мне сейчас не до любования изящным. Я что было силы тащу «содьяк» к пенной кромке, толкаю его в полосу прибоя, волоку, расплескивая воду, несколько метров — «очень мелко, не обломать бы винт!» — впрыгиваю и запускаю мотор.

Реакция у парочки отменная. Нисколько не робея, словно еще не отведав плода с древа познания добра и зла, они бросаются к «содьяку», крича разное: Адам— «’Л килл ю!» («Убью тебя!»), Ева — то ли «Робби» (имя), то ли «роббри» (грабеж).

Да, все правильно: мои действия можно квалифицировать только как грабеж. Но иного выхода у нас нет. Я могу уйти сразу же, однако Аллан — он уже миновал живую изгородь — еще в полусотне шагов. Кто быстрее?

Адам и Ева сталкиваются с Алланом на самой кромке воды. Библейский канон нарушен: сцена явно не из райской жизни Девушка вцепляется Аллану в волосы, а парень бьет под дых. К счастью для Аллана, промахивается. Впрочем, теперь я понимаю, что Аллан просто не пропустил удар. Сейчас, когда я знаю, кто такой Бетел я осознаю, каких трудов стоило ему не проявить боевое искусство. Выдержка взяла верх, иначе прокол был бы очевидный: по сценарию начальников Аллана, студент пацифист и профессиональная рукопашная - понятия не совместимые.

Аллан просто отшвырнул парня, дернулся что было мочи — в руках у девушки наверняка остался клок волос,-— крутанулся на месте, хлестко и очень неджентльменски шлепнул Еву по мягко-

му месту, нанес встающему из воды Адаму удар раскрытой ладонью — внешне неумелый, но, как я позже понял, достаточно ослепляющий — и в два прыжка догнал «содьяк».

Мотор взревел — мы ринулись прочь от берега. Я сразу же заметил, что пальцы обеих рук Аллана в свежей и засохшей крови, ногти сорваны.

— Что это? — кивнул я на его руки.

— Пустяки,— Аллан остервенело мотнул головой и сплюнул за борт.— Всю ночь отколупывал шурупы. Раму прикрутили намертво, с-с-собаки...

— Эк ты ее,— поддел я Аллана, намекая жестом на его неделикатное обхождение с юной девой.

— Сука! — рявкнул Бетел, поглаживая рукой правую сторону черепа.— Половину волос вырвала, раздолба...

Кроме криков Адама и Евы на пляже, других звуков до нас не доносилось. Берег с пламенеющими делониксами медленно отступал вдаль...

Впереди — в сотне метров — по воде шла белая полоса. Рифы! Я — никудышный мореход. Аллан, судя по всему, тоже. Острые кинжалы кораллов наверняка исполосовали бы нашу лодчонку, если бы не начавшийся прилив. Уровень воды поднялся настолько, что легкий «содьяк» смог проскочить над рифом — считанные сантиметры

разделили наше днище и кромку мощного известнякового барьера, выстроенного невзрачными полипами Впрочем, может быть, все дело было не в приливе, а в чикчарни, который решил сменить гнев на милость и перейти на нашу сторону.

В «содьяке» лежал какой-то сверток из плотной ткани. Я развернул его. По синтетическому днищу лодчонки рассыпались сотни полиэтиленовых пакетиков с белым кристаллическим порошком. Вот оно что! Наркотики. Библейская ситуация оказалась вывернутой наизнанку. Адам и Ева в роли змеев-искусителей — можно ли придумать более извращенный сюжет?

Парень с девушкой были контрабандистами - представителями профессии, весьма популярной на Багамских островах. Видимо, они приплыли на Андрос на заре и решили использовать ранние часы в свое удовольствие.

Поразительно, по традиции «бахамара» чрезвычайно сильны на Багамах в самом конце XX века. «Бахамар» — так когда-то называли акваторию Багамского архипелага испанцы. В переводе это слово означает «мелкое море», но мели здесь в общем то ни причем: с «бахамаром» всегда связывались представления о пиратстве и контрабанде Площадь акватории — сто тысяч квадратных

миль. Нынешние справочники утверждают, что в архипелаге насчитывается 700 больших и малых островов. Однако в докладе 1864 года приводились такие цифры: двадцать девять островов. 661 ки и 2387 «скал». Понятно, что здесь было где укрыться «джентльменам удачи» и прочим морским ребятам. Навигация в Багамском архипелаге всегда считалась особо опасным делом, и местные мореходы пользовались заслуженной славой: они умели ориентироваться по разноцветным рифам и мелям примерно так же, как европейские моряки ориентируются по картам и лоциям.

В наше время плавать в этих водах разрешается только в дневное время. Разумеется, на контрабандистов сие правило производит чисто комедийное впечатление. Они пользуются тем, что Багамы — как государство — располагают невероятно протяженной береговой линией, наладить четкую охрану которой практически невозможно. Не удивительно, что торговцы наркотиками чувствуют себя здесь еще более вольготно, чем когда-то пираты в «бахамаре».

Увидев наркотики, Аллан страшно оживился.

— Это героин! — зашептал он, хотя вокруг на километры простиралось чистое море.— Нам

страшно повезло. Поплыли на Большой Абако. Я знаю, кому это можно сбыть без всякого риска. Мы разбогатеем в два счета

Я послушал-послушал его, потом завернул пакетики в ткань и засунул себе под куртку.

— Распоряжаться этим добром буду я,— заявил я Аллану таким тоном, что он почел за лучшее не спорить.

Когда мы высадились спустя несколько часов близ Николс-Тауна, первое, что я сделал,— это вылил на сверток оставшееся горючее из бензобака и поджег зажигалкой, конфискованной у сникшего Аллана.

— Потрясающий акт гуманизма, - попытался он съязвить. - Советский эксперт уничтожает отраву, которая могла бы стоить жизни тысячам невинных душ.

— Козел! - отвесил я ему первое пришедшее в голову ругательство. - Позволить себе засыпаться на наркотиках в чужой стране может только наследственный олигофрен...

— Все Хватит лирики! — Эдик отбросил покрывало и выключил комп. На долю секунды экран высветил его лицо — Эдик был весь в поту. Еще бы — просидеть два часа под душным чехлом.— Кажется, нашел. Ты идти можешь?

— Могу. Но зачем? Куда? И что ты нашел, Бога Ради?!

— Потом, потом,— заторопился Эдик.— Кажется, нас засекли. Хватай свою амуницию и выскакивай.

— Ты разве выходил в эфир?

— Выходил. Быстрее же!! Твой личный комп — с дисплеем или с индикатором?

— С дисплеем.

— Очень хорошо. Черт! «Монетка»! Чуть не забыл. Хорош бы я был... Бежим. Если отскочим метров на двести — спасены.

Только выйдя из машины, я понял, что меня контузило весьма крепко. Ноги ватные, земля плывет, перед глазами роятся светящиеся точки. И все же я побежал. Эдик тянул меня за собой, и, подставив бок, семенил рядом, и пытался даже нести...

Мы успели. Перед нами встали характерные заросли дикой агавы, и мы, рискуя остаться без глаз, напарываясь на колючие листья, искровянив себе руки и ноги, залегли в самом центре этой гущины.

Тут же — словно ожидая, когда мы наконец затихнем,— в небе гигантским бенгальским огнем расцвела осветительная ракета. Лучи двух

прожекторов, протянувшиеся с территории Атлантического подводного центра, скрестились на сиротливом «Бронко», уткнувшемся в неприступную ограду из нескольких рядов колючей проволоки тут же сквозь «колючку» ударил луч боевого лазера. начала взметнулся фонтан белого, отороченного оранжевым, огня, а потом до нас долетели хлопок, и треск, и яростное шипение огня, и снова треск.

Мне в голову закралась совсем неуместная мысль.Что-то похожее, наверное, творилось на Багамах шесть лет назад, вообразил я, во время празднования 500-летия открытии Америки 12 октября — День Открытия — и так считается национальным багамским праздником, и и 1902 году это было, видимо нечто необыкновенное К острову Самана—Ки — месту, куда подошел, как сейчас принято считать, Колумб — приплыли пересекшие Атлантику «Санта Мария», «Пинья» и «Пинта» — копии, разумеется, но выполненные со всей тщательностью и в натуральную величину, и был фейерверк, и карнавал, и пляски, и смех, и корзины цветов на волнах, и плавучие костры, отражавшиеся в воде, и воздух звенел тысячами радостных голосов...

Сейчас тоже был фейерверк. Но без плясок. И

без цветов. «Форд» «Бронко II», арендованный мною утром у гаитийца в Нью-Тауне сроком на неделю, перестал существовать, не пробыв у меня и суток. Ловко...

Около пожара сразу же возникло много людей. Они что-то кричали, переругивались, бегали с оружием в руках. Осветительная ракета погасла, тогда прожекторы стали шарить по округе своими длинными белыми руками. Раза два луч мазнул по розеткам агавы, но нас никто не увидел.

Через час все стихло. Мы выбрались на дорогу, злобно ругаясь сквозь зубы и отряхивая одежду. Утром это место наверняка обнаружат — по капелькам крови, оставленным нами на колючих листьях.

— Куда теперь? — поинтересовался я у Эдика.

— Через двое суток утром Володя будет ждать нас в Конго-Тауне. Это километров семьдесят отсюда. Если доберемся — улетим. Путь будет трудный. Нам придется пересечь все три байта Андроса — Северный, Средний и Южный.

— Перегруженные битами, пойдем по байтам,— попытался скаламбурить я, хотя прекрасно знал, что байтами на Андросе называются широкие естественные протоки, прорезающие остров

насквозь

— Осилишь? — озабоченно спросил Эдик.— Будем идти скрытно. Питаться чем попало. Северный и Средний байты в самых узких местах — четырехкилометровой ширины

— Даст Бог, не утонем,— улыбнулся я. — А от голода на Багамах еще никто не умирал. Даже беглые рабы, чье положение было гораздо хуже нашего. Пошли потихоньку. И начинай рассказывать, пока нас еще не до конца поджарили лазером. Что тебе удалось обнаружить? С кем ты наладил связь? Каким образом нас засекли? И, в конце концов, кто записан на «видеомонетке» - я или не я?

— Ты,если начинать с конца, — ответил, помолчав, Эдик. — И одновременно не ты. Это комподелл.

VIII

Пока мы шли с Эдиком всю эту долгую ночь от островка Мастикового до мыса Фламинго, я многое узнал о ком-пиратстве и комподелах. Этот новый вид ремесла — искусства? зрелища? мошенничества? — стал возможен только с развитием компьютеров пятого поколения. Даже Эдик, человек, знающий все в области ин-

форматики, большей частью лишь слышал о композелах, ну, конечно, читал научно-фантастические произведения Джека Уодемса, певца «пикейперства», а видел компиратские штучки всего несколько раз в жизни.

Суть компиратства — это то же самое, что «пикейперство» или «мимэпика» — заключается в том, что компьютер программируется на моделирование видеоизображений. В мультипликации нечто похожее существует уже довольно давно. Упрощенно говоря (упрощение — это педагогический метод Эдика, он даже своим коллегам излагает идеи программирования, прибегая чуть ли не к детским рисункам, а уж во мне он видел попросту сосунка из яслей), если изобразить на дисплее первую фазу движения рисованного, скажем, человечка и последнюю фазу, то компьютер смоделирует все движение целиком — так, как это делают художники-мультипликаторы, только лучше и гораздо быстрее. Теперь вообразим, пояснял мне Эдик, что в качестве исходного объекта берется фотография человека или киноролик, заснятый на живом материале. В сущности, компьютеру совершенно все равно, что именно раскладывать на точечные элементы — рисованного Микки Мауса или реального

Сергея Щукина. Разница в возможностях тех или иных моделей машин и в мастерстве программиста. Компьютерный гений может оживить фотографию, заставить ее двигаться, улыбаться, плакать, умирать и вписать ее в любой кинематографический фон. Причем это будет неотличимо от киносъемки.

— Повторяю: компьютерный гений,— сказал Эдик с нажимом.— Я таких не знаю. Слышал о подобных опытах, но чтобы был достигнут столь высокий уровень искусства, как на твоей «видеомонетке»,— это впервые. Еще три часа назад я мог бы поклясться, что такое под силу только дьяволу.

«Или чикчарни», подумалось мне.

— А чем ты докажешь, что это комподел?— спросил я.— Предположим, завтра суд, на котором меня обвиняют в измене Родине. Как я могу подтвердить свою невиновность?

— Любой программист высокого класса — если пригласить его в качестве эксперта — согласится с моими выводами,— горделиво провозгласил Эдик.— Видишь ли, как я уже сказал, в идеале комподел неотличим от реальной киносъемки. Но — лишь в идеале. От ошибок даже господь Бог не застрахован. И хотя «монетка» божественно

хорошо записана, я нашел там две ошибки. Два крохотных сбоя. Два маленьких «жучка». Они все и решили. Дай-ка сюда свой комп. Вот смотри.

Мы остановились на обочине дороги. Эдик вставил «монетку» в комп, зажегся экранчик. Все тот же, заученный мною до последней детали кадр: показав пропуск охранникам шпионского центра на горе Черный Засов, я оборачиваюсь и смотрю прямо в камеру.

— В реальном масштабе времени ничего не увидишь,— принялся объяснять Эдик.— Я растянул время, увеличив масштаб вдвое. Опять ничего. Сделал темп еще в два раза медленнее. Нулевой эффект.

Я всмотрелся в экран. Мимика моего лица была настолько замедленной, что движение мышц даже не угадывалось,— живой кинокадр застыл, превратившись в статичную фотографию.

— Теперь внимание,— предупредил Эдик.— Сейчас — в реальном масштабе времени — на твоих губах должна появиться эдакая змеиная улыбка. Смотри-смотри. Как раз в этом месте я решил было прекратить замедление темпа и махнуть рукой: мол, беспросветная затея. И знаешь, словно бес какой толкнул меня под локоть...

— Чикчарни! — вырвалось у меня.

— Шикарно, согласен,— подтвердил Эдик, не поняв моей реплики.— Я увеличил временной масштаб еще в десять раз. И обалдел!

Признаться, я обалдел тоже. Вместо обещанной змеиной улыбки по моему лицу на экране пробежала гримаса скорби, потом ужаса, потом эйфорической радости, потом тупого самодовольства — и все это в считанные доли секунды. Наконец на губах застыла та самая улыбка — и все кончилось.

— Видишь? Видишь?— горячо зашептал Эдик. Тотгений компиратства словно примерял на тебя различные выражения лица. Наконец одно его устроило, а остальные он не стер. И разрыв не сомкнул. Забыл!!! Теперь понимаешь, в чем дело? Эта «монетка»— твое спасение, а не проклятие. Мы должны сохранить ее во что бы то ни стало. Погибать будем— а «монетку» сбережем.

— А второй «жучок» он где?— вспомнил я.

— Тихо!— оборвал меня Эдик.— Кажется, машина.

Точно, по шоссе, догоняя нас, двигался на большой скорости автомобиль. Что было сил мы рванули и сторону от дороги и шлепнулись в хищно чавкнувшую траву— там начиналось болото.

Машина, гоня перед собой белый конус света промчалась мимо. За ней - еще одна легковая. Потом грузовик.

— За нами? — шепнул мне Эдик.

— Понятия по имею,— ответил я.

Так получилось, что в эту ночь Эдик не ответил на мой вопрос. Торопясь обогнать рассвет и заблаговременно добраться до укромного места, мы прибавили ходу и дальше шли молча, сберегая дыхание. Небо уже синело, когда мы обходили стороной просыпающийся городок Пайз-Харбор. День провели в небольшой лиственной роще, держа под наблюдением окружающую местность. Спали по очереди. Ели что придется — недозрелые плоды манго, ракушки, цветочные стебли агав. Я даже попробовал большой коричневый боб тамаринда — и долго потом отплевывался. Он оказался удивительной гадостью — кислым и едким на вкус.

Здесь, в тени неизвестных мне широколиственных деревьев, Касабян и рассказал о своем втором открытии.

— Сейчас я тебе покажу еще одного «жучка», спрятавшегося в «монетке»,— объявил он, дождавшись, когда я очнусь после тяжелого сна на голой земле.— Это почище компиратства будет.

Смотри во все глаза.

Эдик включил комп и вывел на дисплей самое начало записи — спину удаляющегося мужчины. Мою спину.

— Снова замедляю темп. Масштаб времени один к ста двадцати восьми. Иначе, секунда реального времени длится у нас сейчас больше двух минут.

Экран мигнул. Изображение на мгновение исчезло, словно кто-то махнул перед съемочной камерой белой простыней, и опять появилась удаляющаяся спина.

— Ага! — торжествующе вскричал Эдик.— Сейчас верну и зафиксирую. Это след каких-то компьютерных манипуляций. Даже тень следа, от которой из-за минимального сбоя в программе не удалось избавиться. Может, проглядели. Но самое главное — то, что это не просто чистая страница, затесавшаяся в исписанном блокноте машинной памяти. Это — код.

Точно! На белом квадратике экрана синим цветом выделялись две группы цифр — по восемь знаков в каждой.

— Ты разобрался, какой это код? — сильно волнуясь, спросил я.

— Да, но не сразу. Минут десять ломал голову,

как с помощью этих цифр выйти на «онлайн». Догадался. Однако это еще не все. Оставшиеся знаки тоже образуют код.

— «Онлайн» чего? — внутренне собираясь, спросил я.

— Я так думаю, что Комитета вооружений,— небрежно дернул плечом Касабян, но я видел, что это показуха, его просто-таки распирало от гордости.

— Эдик, это же потрясающая удача! Нашей «монетке» теперь цены нет.

— Совершенно с тобой согласен. Более того, ей цены нет со всех точек зрения. С нашей — потому что она спасает тебя от шантажа. А с точки зрения наших противников, этот диск бесценен вдвойне, и они готовы заплатить за него нашими головами. Причем чем быстрее, тем лучше. Разумеется, для них.

Я ничего не понял.

— Объясни. Ты хочешь сказать, они очень расстроены тем, что мы теперь знаем код?

— Это все ерунда! — махнул рукой Эдик.— Код выхода в «онлайн» АрмКо наверняка уже сменили. Особенно после ночного фейерверка, который был устроен в нашу честь. Я предвидел смену кода еще ночью и поэтому решил ковать железо

сразу. Потому-то и вышел в эфир. Как только разобрался в смысле кода — сразу же взломал один из сейфов компьютерной памяти этого чертового Комитета вооружений. Не сомневаюсь, что нас засекли в ту же самую секунду. Так что нашим нынешним положением мы обязаны — ты уж извини! — мне.

— К черту извинения! Не тяни резину. Что было в «сейфе»?

— А вот что,— Эдик пробежал пальцами по клавишам компа.

На дисплее возникла карта. Очень странная карта мира, выполненная в совершенно идиотской проекции. Она имела форму сердечка и сильно мне что-то напоминала. Через секунду и вспомнил что. Карту мира, вычерненную турецким картографом Хаджи Ахмедом в середине XVI века, я видел ее в одном французском атласе XIX столетия. Центральная часть изображения, соответствовавшая Атлантическому региону, была густо испещрена значками.

— В чем смысл картинки? Минута на размышление.— Эдик живо напомнил мне телевизионную передачу «Что? Где? Когда?», пользовавшуюся популярностью лет двенадцать назад

— Объекты АрмКо?

— Молодец! — похвалил меня Касабян.— Когда следующий вопрос загонит тебя в туник, сможешь использовать дополнительное время.

— Теперь главное — добраться с этой картой до КОМРАЗа. Лучше всего живыми.

— Нам бы день простоять да ночь продержаться,— пропел Эдик.— Послезавтра утром Фалеев нас забирает из Конго-Сити. Или я — не я.

Лучше бы Эдик не говорил этих слов.

Ночью, перейдя вброд и вплавь Северный Байт и сделав десятикилометровый марш-бросок через Большой Лесной остров (это название — память о прошлом: лесов на Андросе ныне почти нет, они снесены ураганами в двадцатых годах, и растительность с тех пор так и не восстановилась), мы остановились передохнуть. Надо было накопить сил для следующего перехода, а утро неумолимо продвигалось.

Ах, Андрос, остров Андрос! Самый большой в Багамском архипелаге и самый — для нас — бестолковый. Здесь можно идти километры и не встретить ни кустика, ни деревца, так что человек, который вынужден скрываться, может двигаться относительно свободно только ночью, а днем обязан отлеживаться.

Чтобы не терять времени, мы решили послу-

шать радио, и я включил комп на прием. Чтобы не выдавать себя лишними звуками, перевел радиоканал на визуальное отображение информации. По экранчику побежали строчки последних новостей местного вещания.

«Как мы уже сообщали, прошлой ночью террористы пытались прорваться на территорию Атлантического центра испытаний подводного оружия ВМС США. Машина «форд» «Бронко П», использовавшаяся террористами, уничтожена лучевым оружием. Тела нападавших не найдены. Ведется дальнейший поиск. Всех, кто увидит на дорогах Андроса незнакомых белых, просим сообщить в Министерство национальной безопасности. Приметы террористов...»

— По-моему, нас обложили,— толкнул меня Эдик локтем в бок.

— Надеюсь, Фалеев не воспримет эту просьбу всерьез? — мрачно отшутился я.

«Час назад при заходе на посадку в Конго-Сити,— продолжали возникать строчки на дисплее,— разбился пассажирский самолет ДС-6 авиакомпании «Багамасэйр». Среди пассажиров на борту находились временный поверенный Швеции на Багамах Кнут Стробю и эксперт КОМРАЗа гражданин СССР Владимир Фалеев.

Ведется следствие...»

Не чуя под собою ног, я опустился на землю. Рядом повалился на траву Эдик. У нас не было ни слов, ни сил. Впереди, на противоположном берегу Среднего байта светились огоньки Мокси-Тауна, обещая обманчивый приют. Позади лежали сорок километров бессмысленных ночных переходов по низинам и мелководью Андроса. Слева подступала черная, невидимая в ночи и потому грозная, жуткая толща воды — Язык Океана, в которой вели свои бесшумные и страшные дела учебные подводные лодки. И где-то рядом, по-прежнему незримый, строил нам рожи и ухмылялся трехпалый бес чикчарни.

— Так где, говоришь,— сказал Эдик неестественно равнодушным голосом,— ты спрятал тот самый «содьяк»?

— В камнях близ Николс-Тауна,— ответил я, еще не понимая, к чему клонит Касабян.

— Значит, надо возвращаться туда.

— Ты с ума сошел?! — взвился я.— Это же снова пилить через весь Андрос! А кругом все ищут «неизвестных белых». Влипнем. Или просто сдохнем!

— Не сдохнем!!! — вдруг заорал в ответ Эдик.— Это Фалеева больше нет, а мы не сдохнем! А если

сдохнем — все равно попрем дальше. Поползем! Дохлыми, но доберемся до лодки! И уйдем на Кубу. А вот там можно будет сдохнуть во второй раз. Уже окончательно. Но — только там, и не раньше!

— Погоди, Эдик-джан,— я немного даже испугался, таким я Касабяна еще не видел.— Ну, хорошо, дойдем. Но ведь в баке лодки — ни грамма горючего. Я все слил, когда сжигал героин.

— Идиот! — буркнул Эдик. — Герой вечерних новостей. Щукин против наркомафии.

— Согласен. — кивнул я. — Идиот. Герой. Все вместе. Только горючего все равно нет. А если бы оно и было — до Кубы не хватит. Ты представляешь себе, что такое полтораста миль - а то и все двести — в надувной лодке?

— Придется у кого-то позаимствовать, — Эдик, кажется, меня не слушал. — Судя по твоим рассказам, ты у нас теперь большой спец по уводам и угонам. Да в конце концов досками грести будем. Руками!!! Иного пути у нас все равно нет.

— Ладно, пошли,— обреченно махнул я рукой,— Если вернемся — первым делом организую всемирное общество ненавистников пешего туризма. Господи, как же мне надоели эти маршброски!

— Тихо! — вдруг сипло прошептал Эдик.— Слышишь?

Я затаил дыхание. До моих ушей донесся какой-то всплеск. Потом еще один. Неужели кто-то плывет по Среднему байту? За нами?

Внезапно в ночной тишине взвыл мотор — я даже пошатнулся. Эдик почему-то полез за пазуху. Что такое — плохо с сердцем?

Следом произошли сразу три события. Из темноты, поднимая бурун белой пены, слегка фосфоресцирующей во мраке, прямо к нашему участку берега вынеслась моторка. Сноп света ударил нам в лица — это люди в лодке включили мощный фонарь.— Щукин?! — полувопросительно воскликнул мужской голос.

Мама моя! Это же Олав. Его баритон я не спутаю ни за что на свете. Настигли!

— Щукин,— повторяет уже другой голос, женский. Ого, и Мерта здесь. Интересно, их только двое или рядом есть еще кто-то?

В третий раз:

— Щукин! - И дальше окрик: — Бросай оружие!

Они что — всерьез? Неужели эта парочка думает, что вот так, вдвоем, без поддержки, они могут повязать нас с Эдиком? Бред. Наив. Непрофессионально. Какая-то здесь зарыта собака. Я

мучительно соображаю — какая?

Касабян выхватывает руку из-за пазухи, размахивается, швыряет что-то пол направлению к лодке и тут же резко бьет меня ногой под коленки. Я валюсь на землю.

Падая рядом, Эдик шепчет:

— Прижмись. Это итальянская. О де-восемьдесят два.

Ай да Касабян! Вот это «сердечник»! Он, оказывается, носит за пазухой итальянские ручные гранаты.

Луч фонаря резко дергается вверх, в его свете видно, как чья-то рука перехватывает гранату и отбрасывает ее далеко в сторону. Потом рука широко идет вниз и снова очень быстро оказывается в луче света.

— Мерта! — раздается истошный вопль Олава. Я слышу всплеск, словно кто-то упал в воду, и сразу же — глухой разрыв. До меня доходит: отбросив гранату, Мерта не удержала равновесия и рухнула с лодки. Но почему она не швырнула гранату в нас? Почему — если уж такая ловкая — не вернула Эдику его смертоносный подарок? Загадка. И что с Мертой теперь стало? Не хотел бы я испытать гидродинамический удар.

Эдик, вскочив, несется к воде. Я — следом.

Здесь неглубоко — всего лишь по пояс. Лодка, в которой лежит невыключенный фонарь, покачивается метрах в десяти. Это плоскодонка из стекловолокна, оснащенная водометным двигателем,— идеальное средство для передвижения по байтам и протокам Андроса. В контрабандистском «бахамаре» она тоже незаменима: немагнитна, не дает засечек на экране локатора.

Заглядываем в плоскодонку. Я уже отказываюсь что-либо понимать. Видимо, Эдик — тоже. На дне, в луже воды, лицом вниз лежит Олав. По рубашке на спине расплывается большое красное пятно. И как это его угораздило? Тела Мерты нигде не видно. Все это очень странно...

Мы с Эдиком вытаскиваем Олава на берег — по-моему, он жив. И тут метрах в полутораста от нас зажигаются фары автомашины.

— Полундра! В лодку! — давится криком Эдик.

Откуда берутся силы — я не знаю. Я делаю прыжок, падаю, встаю, еще шаг, снова падаю, уже в воду, подтягиваю к себе лодку, наваливаюсь всем телом, рядом тяжело дышит Эдик... Мотор заводится сразу — кто из нас нащупал кнопку стартера, мы не понимаем и не поймем уже никогда.

Плоскодонка мчится по мелководному байту

к выходу в открытое море. Повернув голову, я вижу, как неизвестная машина затормаживает у того места, где минуту назад находились мы...

Рассвет мы встречаем далеко в море. Мотор давно молчит — мы заглушили его, чтобы дать себе передышку. Мне приходит в голову, что за последний час мыс Эдиком не перемолвились и двумя словами.

— Послушай, откуда у тебя взялась граната? — наконец спрашиваю я.

Эдик кривит рот в слабой улыбке, но не отвечает.

— Как ты думаешь, что стало с Мертой?

Опять молчание.

Я завожу мотор и беру курс строго на юг. Будем идти, пока есть горючее. А там посмотрим. Если повезет... Если чикчарни позволит — наткнемся на какое-нибудь судно. Лучше всего, если это будет катер береговой охраны Кубы.

— Ты знаешь,— говорю я Эдику,— а ведь Олава не могло ранить гранатой. Взрыв был подводный, так что разлет осколков практически исключен.

— А его ранило вовсе не осколком,— Эдик впервые подает голос.— Эх ты, ноль-ноль-семь... Я думал, это понятно с первого взгляда.

— Да ты что? Чем же его продырявило? — мне

трудно верить своим ушам.

— Пулей, — резко бросает Эдик.— В спине Олава было пулевое отверстие.

Мое горло мгновенно пересыхает. Левая рука начинает сильно дрожать — почему-то одна только левая рука...

Сориентировавшись по выглянувшему из-за горизонта солнцу, я поворачиваю лодку так, чтобы утренние лучи грели затылок слева. Навигатор из меня никудышный, но держать неизменный курс — покуда небо ясное — я, видимо, смогу. Насколько я себе представляю, там, в юго-западном направлении, земля ближе всего...